

Стивен
ПРЕССФИЛД

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

АЛЕКСАНДР
ВЕЛИКИЙ
ДОРОГА СЛАВЫ

STEVEN PRESSFIELD

THE VIRTUES
OF WAR

A NOVEL
OF ALEXANDER THE GREAT

Doubleday

2004

СТИВЕН ПРЕССФИЛД

АЛЕКСАНДР
ВЕЛИКИЙ
ДОРОГА СЛАВЫ

Москва

ЭКСМО

Санкт-Петербург

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ДОМИНО

2006

УДК 82(1-87)-94
ББК 84(7США)
П73

Copyright © by Steven Pressfield, 2004

This translation is published by arrangement with
the Doubleday Broadway Publishing Groupe,
a division of Random House, Inc

Перевод с итальянского *В. Волковского*
Составитель серии *А. Жикаренцев*
Карты выполнены *Ю. Каташинской*

Прессфилд С.

П73 Александр Великий: Дорога славы. — М.: Изд-во Эксмо;
СПб.: ИД Домино, 2006. — 480 с.

ISBN 5-699-14615-6

ISBN 5-699-14643-1

Он властвовал над народами, которые не только не понимали языка, на котором говорил он, но, будучи объединены, не понимали языков друг друга. Страх, внушаемый им, был столь силен и распространялся на столь необъятных просторах, что никто не дерзал противиться его всеподавляющей воле, и одно его имя повергало в ужас. При этом он умел внушить столь сильное желание угодить себе, что все подданные подчинялись с готовностью и были рады следовать его повелениям.

УДК 82(1-87)-94
ББК 84(7США)

© Перевод. В. Э. Волковский, 2005
© ООО «Издательство «Эксмо»
2006
© ООО «ИД «Домино», 2006
© Оформление. ООО «ИД «Домино»,
2006

ISBN 5-699-14615-6(ИР)
ISBN 5-699-14643-1(ИРН)

Действующие лица

Александр, сын Филиппа — царь Македонии, покоритель Персидского царства

Филипп Македонский — отец Александра, выдающийся полководец

Олимпиада — жена Филиппа, мать Александра

Кир Великий — великий полководец и государственный деятель, основатель Персидской империи около 547 г. до Р. Х.

Дарий Третий — царь царей Персии, побежденный Александром

Эпаминонд — выдающийся фиванский полководец, впервые применивший «косое построение»

Парменион — виднейший из военачальников Филиппа и Александра

Антипатр — высокопоставленный македонский полководец, наместник Македонии во время похода Александра в Азию

Антигон Одноглазый — крупный македонский военачальник

Аристотель — великий философ, наставник Александра

Гефестион — полководец и ближайший друг Александра

- Теламон* — наемник из Аркадии, друг и наставник Александра
- Кратер* — полководец Александра
- Пердикка* — полководец Александра
- Птолемей* — полководец Александра, основатель династии царей Египта
- Селевк* — полководец Александра, основатель династии царей Сирии
- Коэн* — полководец Александра
- Эвмен* — личный секретарь, советник и дипломат Александра
- Леоннат* — друг и телохранитель Александра
- Филот* — сын Пармениона, командир кавалерии «друзей» царя
- Никанор* — сын Пармениона, командир царских телохранителей
- Клит Черный* — командир личного конного царского отряда «друзей»; убит Александром в Мараканде
- Роксана* — бактрианка, ставшая женой Александра
- Итан* — брат Роксаны, ставший придворным Александра, а впоследствии служивший в «друзьях»
- Оксиарт* — бактрийский военачальник, отец Роксаны
- Мемнон Родосский* — полководец, командир греческих наемников, служивших Дарию
- Барсина* — любовница Александра, дочь Артабаза, вдова Мемнона
- Артабаз* — персидский вельможа, отец Барсины, назначен Александром сатрапом Бактрии
- Бесс* — вельможа и полководец Дария, сатрап Бактрии; при Гавгамелах командовал левым флангом персидской армии; убил Дария, претендовал на его трон
- Мазеус* — сатрап Месопотамии, командир правого крыла персидской армии при Гавгамелах; впоследствии, при Александре, сатрап Вавилонии

Спитамен — предводитель восстания в Бактрии и Согдиане

Буцефал — конь Александра

Пор — индийский правитель, царь Пенджаба; разбит Александром на реке Гидасп

Тигран — командующий персидской конницей, ставший впоследствии другом Александра

К читателю

То, что я предлагаю вашему вниманию, представляет собой не историческое исследование, а художественное произведение. Это, по моему разумению, дает мне право вводить в повествование, наряду с историческими личностями, вымышленных персонажей. Да и слова, вложенные мною в уста реально существовавших героев, зачастую плод авторского воображения.

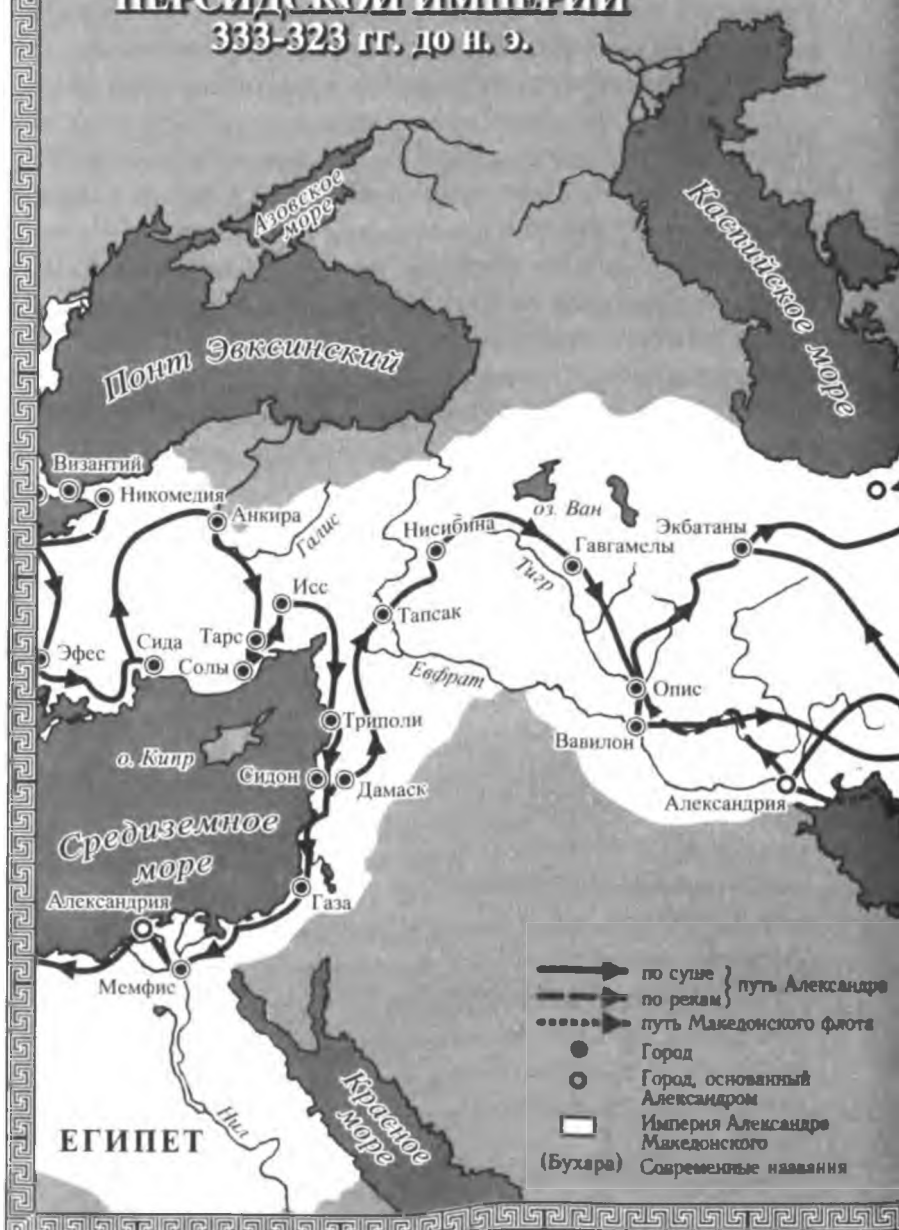
Хотя ничто в этой книге, насколько я понимаю, не вступает в противоречие с духом эпохи Александра, я позволил себе, стремясь к наилучшему раскрытию темы и исходя из интересов повествования, кое-где (где это показалось мне несущественным) немного отступить от непреложных исторических фактов. Так, речь, произнесенную, согласно Арриану, Александром в Описе, я превратил в его панегирик Филиппу. У меня Парменион присутствует в Экбатанах, тогда как, согласно Курцию, он в то время оставался в Персеполе. Обращение к войскам, по моей версии имевшее место при Гидаспе, в действительности имело место у Гифаса, а войсковая петиция в изложении Коэна, согласно Арриану, была подана раньше,

чем это происходит у меня. Для искушенного читателя повторю, что все эти неточности проистекают не из неведения и уж тем более не коренятся в простой небрежности, а допущены сознательно, в интересах художественной правды.

Кроме того, допускаю некоторую вольность в обращении с топонимами, используя такие не существовавшие в тот век понятия, как Афганистан или Дунай, а также с мерами, разумеется не использовавшимися во времена Александра ни греками, ни македонцами, ни народами Востока. Проблема заключается в том, что для некоторых привычных нам понятий (таких, например, как «партизанская война») трудно подыскать иной термин, который являлся бы точным и в то же время не впадал в диссонанс с общим колоритом эллинистической эпохи. Так или иначе, автор надеется, что отступления от исторической правды искупаются приближением к правде духа, и в этом смысле его труд не будет отвергнут даже суровыми пуристами.

ЗАВОЕВАНИЕ АЛЕКСАНДРОМ ПЕРСИДСКОЙ ИМПЕРИИ 333-323 гг. до н. э.

- по суше } путь Александра
- - -→ по рекам } путь Александра
-→ путь Македонского флота
- Город
- Город, основанный Александром
- Империя Александра Македонского
- (Бухара) Современные названия

ЗАВОЕВАНИЯ АЛЕКСАНДРА НА ВОСТОКЕ 334-333 гг. до н. э.

Он властвовал над народами, которые не только не понимали языка, на котором говорил он, но, будучи объединены, не понимали языков друг друга. Страх, внушаемый им, был столь силен и распространялся на столь необъятных просторах, что никто не дерзал противиться его всеподавляющей воле, и одно его имя повергало в ужас. При этом он умел внушить столь сильное желание угодить себе, что все его подданные подчинялись с готовностью и были рады следовать его повелениям.

Ксенофонт. Воспитание Кира

Книга первая
ЖАЖДА БИТВЫ

Я всегда был воином. Другой жизни я не знал. С самого детства меня тянуло только к оружию. Иных стремлений у меня не было.

Я делил ложе с возлюбленными, производил потомство, участвовал в состязаниях и буйствовал, напившись допьяна. Я низвергал империи, впрягал в ярмо континенты, был увенчан славой и назван бессмертным среди богов и людей. Но всегда оставался воином.

В детстве я убегал от наставников, предпочитая их поучениям дух казармы. Приятнее всех благовоний были для меня аромат кожи и пота, запахи строевого плаца и конюшни, а скрежет железа о точильный камень ублажал мой слух слаще лучшей музыки. И так было всегда. Иного я просто не помню.

Зная, какова была моя жизнь, можно предположить, что я почерпнул свои умения и познания из опыта, совершенствуя их в походах. Однако следует со всей прямоотой заявить: все, что я знаю сейчас, было мне известно еще лет в тринадцать. Да что там в тринадцать — в десять! Повзрослев, став военачальником и

проведя множество кампаний, я так и не столкнулся ни с чем таким, о чем не размышлял еще ребенком. Мальчишкой я инстинктивно примерял характер местности, которую видел, к возможности совершать марш при той или иной погоде. Глядя на складки рельефа, на русла рек и ручьев, я мысленно прикидывал, с какой скоростью можно было бы провести здесь войска той или иной численности и состава. Мне не приходилось учиться маневрировать и выстраивать войска для боя: эти умения были во мне от природы. Мой отец являлся величайшим полководцем своего времени, но уже в десять лет я заявил, что непременно превзойду его. Что и сделал к двадцати пяти годам.

Юношей я смертельно завидовал отцу и опасался, что он стяжает себе столь великую славу, что на мою долю уже ничего не останется. Если я и боялся чего, то лишь какой-нибудь нелепой случайности, которая помешала бы мне исполнить свое предназначение.

Войско, которое мне выпало возглавить, стало непобедимым, сильнейшим и в Европе, и в Азии. Оно объединило государства материковой Греции и острова Эгейского моря, освободило от персидского ига эллинские колонии Ионию и Эолию, покорило Армению, Каппадокию, Малую и Великую Фригии, Пафлагонию, Карию, Лидию, Писидию, Ликию, Памфилию, Равнинную и Месопотамскую Сирию и Киликию. Великие крепости Финикии — Библос, Сидон, Тир и филистимлянский город Газа — пали перед его натиском. Им были завоеваны богатейшие из персидских владений: Египет, Ближняя Аравия, Месопотамия, Вавилония, Мидия, Сузиана. После захвата самой Персии, сердца величайшей державы, это войско повергло к моим ногам ее восточные провинции — Гирканию, Арейю, Парфию, Бактрию, Тапурию, Дрангиану, Аракозию и Согдиану, перевалило через Гиндукуш и вторглось в Индию. На протяжении всего этого боевого пути оно не потерпело ни одного поражения.

Неодолимой эту армию делала не ее численность, ибо в каждом сражении она уступала противнику и в коннице, и в пехоте, не блистательное командование, хотя в этом отношении все обстояло совсем неплохо, и не прекрасно организованное снабжение, без которого самое лучшее войско не сможет даже существовать, не говоря уж о том, чтобы побеждать. Нет, скорее, наша армия добивалась успехов благодаря воинским качествам ее отдельно взятых солдат, а в первую очередь тому их свойству, которое полнее всего выражено эллинским словом «*dynamis*». В данном случае самым точным его переводом будет «жажда битвы». Ни один полководец, не только моего, но и куда более зрелого возраста, не сподобился такого благоволения фортуны, как я, и не имел счастья командовать столь воодушевленными, преданными, отважными и дисциплинированными войсками.

Однако случилось то, чего я больше всего опасался. Наступательный порыв моих людей иссяк, собственные завоевания утомили их, и они, остановившись на берегу той реки в Индии, вдруг поняли, что не хотят ее форсировать. Их пыл угас. Им казалось, что они и так зашли слишком далеко. Послышались голоса, требующие возвращения домой.

В первый раз с того момента, как я возглавил армию, мне пришлось вычленил из ее состава особые формирования «*atactoi*», или «недовольных». Самое неприятное заключалось в том, что в их числе оказались не трусы и изменники, не закоренелые нарушители дисциплины, а закаленные в боях и походах, удостоившиеся множества наград ветераны, многие из которых сражались еще под началом моего отца и его военачальника, великого стратега Пармениона. Эти, казалось бы, проверенные люди стали вести себя столь вызывающе, что я, дабы они не перешли от дерзких слов к действиям, вынужден был сформировать из них особый отряд и поместить под бдительный присмотр верных мне под-

разделений. Только сегодня за неисполнение приказа мне пришлось казнить пятерых командиров, причем не варваров из вспомогательных сил, а македонцев, моих соотечественников, выходцев из знакомых и ценимых мною семей. Между тем подобные методы претят мне, не только в силу своей дикой жестокости, но и потому, что свидетельствуют о возникновении серьезной проблемы. Не значит ли это, что отныне я должен буду добиваться повиновения, полагаясь исключительно на запугивание и принуждение? Неужто мой гений пал так низко?

В шестнадцать лет, когда мне впервые довелось возглавить конный отряд, переполнявшие меня чувства оказались столь сильны, что я не смог сдержать рыданий. Мой помощник встревожился и спросил, что меня так огорчило, но зато многие простые бойцы все прекрасно поняли. Меня несказанно тронул их вид, их суровые, выдубленные ветрами и солнцем лица, их мужественное молчание. Увидев и поняв мое состояние, воины ответили мне преданностью, ибо знали, что сердце мое разрывается от любви к ним. Возможно, найдутся военачальники, равные мне в стратегии, в тактике, даже в доблести, но никто и никогда не превзойдет меня в любви к своим товарищам по оружию. Более того, мне по-своему дороги даже те, кто провозглашает себя моими врагами. Я презираю низость, коварство и измену, но честного, мужественного противника всегда готов прижать к груди, словно брата.

Люди, не понимающие сути войны, представляют ее себе как спор между армиями, между своими и чужими. Спор, в котором чужой всегда враг. На самом же деле война представляет собой поединок каждого из соперников с невидимым врагом, имя которому Страх, и именно победа над ним является для каждой из воюющих сторон истинной, желанной победой.

То, что движет воином, есть «cardia» («зов сердца») и «dynamis» («жажда битвы»). Все остальное — оружие, так-

тика, философия, патриотизм, даже благоговение перед богами — на войне не так уж важно. Лишь любовь к славе воодушевляет смертного, возвышая его над себе подобными и делая истинным воином, свирепым, как волк, и могучим, как лев. Без нее мы ничто!

Посмотри туда, Итан. Где-то за той рекой находится Край Света, берег Великого Океана. Наверное, он далеко. Где-то за Гангом, за Хребтом Вечных Снегов. Но я чувствую его, ощущаю его зов. Мне предначертано дойти туда и водрузить львиный стяг Македонии там, куда доселе не ступала нога ни одного царя или полководца. До тех пор, пока сие не свершится, не будет покоя моему сердцу, а значит, и мои воины не вернутся к своим очагам.

Вот почему я призвал тебя сюда, мой юный друг. Днем, когда ко мне обращены взоры всех бойцов, я остаюсь неколебимым и властным, и никому не ведомо, как терзает меня ночами то, что происходит с армией.

Я должен снять с себя бремя. Я должен снова привести в порядок свои мысли. Я должен найти правильный ответ на непростой вопрос: как быть с отчуждением войска от своего военачальника. Мне нужен кто-нибудь, с кем можно поговорить, человек, который не связан с армией, не принадлежит к числу командиров. Тот, кто сможет выслушать меня без предубеждения и будет держать рот на замке. Ты младший брат моей возлюбленной Роксаны, а стало быть, находишься под моим личным покровительством. Среди командиров и бойцов у тебя нет близких друзей, ты ближе ко мне, чем к ним, и не станешь никому пересказывать то, что услышишь от меня. Это одна из причин, побудивших меня доверить тебе свою исповедь. Другая же заключается в том, что в тебе (а я присматривался к тебе с того времени, когда ты в Афганистане присоединился к моему двору) чувствуется тот природный дар воина и командира, который не заменишь ни опытом, ни учением. Тебе уже восемнадцать, и скоро ты получишь командную должность. Как толь-

ко мы переправимся через эту реку, ты поведешь воинов в свой первый бой. Моя задача в том, чтобы наставить тебя: пусть в своей стране ты царевич, но здесь лишь ученик в школе войны, и школа эта — мой шатер.

Но мне следует спросить, согласен ли ты остаться и выслушать мой рассказ. Я не считаю себя вправе вынуждать тебя к этому, ибо то, что мне предстоит тебе раскрыть и доверить, может со временем составить для тебя угрозу. Не сейчас, не при моей жизни, но люди смертны, а те, кто придет мне на смену, наверняка захотят использовать твои знания в своих целях и интересах.

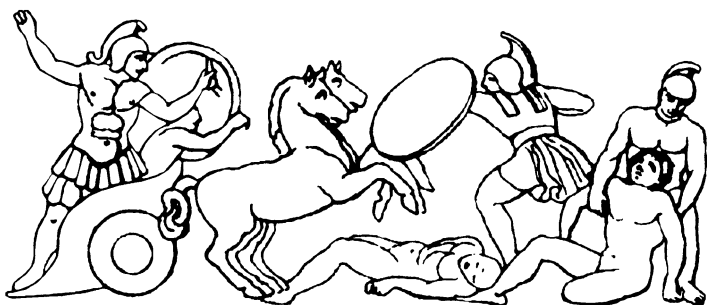
Итак, готов ли ты послужить своему царю и родичу? Если да, то ты примешь на себя обязательство являться сюда каждый вечер, в этот же или близкий к нему час, когда я буду свободен от своих трудов. Говорить тебе почти не придется, только слушать, ну и, возможно, исполнять некоторые мои доверительные поручения. Если нет, то я отпущу тебя, не затаив никаких недобрых чувств.

Говоришь, ты польщен оказанным доверием и считаешь его высокой честью?

Что ж, мой юный друг.

Тогда садись. Начнем...

МОЯ РОДИНА

Моя родина — это страна гор и каменистых равнин. Двадцати одного года от роду я покинул ее и больше никогда не вернусь назад.

Землевладельцы равнин Македонии считают себя эллинами и потомками Геракла. Жители гор подразделяются на феонийцев и иллирийцев. Горцы служат по преимуществу в пехоте, отпрыски знатных семей с равнин — в коннице.

Вся страна изрыта глубокими ущельями, представляющими собой естественные границы округов или княжеств, которые, в свою очередь, делятся на владения кланов и родов. В каждой долине может проживать до дюжины кланов, и между большинством из них ведутся нескончаемые распри.

«Phratreri», или «кровная вражда», — вот исконный обычай моей страны. Наша традиция запрещает человеку жениться внутри своего клана, так что юноше волей-неволей приходится искать невесту у соседей. Если отец девушки не дает согласия на брак, жених похищает

ее. Родители и родственники похищенной устраивают набег с целью ее возвращения... и так до бесконечности. Обычная любовная история может положить начало кровавой усобице, продолжающейся из поколения в поколение и уносящей множество жизней. Правда, все это дает пищу для создания песен и сказаний. Пройдя полмира, я внимал певцам и сказителям разных народов, но скажу с уверенностью: нигде мне не доводилось слышать мелодий и слов, которые трогали бы за душу сильнее, чем песни моих родных гор. Разрывающие сердца песни, что повествуют о любви и смерти, о кровавой вражде и суровом мщении, о славных подвигах и доблестной смерти.

Каждый горец любит свой клан всепоглощающей, не поддающейся рациональному объяснению любовью. Среди моих командиров есть обладатели богатств, не уступающих сокровищам индийских царьков, однако каждый из них мечтает лишь о том дне, когда сможет вернуться к родному клану и, собрав сородичей у костра, тешить их рассказами о своих походах и подвигах.

Взгляни хотя бы вон туда, на тех трех воинов рядом с составленным в пирамиду оружием. Эта троица из одного клана: двое из них родные братья, третий — их дядя. А вот те четверо, что расположились неподалеку, принадлежат к клану их кровников. Будь мы сейчас дома, эти парни не сомкнули бы глаз, думая лишь о том, как раскрыть друг другу черепа. Однако здесь, в этой чужой, далекой стране, они лучшие товарищи.

Эллин на юге воспитывается в полисе, городе-государстве с рыночной площадью, народным собранием и защищающими от врагов каменными стенами. Он хороший оратор, но воин из него неважный. Обитатель скифских степей живет на спине своего коня, кочуя со своими табунами по сезонным пастбищам. Это великолепный наездник, но силы и стойкости у него маловато.

Другое дело — выходец из горного клана. Он тверд, как каменная почва его родины, а уж хитер и живуч, словно змея. Если ты вонзишь ему в живот железную пику, он сам всадит ее поглубже, чтобы добраться до тебя, вырвать твоё сердце и сожрать у тебя на глазах. Горец горделив и вспыльчив, ему ничего не стоит зарезать человека из-за сущего пустяка, однако он умеет повиноваться. Это умение внушил ему отец с помощью ремня из бычьей кожи.

Из людей такой породы и получаются самые лучшие солдаты. Мой отец прекрасно это понимал.

Как-то раз, когда, находясь в горах, я отпустил какую-то, казавшуюся мне весьма остроумной, шуточку относительно местных глиноедов, он мигом поставил меня на место.

— Похоже, мой сын из кожи вон лезет, чтобы походить на гомеровского Ахилла, — сказал он находившимся рядом с ним Пармениону и Теламону (оба они, до того как стали служить мне, служили ему). — Наверное, он решил, что раз уж пусть не по моей, а по материнской линии происходит от этого героя, то ему следует собрать собственный отряд мирмидонцев, непобедимых «людей-муравьев», которые будут счастливы последовать за «лучшим из ахейцев» в Трою.

Рассмеявшись, Филипп добродушно хлопнул меня по бедру и добавил:

— Пусть бы и так, сын, но кем, по-твоему, были эти отважные воины Ахилла, как не такими же неотесанными невеждами? Нет лучших бойцов, чем выходцы из захолустной Фессалии, грубые, неграмотные, вымоченные в вине и затвердевшие, как копыта кентавра.

Женщины гор почти столь же суровы, как мужчины, что, впрочем, ничуть не помешало отцу добиться благосклонности множества девушек. А в первую очередь их отцов, чьей дружбы он искал всеми возможными способами. По подсчету моей матушки, у него было тридцать девять жен, из них семь официальных, а уж о числе наложниц и соот-

ветственно незаконнорожденных отпрысков можно только гадать. В армии до сих пор ходит старая шутка насчет того, почему мои солдаты так мне преданы. Они просто не могут бросить меня, потому как чуть ли не все доводятся мне сводными братьями.

В возрасте двенадцати лет мне и моему дорогому другу Гефестиону выпало сопровождать отца при наборе воинов в клане Триеса, владения которого расположены в Гиперасопианских горах. Кручи да пади там такие, что кони калечат ноги, и проехать можно только на мулах. Мой отец пригласил представителей ряда соперничающих кланов, и они явились — все как один пьяные. Но Филипп был рожден для того, чтобы править такими людьми. Он часто похвалялся тем, что ни за пиршественным столом, ни в схватке, ни в постели с девицей ему нет равных, и это не было пустым бахвальством.

В кланах, где чтут мужскую удаль, его любили.

С наступлением темноты всю развернулась игра в ловлю свиньи. Здоровенная, размером с пони, хавронья с визгом носилась по просторному, окруженному каменной оградой загону, а мужчины и юноши бегали за ней, стараясь поймать ее и овладеть ею. На глазах у меня и Гефестиона один усатый малый с разбегу вскочил ей прямо на шею. Его товарищи, отпуская грубые шутки, стали подначивать его поскорее засадить этой животине свою штуковину. Мой отец, сам вымазавшийся в навозе с головы до ног, веселился вместе со всеми. Усатый малый барахтался со свиньей в луже, а его товарищи покатывались со смеху. После того как ему наконец удалось сделать свое дело, свинью закололи: она стала основным блюдом на продолжавшемся всю ночь пиршестве.

На следующий день, на обратном пути, я спросил у отца, как может он поощрять подобное зверство в людях, которых ему предстоит вести в бой.

— А война и есть зверское дело,— не задумываясь ответил он.

Этот ответ вызвал у меня возмущение.

— По-моему, свиньи и то лучше этих людей! — воскликнул я.

Филипп рассмеялся.

— Если ты, сын мой, составишь войско из свиней, ты не выиграешь ни одного сражения.

Гений моего отца заключался в том, что он умел сплотить этих необузданных, диких горцев в дисциплинированную современную армию. Он смекнул, насколько полезным может оказаться превращение людей, всю жизнь остававшихся рабами межплеменной вражды и кровной мести, в членов нового, единого сообщества, в котором положение человека зависит не от его принадлежности к той или иной родовой общности, а единственно от его отваги и доблести. И действительно, в рамках воинского содружества все их природные качества — верность клану, невежество, упрямство, дерзость и жестокость — преобразовывались в преданность вождю, стойкость, мужество, самоотверженность и наводящую ужас суровость по отношению к врагу.

Македонцы Филиппа издавна считались самыми свирепыми и неистовыми бойцами на свете. И не только потому, что каждый из них возрос на этой суровой, каменистой земле, а мой отец и его великие полководцы Парменион и Антипатр вымуштровали их так, что по умению маршировать и держать строй, по скорости, маневренности и владению оружием им не было равных ни среди ополченцев эллинских полисов, ни среди наемников, служивших под знаменами монархов Азии, но и прежде всего потому, что им не было равных по части «dynamis». Эта жажда битвы проистекала из их бедности, грубости и ненависти к богатым и культурным соседям, до прихода Филиппа презиравшим их как невежественных дикарей. Подобно легендарным

героям Спарты, эти люди никогда не спрашивали, велики ли силы противника, но интересовались лишь тем, где эти силы находятся.

Мой отец никогда не обучал меня воинскому делу как таковому. Скорее он погрузил меня в него, как бросают в воду ребенка, желая научить его плавать. В двенадцать лет я ходил в бой под его присмотром, в четырнадцать получил под начало пехотный отряд, а в шестнадцать — кавалерийский. Видел бы ты, какая гордость и радость были написаны на его лице, когда я показал ему мою первую рану: в Родопах, в схватке с фракийцами из долины Нестус, мне насквозь пробили копьём плечо.

— Болит? — спросил он на скаку, преследуя побежденных, а когда я ответил, проревел: — Хорошо, так и должно быть!

А потом, уже обернувшись к окружавшим его командирам и бойцам, горделиво добавил:

— Мой сын получил удар спереди, как подобает воину.

Думаю, отец любил меня гораздо сильнее, чем показывал и чем мне казалось. Я тоже любил его и так же, как он сам, наверное, виноват в том, что был излишне сдержан в проявлении родственных чувств. Как-то раз, мне тогда было семнадцать, он, разозлившись, бросился на меня с мечом и проткнул бы насквозь, если бы, будучи вдрызг пьян, не грохнулся на пол. Я, со своей стороны, тоже схватился за кинжал и готов сказать, что в тот момент вполне мог пустить его в ход. Через некоторое время после этого моей матери пришлось удалиться в Эпир, ко двору своих родственников, и я нашел прибежище среди иллирийцев. Уже тогда, в юношеском возрасте, по части амбиций я превосходил даже отца. Все это видели, и я понимал (а точнее, понимала моя мать), что, как говорится в старой поговорке: «Двум львам на одном холме не ужиться».

Когда мне минуло двадцать, царя Филиппа убили, и вооруженный народ возвел на престол меня. В ту пору я редко

вспоминал отца, зато в последнее время он не идет у меня из головы. Мне недостает его. Я бы спросил у него совета. Как бы он поступил, случись ему столкнуться с неповиновением, с каким столкнулся я здесь, на равнине Пенджаба? Какие средства нашел бы он для того, чтобы заново воодушевить отступников?

И как, во имя бездны Аида, мне переправиться через эту реку?

ИНДИЯ

Гефестион прибыл с Инда вовремя и смог увидеть казнь. Два предводителя отрядов и два младших командира из числа «недовольных» были преданы мечу. Гефестион явился на казнь прямо с марша, не задержавшись даже чтобы утолить жажду, и во время процедуры держался невозмутимо, но позднее, в моем шатре, его пробрала такая дрожь, что ему пришлось сесть. Гефестиону тридцать, он старше меня на девять месяцев, и мы с ним дружим с самого детства.

Это он завел разговор о «недовольных», о тех, кого я приказал вывести из состава их подразделений. На всю армию их всего-то человек триста. Казалось бы, число ничтожное, но это не так. Однако именно эти люди, закаленные, славные своей доблестью, ветераны многих походов и битв, пользуются в войсках таким авторитетом, что я не мог бы позволить себе ни просто содержать их в лагере под стражей (где бы они лишь распространяли заразу неповиновения), ни уволить со службы и отправить по домам (такое решение поощрило

бы тех, кто сочувствовал непокорным, но не решался заявить об этом открыто). Расформировывать «недовольных» и распределять по разным подразделениям после того, как я сам вывел их из состава лояльных отрядов, было бы, мягко говоря, непоследовательно. Признаться, я только о том и думаю, как с ними поступить. От этих мыслей у меня голова идет кругом, тем паче что именно сейчас мне больше всего пригодились бы и их опыт, и их умение, и их доблесть. Именно сейчас, когда предстоит форсировать эту проклятую реку.

Палатки с колышками в Индии не в ходу. Здесь слишком жарко. Мой шатер представляет собой скорее навес, открытый со всех сторон, чтобы продувал ветерок. Так прохладнее. Правда, ветер так и норовит снести прочь бумаги, каждый клочок приходится прижимать грузом. Даже мои карты и те норовят улететь домой.

Оглядевшись по сторонам, Гефестион примечает, из кого состоит царская свита, и говорит:

— Что, обходишься без персов?

— Я от них устал.

Мой друг молчит, но я знаю, что он испытывает облегчение. С его точки зрения, то, что я предпочел видеть близ своей персоны соотечественников, говорит о моем желании вернуться к истокам. К моим македонским корням. Он, конечно же, не оскорбит меня благодарностью, но я вижу, что друг доволен.

Гефестион является вторым по значению военачальником в экспедиционных силах, а следовательно, и во всей армии. Вторым после меня. Многие яростно ему завидуют. Кратер, Пердикка, Коэн, Птолемей, Селевк — все они считают себя лучшими полководцами, чем он. И правильно считают: так оно и есть. Но для меня Гефестион стоит многих. Если он бодрствует, я могу спать. Если он на фланге, мне не нужно смотреть ни вправо, ни влево. Его личная ценность

превыше всякого военного искусства. Он захватил более сотни городов без кровопролития, исключительно благодаря дипломатическому умению. Терпимость и милосердие, которые, будь они присущи человеку помельче, воспринимались бы как слабость, для него настолько естественны, что это обезоруживает даже самых высокомерных и предубежденных вождей противника. Ему свойственно удивительное умение преподнести этим правителям реальность их положения таким образом, что они сами начинают верить, будто склоняются к присоединению (слова «подчинение» я предпочитаю избегать) не под давлением и даже не по его предложению, а по своей собственной инициативе. Право же, иные из них начинают проявлять приверженность нашему делу столь рьяно, что их приходится унимать. Благодаря его усилиям в сотне столиц, куда вступали наши войска, их встречали на улицах толпы, охрипшие от ликующих криков. Без него эти города пришлось бы брать с боем, что неизбежно увеличило бы наши потери раз в десять. Ну а уж личной доблестью он не уступит никому: на его теле девять тяжелых ран, и все они, разумеется, были нанесены спереди. Гефестион выше меня ростом, привлекательнее лицом, он превосходный оратор, умеющий почувствовать и понять, чего ждет народ в каждой из завоеванных нами стран. Только одно не дает ему стать равным мне. В нем нет и капли чудовища.

За это я его люблю.

А во мне живет чудовище. Так же, как и во всех моих полевых командирах. Гефестион философ, а они воины. Он благородный соперник, а они убийцы. Пойми меня правильно: он опустошал целые провинции и не раз лично возглавлял массовую резню, но это не коснулось его души. В глубине ее Гефестиону удалось остаться добрым человеком. Чудовище не поселилось в нем, а потому он не может оставаться равнодушным к чудовищным поступкам. Он страдает

от этого, тогда как я — нет. Кроме того, расправы устрашают его. Я без восторга отношусь к такого рода мерам из-за их малой эффективности, а ему они ненавистны в силу их жестокости. Для меня случившееся обиденно, а он заглядывает в глаза каждому из приговоренных и умирает с ним вместе.

— И кого ты теперь поставишь командовать? — спрашивает он, имея в виду отряды «недовольных».

— Не знаю. Теламон обещал привести двоих молодых командиров. Останься, посмотрим, что они собой представляют.

Входит Кратер, и мое настроение слегка поднимается. Из всех моих военачальников он самый изобретательный и самый суровый. Казни его ничуть не волнуют. У него прекрасный аппетит, он рыгает и портит воздух и, конечно же, на все лады клянет здешнюю жару. Выдает витиеватую бранную тираду насчет того, каким бы дерьмовым способом переправить всю эту ошалевшую от зноя и пота армию на тот берег. Он подходит к кувшину с водой.

— Итак,— говорит он, поливая себе лицо и шею,— какие великие вожди замышляют наш разгром сегодня?

Принято говорить, что солдаты все равно что дети. А я скажу так: военачальники и того хуже. К безответственности и неуправляемости рядового солдата в старшем командире добавляются такие «ценные» качества, как гордыня, обидчивость, упрямство, жадность, самонадеянность и двуличие. У меня есть полководцы, которые не дрогнут перед ордами ада, однако ни за что не решатся сказать мне в глаза, что допустили где-то промашку и нуждаются в моей помощи. Мои высшие военачальники готовы повиноваться мне, но ни в коем случае не друг другу. Они ссорятся и соперничают, как женщины. Спроси, опасаясь ли я, что они взбунтуются, и получишь ответ: ни в коем случае. По той простой причине, что их взаимная ревность и недоверие никогда не позволят им не только сговориться, но и просто

провести под одной крышей достаточно времени, чтобы замыслить мое свержение.

Дай им волю, ни один из них не омочил бы ног в этой реке. Каждый из них смотрит назад, на уже завоеванные земли. Они спят и видят себя правителями покоренных стран. Пердикка мечтает о Сирии, Селевк мечтает о Вавилоне, а что до Птолемея, так того уже открыто зовут «египетским фараоном». А вот уж чего ни один из них точно не желает, так это пускаться в новые приключения, рискуя получить копьё в живот. Ну что ж, трудно винить их в этом. Они прошли долгий путь, оставили за собой горы трупов и теперь желают воспользоваться плодами своих трудов.

Так или иначе, из одиннадцати моих высших командиров я доверю свою жизнь только двоим — Гефестиону и Кратеру. Ненавидят ли меня остальные? Напротив. Они меня обожают.

Да, друг мой, этот аспект военного искусства не отражен в руководствах. Я имею в виду соперничество внутри войска, противоречия в собственном лагере. Молодой, только что получивший под начало свой первый отряд командир думает, будто бы царь управляет своей армией. Как бы не так! Это армия управляет царем. Он должен постоянно поддерживать в бойцах боевой дух и хорошую физическую форму, заботиться о том, чтобы они чувствовали уверенность (но не чрезмерную, ибо таковая порождает дерзость), не допускать нарушений дисциплины и в то же время проявлять великодушие и щедрость. Не только давать возможность вдоволь пограбить, но и осыпать отличившихся бойцов почестями и наградами, создавая при этом все условия для того, чтобы они могли быстро спустить все заработанное ратными трудами на вино и шлюх. Ведь тогда их снова потянет в поход, за добычей.

Командование армией походит на борьбу со стоголовой гидрой: ты отсекаешь одну голову, но остается еще девяно-

сто девять, а на месте отсеченной вырастают две. И чем дальше находится армия в походе, чем дальше остается родная земля, тем труднее эта борьба. Для тех, кто участвует в этом походе с самого начала, он продолжается уже девять лет, у многих из них за это время выросли дети, а у иных уже появились внуки. Они добывали и транжирили целые состояния, а пробуждать и поддерживать в них желание идти дальше приходилось и приходится мне. Сами они на это не способны. Я должен играть перед ними, как актер пред публикой, любить их и направлять на верный путь, как хороший отец направляет своевольных сынов. Однако выбор командующего ограничен. В конечном счете получается, что он может вести свою армию только туда, куда она сама пожелает идти.

— Ну, а вообще-то,— подает реплику Кратер,— получилось не так уж плохо.

Он имеет в виду казни.

Не плохо?

— По-моему, толпа осталась довольна представлением.

— Ну и ладно, дело сделано. Те двое, за которыми ты посылал, находятся снаружи.

Мы выходим из-под навеса. Впечатление такое, будто залезли в печь.

Два молодых командира поджидают, сидя верхом. У обоих самый низкий командный чин, но зато ни тому, ни другому пока не предъявлялось никаких обвинений. Теламон привел их ко мне по моему приказу.

Я смотрю на них, надеясь, что у них хватит крепости духа справиться с новым поручением. Младший из них родом из Пеллы, из Старой Македонии, старший из Антемоса, что в новых провинциях. Мы едем вдоль береговой насыпи. Я намереваюсь устроить этим молодцам испытание.

Этого молодого человека я знаю. Его зовут Ариббас. Отец и брат этого Ариббаса, прозванного товарищами Вороной,

оба командиры царских телохранителей, пали при Гавгамелах, а еще двое родных братьев и один двоюродный, все закаленные, не раз награжденные ветераны, продолжали нести службу. Сам Ворона с четырнадцати до восемнадцати лет служил мальчиком свиты при моем шатре, он умеет читать и писать и в своем легком весе считается лучшим борцом в лагере. Матиас постарше, ему около тридцати. Этот служака, из тех, кого в войсках называют «мулами», происходит из обедневшей знати присоединенного нами Херсонеса. У него есть женщина, изумительная красавица из Бактрии, оставившая свой народ и последовавшая за ним: мне говорили, что как раз она-то и питает его амбиции. Оба отличаются изрядным рвением, оба храбры и находчивы.

Я указываю на вражеские укрепления за рекой и интересуюсь у Матиаса, как бы он построил атаку.

Ширина реки более полутора тысяч локтей. Она слишком глубока для форсирования вброд, а преодолеть ее вплавь трудно из-за слишком сильного течения. Значит, брать эту преграду придется на лодках и плотках. Приблизившись на пару сотен локтей, мы окажемся под обстрелом лучников вражеских башен, последние сто локтей нас будут буквально засыпать стрелами, а одолев это расстояние, мы уткнемся в берег. Обрывистый, глинистый берег в пять локтей высотой, вдоль которого тянется вдвое более высокий вал, утыканный кольями и шипами. Длина этого вала составляет тридцать стадиев. Ну а позади вала нас дожидается царь Пор со своими боевыми слонами и индийскими «кшатриями», принадлежащими к воинской касте, а потому обучающимися боевым искусствам с раннего детства. Они славятся как лучшие в мире стрелки из лука. А всего у Пора сто тысяч человек.

Младший командир поворачивается, чтобы встретить мой взгляд.

— Что ты хочешь узнать, царь? Как поступил бы я, будучи на твоём месте, или как бы действовал самостоятельно?

Теламона такая дерзость смешит. Я закусываю губу и спрашиваю проверяемого, в чем разница.

— Разница в том, — отвечает он, — что, будь во главе войска я, оно все равно не смогло бы форсировать реку на виду у столь сильного и готового к атаке противника. Никакой план тут бы не помог. Но если войска поведешь ты, они одолеют все преграды с легкостью, хотя наши бойцы устали, оголодали и пообносились.

— Почему? — интересуюсь я.

— Зная, что твой взгляд обращен на них, все воины будут соперничать друг с другом в доблести, стремясь заслужить твое одобрение, значащее для них больше жизни. Кроме того, царь, ты, сражаясь в первых рядах, будешь личным примером побуждать каждого превзойти себя. Любой будет стыдиться именовать себя воином Александра, не доказав себе и товарищам, что он достоин такой чести.

Матиас умолкает, после чего Кратер громко фыркает и говорит, что странно слышать столь неприкрытую лесть от командира, принадлежащего к подразделению, склонному к своеволию, а по последним слухам, даже к мятежу.

Молодой человек хотя и почтительно, но с жаром возражает ему. Это естественно, ни один воин не останется равнодушным к упрекам в адрес его товарищей.

— К чему бы мы там ни были склонны, — говорит он, — царь всегда ставил перед нами самые трудные задачи, и мы всегда выполняли их, не щадя жизни. Или, может быть, тебе известны случаи, когда дело обстояло иначе?

В этом чувствуется *dynamis*, что не может не радовать.

Теперь я обращаюсь с тем же вопросом к другому молодому воину. К Ариббасу по прозвищу Ворона.

— Во-первых, — отвечает он, — прежде, чем бросать армию в рискованную атаку, я бы испробовал мирные средства. Говорят, будто этот раджа, Пор, человек сметливый и практичный. Почему бы не попробовать с ним договориться?

Предложить ему остаться царем под нашим суверенитетом или просто заплатить ему за право прохода наших войск по его территории. Не исключено, что у Пора имеются враги, которых он ненавидит и боится больше, чем нас. В таком случае у него может появиться заинтересованность в военном союзе, направленном против этих недругов. Мы можем пообещать ему владения соперников, побежденных нашими совместными усилиями. Зачем ему преграждать нам путь, если наша армия, пройдя через его царство, лишь увеличит его владения и богатства, а сама двинется дальше, на восток?

«Надо же, как у этого паренька все просто», — думаю я.

— Что-нибудь еще?

— Да, царь... эта река. Так ли уж нам нужно форсировать ее именно здесь, напротив укрепленного берега, под обстрелом? Если уж переправляться, то почему не в ста стадиях к северу? Или в двухстах, или в тысяче? Да и вообще, если нам мешает река, то почему бы нам и не разобраться именно с ней?

— Это каким образом?

— Можно прорыть каналы и отвести ее воды в другое русло, на западные равнины. Так, как поступил Кир Великий у стен Вавилона. Пусть кавалерия галопом движется вперед по высохшему речному ложу.

— Ну-ну, может быть, в этом есть смысл, — роняет Теламон.

Кратер постукивает по своему нагруднику, изображая насмешливые аплодисменты.

Я, желая умерить их пыл, указываю на набухшую от недавних дождей реку.

— Чтобы отвести ее, потребуется десять армий.

— Ну так что же, значит, надо собрать десять армий. Я, например, предпочитаю пролить бочку солдатского пота, чем наперсток крови. Чтобы справиться с Тиром, потребова-

лось полгода. Давайте задержимся здесь на два года, если уж без этого никак. Но вот что еще важно, о царь: дерзость наступающих. Безрассудная смелость может повергнуть противника в страх и заставить его поверить в то, что ему довелось столкнуться с неприятелем, невиданным ранее. С армией, не имеющей себе равных по боевому духу, а потому обреченной на победу. А поверив в это, он станет сговорчивее.

— Твои победы, о царь, — поддерживает молодого командира его товарищ постарше, — научили всех нас видеть в противниках возможных союзников. Зачем проливать кровь смелых и умелых воинов и заставлять их проливать кровь наших товарищей, если при правильном подходе они могут маршировать с нами в соседних колоннах? В конце концов, не сводится же цель этого великого похода, в котором мы разбили столько армий и покорили столько царств, только к тому, чтобы всех их разбить и покорить?

Прикрыв глаза ладонью от слепящего солнца, я присматриваюсь к обоим командирам.

Старшему из них, Матиасу, как я уже говорил, под тридцать. У него густая каштановая борода, а глаза заставляют вспомнить образ Диомеда в усыпальнице героев, что в Леокадии. Тому, который помоложе, Вороне, очевидно, нет и двадцати двух. Он безбородый, поджарый, как гончая, а весь его облик красноречиво свидетельствует о целеустремленности и смекалке.

Оба они, каждый по-своему, мне нравятся.

— Вы, двое, примете командование «недовольными», — говорю я им и, не дожидаясь благодарностей, продолжаю: — Хочу, чтобы все поняли, почему я считаю необходимым форсировать эту реку. Хвала богам, там, на валах, нас ждет самый достойный противник, какого мы не встречали с самой Персии. Посмотрите на меня, друзья мои. Думаете, меня не раздражает этот затянувшийся, нескончаемый

марш, перемежающийся мелкими, не сулящими славы стычками и осадами? Но там, на том берегу, нас ждет царь Пор со своими кшатриями... Я люблю его! Он вернул меня к жизни! И ему же предстоит воодушевить войско, включая и ваш отряд. Перед лицом такого неприятеля люди снова вспомнят о том, что они солдаты!

ТЕЛАМОН

Когда я был мальчиком, у меня было два наставника. Аристотель учил меня рассуждать, Теламон учил действовать. Ему было тридцать три. Мне семь. Никто не приставлял Теламона ко мне специально: скорее, я привязался к нему и ни в какую от него не отходил. Он казался, да и по сию пору кажется живым воплощением идеального солдата. Бывало, во время строевых учений я таскался за ним, подражая его походке так, что бойцы покатывались со смеху. Однако ни о каком неуважении или передразнивании с моей стороны тут не могло быть и речи. Мне лишь хотелось ходить, стоять, ездить верхом так, как это делал он. Теламон происходил из Аркадии, с юга Эллады. Моя мать желала привить мне чистое аттическое произношение и сокрушалась из-за того, что я все время сбивался на тягучий, аркадский выговор. Тогда Теламон был десятником, теперь он командует армиями, но мне по-прежнему бывает трудно выманить его с поля в штабной шатер. Его представление о хорошем завтраке сводится к ночному маршу, а о хорошем обеде — к легкому завтраку.

В десять лет я попросил Теламона объяснить мне, что значит быть настоящим солдатом. Он и объяснил, но отнюдь не словами. Вместо того чтобы втолковывать мне азы военного дела, Теламон на три дня взял нас с Гефестионом в зимние горы. При этом мы всю дорогу не могли добиться от него решительно никаких объяснений, как будто быть солдатом означало играть в молчанку.

Ночью мы промерзли до костей, как будто быть солдатом означало уметь сносить лишения. Значило ли это, что он преподнес нам первые уроки военного дела, сводившиеся к тому, что воин должен молчать, выполнять приказы, терпеть лишения и не задавать вопросов?

В третий вечер похода мы наткнулись на волчью стаю, выгнавшую оленя на лед замерзшего озера. Теламон, подхлестывая коня, галопом поскакал к озеру. В пурпурном закатном свете мы наблюдали за тем, как развернувшаяся веером стая преследовала добычу, направляя беглеца то в одну, то в другую сторону, не давая ему прорваться к берегу, под защиту деревьев. Олень превосходил волков быстротой бега, но они сменяли один другого, а он уставал. Наконец один из них перекусил оленю подколенное сухожилие: он рухнул на лед, и вмиг стая набросилась на него. Мы с Гефестионом и охнуть не успели, а волки уже пожирали добычу.

— Вот это солдаты, — заявил Теламон.

Позже, уже в одиннадцать лет, я видел, как Теламон (служивший в ту пору под началом моего отца) проверял сформированный им отряд перед походом на одно из племен. Велев каждому бойцу положить к ногам свою заплечную котомку, он обошел строй и выбросил все, с его точки зрения, лишнее. По окончании проверки у солдат не осталось ничего, кроме глиняной миски, железного вертела и хлямы, предназначенной служить и плащом, и одеялом.

Теламон учил тому, что в солдатском вещевом мешке нет места всякому хламу. Например, надежде. Мечтам о

будущем. Воспоминаниям. Страху. Угрызениям совести. Нерешительности.

Накануне битвы при Херонее, когда мне в восемнадцать лет впервые доверили командовать отрядом тяжелой кавалерии, состоящей из гетайров — «истинных товарищей» или «друзей» царя, и мы с Гефестионом обходили строй, нам вспомнилось поучение нашего наставника. И показалось более чем странным: как может солдат идти в бой, не видя пред собой надежды? Нас самих переполняли самые радужные ожидания, ну а уж мы, со своей стороны, постарались передать этот настрой бойцам, разжигая в них жажду славы, богатства и господства над всей Элладой. Когда штабной писец, заносивший на папирус завещание каждого солдата, предложил составить таковое и нам, мы с Гефестионом покатались со смеху. Примерно такова же была и реакция наших молодых бойцов.

— Оставь мои яйца Антипатру, — гоготал один.

— А мою задницу завещаю на армейские нужды, — надрывался другой.

Я уж совсем было собрался отпустить шуточку позабористей, но тут Черный Клит спросил:

— Александр, а кому достанется твой конь?

Он имел в виду Буцефала, скакуна, стоившего дороже десяти пожизненных жалований.

Вот тут меня проняло. Мысль о возможной скорой разлуке с конем мигом отрезвила меня, и я наконец понял, что имел в виду Теламон.

Идя в бой, воин должен помнить, что итог каждой схватки ведом только богам. А значит, ему не стоит брать с собой столь никчемный багаж, как мысли о богатстве, славе, даже о смерти. Надобно отбросить все это прочь и атаковать налегке, положившись на судьбу. В этом нет никакой тайны. Все поступают именно так. Им приходится, или они не смогут сражаться. Вот почему Теламон потрошил солдатские мешки и таскал с собой сопливых мальчишек к замерзшим

вершинам, чтобы показать им, как стая хищников вершит холодное убийство.

В другой раз, уже юношами, мы с Гефестионом поинтересовались у Теламона, есть ли в солдатской котомке место для самообладания.

— На самом деле, — ответил он, продолжая зашивать продырявленный плащ, за каковым занятием мы его и застали, — самообладание, которое так восхищает в манере держаться, присущей настоящим воинам, есть лишь внешнее проявление внутреннего совершенства. Таких достоинств, как терпение, мужество, самоотверженность. Возможно, солдат вырабатывает их, чтобы получить превосходство над воинами противника, но в первую очередь они нужны для победы над врагами в самом себе: безалаберностью, жадностью, неряшливостью, зазнайством и тому подобными. Каждому следует осознать, что он тоже участвует в этой борьбе, и каждый должен стремиться стать истинным воином, как ревностный ученик стремится перенять все у мудрого учителя. Подлинный воитель бывает способен одолеть врага, не нанеся удара, просто силою своего превосходства. И не только одолеть, но превратить его в союзника, в друга, даже в своего раба.

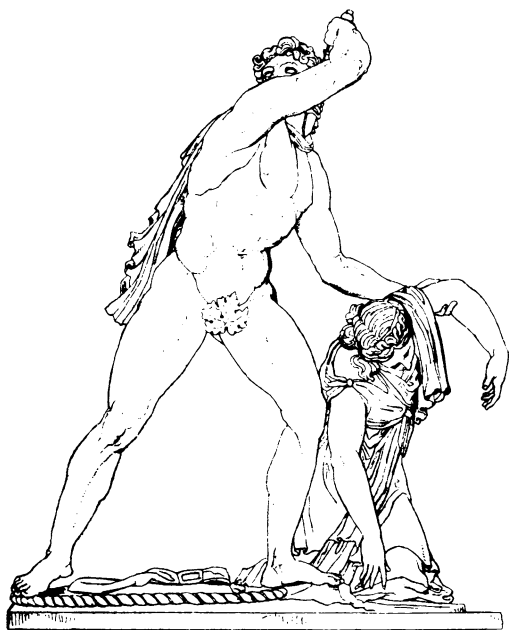
Тут наш ментор обернулся к нам и с улыбкой добавил: — Как я сделал с вами.

Здесь и сокрыт ключ.

Может быть, те простые, усвоенные мною в детстве добродетели и позволили мне вместе с армией проделать весь этот путь. Возможно, в них заключается и выход из создавшегося положения. Время поджигает. Солдаты не будут ждать, как не будет ждать и эта река.

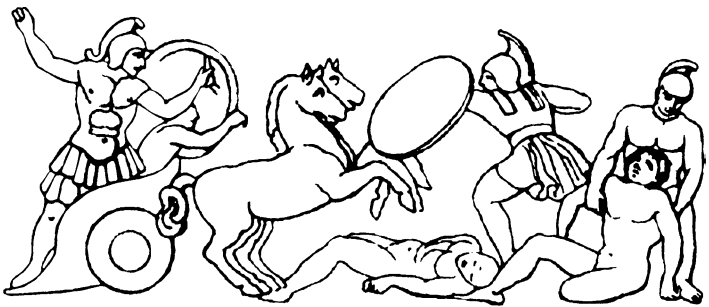
Давай же, мой юный друг, вернемся назад по этому долгому пути. Я — дабы поведать, ты — дабы внимать. И начнем с самого начала. С Херонеи.

Книга вторая
ЛЮБОВЬ К СЛАВЕ

Глава 5

КОСОЙ СТРОЙ

Херонея — это равнина к северо-западу от Фив. Здесь в свои сорок пять лет (мне тогда было восемнадцать) Филипп повел Македонскую армию против объединенных сил Эллады. В его жизни это была последняя великая битва, а в моей — первая.

Простирающаяся на север и северо-восток Херонейская долина поросла лавандой и другими ароматными травами. На южной ее оконечности находится возвышение с укрепленным акрополем, а на северной, как раз напротив, гора Аконтион. Войско, наступающее с северо-запада, вступает на равнину в самой широкой ее части, где она простирается более чем на шесть тысяч локтей. Если вы переправляетесь через Кровавую реку, справа от вас будет поток, именуемый Цепис. Именно в него эллины уперлись своим левым крылом, тогда как правое подпирала городская цитадель. Фронт противника имел в длину около двадцати стадиев, или примерно двадцать восемь сотен щитов.

Херонея являлась местом сражений на протяжении столетий, ибо, как и соседние равни-

ны, такие как Танагра, Платея, Лектра, Короней и Эритрея, самой природой была предназначена стать театром военных действий. Именно здесь писалась история Эллады. Тысячу лет умирали солдаты на этих полях, орошая их кровью.

Но сегодня здесь предстояло разыграть битву совершенно нового типа: отец твердо вознамерился положить конец доселе неоспоримому превосходству эллинов. Мы, те, кого Демосфен Афинский пренебрежительно именовал «народом сомнительного происхождения», те, кого сыны Греции почитали чуть ли не скифами, были исполнены решимости не просто вырвать у Эллады пальму первенства, но и стать эллинами. С сегодняшнего дня именно мы будем оплотом и опорой эллинской цивилизации.

Численность неприятельских сил колеблется между тридцатью пятью и сорока тысячами, наши чуть-чуть не дотягивают до сорока. Сил противника достаточно для того, чтобы выстроить пехоту по всему фронту, с глубиной строя от восьми до шестнадцати щитов.

Сливки эллинского воинства представляет собой «священный отряд». В нем три сотни воинов, и он, как утверждают поэты, составлен из любовных пар. Замысел состоит в том, чтобы каждый сражался как одержимый, боясь опозориться в глазах возлюбленного, и уж, конечно, не бросил его в беде.

Впрочем, в глазах Теламона такой способ комплектования отрядов не выдерживает критики.

— Если поверить, будто лучший способ получить настоящего солдата заключается в том, чтобы трахать товарища по оружию в задницу, самой распространенной командой у десятников должно стать: «Раком ста-но-вись!»

Мой отец, которому в молодости довелось провести в Фивах три года в качестве заложника, тоже смеется над этими поэтическими бреднями.

— При таком подходе половина отряда состояла бы из безусых мальчишек с нежными ягодицами, но разве из них составишь ударную силу? Нет, в этом отряде — храбрейшие, самые умелые бойцы из знатнейших семей Фив, включая шестерых чемпионов Олимпиад и еще десяток атлетов, стяжавших награды на иных Играх.

Как известно, расходы по содержанию «священного отряда» полностью несет государство, и состоящие в нем освобождаются от всех гражданских обязанностей, кроме подготовки к войне. Говорят, что фиванские красавицы тщетно пытаются привлечь внимание этих воителей, ибо, согласно заявлению их соотечественника Пиндара, «своей невестой они избрали Битву и ей верны до самого конца».

Все воины «священного отряда» — это гоплиты, тяжеловооруженная пехота. Каждый имеет шлем из железа или бронзы (шесть фунтов), сплошной бронзовый панцирь, закрывающий грудь и спину (двенадцать фунтов), поножи (по два фунта каждая) и круглый, два локтя в поперечнике, щит, сработанный из обитого бронзой дуба. Иными словами, одни лишь доспехи такого воина весят от тридцати четырех до тридцати шести фунтов, и это не говоря о мече и копье (еще десять фунтов), плаще, хитоне и обуви. Эллинский гоплит защищен надежнее любого другого пехотинца мира. Когда воины поднимают щиты так, что над их кромками становятся видны лишь глазные прорезы шлемов, «священный отряд» предстает перед противником как сплошная стена из бронзы и железа.

Принято считать, что «священный отряд» состоит ровно из трехсот гоплитов, но это справедливо разве что в отношении парадов. На поле боя выходят двадцать четыре сотни. Каждого гоплита подкрепляют семь пеших ополченцев: вместе они составляют боевую единицу из восьми человек. С учетом резервных подразделений, позволяющих довести глубину построения до шестнадцати шеренг, боевое построение составляет сорок восемь сотен бойцов. Кавалерии в отря-

де нет вовсе, и конной атаки он не боится. Фиванцы считают, что против закованной в бронзу, оцетинившейся копьями фаланги конница бесполезна.

Как и все отборные пехотные подразделения южных эллинов, отряд сражается в плотном строю. Главным оружием воинов являются восьмифутовые копья, которыми они наносят удары из-за щитов, а в ближнем бою они пускают в ход короткие, спартанского образца мечи, которыми можно как колоть, так и рубить. Отряд идет в бой под мелодию флейты, а среди его командных сигналов нет сигнала к отступлению. Его девиз: «Стой и умри». В нем служат лучшие пехотинцы Эллады, а значит, и всего мира. Вместе с десятью тысячами «Бессмертных» царя царей Персии «священный отряд» представляет собой одно из лучших воинских формирований мира.

Сегодня он будет уничтожен. Мною.

Это, как я понял, моя задача. В Фессалии, возле Фер, где войско Филиппа сделало последний привал перед броском на юг, к Херонее, мой отец запланировал устроить учения в условиях, приближенных к боевым. Предполагалось, что маневры проведут на рассвете, но ни утром, ни днем, ни вечером, ни после полуночи никаких приказов так и не поступило. Только после третьего караула нам приказали строиться, что мы и стали делать, толкаясь и чертыхаясь в кремешной тьме, под ругань десятников и сотников. Разумеется, именно это Филипп и задумал: он хотел бросить солдат в условный бой неожиданно, усталых, голодных, застав их справляющимися нужду или делавшими что-то в этом роде. Как мог бы застать враг.

В последнюю минуту он прибыл сам, сопровождаемый половиной «друзей», тысячью бойцами легкой фессалийской конницы и тремя сотнями фракийских копейщиков. Поначалу прибытие массы конных лишь усилило беспорядок. Поблескивающая луна освещала мокрую и все еще затянутую пеленой мелкого дождя долину.

— Чехлы долой! — выкрикнул Филипп, и его команда, передаваемая через сотников и десятников, прокатилась по рядам. Воины принялись снимать с наконечников саррисс, копий длиной в дюжину локтей, проложенные промасленной шерстью покрытия. И в тот же миг, как только капли дождя упали на отточенное железо, все переменялось. У воинов возникло ощущение боя. Теперь каждому пехотинцу надлежало проявлять осторожность. О толкотне не могло быть и речи, ибо каждый из них, допустив неловкость, за просто мог бы наконечником отхватить товарищу ухо, а то и выколоть глаз.

Филипп приказал также расчехлить и щиты. Стягивая с них чехлы из бычьих шкур, бойцы ругались, ибо знали, сколько трудов потребуется на то, чтобы после дождя заново отполировать бронзу.

Лошади мочились, вонь от дерьма, и конского и солдатского, смешивалась с перегаром, выдыхавшимся всадниками, а резкий запах травы перебивал запах смазки на железе, наводивший на мысль о битве, как ничто другое.

Мой отец занял позицию на холме, под усыпальницей Алквиада. Мы с Гефестионом и Клитом Черным, превосходным командиром, впоследствии получившим под начало царскую «сотню» из отряда «друзей», тоже верхом встали по левую руку от него и его высших военачальников, Пармениона и Антигона Одноглазого. Остальные полководцы собрались справа и за его спиной. Филипп объявил диспозицию, но по одному, важнейшему, вопросу приказа пока не было. Кто сподобится высокой чести выступить против «священного отряда»?

Филипп этот пункт пропустил: не прозвучало даже намека. Все крепились, но под конец Антигон не сдержал своего нетерпения.

— А кто займется «священным отрядом»? — громко спросил он.

Царь, словно бы не услышав вопроса, отдал еще несколько распоряжений, а потом, словно мимоходом, сказал:

— А, фиванцы? Их возьмет на себя мой сын.

То был первый (и единственный) раз, когда Филипп высказался на сей предмет в моем присутствии. Правда, тогда, обращаясь не столько ко мне, сколько ко всему ближнему кругу, он сказал, что я получу в свое распоряжение четыре отряда тяжелой пехоты, всего шесть тысяч человек, и корпус «друзей» в полном составе. Гефестиона последнее сообщение привело в ярость. Он решил, что отец предоставляет в мое распоряжение столь крупные силы, чтобы умалить мою славу.

Я, однако, сказал, что он плохо знает моего отца и что перед самым началом сражения он наверняка заберет у меня четверть пехоты и половину кавалерии. Как бы там ни судачили иные сплетники, отец не был ни безумцем, ни извращенцем: просто он был хитер, как кот. Своих полководцев царь, по его собственному выражению, знал, как шлюха постоянных клиентов. И меня тоже. Полагаю, отец любил меня больше, чем о том говорил или даже думал сам. Но, будучи царем, хотел, чтобы и его сын оказался достойным такого сана. До сегодняшнего дня Антипатр не говорил мне об этом, опасаясь моего недовольствия, но доброжелатели донесли, что тогда, на рассвете, когда за два часа до начала битвы Филипп отозвал половину моих сил, Антипатр выступил против.

— Ты что, хочешь убить Александра? — спросил он.

— Я хочу лишь испытать его, — ответил отец.

Три дня спустя мы добрались до Херонеи. Основные силы противника — фиванцы, афиняне и коринфяне — уже преградили равнину, подкрепленные несколькими отрядами наемников, а ополченцы из Мегары, Эвбеи, Ахайи, Левкадии, Коркиры и Акарнании подтягивались в течение всей ночи. Впрочем, и у наших войск на это ушел весь день.

Я со своими силами двигался в авангарде непосредственно за разведывательными разъездами. Задача передового охранения заключалась в том, чтобы в случае возникновения любых непредвиденных обстоятельств немедленно известить Филиппа. Но ни с чем непредвиденным столкнуться так и не довелось. Эллины заняли равнину и терпеливо ждали, пока мы соберемся и намнем им бока. А мелкие стычки со случайными отрядами да захват брошенного лагеря — не основание для того, чтобы тревожить царя. Вступив на равнину, я приказываю конным патрулям развернуться веером и застолбить места для следующих позади отрядов. По прибытии каждого подразделения ему уже будет отведено место. Под моим командованием (если к такого рода опыту подходит столь многозначительный термин) состояли как многоопытные пехотные командиры — Антипатр, Мелеагр, Коэн, — специально приданные мне отцом, чтобы умерить мои юношеские порывы, так и мои ровесники и друзья: Гефестион, Кратер, Пердикка и длиннокудрый Леонат по прозвищу Любовный Локон. Этим предстоит вести в бой тяжелую кавалерию «друзей». Моими телохранителями командует Клит Черный.

Теламон, мой наставник в военном деле, указывает на стоящий напротив «священный отряд» и предлагает:

— Присмотримся к ним получше?

Мы присматриваемся. Впрочем, то, что «священный отряд» встретит любую атаку остриями копий, ясно и так. Важнее другое: как будет сформирован его косой строй.

Смеркается, но мы до боли в глазах продолжаем присматриваться к рельефу, стараясь, исходя из характера местности, предугадать, какое размещение сил предпочтет противник.

Косое боевое построение было введено в военный обиход Эпаминондом из Фив. До него войны эллинов представляли собой драки стенка на стенку.

Армии противников выстраивались одна напротив другой, сходились и лупили друг друга всем имеющимся оружием, пока одна не пускалась в бегство. Частенько, впрочем, случалось, что одно войско пускалось наутек прежде, чем другое успевало нанести удар. Это, впрочем, тоже способствовало урегулированию спорных вопросов, из-за которых все и затевалось.

Больше всех прочих в подобной незамысловатой тактике преуспели спартанцы, регулярно колошматившие и фиванцев, и других своих соперников.

Конец этому, а заодно и спартанской гегемонии положил косой строй. Впрочем, самому Эпаминонду такое название не нравилось: он называл введенный им в практику боевой порядок «*systrophe*», что значит «накопление» или «концентрация». Примером ему служил кулачный боец, который не наносит ударов обеими руками попеременно, а держит одну позади, атакуя другой.

Как и прежде, Эпаминонд выстраивал свое войско перед фронтом противника, но теперь его строй не имел одинаковой глубины на всем своем протяжении и, соответственно, не обрушивался одновременно всем своим весом на всю вражескую линию. Он усиливал левое крыло, а правое, наоборот, ослаблял.

Спартанцы распределяли солдат вдоль строя равномерно, но правый фланг считался более почетным, ибо там, в окружении своих телохранителей, всегда сражался сам царь. Таким образом, построение Эпаминонда при численном равенстве обеспечивало ему превосходство на том участке, где находились лучшие вражеские силы. Он резонно полагал, что, если ему удастся сломить отборных вражеских воинов, остальные обратятся в бегство.

Каким образом усиливал Эпаминонд свое левое крыло? Во-первых, он доводил глубину строя не до восьми щитов, как спартанцы, даже не до шестнадцати, как бывало в прошлом в Фивах, а до тридцати или даже до пятидесяти. Кро-

ме того, он вооружил своих солдат копьями длиной в семь локтей, тогда как копьё спартанцев достигало только пяти. И наконец, Эпаминонд изменил форму пехотного щита. Слева и справа на нем появились выемки, а ремни теперь крепили его не к руке, а к плечу и шее, что оставляло руки воина свободными, давая ему возможность орудовать длинным, тяжелым копьем.

Встретившись со спартамцами на равнине у Лектры, Эпаминонд разбил их наголову, что изменило расстановку сил по всей Элладе. Фивы в один миг превратились из второстепенного полиса в доминирующую на суше державу, а Эпаминонд был восславлен как герой и несравненный военный гений.

Мой отец знал Эпаминонда. В пору расцвета новой фиванской державы Македония была вынуждена отдавать знатных юношей в Фивы в качестве заложников, и отец, попавший туда в тринадцать лет, провел в этом городе три года. Обращались с ним хорошо, взаперти не держали, а он, со своей стороны, ко всему присматривался и запоминал то, что могло оказаться полезным. В первую очередь, разумеется, военные нововведения, включая особенности фиванской фаланги.

Став царем, Филипп организовал свою армию по образцу фиванской, но по сравнению с Эпаминондом произвел некоторые усовершенствования. Важнейшее из них касалось копья. Он довел его длину до двенадцати локтей. Так появилась знаменитая македонская сарисса.

Теперь впереди первой шеренги двигалась сплошная изгородь из отточенного железа, причем то были острия копий не трех, как в других фалангах, а целых пяти шеренг. Устоять перед натиском такого строя не смог бы никакой противник, вне зависимости от его храбрости, упорства и защитного вооружения.

Этим, однако, Филипп не ограничился. Македонское войско, ранее состоявшее из пестрых отрядов различных кла-

нов, превратилось в профессиональную армию, базировавшуюся в лагерях и получавшую ежемесячное жалованье. Царь и его великие полководцы, Парменион и Антипатр, муштровали фаланги до тех пор, пока солдаты не научились выполнять все движения, перестроения и повороты с абсолютной слаженностью, превратив строй в единое целое. Мир никогда не видел боевой силы, подобной оцетинившейся сарисами македонской фаланге. Даже великий Эпаминонд, восстань он из могилы, был бы разбит пехотой Филиппа.

Мы с товарищами пересекаем Херонейское поле и приближаемся к позициям «священного отряда». Многие воины, нагие, умастившись маслом, выполняют упражнения, как делали это спартанцы при Фермопилах. Это и вправду великолепный отряд, все атлетически сложены, и даже лагерные прислужники блещут красотой. Ну а сам лагерь — любодорого посмотреть — словно расчерчен по линейке. Отчищенное до блеска оружие сверкает в аккуратных пирамидах.

Подъехав и остановившись на расстоянии половины броска камня, я представляюсь и громогласно возглашаю, что Македонии и Фивам следует не сражаться друг с другом, но объединиться против общего недруга, каким является Персия.

— Если так, — со смехом отвечают фиванцы, — скажи своему отцу, чтобы он возвращался домой.

— Завтра вы займете позицию здесь? — спрашиваю я, указывая на их лагерь.

— Может быть. А вы?

Как выясняется, с двумя из этих воинов, братьями-борцами, Черный Клит знаком по Немейским играм. Они обмениваются рассказами и сообщают новости, а ко мне в это время направляется командир, ветеран лет сорока, а то и пятидесяти.

— Неужто я и вправду вижу сына Филиппа? — с улыбкой говорит он и, назвавшись Коронеем, сыном военачальни-

ка Паммена, сообщает, что дружил с моим отцом. Действительно, будучи заложником в Фивах, отец жил в доме Паммена.

— Твоему отцу было четырнадцать, а мне десять, — сообщает Короней. — Он, бывало, макал меня головой в воду и лупил по заднице.

— То же самое он проделывал и со мной, — со смехом отвечаю я.

Короней жестом подзывает симпатичного юношу лет двадцати.

— Позволь мне представить моего сына.

Поскольку беседа пошла вовсю, продолжать ее, сидя на коне, кажется мне неучтивым. Мы с товарищами спешиваемся. Возможно ли, что уже завтра на рассвете нам придется насмерть сразиться с этими замечательными людьми?

Сына Короней зовут Памменом, в честь его деда. Этот красивый, облаченный в великолепные доспехи юноша на добрых полголовы перерос своего отца. Отец и сын, оба воины «священного отряда», встают плечом к плечу.

— Вот так мы стоим и в боевом порядке, — заявляет юноша.

Я ловлю себя на том, что борюсь со слезами. Нашував висящий на поясе усыпанный драгоценными камнями кинжал из редчайшей закаленной стали (он стоит талант серебра), прошу Короней принять этот подарок в память о моем отце.

— Только в том случае, если ты возьмешь это, — говорит он, протягивая мне украшавшую его панцирь фигурку льва: слоновая кость, кобальт и золото.

— Какие приятные и достойные люди, — говорит мне Гефестион на обратном пути.

Здесь, Итан, я остановлюсь особо, обратив твое внимание на предмет, всегда повергающий молодых командиров в смятение. Я имею в виду симпатию к противнику. Никогда не стыдись этого чувства, отнюдь не являющегося призна-

ком слабости или излишней мягкотелости. С моей точки зрения, это, напротив, есть одно из высочайших проявлений воинской добродетели. Помню, как-то вечером, уже после битвы при Херонее, мне довелось рассказать о встрече с тем благородным фиванцем, Коронеем.

— Ну, сын мой, и что сказало тебе в тот час твое сердце? — спросил отец, внимательно меня слушающий.

Как я понимаю, он хотел подразнить меня, но не из злобы, а желая подправить мое поведение, в котором видел слишком много великодушия.

— Ощутил ли ты сострадание к тем, кого тебе вскоре предстоит убивать? Или, напротив, обратил сердце в камень, что, если верить толкам, хорошо удастся твоему отцу?

Мы находились дома, в Пелле, на пиру с командирами Филиппа. Едва прозвучали слова отца, как разговоры смолкли и все взоры обратились ко мне.

— Отец, сердце сказало мне, что, коль скоро я сам готов отдать свою жизнь, это дает мне право забрать жизнь противника, кем бы он ни был, и небеса не сочтут это деяние несправедливым.

— Вы только послушайте! Вот уж сказал так сказал! — одобрительно загомонили гости.

— Это уж точно, — согласился отец, — сам Ахилл, следуя древним ораторским канонам, не смог бы ответить лучше. Но скажи мне, сын, как бы этот древний герой и полубог смог совладать с распущенностью, продажностью, бесчинствами и мерзостями, сопутствующими нам в наши дни?

— Отец, он воодушевил бы людей, предающихся порокам, благородством и чистотой своей цели. Воистину, это возможно даже в нашем несовершенном мире.

Сказав так, я не покривил душой, но кое о чем умолчал. В тот миг, когда отец устроил мне испытание перед лицом командиров, я ощутил присутствие своего даймона, своего природного гения. Дух сей незримо вошел в помещение,

одарив меня ясностью мысли и неколебимой убежденностью. Как никогда раньше, я отчетливо понял, что мой дар превосходит дар моего отца, причем на порядок величин. Увидел это так, словно сумел заглянуть в него. И он это понял. Как поняли и другие: стоявший у его плеча Парменион и стоявшие подле меня Гефестион и Кратер. То был момент встречи поколений, заката и восхода, прошлого и будущего.

В миг обмена дарами с Коронеем мой даймон предложил мне обоюдоострый меч, одно лезвие которого есть симпатия и сочувствие, а другое — суровая необходимость.

— Эти отважные и благородные защитники Фив, можно сказать, уже мертвы, — молвил тогда мой гений, — но ты, Александр, забрав их жизни, лишь станцуешь в нескончаемом хороводе, предопределенном до начала времен. Исполняй же свой танец хорошо.

Весь следующий день армии только тем и занимались, что танцевали да перетанцовывали.

На рассвете «священный отряд» занимает позицию на крайнем правом фланге фиванцев в качестве единого подразделения. Но спустя шесть часов, когда я выезжаю на поле, три сотни гоплитов оказываются рассредоточенными по первой шеренге центра и левого крыла. Это не просто перестроение, ибо дислокация «священного отряда» является существенным элементом всего стратегического замысла неприятеля. Мои отряды тоже совершают перестроения, стараясь предугадать самые неожиданные маневры. Отец не тревожит меня никакими приказами, но мои осведомители из его шатра уже донесли мне, что он намерен отозвать половину моих сил.

Так или иначе, я предписываю командирам держать коней налегке, не перекармливать и поить умеренно. Лошадям, как и нам, лучше идти в бой с легким желудком. День проходит в ожидании. Ближе к вечеру нашим аванпостам удастся захватить двоих пленных. Клит Черный приводит

их ко мне. Я, разумеется, должен незамедлительно отослать пленников отцу, что и будет сделано, но...

— Дай-ка мне этих пташек, Александр. Ручаюсь, что им есть что спеть.

Клит был старше меня на шестнадцать лет и являлся столь отъявленным проходимцем и мошенником, какого только может произвести моя страна, признанная родина плутов. Позднее, уже во время Афганской кампании, он и Филот (будущий командир «друзей»), единственные из высшего командования отказались последовать моему примеру и продолжали носить бороду после того, как я стал начисто бриться сам и поощрять эту манеру в подчиненных. Филот не пошел на это из тщеславия, а Клит в силу верности Филиппу. Я не затаил на него зла. Кто-кто, а уж Клит, человек с железными яйцами, умел драться и тысячу раз доказал свою храбрость. Когда я был младенцем, Клит был правой рукой моего отца и его возлюбленным, именно ему было доверено держать меня на руках при свершении обряда наречения имени. Он никогда не упускал случая упомянуть об этом публично, эта манера и раздражала меня, и в то же время забавляла.

Клит мастерски владеет кинжалом и удавкой. Царь, по слухам, не раз прибегал к его услугам, Гефестион именует его не иначе как головорезом, а моя матушка дважды пыталась его отравить. Наверное, за дело, но он настолько бесстрашен, и на ратном поле, и в споре, что дерзость его речей внушает мне уважение и даже любовь.

Если мы с Гефестионом переживаем из-за урона, который вынуждены будем нанести «священному отряду», то уж Клит-то по этому поводу нежничать не собирается. Ему, напротив, не терпится поскорее ввязаться в схватку и начать напропалую рубить вражьи головы. Ну а высокие достоинства противника, на его взгляд, лишь усиливают удовольствие.

Он, как сказано у драматурга Фриниха о Клеоне Афинском, «негодяй, но наш негодяй».

Мы задаем пленным вопросы, касающиеся завтрашней диспозиции «священного отряда». Оба клянутся, что отряд будет стоять на правом фланге, напротив реки. Я им не верю.

— Каково твое ремесло? — сурово спрашиваю я старшего.

Он говорит, что является наставником в области геометрии и математики.

— Тогда скажи, как в правильном треугольнике соотносятся квадрат гипотенузы и сумма квадратов двух других сторон.

На пленного нападает приступ кашля, и Клит, уткнув в него острие меча, спрашивает:

— Ты, часом, не актер, а приятель?

И то сказать, кудри у пленных напомажены и завиты, что наводит на мысль о театре.

— А ну, сукины дети, прочтите нам что-нибудь из «Медеи».

Я думаю о том, что разместить «священный отряд» на правом фланге фиванцы могут разве что в припадке безумия. В этом случае мой левый фланг наверняка их сметет. Впрочем, не смогут ли они быстро сдвинуться с этой позиции к центру, соединившись с соседними подразделениями так, как если бы захлопнулись ворота? Нет, попытаться, возможно, и попытаются, но, если я поддержу пешую атаку конницей и обойду их с тыла, ничего у них не получится. Я обсуждаю такую возможность с Антипатром, которого отец приставил ко мне в качестве наставника и советника.

— Александр, отряд встанет или на левом крыле, или в центре, — заявляет он. — На такую глупость, чтобы оставить его у реки, не способны даже фиванцы.

Размышления и споры продолжаются до полуночи, после чего мы с Гефестионом начинаем собирать и строить людей.

Херонея славится своими ароматными травами, которые всюду используются торговцами благовониями. С наступлением темноты плывущие над долиной ароматы становятся еще сильнее.

— Ты чувствуешь это, Александр?

Он имеет в виду ощущение чего-то эпохального.

— Да. Как вкус железа на языке.

Мы оба думаем, что эта благоухающая долина к завтрашнему полудню пропахнет кровью и смертью. Потом я осознаю, что мой друг плачет.

— Что случилось, Гефестион?

Чтобы сформулировать ответ, ему требуется некоторое время.

— Знаешь, меня как громом поразило неожиданное понимание того, что этот столь совершенный во многих отношениях момент уже никогда не повторится. С завтрашним днем изменится все, и главным образом многие из нас.

Я спрашиваю, почему это заставило его плакать.

— Мы станем старше, — отвечает он, — и сделаемся более жестокими. Сейчас мы находимся в преддверии, накануне великих событий, а тогда окажемся внутри. Это совсем иное качество.

Он отстраняется, и я, присмотревшись, вижу, что его бьет дрожь.

— Дело в том, — поясняет мой друг, — что то широкое поле разнообразных жизненных возможностей, которое лежит перед нами сейчас, к исходу завтрашнего дня невероятно сузится. Свободу выбора заменит свершившийся факт и суровая необходимость. Завтра мы перестанем быть юношами, Александр, но станем мужчинами.

Позволю себе процитировать слова Солона: «Тому, кто проснулся, пора прекратить видеть сны».

— Не бери в голову, Гефестион. Завтрашний день принесет именно то, ради чего мы были рождены. Возможно, на

небесах дело обстоит по-другому, но в нашем мире любое приобретение неизбежно связано с потерей.

— Ты прав, — с угрюмой серьезностью соглашается Гестифион. — Значит ли это, что я потеряю твою любовь?

Так вот что тревожит его нежное сердце! Теперь в дрожь бросает меня.

— Ты никогда не потеряешь этого, мой друг. Ни здесь, ни на небесах.

За два часа до рассвета прибывает курьер. Все командиры и начальники собираются, чтобы получить последние приказы. В шатре Филиппа царит полная сумятица: помимо высших военачальников и командиров крупнейших соединений пехоты и конницы Македонии туда понабились командиры союзных нам фессалийцев, иллирийцев и фракийцев. Среди них немало вождей полудиких племен, славящихся своим хвастовством и буйством, но в этот час все они напряжены и встревожены. Что ни говори, а войне всегда сопутствует страх, и сейчас даже эти дикие вепри Севера ощущают доносящуюся из темноты поступь Смерти.

Сам Филипп при этом, как всегда, опаздывает. Его походный шатер латан-перелатан и, совершенно определенно, взят из обозного старья. Куда подевался настоящий царский шатер, ведомо лишь небесам. Ночью похолодало, поднялся порывистый ветер, и полощущиеся на нем, что твои паруса, стенки палатки то и дело производят резкие, громкие хлопки. Снаружи артачатся привязанные у кольев низкорослые лошадки курьеров, а внутри чадят на ветру факелы.

Все полководцы понимают, что завтра им предстоит главная битва в их жизни, битва против фиванцев, низвергших могущество Спарты и не знавших поражений в течение тридцати лет. Их поддерживают лучшие военачальники половины Эллады — Афин, Коринфа, Ахайи, Мегары, Эвбеи, Коркиры, Акарнании и Левкадии, — а также пять тысяч наемников, собранных отовсюду, включая даже Италию.

И все, кроме наемников, явились защитить свои очаги и святилища. Сегодняшний день должен изменить мир. Это столкновение решит судьбу не только Эллады, но Персии и всего Востока, ибо, восторжествовав здесь, Филипп не остановится на достигнутом, но направится из Европы в Азию, дабы ниспровергнуть устоявшийся мировой порядок.

Люди и даже животные напряжены до предела: нервы у всех натянуты, как тетива. Многоопытные начальники отрядов, за плечами которых с полсотни походов, с трудом справляются с тревогой, и лишь самые молодые командиры болтают и разминаются на холодке, как застоявшиеся жеребята. Со стороны проема, выходящего в сторону пикетов, доносятся шаги.

В шатер пружинистым шагом входит мой отец, и всех нас охватывает такое чувство, будто явился могучий лев. Каждый волосок на моем теле встает дыбом, но в то же время на смену трепетному воодушевлению приходит неколебимая уверенность. Командиры вздыхают с нескрываемым облегчением: он здесь, с нами, а значит, мы не можем потерпеть поражение.

Я не свожу с отца глаз. Удивляюсь тому, как мало он делает, чтобы воодушевлять и окрылять людей. Он не возвышает голоса да и вообще не выказывает никакого намерения привлечь к себе внимание. Все военачальники, даже величайшие из великих, смотрят на него неотрывно, в то время как он рассеянно грызет кость с вяленным мясом — такие в армии прозвали «собачьими ляжками». Помощник вручает ему свиток, и он, чтобы принять его, берет «собачью ляжку» в зубы и вытирает одну руку о плащ, а другую о бороду. Парменион и Сократ Рыжебородый, командир «друзей», расступаются в стороны от царского походного кресла, свитский мальчик выдвигает его вперед, и отец, вместо того чтобы занять место во главе стола и руководить военным советом, плюхается на это сиденье, как куль с овсом. После чего дожевывает свое мясо. Создается впечатление, будто «соба-

чья ляжка» волнует его куда больше, чем предстоящее сражение.

Эффект подобного поведения невозможно переоценить.

Кончив жевать, Филипп поднимает глаза на Пармениона и, указывая на карты и листы с диспозициями, произносит: «Друг мой...» Фразы царь не заканчивает, но ее можно понять следующим образом: «Друг мой, извини за опоздание. Продолжай».

Парменион продолжает.

И вот еще что непременно стоит отметить. Хотя командиры, само собой, внимательно слушают все указания и наставления полководца, сами его слова, по существу, не имеют значения. Все начальники отрядов проинструктированы заранее, каждый знает свое место и свою задачу. Все, что важно в данный момент, так это уверенность в голосе Пармениона — и молчаливое присутствие царя Филиппа.

Мое имя и моя задача упоминаются среди прочих с нарочитым бесстрашием.

— Александру с его конницей предстоит уничтожить тяжелую пехоту фиванцев на левом фланге, — объявляет Парменион.

После того как диспозиция и приказы доведены до каждого, отец не обращается ни к богам, ни к предкам. Он просто встает, бросает кость на пол и, глядя на окружающих с видом оживленного предвкушения, говорит:

— А теперь, друзья, не пора ли приступить к делу?

КРАТЕР

Итак, под моим началом при Херонее состоят следующие командиры и воинские подразделения:

Шесть конных отрядов царских «друзей» — Аполлонийский, Боттизэйский, Торонский, Олиньфский, Антемионский и Амфиполитанский — общей численностью в тысячу двести девяносто один человек. Им приданы три корпуса вооруженных сариссами пеших «друзей»: Пиэрийский под началом Мелеагра, Элимиотийский во главе с Коэном и столичный, Пеллийский, командир которого, Антипатр, одновременно осуществляет общее командование нашей пехотой. Еще один, Тимфейский пехотный отряд Полиперкона, Филипп у меня забрал. Из конницы же он вернул себе отряд личных царских телохранителей и пять конных отрядов из Старой Македонии, примерно тысячу четыреста всадников под началом Филота. Под своей же рукой, на правом фланге и в центре, он оставил Пармениона с фракийцами, царскими копейщиками, и пеонийской легкой конницей — иными словами, всей легкой конницей, какая у нас имелась.

Штатная численность каждого из находящихся в моем подчинении конных отрядов составляет двести двадцать восемь всадников. Каждый из моих кавалерийских эскадронов полностью укомплектован, двести двадцать восемь бойцов, за исключением Торонского и Антемионского, где, соответственно, числится сто девяносто семь и сто восемьдесят два бойца. Все в строю, больных и раненых нет. Сам я собираюсь идти в бой во главе Аполлонийского отряда, оставив его командира, Сократа Рыжебородого, при себе в качестве заместителя. Пять оставшихся решено объединить в два корпуса (из двух и из трех отрядов). Авангард под командованием Пердикки пойдет в атаку одновременно с Гестеионом, и его задачей будет остановить и удержать на месте правый фланг фиванцев.

Обрати внимание, мой юный друг, что в тот день Македония вывела на поле боя все свои силы. Больше такого не повторялось. Войско, которое я привел в Азию, составляло примерно половину нашей армии, поскольку почти столько же пришлось оставить в тылу, в гарнизонах Эллады. Но сюда, к Херонее, Филипп привел всех, кого мог наскрести. Не успели только два конных и два пеших отряда, но народу хватало и без них.

Мое крыло усилено шестью формированиями союзной эллинской пехоты. Эллинами из Амфикионского союза, общее число которых достигает девяти тысяч, так что первая шеренга насчитывает девятьсот двадцать щитов, командует Николай по прозвищу Нос Крючком. Легкая пехота представлена наемниками с Крита и Наксоса, вольными стрелками Иллирии и сосредоточенными на острие атакующего строя двумястами семьюдесятью метателями дротиков из Агриании под водительством их вождя Лангара. В общей сложности, считая и пеших и конных, наша численность приближается к шестнадцати тысячам человек, тогда как фиванцев и их союзников от девятнадцати до двадцати тысяч. Каждого из своих командиров я знаю с дет-

ства, а потому готов с любым из них отправиться хоть в царство Аида.

Чтобы понять это лучше, послушай историю о моем дорогом друге Кратере.

Когда мне было шестнадцать, отец, доверив мне (разумеется, под присмотром своего военачальника Антипатра) царскую печать, отправился в поход против Перинфа и Византия. Я тут же организовал карательную экспедицию против диких фракийцев, покоренных отцом четыре года назад, которые, едва прознав о его отлучке, тут же объединились с соседними племенами и подняли восстание. Стояла зима. Я взял с собой шесть тысяч воинов под началом Антипатра и Аминты Андромена. Кратеру в тот год было двадцать семь, и он, будучи обвиненным в убийстве (тут была затронута честь), находился под арестом. Как раз в день нашего отбытия ему предстоял суд. Из темницы он обратился ко мне с просьбой взять его с собой: в тех самых горах, куда лежал наш путь, его семья владела золотыми приисками. Он вырос там, знал каждый камень и, разумеется, мог принести пользу. И заявил, что если не совершит в походе подвиг, то сам подставит свою шею под меч.

Мы выдержали две битвы, у переправ через реки Ибис и Эстр, и после двух дней и ночи преследования загнали последние сорок пять сотен мятежников, вместе с их военным вождем Тиссикатом, на лесистый перевал между горами Гем и Офот. И тут поднялась снежная буря. Враг оседлал перевал, а все подходы к нему к вечеру замело снегом. Я подозвал Кратера.

— Ты говоришь, что знаешь эту местность.

— Клянусь железными яйцами Аида, еще как знаю!

Он заявил, что чуть западнее имеется ущелье, пройдя которым мы к утру окажемся в тылу врага. Для успеха дела он потребовал полсотни солдат и четырех крепких мулов, чтобы один был нагружен сосудами с маслом, а другой — кувшинами с вином.

— Это еще зачем?

— От холода.

Добровольцами вызвались двести воинов: многие из тех, кто сейчас командует армиями, впервые завоевали мое сердце именно в тот вечер. Гефестион, Коэн, Пердикка, Селевк, Любовный Локон... иные уже умерли. Оставив с основными силами Антипатра и Аминту, я приказал им на рассвете идти на штурм перевала, а сам решил двигаться с добровольцами. Антипатру было сорок девять, мне шестнадцать. Он очень боялся за меня и, разумеется, страшился гнева Филиппа, который обрушился бы на него, случись со мной что дурное. Пришлось отвести его в сторонку и поговорить с ним один на один, уговаривая и улещивая его на македонский манер.

— Милый старый дядюшка, сейчас ты меня, может быть, и удержишь, но завтра, когда начнется схватка, никто не помешает мне первым броситься на врага. Так не лучше ли будет, если я нанесу удар не с фронта, а с тыла?

До створа ущелья мы добрались к наступлению ночи. Мулы проваливались в снег по брюхо. Я даже подумал о том, не послать ли мне наверх Теламона, дав ему Кратера в качестве проводника, и не вернуться ли самому к основным силам, но одного взгляда на подъем оказалось достаточно, чтобы покончить с этими недостойными мыслями. Дно ущелья оледенело и осыпалось под ногами, а если там когда-то и существовала тропа, то она оказалась погребенной под сугробами высотой по грудь человека. Вдобавок прямо у нас на глазах в ущелье с грохотом сошла лавина. Мне стало ясно, что провести людей здесь смогу только я. Никто иной не обладал достаточной волей.

Отряд начал восхождение. Стужа стояла неопишуемая, к тому же прямо нам в лицо всю ночь напролет, завывая, дул пронизывающий северный ветер, который местные жители называют «рифейским». Мы двигались по следу лавины, с трудом ковыляя в безлунном мраке по оледенелому,

осыпавшемуся под ногами каменному крошеву. Проклятое ущелье преграждали водные потоки, и, чтобы перебраться, перед каждым из них нам приходилось раздеваться догола и идти вброд, держа оружие, снаряжение и одежду над головой. Об этом приходилось заботиться, ибо всякий намочивший одежду неизбежно получил бы обморожение. Ущелье петляло, и таких переправ я насчитал одиннадцать. Наконец запас масла иссяк, растираться стало нечем, и очень скоро наши руки и ноги потеряли всякую чувствительность.

Кратер в этих труднейших обстоятельствах был великолепен. Он распевал песни, подбадривал всех шуточками. На полпути к перевалу мы остановились возле глубокого провала, и он, указав туда, сказал:

— Знаете, что это за дыра? Медвежья берлога. Этот медведь послан нам небесами.

Прежде чем кто-то успел вымолвить хоть слово, он взял копьё, веревку и стал спускаться в пещеру.

Солдаты, посиневшие и продрогшие, сгрудились у лаза. Неожиданно наружу, как пущенный из катапульты камень, вылетел Кратер.

— Чего вы ждете, ребята? — заорал он. — Тащите!

Оказалось, что он накинул петлю на лапу сонному зверюге, которого мы совместными усилиями потащили к выходу. К нашему счастью, хищник пребывал в столь глубокой спячке, что не сразу пришел в себя: должно быть, он считал, что ему снится какой-то кошмарный сон. Правда, когда два десятка солдат принялись тыкать в него копьями, он встрепенулся, но было уже поздно. Зверюга бросался на нас с дикой яростью, но мы разбегались, как ватага ребятишек, и нападали снова. В конце концов победа осталась за нами, но к тому времени, когда убитый зверь затих, мы все так взмокли от пота, что и думать забыли о морозе. Кратер разделал тушу, после чего мы все с головы до ног намазались медвежьим жиром и обернули ноги кусками медвежьей шкуры. Сам Кратер срезал медвежьей макушку и нахлобу-

чил себе на голову вместо шляпы. При переправе через каждый поток он входил в воду первым и выходил последним, помогая товарищам перебраться. При этом самая тяжелая поклажа всегда лежала на его плечах, а он еще и дурачился и, натирая соратников медвежьим жиром, отпускал скабрзные остроты. Такого товарища, как он, не купишь и за золото. Без него нам бы пришел конец.

На рассвете мы нанесли удар с высоты в тыл противника, и он, зажатый на перевале между нами и войском, ведомым Антипатром и Аминтой, был разбит наголову. Сразу после дележа добычи я объявил Кратера владельцем Ототиса, простил ему все прегрешения, а компенсацию клану убитого им человека обязался выплатить из своего кармана.

Таков был Кратер, к которому после этой истории прилипло прозвище Медведь.

И вот теперь на равнине Херонеи он отводит меня в сторону и сообщает, что бойцы встревожены решением Филиппа ослабить наше ударное крыло.

— Может быть, Александр, тебе стоило бы с ними поговорить?

Вообще-то я не слишком верю в воодушевляющую силу речей, особенно если они произносятся перед опытными командирами и проверенными, надежными боевыми товарищами, но сейчас, возможно, и вправду особый случай.

— Братья,— говорю я,— клянусь, что между нами и противником мы не наткнемся ни на одного зимующего медведя.

Напряжение разряжается смехом. Здесь, в передних рядах, находятся товарищи, бывшие со мной в ту ночь, Гефестийон и Теламон, Козн, Пердикка, Любовный Локон, а также Антипатр, штурмовавший тогда перевал снизу, и Мелеагр, брат которого, Полемон, отличился в том памятном бою, командуя тяжелой пехотой. Я повторяю снова: мы знаем, что делать. Все отработано, отточено, вбито в каждого, и растолковывать ему это лишний раз нет никакого смысла.

— Друзья мои, — говорю я, — позвольте мне напоследок сказать несколько слов насчет противника. Негоже нам ненавидеть этих людей и радоваться их смертям. Мы идем в бой не ради захвата их земель и богатств, но ради того, чтобы стать во главе Эллады. Если повезет, то, когда Филипп двинет войска в Азию, многие из них будут сражаться против персидского владычества бок о бок с нами. Но, помня это, не забудем и другое: сейчас нашей первейшей целью является разгром «священного отряда». Никакая армия никогда не выигрывала сражение после того, как было уничтожено ее лучшее, сильнейшее подразделение. Тут не должно быть сомнений: уничтожение «священного отряда» есть та задача, которую поставил перед нами наш царь!

Слышен одобрителный гул: от нерешительности моих товарищей не осталось и следа. Теперь они подобны скаковым лошадям, бьющим копытами у ворот.

— Но мы с вами, братья, должны не просто превзойти противника мощью. Мы должны дать ему почувствовать наше превосходство в достоинстве и благородстве. Да не уронит никто из вас свою честь! Всякий, кто будет пойман на мародерстве, горько об этом пожалеет, а отряд, который увлечется резней, я переведу в тыловые подразделения.

Рассвет застает всех в строю, в полной готовности. Филипп не привык тянуть, и мы видим, как выехавший вперед всадник взмахивает царским штандартом.

Это сигнал к атаке.

ЗУБЫ ДРАКОНА

Мой отец не верит в барабаны или трубы. В его армии ритм строевого шага поддерживается командами младших командиров. Их голоса грубы, но звучат ритмично и разносятся над полем даже на ветру, не хуже любой музыки. У каждого десятника своя манера, но всех их роднит наличие луженой глотки. Бывали случаи, когда хорошие воины не получали продвижения из-за отсутствия командного голоса, тогда как посредственные бойцы были обязаны своей карьерой именно этому качеству.

Первой трогается с места пехота Филиппа. Царь возглавляет правый фланг, я левый, а центром командует Парменион. Неровности почвы мешают рассмотреть наступающие отцовские шеренги как следует: они находятся в двенадцати стадиях от меня и станут по-настоящему видны лишь при сближении с неприятелем. О том, что отцовские бойцы уже выдвинулись вперед, я сужу по тому, что занимающие центр отряды Пармениона выравнивают строй, опускают вперед сариссы и, уравни-

новесив их на перевязях, начинают движение. Сколь же великолепен вид этого блестящего воинства! Справа и слева от железной стены пехоты нетерпеливо ржут и бьют копытами кавалерийские кони.

Нас и противника разделяют шестнадцать сотен локтей. Выворачивая шею, я высматриваю Гефестиона, сидящего верхом впереди своей конницы. Его шлем, железная «causia» с забралом, начищен до серебряного блеска, он восседает на ретивом, семнадцати пядей росту, гнедом скакуне с белой звездочкой во лбу и белыми «чулками» на всех четырех ногах. На всем поле битвы не сыскать ни коня, ни всадника краше.

Как это часто бывает перед сражением, по ничейной земле вовсю носятся ватаги местных сорванцов, за которыми с лаем гоняются их собаки: и те, и другие забавляются от всей души. Конные курьеры, и наши и вражеские, скачут туда-сюда вдоль строя, развозя донесения и приказы, меняющиеся порой в последнюю минуту. Иногда они встречаются, обмениваются приветствиями, и, случись одному упасть, другой помогает ему взобраться в седло. Им предстоит сразиться, но они относятся друг к другу без злобы. По причине, остающейся для меня загадкой, поле будущей битвы всегда привлекает птиц: сейчас над ним стремительно проносятся ласточки и стайками выются ржанки. А вот ни женщину, ни кошку там нипочем не увидишь.

Вслед за центром, возглавляемым Парменионом, приходит время подтянуться и моему крылу. Я киваю Теламону, он подает знак отрядным командирам. Пехотные сотни выступают вперед, старшие десятники занимают свои места, острия сарисс направлены вперед.

— Выровнять строй! Приготовиться!

На счет «пятьсот» мои полки приходят в движение. Ширина поля составляет почти двадцать стадиев: оно слишком широко, чтобы управлять передвижениями всей армии из

единого центра. Я, например, со своего места не могу даже увидеть Филиппа, не то чтобы подъехать. Сегодня нашей армии предстоит сражаться не в одной битве, но сразу в трех: справа, слева и в центре.

Поэтому, в соответствии с замыслом Филиппа, наступление осуществляется в три стадии. Первым удар противнику наносит правый фланг, находящийся под непосредственным командованием царя. Пехотная фаланга Филиппа — шесть отрядов общей численностью девять тысяч человек плюс три отряда из корпуса царских телохранителей (это еще тысяча) — вступят в бой с тяжелой пехотой из Афин, стоящей на левой (против нашей правой) оконечности вражеского построения. Завязав бой, Филипп сделает вид, будто не выдерживает неприятельского натиска, и начнет отходить. На войне всегда есть место игре и притворству, и при умелом подходе можно ввести в заблуждение даже таких завзятых театралов, как афиняне. По оценке моего отца, афинские ополченцы обладают храбростью, но не настоящей воинской стойкостью. Да и как можно ожидать от них большего, ведь это не профессиональные солдаты, а вооруженные граждане. Афины не выводили свои войска в поле двадцать лет, после чего провели лишь одну кампанию, продолжавшуюся всего месяц. Состояние ополченцев, столкнувшихся с закаленными бойцами Филиппа, можно охарактеризовать как смесь ужаса с возбуждением, которые они принимают за отвагу. Сойдясь с противником лицом к лицу, они потеряют голову, а увидев, как пятится перед ними македонская фаланга, легко поверят в собственное превосходство и устремятся вперед, не сомневаясь, что вот-вот разобьют Филиппа наголову. Между тем его отряды подадутся под этим яростным напором, но будут отходить в полном порядке, нерушимо сохраняя строй и удерживая наступающих врагов на расстоянии железной щетиной сарисс. На самом деле Филипп выманит афинян вперед, увлечет их за собой до той части поля, где

местность пойдет на подъем. Сам царь будет находиться выше по склону, на расстоянии зова трубы. И вот тут пешие македонские «друзья» остановятся как вкопанные и, отбив натиск, снова ринутся на афинян, воинственный пыл которых к тому времени поостынет, ибо они, по выражению спартанского полководца Лисандра, испытают «похмелье» ложной храбрости.

И вот тогда мы увидим вражеские задницы и чаши щитов, которые они побросают, обратившись в паническое бегство. Такова будет первая сцена этого представления.

Вторую, в центре позиции, разыграет Парменион. Его отряды вступят в схватку с коринфянами, ахейцами, а также наемниками и союзниками эллинов. Ему приказано не рваться вперед, а, сойдясь с врагом, стойко удерживать фронт. Его фаланга на стыках с соседними соединениями, отцовским и моим, плотно прикрыта конницей и легкой пехотой, так что обход исключен.

Ну а уж третья сцена будет моей.

Я поведу наступление на тяжелую фиванскую пехоту, в состав которой входит «священный отряд» на правом (нашем левом) фланге. Насчет того, как именно атаковать противника, Филипп указаний не давал и тем, как я расставил свои подразделения, не интересовался, хотя наверняка узнал все в деталях от Антипатра. Он ограничился тем, что спросил, достаточно ли мне войск, и за одно это я признаю его величие.

Замысел отца тонок. Предоставив мне командование крылом, он открыл для меня дорогу к славе. Если я добьюсь успеха, Македония обретет военачальника царской крови, а Филипп истинного, достойного наследника. Однако ему и в голову не пришло ставить судьбу сражения в зависимость от меня одного: царь рассчитывает, что, если даже я не оправдаю его надежд или погибну, он сумеет взять верх за счет победы на своем фланге (недаром у него в резерве

шесть отрядов конных «друзей») и в центре, где полагается на Пармениона.

До противника осталось восемнадцать сотен локтей: одиночные вражеские всадники снуют на расстоянии выстрела из лука. Я высылаю вперед разведчиков, чтобы они по цветам и значкам определили положение в строю каждого из фиванских подразделений. Каждый командир нашей пехоты должен знать, с каким именно командиром и с каким подразделением ему предстоит сойтись лицом к лицу. Такое дополнительное ориентирование подразделений называется «подгонка». Оно выполняется в движении, быстро, но с величайшей тщательностью, а потому требует высокого уровня строевой подготовки.

В каждом отряде ориентировки передаются от бойца к бойцу, ветераны из передней шеренги берут на заметку отрядные значки тех, кто определен им в соперники. Чем ближе сходятся войска, тем очевиднее становится цель: наступает момент, когда бойцы уже видят неприятельские лица, и каждый из них может сказать себе: вот тот враг, с которым я схвачусь первым.

Но особая задача, которую я поставил перед самыми умелыми и хладнокровными из посланных вперед разведчиков, — выявление дислокации «священного отряда».

В шестнадцати сотнях локтей перед нами разворачивается фронт противника. Неприятель начинает неспешное движение нам навстречу, но мы пока можем различить лишь сплошную массу, текущую вперед рядом с рекой, защищающей их фланг.

— Ты видишь, Александр? — говорит примчавшийся верхом Черный Клит.

Мы предвидели подобные действия фиванцев. Думаю, нам ясно, что они означают.

— Это так. Но в том, что «священный отряд» именно там, уверенности пока нет.

Пора бы наконец вернуться нашим разведчикам.

Где они? Где «священный отряд»?

— Давай я,— предлагает Клит, имея в виду, что может сходить в разведку сам.

— Нет, оставайся здесь.

Я собираюсь послать гонца к Гефестиону и удостовериться в том, что он правильно понимает складывающуюся обстановку, но тут он подъезжает ко мне сам.

— Ну? Узнали мы их цвета?

Разумеется, речь идет о «священном отряде».

— Пока нет.

— Александр, ну давай я сгоняю: туда и обратно.

Клит хочет сказать, что проскакать галопом вперед и вернуться можно за считанные минуты, но он нужен мне рядом.

— Подожди.

Стоящий у моего плеча Теламон указывает вперед.

— Возвращаются!

Это и вправду долгожданные разведчики. Самый младший, Адраст, прозванный Кудлатым, осаживает взмыленного коня.

— Ну, Кудлатый! Где «священный отряд»?

— Там! — с трудом выдыхает он. — У стыка фланга с центром.

Это означает, что воины этого отряда уже не находятся у реки, где располагались вчера, а переместились ближе к центру общего строя, туда, где фиванцы смыкаются с их союзниками.

— Как они сформированы?

— Как подразделение.

Это решает все.

Конечно, одного донесения недостаточно, но я подаю знак Теламону, чтобы он собрал отрядных командиров.

Тем временем, подгоняя коня плетью, к нам поспевают Андокид, второй разведчик. Его сообщение полностью подтверждает доклад Кудлатого.

Мы всей группой взъезжаем на возвышенность, и Андокид указывает вперед.

— Там, у высокого кипариса. Видишь их щиты?

Теперь, когда направление указано, мы даже на таком расстоянии можем различить алый «aspides» «священного отряда».

— Какое у них построение?

— Два, семь и один. Сто поперек.

Он имеет в виду, что первые две шеренги фронта в сто человек полностью сформированы из воинов «священного отряда», в семи следующих их поддерживают ополченцы, а замыкающая шеренга составляет боевой резерв.

— Кто у них справа?

— «Едоки угрей».

Это фиванские ополченцы с богатого рыбой Копайского озера.

— Глубина их строя десять рядов. Как у «священного отряда».

— Всего десять? Ты уверен?

Он уверен. А вскоре прибывают еще два разведчика, разделяющие эту уверенность.

— А что позади отряда?

— Прачечная, — заявляет Кудлатый, подразумевая болтающиеся лагерные веревки со всяким тряпьем.

— Отлично, друзья!

Я отпускаю разведчиков, обещая, что после битвы все они будут награждены по заслугам. Между тем сближение продолжается.

Осталось тысяча четыреста локтей.

Донесения разведчиков позволили мне составить представление о выработанном фиванцами плане действий.

Противник демонстрирует нам массированное построение на своем защищенном рекой правом фланге и движется вперед, давая понять, что на этом крыле его не опрокинуть. Когда фланг выдвигается вперед, общий его строй становится косым, и враг таким образом старается заманить нас глубже, чтобы его продвинувшиеся вперед части оказались позади нашего центра. А мы, ближе к центру, наталкиваемся на «священный отряд», но он представляет собой не острое монолита, а строй, состоящий всего десять щитов в глубину. Противник рассчитывает, что мы клюнем на эту приманку, ведь ему известно, что противостоящим «священному отряду» крылом командует восемнадцатилетний сын Филиппа, юнец, жаждущий подвигов и славы. По мнению неприятеля, этот молокосос просто не сможет устоять перед таким искушением и бросит на «священный отряд» все имеющиеся в его распоряжении силы. Ну а враг на сей случай наверняка заготовил для меня несколько неприятных сюрпризов. Или подкрепление, которое усилит «священный отряд» в решающий момент, или ловушки и волчьи ямы позади его строя... Что именно, не так уж важно: главное, заставить меня самозабвенно обрушиться на ту цель, которую выбрал для меня он. И тогда я окажусь в западне.

Теаген, командир фиванцев, — хитрый и опытный вояка, учившийся своему ремеслу у полководцев, ходивших в бой под началом самого Эпаминонда.

В то время как я ввязуюсь в бесполезную схватку со «священным отрядом» и срочно переброшенными к нему подкреплениями, Теаген введет в действие двигавшийся вдоль реки и продвинувшийся уже довольно глубоко правый фланг. Это крыло, где глубина строя достигает сорока, а то и пятидесяти щитов, развернется внутрь, как вращающаяся на петле створка гигантских ворот, и атакует наш корпус с фланга и тыла.

Это хороший план, в котором Теаген постарался вовсю задействовать свои сильные стороны и свести к минимуму слабые. Он умело использует как рельеф местности, так и свое знание человеческой природы. Полководец исходит из того, что противостоять ему будет молодой военачальник. Очень молодой, а значит — порывистый, неудержимый, рьяный и отчаянно стремящийся к славе. Однако для успешного осуществления этого замысла необходимо, чтобы, во-первых, македонцы ни на каком другом участке не потеснили фиванский строй, а во-вторых, чтобы после того, как великие ворота Фив станут закрываться, наши войска ни в коем случае не смогли помешать им захлопнуться.

А как раз это я и собираюсь сделать.

Фиванцы не разбираются в современной войне. Они убеждены, что основной ударной силой Филиппа, как и у них, является массивированный строй тяжелой пехоты. На самом деле задача македонской фаланги состоит не в том, чтобы прорвать вражеский строй, потеснить противника или обратить его в бегство. Она должна встретить врага, остановить его и удерживать в бесплодной попытке ее прорвать, до тех пор пока наша тяжелая конница не сомнет его, обрушившись с флангов. Фиванец считает настоящим воином только гоплита, всадника же презирает, отводя ему в лучшем случае вспомогательную роль. Он просто не в состоянии поверить, что какое-либо конное формирование способно устремиться на оцетинившийся копиями строй бронированной пехоты.

Но мы сделаем это.

Я сделаю.

Сегодня мы заставим их в это поверить.

Все эти мысли проносятся в моей голове за одну пятидесятиую долю того времени, которое потребовалось, чтобы их изложить. К этому моменту старшие командиры уже собрались под мой значок для получения последних приказов,

а их сотники, полусотенные и десятники производят пере-строение, формируя ряды и шеренги для встречного удара, какой мы отработывали и возможность какого предвидели еще в Фессалии, по пути сюда, и здесь, на совете в Херонее.

Тысяча локтей. Наши отряды продолжают наступать по косой. Что видит противник? Только то, что я хочу, чтобы он видел.

Он видит три отряда тяжелой, вооруженной сариссами пехоты, сорок пять сотен солдат, составляющих строй глубиной в шестнадцать шеренг и шириной в шестьсот локтей, треть протяженности крыла. Остающиеся до реки тысячу двести локтей заполняют ряды союзников. Фронт македонской фаланги не похож ни на что известное доселе в военном деле. Вместо коротких копий переднего ряда впереди строя движется сплошной лес железных наконечников сарисс, мерно покачивающихся в такт ритму марша.

Видит он и то, что мы наступаем на него по косой, выдвинув вперед правый фланг. Иными словами, отряд Антипатра, опережая остальных, движется на сближение со «священным отрядом». Это убеждает неприятеля в том, что наш главный удар нацелен именно туда. Я поддерживаю это заблуждение, направляя туда же легковооруженных стрелков и метателей дротиков. Все говорит о том, что нас интересует «священный отряд», и только он.

Я уже рассказал тебе о том, что видит наш враг. Теперь рассмотрим то, чего он не видит. А не видит он мою тяжелую кавалерию. Я располагаю четырьмя отрядами «друзей» (это восемьсот восемьдесят один всадник), которые держатся в тылу фаланг и полностью скрыты от взора поднятой пехотой пылью, и лесом поднятых вверх сарисс задних шеренг, и двумя отрядами Гефестиона, которые держатся слева, чтобы, когда пойдут в атаку и помчатся вперед, удар пришелся на правый фланг врага. Впрочем, всадников можно было

бы и не прятать. Противник недооценивает конницу. Презирает ее. Ни во что ее не ставит.

Восемьсот локтей. Острия наших копий направлены на «священный отряд». Враг должен верить, что он, и именно он, является нашей основной целью. «Священный отряд» должен готовиться к отражению нашей атаки. К тому, что мы обрушим на него всю свою мощь. Этому посвящено все. Именно по этой причине, а не для виду высланы вперед легковооруженные стрелки и метатели дротиков. Это не юноши или старики, не годные больше ни на что, кроме как швырнуть в сторону врага что попало и отбежать в тыл, а самые лучшие, самые умелые бойцы в мире. Горцы из северных племен, где юноша не имеет права называться мужчиной до тех пор, пока не свалит вепря или льва одним ударом. Лучшие их воины способны пустить стрелу по ветру на четыреста локтей, а их дротики легко расщепляют двухдюймовые доски.

Семьсот локтей. Наши копьёметатели уже видят глаза врагов сквозь прорези их шлемов и осыпают их дротиками, каждый из которых весит от трех до пяти фунтов и имеет острый железный наконечник. Враг держится, укрываясь за дубовыми, обитыми бронзой щитами.

Шестьсот локтей. Мы уже переступаем через первых раненых из числа передовых, легковооруженных бойцов противника. Кони всхрапывают, чуя кровь. Буцефал, сжатый моими коленями, содрогается, словно корабль, столкнувшийся с тараном. Не касаясь поводьев (этого не допускает его гордость), я слегка перемещаюсь на конской спине, и мой скакун восстанавливает спокойствие.

Я в окружении телохранителей и курьеров выдвигаюсь вперед, в промежуток между занимающими правое крыло отрядами Антипатра и Коэна.

Пятьсот локтей. Наши лучники и метатели дротиков выпускают последние стрелы и по промежуткам между насту-

пающими отрядами тяжелой пехоты отбегают в тыл. Поле полностью расчищается от легкой пехоты, и мы теперь отчетливо видим багрянец и золото «священного отряда». Видим командиров, указывающих своим подчиненным на значки наших подразделений. Точно так же, как делаем мы.

Неожиданно Теламон трогает меня за плечо.

— А вот и потрошители свиней!

Он указывает вперед, на отряды, перебегающие позади вражеского строя, чтобы подкрепить «священный отряд». Только после боя мы узнали, что то был составленный из состоятельных граждан Фив отряд Геракла (бывший Эпаминондов), уступавший по качеству подготовки и вооружения только «священному отряду», и соединения Кадма и Электры, сформированные из крепких, стойких беотийских земледельцев. Те самые подразделения, которые при жизни прошлого поколения победили Спарту. Мне неизвестно, насколько хороши их бойцы сейчас, но острия их копий в тылу «священного отряда» видны очень хорошо. Они выстраиваются там.

Вот он, долгожданный миг! Я чувствую, что взоры Теламона, Клита и всех всадников устремлены на меня. О, мой юный друг, под силу ли мне выразить словами, как я счастлив? Через несколько мгновений мы все можем встретить смерть, но мои товарищи принимают это с готовностью. Я тоже. Смерть ничто по сравнению с «*dynamis*», с охватившей нас жадной битвы. Триста. Я подаю знак Теламону.

— Сариссы к бою.

Пики задних рядов опускаются на плечи бойцов передних шеренг, делая щетину железных игл еще гуще. Из-за огромной длины древков они опускаются не резко, но плавно, как будто над строем прокатывается волна. Одновременно из сорока пяти сотен глоток вырывается боевой клич.

Враг отвечает тем же: мы слышим, как затягивают фиванцы свою боевую песнь. Неприятельские командиры, до сих пор стоящие перед строем, отступают, скрываясь за сомкнувшейся стеной окованных бронзой щитов. Бойцы упираются ногами в землю и взывают к богам, прося даровать им силы выдержать наш удар.

Как я уже говорил, сражение сродни театральному представлению, а суть театра есть игра и обман.

Зритель видит на сцене актеров, а принимает их за царей и богов. Он видит то, что хотят ему показать.

Мы показываем врагу вовсе не то, что собираемся делать.

А делать собираемся вовсе не то, что показываем.

Двести. Звучит труба.

Сто. И снова я подаю сигнал трубе. В «священном отряде» уверены, что наше правое крыло, отряд Антипатра, сейчас обрушится прямо на него.

Но ничего подобного не происходит. По трубному зову фронт Антипатра поворачивается на пол-оборота влево, и острия его копий нацелены уже не на «священный отряд», а на ополченцев, чьи позиции справа от него. Наступающие по косой пехотинцы выравнивают строй и устремляются в атаку.

«Священный отряд» приготовился отразить эту атаку. Но никакой атаки не последовало. Вместо этого перед противником неожиданно открываются двести локтей пустого пространства.

Но, направляя воинов Антипатра по диагонали от фронта «священного отряда», я одновременно делаю и кое-что еще. А именно: разворачиваю укрытые до сих пор за лесом поднятых вертикально сарисс задних шеренг четыре отряда своих «друзей» (два отряда Гефестиона еще остаются в тылу левого фланга) и галопом направляю их к правому крылу,

позади наступающей пехоты Антипатра. Конница на скаку перестраивается из линии квадратов в колонну клиньев. Этот боевой порядок именуется «зубы дракона». Каждый клин — это зуб, и каждый зуб следует за зубом перед ним.

«Друзья» прекрасно обучены конному строю, и их кони способны совершать маневры на полном скаку, не хуже беговых лошадей на ипподромах. Когда мы расчистим правое крыло Антипатра, мы прорвемся слева в колонну клина и атакуем врага со всей силой и неистовством, на какие только способны.

Понимают ли это командиры «священного отряда»? Думаю, да: теперь уже понимают. Теперь мой план для них очевиден, но они оказались пойманными в ловушку. Стоит им двинуться вперед для атаки на Антипатра (который, двигаясь по диагонали, соблазнительно подставляет им свой правый фланг), и моя кавалерия вспорот их собственный левый, который при этом движении тоже окажется неприкрытым. В случае же, если они останутся на месте, Антипатр сожрет ополченцев на их фланге заживо, открыв брешь в общем фронте, куда я смогу ворваться с восемью сотнями тяжеловооруженных всадников. Противник понимает, в чем его ошибка и что ему грозит, но исправить положение возможности уже нет. Практически все его силы — это тяжелая пехота. Можно сказать, что его бойцы врыты в землю, словно выросли в нее корнями. И шансов устоять против нас у них столько же, сколько у дерева устоять против топора дровосека.

Когда «священный отряд» выступает вперед (что необходимо, дабы нанести удар по воинам Антипатра), слева от него появляется наша атакующая кавалерия. Командиры составлявших второй эшелон отрядов Геракла, Кадма и Электры видят это и понимают, что им необходимо выступить вперед и заполнить образовавшийся в пехотном строю

разрыв. Мы видим, как они, отчаянно жестикулируя и срывая голоса, пытаются организовать своих людей для броска.

Пехота — это масса и неподвижность.

Кавалерия — это скорость и внезапность.

Между «священным отрядом» и поддерживающими его подразделениями открывается брешь. В эту брешь и врываются мои всадники.

Честь нанести врагу первый удар принадлежит Буцефалу. Мой конь — это подлинное чудо. Семнадцати пядей в высоту, более двенадцати сотен фунтов весом, с крупом размером с полковой котел, он оставляет на земле следы размером с жаровню. Могу представить себе ужас первого воина «священного отряда», увидевшего, как на него несется этот великан, чью грудь прикрывает железная броня. Стремительный напор, лязг металла, и строй противника разорван. Я чувствую, что слева от меня мчатся в атаку Клит и Теламон. Справа скачет Сократ Рыжебородый.

По большому счету кавалерийская атака похожа на паническое бегство, только направленное в нужное русло. Принято считать, что, если пехотный строй не дрогнет, конная лавина рассыплется, ибо лошади побоятся скакать на копья. Однако кони — стадные животные и, охваченные общим безумием, способны, устремляясь за вожаком, броситься не только на фалангу, но даже в пропасть.

При построении клином, во главе которого скачет на своем коне командир, остальные кони не руководствуются собственными порывами или даже велениями всадника, а лишь следуют за ведущим скакуном. И если он и его всадник отважны и неукротимы, остальные помчатся за ними в огонь и в воду. Тот же инстинкт, который способен заставить табун броситься с обрыва, побуждает верховых коней нестись на сплошную стену бронированной пехоты.

Пешие воители Фив не могут поверить в то, что вражеские кавалеристы настолько безумны, что готовы броситься

на смертоносную щетину копий. Но тут они ошибаются. Древко моего копья переламывается надвое от удара о щит какого-то отважно преградившего мне путь доблестного бойца в тот же самый момент, когда его копье расщепляется продольно, столкнувшись с железной пластиной, прикрывающей грудь Буцефала. Наши взгляды (оба мы смотрим сквозь прорези лицевых пластин своих шлемов) встречаются, и я успеваю прочесть в его взоре гнев и отчаяние. Спустя долю мгновения он уже сбит с ног наземь, и на его шлеме остается вмятина от копыта Буцефала. Даже в пылу битвы я испытываю укол сожаления из-за гибели столь достойного человека и в тысячный раз даю себе слово, что, придя к власти, не допущу, чтобы эллины проливали кровь друг друга.

На фресках обычно изображают, как сражающиеся всадники колют противника копьями и рубят мечами, но в действительности основной урон врагу наносит не всадник, а его конь. Что же до всадника, то в рукопашной схватке его самого охватывает то же безумие. Что, разумеется, способствует достижению наибольшего результата. Общий порыв, дикие крики, вырывающиеся из множества глоток, — все это захватывает и опьяняет. Инстинкты берут верх над всем тем, что привито обучением. Именно повинувшись инстинкту, Буцефал, подобно дикому жеребцу степей, вскидывается на дыбы, брыкается, бьет копытами и рвет зубами каждого, до кого может дотянуться. Стоит ему учуять кого-то на земле, он топчет его с тем же остервенением, с каким растоптал бы змею или волка, так что человеку, сбитому с ног и оказавшемуся на его пути, остается надеяться лишь на милость небес. Разумеется, для атакующей врага кавалерии все эти инстинкты являются оружием, но главная, а по существу, единственная задача ведущего всадника сводится к тому, чтобы неудержимо и безостановочно рваться вперед. Двигаться, не останавливаясь и не замедляя темпа. Острие долж-

но увлекать за собой весь клин. Если остановится лидер, атака захлебнется.

Мы прорвали уже десять шеренг вражеского строя. Вокруг бурлит море шлемов и копий. Я тянусь за мечом, но оказывается, что ножны сломались и мне не извлечь клинок. У меня появляется мысль о том, чтобы окликнуть Клита или Теламона. «Факел» — обычный клич всадника, лишившегося копья, когда ему нужно раздобыть другое, но мне становится стыдно из-за собственной неловкости забирать оружие у товарища. Я срываю свой шлем и размахиваю им над головой, намереваясь использовать его для нанесения ударов.

И в тот же миг грянул гром приветственных восклицаний. Счастливая звезда, воссиявшая при моем рождении и всегда способствовавшая моему успеху, не подвела и сейчас. Мой жест отчаяния «друзья» воспринимают как знак торжества. Наши пехотинцы, вступающие в этот миг в схватку вдоль фронта фиванцев, тоже видят, как я размахиваю шлемом, и тоже отвечают на этот, как им кажется, сигнал триумфа торжествующим ревом. Охваченные воодушевлением, они бросаются на врага с удвоенной силой, и он отступает под их неистовым натиском. Я снова поднимаю свой шлем и с криком швыряю его в ближайшего противника. Наша пехота прет напролом. Подразделения, присланные на подмогу «священному отряду», не выдерживают напора и отступают, а наш первый клин, прорвавшись сквозь вражий строй, вырывается на открытое пространство.

Впереди, в сотне локтей перед нами, виден неприятельский лагерь, уже охваченный паникой. Теламон нагоняет меня и бросает мне свое копьё. Клинья на скаку переформируются под моими цветами. Теперь мы атакуем врага из его же тыла. Каждая наша полусотня — это зуб дракона, и каждый такой зуб отхватывает кусок вражьей плоти.

Устоять против нас противнику не под силу. Как могут гоплиты и ополченцы с копьями в пять, самое большее семь локтей длиной сдержат фалангу, вооруженную сариссами в дюжину локтей? Ну а наши не признающие преград, рвущиеся к славе «друзья» въехали бы галопом прямо на Олимп.

В считанные минуты развернувшееся на нашем крыле сражение разбивается на три отдельные схватки. Прижатые к реке пешие сотни правого вражеского фланга, выступившие против нашей пехоты, атакуются с фланга и тыла конницей Гефестиона, в то время как с фронта на них нападают соединения Аминты и Николая. Враг зажат в клещи и обречен. В центре бойцы Коэна сшиблись с пешими ополченцами. Там бурлит ожесточенная битва, звучат крики, звенит металл, льется кровь. На нашем крыле «священный отряд» и приданные ему подразделения оказались отрезанными от своих основных сил. В то время как вооруженная сариссами фаланга теснит их с фронта, наша тяжелая кавалерия прорвалась им в тыл. Отборные войска противника оказываются в окружении, и начинается кровавая бойня.

Если какое-то подразделение отсекается от общего строя, дальнейшее его сопротивление зависит исключительно от отваги и доблести его воинов. И скажу откровенно, в этом отношении ни одно воинское формирование, с которым мне приходилось иметь дело, не превзошло «священный отряд» Фив. С того момента, как первый кавалерийский клин прорвал их фронт, триста фиванцев были обречены, однако они не только не дрогнули, но сомкнули ряды и своим героическим примером вдохновили на отважную борьбу сражавшихся рядом с ними простых ополченцев.

Казалось, будто сражаются не просто воины, а герои и полубоги. Тимон, олимпиец, славный кулачный боец, убил двоих наших солдат, причем второго, как выяснилось потом,

прикончил голыми руками, сломав заодно шею и его коню. Тоот, чемпион по панкратиону, продолжал сражаться даже после того, как ему отсекали пол-лица, а в живот и грудь вонзили три копья. Для описания личной доблести наших мужественных соперников потребовалось два свитка, однако еще большего восхищения заслуживало их чувство товарищества и умение сплотиться. Хотя поначалу наши клинья разорвали строй фиванцев на три, а потом и пять отдельных частей, некоторым из этих, казалось бы, безнадежно отрезанных от своих подразделений удалось пробиться друг к другу и выстроиться в боевой квадрат, отражавший наш натиск и организованно отходивший. Сначала к одинокому кипарису, отмечавшему их первоначальную позицию, потом к низкой ограде своего лагеря и наконец к походной кухне, где им на какое-то время удалось укрепиться позади лагерьной канавы, превращенной в оборонительный ров. Ни один из этих славных бойцов не показал нам спину. Мы теснили их, но постоянно видели перед собой стену сомкнутых щитов и щетину копий. И стоило нашим бойцам позволить себе хоть малую передышку, «священный отряд» устремлялся в контратаку.

Но при всем своем мужестве эти герои были обречены на безжалостное истребление, ибо македонская фаланга, оснащенная сариссами, при фронтальном столкновении обладает неоспоримым преимуществом перед традиционной, вооруженной более короткими копьями. Потери врага значительно превосходили наши, и главной нашей проблемой была вызванная непрерывным наступлением усталость и необходимость смены вымотанных бойцов передних шеренг свежими, подтягивавшимися из тыла. Ряды неприятеля таяли: из тысяч оставались сотни, сотни превращались в десятки.

Мы могли слышать голоса отдельных командиров, призывавших своих товарищей подороже продать свои жизни.

Я призывал их внять голосу разума и сдаться, но мои призывы пропадали втуне. Кое-где самые отчаянные бойцы, сбившись в тугие узлы бронзы и железа, устремлялись вперед, словно надеясь прорваться сквозь море окружавших их македонцев. Боги изумились бы их неистовству, но то было неистовство безнадежности, ибо наши ряды были слишком глубоки и слишком плотны. Со всех направлений на них напирал строй глубиной в двадцать, а то и тридцать шеренг, так что орудовать копьями могли лишь первые шесть рядов. Остальные держали сариссы вертикально, стояли локоть к локтю и напирали на передних, усиливая их натиск. Это безбрежное людское море захлестывало и поглощало отважных воинов неприятеля, одного за другим.

Наконец врагов остается так мало, что дальнейшее их истребление не имеет военного смысла. Я останавливаю наступление и вновь призываю фиванцев сдаться. Снова следует отказ. В это время ко мне галопом приближается отцовский гонец: царь созывает своих командиров. Слышны ликующие крики: всадники Гефестиона и Пармениона, покончив с противником на своих участках, соединяются с нами. Враг разбит по всему фронту! Все кончено! Мы победили! Я не ощущаю ни малейшей усталости, лишь окрыленность и колоссальное облегчение.

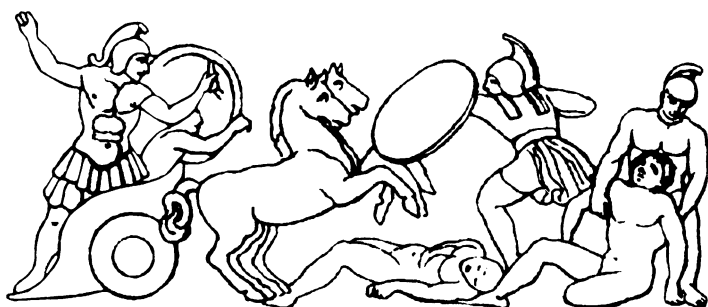
Поручив Антипатру и Коэну завершить дело со «священным отрядом» (им приказано сохранять жизни как можно большему числу противников и ни в коем случае не задевать чести побежденных) я на пару с Гефестионом скачу через поле следом за отцовским гонцом. Мы ликуем, ибо о таком сражении кавалерист может только мечтать. Конница показала себя с наилучшей стороны, проявив все свои преимущества. Враг разгромлен на всех направлениях. Я крепко пожимаю руку Гефестиона, и как раз в тот миг, когда

мы от всего сердца поздравляем друг друга, нас на взмыленном коне настигает мчавшийся карьером посланец Козна, Полемарх.

— Александр...— Он запыхался и говорит сбивчиво.— Там... «священный отряд». Некоторые из них кончают с собой! Что нам делать?

«СВЯЩЕННЫЙ ОТРЯД»

Из «священного отряда» уцелело около сорока человек. Все они безоружны: Антипатр и Коэн лишили их возможности не только сопротивляться, но и причинить себе вред. Сцена, предстающая взору по истечении нескольких минут по окончании боя, ужасает и разрывает сердца. Среди оставшихся в живых нет ни одного, кто не получил бы ран. Многие ужасно изувечены, однако все они нашли в себе силы, поддерживая друг друга, приковылять, притащиться или даже приползти к песчаному кособогу, где находилась их изначальная позиция. Возвышающийся над ними одинокий кипарис выглядит как дерево ада.

Подъехав к ним в сопровождении Гефестиона и Полемарха, я замечаю одного из недавних врагов. Ноги его раздроблены (не иначе как копытами коней «друзей»), глаза выколоты, а раны на теле невозможно сосчитать из-за крови и грязи. Зная, что его товарищи в большинстве своем пали, этот воин приполз сюда на одном локте, дабы просить победителей даровать смерть и ему. Столпившиеся вокруг

македонцы и наши союзники таращатся на потерпевших поражение противников, словно на медведей в загоне.

Удивление этих воинов мне понятно. Даже те, кому довелось пройти сотню сражений, едва ли сталкивались с противником, продолжавшим сражаться до конца даже после того, как у него не осталось надежды не только на победу, но и на спасение. Такого в воинской практике не случается. Отборнейшие подразделения любых армий, осознав свое поражение, или покидают поле боя, или вступают в переговоры, дабы выторговать себе почетные условия капитуляции. Однако «священный отряд» стоял до конца и полег почти полностью. Уцелевшие не делают никаких попыток перевязать свои раны, а некоторые, напротив, разрывают их, желая поскорее истечь кровью. Это свидетельствует не только о мужестве, но и о ненависти к нам. Они не желают признавать в нас эллинов.

С правого фланга подъезжает Филот, старший сын Пармениона, любимец моего отца, командовавший в этот день конными «друзьями». Он ненавидит фиванцев смертной ненавистью, и вид их несравненной доблести лишь разжигает пламя злобы.

— Кем вы себя вообразили, уж не спартамцами ли при Фермопилах? — кричит он, остановившись перед ними, с высоты Адаманта, своего рослого вороного скакуна. — А нас, наверно, считаете персами, а, сукины дети?

Мои воины, окрыленные, как и подобает прошедшим испытание близостью смерти, взирают на грозных, но побежденных соперников с нескрываемым торжеством.

— Не больно-то вы на них похожи, — продолжает Филот. — Те стояли насмерть за храмы Эллады против варваров, а вы деретесь против своих братьев на радость царю персов. И скорее покоритесь владыке Азии, чем согласитесь вступить в союз с Македонией. Персидские прихвостни, вот вы кто!

Я приказываю ему умолкнуть, и он смотрит на меня с гневом. Что же до солдат, то им явно хотелось бы поживиться чем-нибудь из фиванского оружия и снаряжения. Кто не хотел бы похвастаться дома мечом или щитом, захваченным в бою со столь славным врагом!

Филоту тридцать, мне восемнадцать. На щеках его выступают желваки. Он в ярости, да и я, со своей стороны, готов изрубить его в куски, несмотря на благосклонность к нему моего отца. Он это прекрасно понимает. Царь Филипп должен прибыть с минуты на минуту, и Филот, оценив обстановку, поворачивается ко мне спиной.

По прошествии нескольких мгновений все взоры вновь обращаются к остаткам «священного отряда», и тут происходит нечто необъяснимое: чудо, ниспосланное богами. Силою странного волшебства мы начинаем видеть в недавних смертельных врагах товарищей по крови и духу, таких же солдат, как и мы сами.

Конечно, нам случалось видеть одержимых или фанатиков, стремящихся к смерти. Но эти воины не таковы. Это разумные люди, защитники своей страны и своих близких. Теперь, когда мы уже не видим перед собой фалангу, можно различить лица отдельных людей. По всему видно, что каждый из них хранит верность своим товарищам и своему отряду, будучи привержен тому же кодексу чести, какой исповедуем и мы. Наши люди молчат, но каждому понятно, что сегодня наши недруги, хоть удача и не склонилась на их сторону, не уступили нам в доблести. Они отдали битве больше, чем мы, и испытали большие страдания, чем выпали на нашу долю. Неожиданно становится ясно, что, если мы действительно мечтаем пересечь Азию и ниспровергнуть существующий мировой порядок, нам необходимо подняться до той высокой самоотверженности, которая читается на этих разбитых, окровавленных лицах. Это знание отрезвляет. Ненависть уступает место состраданию, если не любви.

Благородный Короней, с отрубленной у локтя рукой, преклонил колени в пыли над телом Паммена, своего сына. Я чувствую, как закипают слезы.

Между тем вскоре ожидается прибытие царя Филиппа и его свиты. Отец желает насладиться торжеством, и я не знаю, как поступит он с этими воинами. Скорее всего, будет тронут их беззаветной отвагой так же, как мы, но удержит их в плену, дабы превратить в заложников и предмет торга с их соотечественниками.

— Освободите их! — звучит мой приказ, который я слышу словно со стороны.

— Нет! — кричит, не веря своим ушам, Филот.

— Все свободны! — повторяю я. — Вернуть им оружие!

— Ты не имеешь права! Дождись Филиппа!

Взявшись за копье, я сжимаю бедрами бока Буцефала, но Гефестион и Теламон тут же ставят своих коней между мной и человеком, отказывающимся мне подчиняться. Их примеру следуют Коэн и Антипатр.

— Александр... — Филот показывает пустые руки, демонстрируя свое миролюбие. — Этих людей победил ты, но сражение выиграл Филипп. Он наш высший командир. Ты должен повиноваться царю!

Слов у меня не находится, а вот гнева хоть отбавляй. Лишь верные друзья и заслуженные военачальники, преграждающие дорогу, не дают мне обогреть железо кровью своего же соотечественника.

Приближается Филипп. Впереди, с дюжиной царских телохранителей, едет его прорицатель Аристандр, за ними Парменион и Антигон Одноглазый и наконец сам царь. Разумеется, ему тут же докладывают о моей стычке с Филотом.

— Что бы мне следовало сделать, так это приказать проломить упрямые головы вам обоим, — ворчит отец, но тут его взгляд падает на Короней, и я вижу, как к суровым царским глазам подступают слезы.

Пленных окружает отряд под командованием пехотного командира Эвгенида, прозванного за дотошность в расчетах Счетоводом.

— Мой сын отдал приказ отпустить этих людей? — обращается к нему Филипп.

— Так точно.

Филипп кивает, подтверждая мою команду.

— Ты слышал приказ! — рявкает Счетовод своему помощнику. — Вернуть пленным оружие. Снять караул!

Выходит, Филипп не прогневался на меня? Он без возражений признал мое право отдавать приказы.

Лишь на следующее утро, когда мы совершаем благодарственное жертвоприношение Гераклу и Зевсу, он отводит меня в сторонку.

— Ты мог пожрать сердце льва, сын мой, но предпочел вернуть его хозяину. Боюсь, за это он возненавидит тебя еще больше. Излишнее великодушие наказуемо, и тебе непременно придется заплатить свою цену. Но, — он кладет руку на мое плечо, — я все равно не могу тебя за это винить.

Херонея стала последней победой Филиппа. Двадцать один месяц спустя, шествуя в процессии, которая должна была открыть игры в честь бракосочетания моей сестры, он был сражен рукой наемного убийцы.

Книга третья
САМОВЛАСТИЕ

Глава 9

МОЙ ДАЙМОН

В момент убийства Филиппа, случившегося в театре македонского города Эги, я только что вступил в колоннаду, шествуя в процессии моего отца, дабы занять место рядом с его тронном. Жених, Александр из Эпира, шел рядом со мной, Филипп послал нас вперед, чтобы продемонстрировать множеству своих недоброжелателей, что он не нуждается ни в каком телохранителе. Когда раздались испуганные крики, я мигом понял, что случилось ужасное, и вместе с Александром Эпирским помчался назад. Нам пришлось проталкиваться сквозь толпу мечущихся, визжащих, перепуганных женщин, и, прежде чем это наконец удалось, убийца, молодой аристократ по имени Павсаний, был уже схвачен и убит исполнявшими роль телохранителей при царской особе Пердиккой, Любовным Локоном и Атталом Андроменом. В тот момент, когда еще не было известно, был отец убит или ранен, я, к собственному удивлению, поймал себя на том, что переживаю не только за Филиппа, которого, несмотря на наши

нередкие стычки, любил и почитал, но и за народ, оказавшийся перед угрозой лишиться его львиной мощи. Потом раздались скорбные стенания: царь был мертв.

Я так и не успел до него добраться.

Я находился позади Филота, сына Пармениона (того самого, который чувствительно задел мое самолюбие при Херонее), когда тот повернулся и, обращаясь к своему другу, сыну Козна Клеандру, сказал:

— Вот и конец Азии.

Он имел в виду, что великая мечта о походе на Восток и победе над персами умерла вместе с царем, ибо никто другой не в состоянии организовать и возглавить кампанию столь колоссального масштаба.

Меня Филот не видел, ибо я находился в двух шагах за его плечом, и никакого намерения обидеть меня в данном случае не имел. Однако мною овладела такая ярость, что перед ней отступила даже скорбь по отцу. Казалось, будто она перетекла из моего пылающего гневом сердца в руки, а из них в меч, коим я рассекаю дерзкого болтуна надвое. А потом истребляю самую память о нем и все следы его существования, включая младенца-сына. Разумеется, этот порыв тут же схлынул, и ему на смену пришла холодная решимость доказать, что высказывание Филота не просто ошибочно, но ложно по самой своей сути. Доказать, что лишь смерть Филиппа и сделала завоевание Азии возможным, тогда как при нем эта грандиозная мечта так и осталась бы мечтой.

Я стал протискиваться дальше. Моего отца унесли в тень свадебного павильона и положили на дубовую скамью, превратившуюся на время в лекарский стол. Удар, сразивший Филиппа, был нанесен снизу вверх, в область грудной клетки. Живот и поясница отца были залиты кровью, но в остальном он выглядел человеком, уснувшим после основательной выпивки. Сколько же шрамов носил он! Лекарши об-

нажили его тело, но при моем появлении, то ли из скромности, то ли из почтения к особе наследника, юноша по имени Эвктемон прикрыл детородный орган царя плащом. Состояние собравшихся было близко к иступлению: казалось, еще чуть-чуть, и полководцы с государственными мужами впадут в панику. Кажется, сохранить присутствие духа удалось только мне.

Я мыслил холодно, отстраненно и необычайно ясно. Хирургов, занимавшихся телом, было двое: Филипп из Акарнании и фракиец Аморг, обучавшийся на острове Кос, в Гипократовой школе. Мне подумалось, что теперь эти лекари, наверное, будут опасаться за свою личную безопасность, страшась и моего гнева, и гнева народа за то, что не сумели спасти жизнь царя. Я сразу же взял их за руки, чтобы внушить им спокойствие. Филот, тоже подошедший к царскому телу, всячески демонстрировал неутешную скорбь. Гнев мой к тому времени уже улегся, и я смог увидеть его тем, кем он и был: прирожденным бойцом и кавалерийским командиром, исполненным, однако, мелкого тщеславия и любящим пустить пыль в глаза. Мне стало ясно, почему он меня так раздражает.

Какое преступление совершил Филот?

Он усомнился во мне.

Он сомневался в моем даймоне и в моем предназначении. Этого я ему не смогу простить никогда.

Десять лет спустя, в Индии, мы впервые встретились с нагими мудрецами, так называемыми гимнософистами. Некоторые из нас, как, например, Гефестион, заинтересовались их учением и попытались вникнуть в их философию. Он сказал мне, что целью их усилий является перемещение центра бытия от суетного и бренного начала, господствующего в жизни обычных людей, к высшему, духовному, именуемому Атман, что у нас порой переводится как «я». Мне

кажется, я, хоть и упрощенно, понимаю, что они имеют в виду. Мой даймон был и есть настолько силен, что порой я всецело оказывался в его власти. В обществе Гефестиона, Теламона и Кратера мы часами обсуждали этот феномен, и я всегда признавал, что эта непостижимая и неодолимая сила, пожалуй, полнее всего проявила себя в час, последовавший за убийством моего отца.

— Это не я, — пояснялось мною, — но существо, связанное со мной воедино. Так, словно сплетенное со мною с рождения и возраставшее со мною вместе, прорастая в меня и переплетаясь со мною всеми фибрами, оно по мере нашего совместного взросления открывалось мне все в новых и новых своих аспектах. Этот «Александр» более велик, чем я. Более жесток, чем я. Ему ведомы ярость, мера которой превосходит мои возможности, и мечты, не ограниченные пределами того, что может охватить мое сердце. Он холоден и коварен, блистателен и бесстрашен. Это не человек, а чудовище, но не такое, какие жили в Ахилле или Агамемноне, которые были слепы к собственной чудовищной сути. Нет, этот «Александр» знает, что он собой представляет и на что способен. Он — это я, но более чем я сам, и я неотделим от него. Боюсь, что я должен стать им, или он должен поглотить меня.

По существу, это открылось мне, когда я стоял рядом с деревянной скамьей, ставшей похоронным ложем моего отца. Мой гнев на Филота был вызван обидой не за себя: скорее, сердце мое восстало на защиту моего даймона со страстью, какой я прежде в себе не ведал. Открытие потрясло меня, ибо я вдруг ощутил, сколь колоссальные силы оказались в моем распоряжении. Меня охватила радость, сопряженная с полной уверенностью в себе и своем высоком предназначении. Я осознал, что могу забыть любое преступление — убийство, измену, предательство, — но не сомне-

ние. Сомнение в моем предназначении. Этого я простить не могу.

В тот миг, над телом моего отца, весь план кампании на следующее полугодие был разработан, сверстан и утвержден военным советом моего сердца. Мне был известен каждый шаг, который я сделаю, и порядок, в котором эти шаги предстоит сделать. Равно как и то, что с этого мгновения (хотя до поры это останется тайной) Филот стал моим врагом.

Что касается преданности армии, то в этом после Хероней сомневаться не приходилось, а потому я решил не созывать Совет знатных и направился напрямиком к Антипатру и Антигону Одноглазому. Другие виднейшие военачальники, Парменион и Аттал, находились за морем, где готовили плацдарм для намеченного Филиппом вторжения в Азию. Разговор состоялся в большом крытом проезде, именуемом «Путь восточных штормов». Оттуда удобно подъезжать ко дворцу в ненастье, а царские гонцы держат там наготове своих коней. Антигон и Антипатр сразу после убийства удалились туда — держать совет с Аминтой, Мелеагром и несколькими другими видными командирами. Мое появление стало для них неожиданностью. Я шагнул под свод в сопровождении Гефестиона, Теламона, Пердикки и Александра Линкестийца. На процессии я присутствовал лишь в праздничной тунике, и Александр отдал мне свои доспехи, дабы я облачился в них в знак принятия власти. Перед этим я припал к телу отца, и его кровь еще оставалась на моих руках.

Полководцы, по-видимому, обсуждали, что делать со мной, но я все решил за них.

— Александр... — заговорил было Антигон, желая дать полководцам оправиться от неожиданности, но я оборвал его.

— Как скоро армия сможет выступить?

Антипатр тут же заявил, что он поддерживает меня.

— Но твой отец...

— Мой отец мертв,— сказал я,— и весть о его смерти скоро облетит на крыльях не только племена севера, но и все города Эллады.

Я имел в виду, что они выйдут из навязанного им союза.

— Как скоро мы сможем выступить маршем?

Даже при самой отчаянной спешке на это ушло два месяца. Весь этот срок я почти не спал, стараясь находиться повсюду одновременно, не давая возможности даже двум из моих военачальников остаться наедине на время, достаточное, чтобы они могли договориться и вступить в заговор. Они находились или на плацу, где муштровали солдат, или в моем дворце. Задремать я позволял себе лишь с Гефестионом у одного плеча, Кратером и Теламоном у другого и отрядом царских телохранителей за дверью. Трон необходимо было защищать, и для этого, к сожалению, пришлось принять ряд не радовавших меня мер. Своего сводного брата я пощадил, но мать, увы, совершенно обезумела. Она ничуть не скрывала радости по поводу кончины Филиппа, на которого была зла из-за постоянных измен, и теперь разошлась вовсю. Последнюю любовницу отца она приказала убить, а с детьми от этого союза расправилась собственноручно. Младшим из них был мальчик, существование которого, по правде сказать, могло осложнить мое положение на престоле. Но этим дело не ограничилось. Мастерница по части ядов, матушка собрала вокруг себя преданный ей кружок молодых знатных людей и принялась творить суд и расправу, не считаясь ни с кем, включая меня. Все эти бесчинства совершались по приказу Олимпиады, но если и не от моего имени, то как бы из любви ко мне и в моих интересах. Меня это бесило, ибо никак не способствовало тому образу разумного и справедливого правителя, какой был нужен мне. Бывало, я являлся к матушке по три раза

за ночь, уговаривая ее унять своих людей и прекратить эти безумные выходки. Я угрожал посадить ее под домашний арест или даже сунуть в мешок и тайно вывезти из страны, но взывать к ней было все равно что к Медее. Стоило мне войти, Олимпиада, отослав прислужниц, принималась улещивать меня такими речами, перед которыми трудно было устоять. При этом ее наставления касались всего. Кому из полководцев отца я могу доверять, а кого должен опасаться. Кого мне следует покарать, кого возвысить, кого устранить. Как я должен одеваться, что говорить, какую политику проводить в отношении Коринфского союза, Афин, Фив и Персии. Она бушевала и неистовствовала, но зачастую советы ее были мудры, как откровения Персефоны. Я ничего не мог с ней поделать, ибо слишком в ней нуждался. Каждая попытка увещевания кончалась одним и тем же. Она хватала меня за руки, и взгляд ее проникал в мой, словно наполняя меня силой своей страсти, волей к победе и убежденностью в моем высшем предназначении.

Она поведала мне, что Филипп мне не отец, но что в ночь моего зачатия ее посетил сам Зевс в образе змея. Итак, я сын бога, а она, моя мать, следовательно, божественная царица. И надо же, вместе с этим безумием к ней словно бы вернулась красота ее молодости. Глаза ее сияли, кожа стала гладкой как шелк, волосы блестели. Второй подобной женщины было не сыскать во всей Элладе.

Порой, чтобы отдохнуть от ее рвения, я отправлял в ее покои Антипатра или Антигона Одноглазого и не без ехидства наблюдал за тем, какими ошалевшими они оттуда выходили. Я не осуждал их: кто знает, чем приправляла вдова Филиппа свои яства?

Тело убийцы распяли над могилой отца, после чего публично сожгли. На месте казни перерезали глотки его сыновьям, а заодно и моим двоюродным братьям, детям царевича Эропа, признанным виновными в заговоре. Вместе с

Филиппом мы похоронили его любимых коней и любимую наложницу, Хианну из Эордеи. Вот панегирик, произнесенный мною при погребении:

Доблестные мужи и соратники, братья наши по оружию! Когда Филипп взошел на трон, большинство из вас кормилось за счет овечьих стад, перегоняя их с зимних пастбищ на летние. Вы носили звериные шкуры, а при нападении соседей бежали в горы, не надеясь отразить захватчиков. Филипп вывел вас из пещер и ущелий на равнины, научил сражаться и вернул вам вашу гордость. Он превратил пастушье племя в великую армию.

Он поселил вас в городах, дал вам законы, поднял вас из нищеты и невежества и поверг к вашим ногам Пеонию, Иллирию и Трибаллию, жители которых до его прихода терзали вас набегами, грабили и обращали в рабство. Его волею Македония овладела Фракией и морскими портами, где прежде безраздельно распоряжались Афины. Он одарил вас золотом, завел в вашем краю ремесла и торговлю. Он сделал вас господами над фессалийцами, прежде повергавшими вас в трепет, возвысил вас над фокийцами и открыл перед вами широкую дорогу в Элладу.

Афиняне и фиванцы насильовали ваших матерей и сестер, воровали ваше добро по своему капризу. Филипп сломил их гордыню, он покорил Афины и Фивы, господствовавшие на море и суше, навязывавшие всем свои унижительные, грабительские порядки. Города Эллады, прежде создававшие союзы, интриговавшие и воевавшие и с нами, и друг с другом, теперь обращаются к нам, ища защиты и справедливости. А сколь велик был наш царь на поле боя! Я читал свитки эллинов и персов, повествующие о деяниях Кира Великого и старшего Дария, Мильтиада при Марафоне, Леонида при Фермопилах, Фемистокла, Кимона, Перикла, Брасида и Алкивиада, Лисандра, Пелопида и Эпаминонда.

Все они дети по сравнению с Филиппом. Эллыны провозгласили его верховным главнокомандующим в грядущей великой войне против Персии не потому, что они желали этого (ибо они, как вы знаете, испытывают к нам ненависть и презрение), но потому, что его величие не могло остановиться на чем-то меньшем. До Филиппа слова «я македонец» вызывали лишь презрительный смех, теперь же они внушают трепет. Своими трудами и подвигами наш царь прославил и возвеличил не только себя, но весь наш народ, всю нашу страну.

Моя армия прошла по Элладе и повсюду установила порядок. В Коринфе меня, следом за отцом, признали гегемоном греческого союза государств, после чего настала очередь воинственных северных племен. В моих воинах пылала неугасимая жажда битвы. За шесть дней мы дали четыре сражения, сумев в течение всего одного дня, без кораблей и мостов, переправить через Дунай, самую могучую реку Европы, четыре тысячи солдат и пятнадцать тысяч лошадей. За все это время не имело места ни одного случая грубого нарушения дисциплины, так что никто не был наказан.

К северу от Дуная мы на пшеничном поле одолели десяти тысячную орду диких кельтов и германцев. Эти могучие дикари, превосходившие нас ростом и способные сами таскать на плечах своих низкорослых лошадок, тем не менее бежали как крысы, отступив перед безукоризненной военной машиной, созданной и доведенной до совершенства моим отцом, Антипатром и Парменионом.

На обратном пути, перебравшись через Аксий в Эйдомен, я проехался вдоль возвращающихся колонн победителей. Повозок не было: Филипп запретил их как замедляющие движение. О лагерных шлюхах и маркитантах не могло быть и речи. Одно вьючное животное приходилось на пятерых солдат и один слуга на десятерых. Все необходимое

армия несет в плетеных корзинах, пятьдесят фунтов на спине, тридцать на груди, для равновесия. На груди меньше, ибо к нагрудной корзине ремнем крепится еще и железный шлем. Сариссы подвешены на ремнях, да и башмаки из бычьей кожи болтаются на завязках на шее. Босая колонна переходит брод, словно посуху. Клянусь небом, как движутся эти солдаты! Враг готовит нам встречу, а мы ушли уже стадиев на четыреста! Там, где нас ждут завтра, мы оказываемся сегодня, а где рассчитывают увидеть сегодня, мы побывали уже вчера.

Я смотрю на марширующих агриан. Это мои люди, северяне, нанятые мною за свои деньги и влившиеся ныне в македонское войско. В горах без метателей дротиков не обойтись: если враг укрепляется на перевалах, там, где не пройдет фаланга, атаковать его в лоб бессмысленно. Тяжелая пехота тут бесполезна, а вот агриане, не имеющие ни шлемов, ни лат, а лишь хламиды, служащие им, как и нам, и плащами и одеялами, могут определить исход дела.

Единственный их груз — это оружие, которого иные из них имеют при себе до дюжины единиц. Стоит отметить, что на изготовление каждого дротика или копья уходят месяцы, с учетом жертвоприношений и благодарственных обрядов, совершаемых перед деревьями, чьи ветви или стволы должны превратиться в древки. Главным достоинством метательного оружия они называют «правдивость», подразумевая под этим абсолютную прямоту древка. Малейшее отклонение от этой прямоты грозит изменить траекторию полета. Каждое из своих метательных копий, или, как принято говорить у них, «шипов», воин носит в отдельном наощенном чехле из оленьей кожи. Чтобы сберечь «правдивость» оружия, они готовы на все. Воины спят в обнимку со своими «шипами», и я сам был свидетелем тому, как в мороз они оставались полунагими, но, дрожа от холода, заворачивали в плащи свои драгоценные древки. Каждый дро-

тик несет метку своего владельца и метку его клана: после боя воины обходят поле и собирают свои метательные орудия. Но не чужие: это считается тяжким грехом и бесчестьем. Оружие, вкусившее крови, получает собственное имя, а сразившее врага насмерть переходит от отца к сыну.

Искусство метания копий передается из поколения в поколение, и каждый юноша, прежде чем ему позволят метнуть «шип» длиною в человеческий рост, проводит не один год, учась попадать по мишеням палками. На поле агриане сражаются парами — отец и сын, старший брат и младший (старший выступает как метатель, а младший — как оруженосец). Подобно охотникам, они учитывают направление ветра. При этом им безразлично, метать оружие по ветру, против ветра или при боковом ветре, они лишь используют воздушные струи, ловя их, как ловят крыльями ветер парящие птицы.

Свои дротики они мечут не просто рукой, а с помощью специальной, похожей на пращу петли. В полете дротики вращаются. Чтобы выработать такое умение, требуется огромный труд, но зато бросок настоящего мастера, стремительный, сильный и мощный, не только устрашает, но и восхищает своей красотой. Воин, добившийся совершенства в этом искусстве, достоин высочайших почестей. Я потратил уйму времени на тренировки с агрианским дротиком, но то, что со стороны кажется очень легким, в постижении оказывается весьма трудным. Метательные орудия агриан несут смерть, и противникам это хорошо известно. Порой одно их появление на поле способно заставить врага дрогнуть.

Как раз когда я, сидя верхом, беседовал у переправы через Аксий с вождем этого народа Амалписом, с юга галопом прискакал гонец.

Известие о гибели Александра в бою вызвало восстание в Фивах. Народ танцует на улицах, возвещая освобождение Эллады.

В донесении говорилось, что патриоты Фив застали врасплох наш гарнизон и перебили его командиров. Город взбунтовался; возникла угроза, что его примеру последует весь юг.

Гефестион и Кратер пришпоривают коней, направляясь ко мне, а я, еще читая, ощущаю пробуждение моего даймона. Последовательность ощущений такова: приступ ярости, немедленно сменяющийся холодным гневом, а потом состоянием чистой, объективной отстраненности. Эмоции исчезают, сознание обретает ясность и четкость. В нем не остается ничего лишнего. Я думаю так, как думает орел или лев. Удачно то, что оттуда, где застала нас эта весть, можно выступить прямо на юг, к Фивам, не двигаясь через Пеллу, столицу Македонии. В этом случае лазутчики или наши недоброжелатели наверняка известили бы врага о нашем продвижении, а отсюда мы можем пройти горными тропами, сторонясь городов, и оказаться у Пелинны в Фессалии, не будучи замеченными кем-либо, кроме козьих стад.

Фивы увидят меня на своем пороге раньше, чем до них вообще дойдет известие о том, что я жив.

Сердце мое исполнено гнева, но я негодую на фиванцев вовсе не потому, что они стремятся к свободе (это лишь делает им честь), и не потому, что они обрадовались моей смерти. Нет, тут есть одно очень тонкое различие.

Суть в том, что они *поверили в то, что я умер*. Что они осмелились такому поверить.

Как видишь, мой юный друг, это оскорбление, нанесенное моему даймону.

Путь до Пелинны рассчитан на девять дневных переходов, но мы преодолеваем его за семь. Колонна стремится на юг, подгоняемая гневом. Нашим гарнизоном в Фивах командовал любимый всеми товарищами Аминта по прозвищу Абрутес, что значит Бровастый. Вот его история.

Этот человек так хотел сына, что пообещал пожертвовать богине свое имение, если она пошлет ему младенца мужского пола. Все так и случилось, однако мальчик во младенчестве умер от лихорадки, а несчастный Аминта остался и без наследника, и без состояния. Но как раз в это время супруги его дяди и двоюродного брата, уже имевших наследников, родили крепких, здоровых мальчуганов. Не сговариваясь, оба родича явились к Абрутесу, чтобы предложить ему своего младенца взамен утраченного, а когда встретились в его доме, то были так поражены этим совпадением, что сочли его неким небесным знамением. Видимо, они были правы, ибо не прошло и года, как жена Бровастого разрешилась тройней, и наш добрый товарищ, лишь недавно боявшийся, что не оставит на земле своего семени, стал счастливым отцом пятерых славных ребятишек. Теперь они подросли (им минуло по одиннадцать и по десять), радовали отца своими успехами, а он любил их и гордился ими.

А они гордились им и тем, что он дослужился до должности командира гарнизона Фив.

Фиванцы располосовали ему горло и повесили тело на крюк. Помощником у него был антемец по имени Алексид. Этого командира, связав, сбросили с городской стены, оставив его тело на растерзание бродячим псам и воронам.

Армия спешит на юг, подгоняемая гневом. Истинную меру ярости воинов можно определить по тому, что они молчат. По пути к нам поступают донесения о том, что мятеж ширится. Повстанцы, изгнанные Филиппом, вернулись в Акарнанию, встретили радушный прием местных жителей. Бунтовщики изгнали наш гарнизон из Элиды. Аркадия разорвала имевшиеся договоренности и направила помощь Фивам. Аргос, Амбракия и Спарта тоже вынашивают мятежные планы. В Афинах (об этом мы узнаем позднее) известный демагог Демосфен явился перед народным собранием, увешанный гирляндами, и даже предъявил людям свиде-

теля, якобы видевшего меня мертвым. Город охвачен ликованием.

А мои люди охвачены негодованием: завидев меня, они выразительно проводят пальцем по горлу. Солдаты мечтают покарать Афины.

Одноглазый вспоминает историю выступлений Афин против нашей страны, судьбу Эйона, Скироса, Тороны и Сциона, где все взрослое мужское население было перебито, а женщины и дети проданы в рабство. Антигон напоминает мне о том, что афинский флот составляет три сотни кораблей и эти корабли, когда мы переправимся в Персию, могут оказаться кинжалом, направленным нам в спину.

Но моему даймону Афины не нужны. Афины — это драгоценный камень в венце Эллады, и посягнувший на него будет навеки опозорен, запечатлевшись в памяти эллинов наравне с Ксерксом.

После Пелинны мы шесть дней маршируем по равнинам Беотии, а на рассвете четырнадцатого дня наша армия появляется под стенами Фив. Город цепенеет от ужаса. Мы замыкаем его в кольцо, отрезав путь как для бегства, так и для подкреплений.

Однако осажденные не только не сдаются, но и при всякой возможности тревожат наш лагерь вылазками. Кроме того, в их руках остаются пойманные в ловушку в цитадели Кадмеи солдаты нашего гарнизона. Враги угрожают, если мы не снимем осаду, изжарить их на вертелах. Кроме того, несмотря на все наши кордоны и пикеты, Фивы рассылают гонцов по всей Элладе, призывая ее восстать против македонского ига. Я вступаю в переговоры, но враг на уступки не идет. В следующий полдень Пердикка своими силами пытается захватить Врата Электры. Фиванцы сопротивляются отчаянно, и мне приходится послать на подмогу атакующим лучников и три отряда гоплитов, а через некоторое время прибыть туда самому во главе царских телохранителей. В районе Кадмеи нам удастся сломить вражеское

сопротивление и ворваться в город. Еще один рывок, и Фивы падут.

Когда я останавливаюсь на площади под Фивиадами, ко мне подъезжают Антипатр, Аминта и Антигон Одноглазый.

— Наверное, Александр, ты не хочешь уничтожать столь прославленный город, — говорит он. — Не хочешь войти в историю человеком, который стер с лица земли родину Геракла, Эдипа и Эпаминонда. Но это прошлое. Плюнь на него.

Я понимаю, что сейчас воюю не с Фивами, но со своим даймоном.

— Выказав мягкотелость, ты рискуешь потерять армию, — остерегает Антигон.

— А если произойдет резня, мы потеряем Александра, — возражает Гефестион.

Я слушаю.

Я отдам этот приказ.

Я сотру Фивы с лица земли.

— Пощадите тех граждан, — велю я, — которые поддерживали наше дело. Пусть уцелеют дом поэта Пиндара, дома его наследников, а также святилища и алтари богов. Но не предпринимайте никаких действий до тех пор, пока я не принесу жертву Гераклу и не получу знак, что она принята.

Население Фив составляет сорок тысяч человек, и после того, как мы сбросили их со стен, все, кто способен держать оружие, продолжают сопротивляться на улицах и в переулках. Когда их становится слишком мало, даже чтобы защищать проулок, они запираются в домах и отбиваются там. Если наши вламываются внутрь, они стараются пробиться в соседний дом и организовать новый очаг сопротивления вместе с уцелевшими соседями. Однако, когда дома загораются, им приходится выбегать на улицы, где на них обрушивают свой гнев фокийцы, платейцы и орхоменцы, в свое время немало пострадавшие от Фив. Настигнутых беспощадно убивают: с высоты стен мы с Гефестионом видим множество трупов.

Впрочем, от огня погибает больше народу, чем от меча. Старые деревянные перекрытия вспыхивают, как трут, глиняные кирпичи крошатся от жара, и стены домов рушатся. То здесь, то там к небу выстреливают языки пламени, то здесь, то там старая усадьба превращается в пепелище. Смертоносное пламя перепрыгивает с крыши на крышу, и тот тесный муравейник, который представляет собой центр города, превращается в один огромный костер.

Гефестиона это зрелище подавляет настолько, что он покидает город и уезжает на равнину. Проку, правда, от этого немного: неистовый пожар виден с расстояния в шестьсот стадиев, а запах гари чувствуется в двадцати. На протяжении всей ночи ко мне время от времени являются гонцы от командиров отрядов, занятых планомерным уничтожением города. Задаются вопросы. Пощадим ли мы гробницу Антигоны? Фивиады? Кадмею?

В середине второй ночной стражи мне показывают тело Короней, героя Херонеи, чей львиный значок я до сих пор ношу на своем нагруднике. Он пал, возглавляя атаку на наш гарнизон: однорукий, этот воин, прежде чем погиб сам, убил двоих.

— Не щадить ничего,— приказываю я им.— Уничтожить все.

На рассвете Гефестион, Теламон и я вступаем в город. Шесть тысяч горожан убиты, тридцать тысяч будут проданы в рабство. На улице Седельщиков тела громоздятся, достигая высоты по пояс. Наши лошади ступают по обугленной плоти и переступают через отсеченные конечности. Женщин и детей согнали на площади, дожидаться торгов. Их пленители нацарапали на них свои имена их собственной кровью: это дешевле, чем чернила, а работорговцы должны знать, кому за кого платить. Вид множества обугленных, развороченных трупов повергает в ужас даже Теламона.

— Должно быть, — говорит он, — так выглядела Троя. Я ему не верю.

— Это страшнее.

Антипатр, подъехав, хлопает меня по плечу на отцовский манер.

— Ну что ж, дело сделано. Теперь тебя будет бояться вся Греция.

Всю ночь мы с Гефестионом не разговаривали: я вообще не произносил никаких слов, кроме приказов, передававших через Гефестиона и Теламона командам отрядов. Мною было приказано не отнимать детей у матерей и продавать всех семьями, не разлучая, но на рассвете предназначенных к продаже выгнали за Прэтские ворота, на Фиванский тракт, и работоторговцы принялись отбирать самых привлекательных женщин, чтобы продать их в качестве наложниц. Ясное дело, что дети при этом только мешают, поэтому младенцев у милостивых молодых матерей безжалостно отбирают. Их, из сострадания, берут себе матроны постарше, годные не для постельных утех, а лишь для домашней работы.

Теламон предлагает мне проследить, чтобы мой приказ выполнялся, и я встречаюсь с ним взглядом. Конечно, его порыв продиктован добрыми намерениями, но в данных обстоятельствах выглядит нелепо. Мы, конечно, можем заставить торговцев повиноваться, пока они находятся в нашем лагере. Но кто помешает им разлучить матерей с детьми или попросту утопить младенцев в канаве, когда их караваны покинут развалины города и отправятся в путь? Здесь, по крайней мере, дети попадают в руки приемных матерей, которые не дадут им умереть.

— Оставь их в покое, — машу я рукой.

Наступает день. Я смотрю на северо-запад, в сторону Херонеи. Толпы мародеров уже тянутся потоком из Фокиды и Локриды: онемевшие от жадности, они проходят через воро-

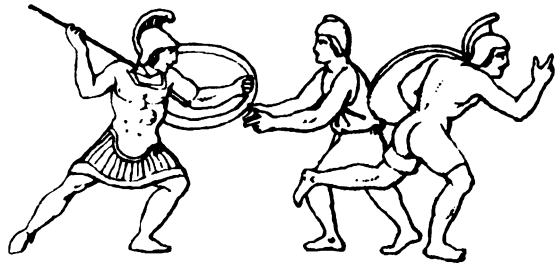
та, чтобы собрать кости царских Фив. Надо ли мне остановить их? Зачем?

Позднее мы с Гефестионом отмываемся в струях летнего Исмена. Смыть копоть и сажу не так-то просто. Мой товарищ поворачивается спиной к руинам того, что было Фивами, и говорит:

— Еще вчера я и представить себе не мог, что ты способен на такое.

— А я и не был способен на такое,— звучит мой ответ.—
Вчера.

ГЕФЕСТИОН

Когда я впервые увидел Гефестиона, мне было десять лет. Ему было одиннадцать. Он прибыл в Пеллу из родовых владений в высокогорьях Эордеи. Отец Гефестиона, Аминтор, представлял при дворе моего отца интересы Афин. Эта должность, «*ргохенос*», была наследственной и считалась весьма почетной. Но между Македонией и Афинами существовали постоянные трения, порой перераставшие в открытые военные столкновения, и Аминтор, опасаясь, что его заступничество за Афины вызовет гнев Филиппа (хотя эти двое выросли вместе и оставались друзьями), некоторое время держал своего младшего сына вдали от столицы и двора. Лишь когда Гефестиону минуло одиннадцать, отец привез его в Пеллу, чтобы подготовить к поступлению в свиту, куда ему, как и мне, предстояло быть зачисленным в четырнадцать лет.

В ту пору моим наставником был некто Леонид, имевший обыкновение, дабы «закалить тело и дух», будить меня за час до рассвета и в любую погоду гнать купаться в реку. Я этого, само собой, терпеть не мог.

Вода в Лудиасе, возле Пеллы, так холодна, что пробирает до костей даже летом, а что за стужа царит там зимой, невозможно описать. Стоит ли говорить, что, стараясь избежать этих купаний, я шел на всяческие ухищрения, по большей части напрасные. В конце концов до меня дошло, что раз от этих утренних омовений не избавиться, так лучше уж заниматься ими не по принуждению (что делает их еще более неприятными), а по доброй воле. Я стал вставать раньше наставника и успевал искупаться, пока он еще лежал в постели. Леонид счел это проявление характера своей заслугой, для меня же испытание ледяной водой стало вполне терпимым, ибо теперь я мог сказать себе, что занимаюсь этим в силу собственного решения.

Однажды на рассвете (день выдался таким холодным, что купаться мне пришлось в проруби, которую предварительно понадобилось проделать) я, возвращаясь после купания мимо царского манежа, услышал внутри голоса и стук копыт. Мне стало любопытно, и я тихонько заглянул внутрь. Гефестион был на арене один, не считая его наставника. Восседая на своем рослом, семнадцати пядей, гнедом по кличке Резвый, он управлял конем одними коленями, не касаясь поводьев, и держал в руках короткую пику. Наставник сопровождал каждое его движение потоком указаний и замечаний, которые Гефестион вроде бы воспринимал с почти вниманием, но делал лишь то, что считал нужным сам. До того момента мне никогда не доводилось видеть человека, не только мальчика, но и мужа, столь внимательного и чуткого в отношении своего коня. Правил он едва уловимыми движениями коленей и легким перемещением своего веса, а в поводьях, похоже, не нуждался вовсе. Он легко побуждал Резвого менять аллюр, причем, какие бы повороты ни совершал конь, сам продолжал сидеть совершенно прямо. В ту пору Буцефала у меня еще не было, а гогдашний мой конь по выезде не шел с Резвым ни в какое сравнение. Любо было смотреть, как ловко всадник и его

скакун, достигшие полного взаимопонимания, выполняли самые сложные кавалерийские упражнения. В то время как Резвый без труда переходил с галопа на шаг и кружил по арене, сам Гефестион сидел на коне, как будто прибитый к нему гвоздями. Спина прямая, плечи расправлены, брюшные мышцы напряжены. Малейшее, совершенно незаметное со стороны изменение положения корпуса всадника воспринималось конем как команда, которая выполнялась незамедлительно и безукоризненно.

Я покраснел от стыда, ибо до сих пор совершенно искренне считал себя превосходным наездником и лишь теперь понял, как мало я понимаю в лошадях и как плохо умею с ними управляться. Оказывается, я не более чем самодовольный невежда. И зачем, спрашивается, отец приставил ко мне этого пустоголового Леонида, только и знавшего, что загонять меня в ледяную воду? Вот чему мне следовало бы учиться!

Однако спустя мгновение мой гнев обратился против меня самого. Разве я не сам хозяин своей жизни и не от меня зависит, что познать и чем овладеть?

В тот миг я поклялся себе не только в совершенстве овладеть искусством всадника и кавалерийского командира, но прежде всего самому сделаться собственным наставником, выбрав нужные мне знания и навыки, и сделать все возможное, чтобы достичь в этих областях совершенства.

Гефестион меня не замечал, а подойти к нему самому мне не хватало духу. Он показался мне не только самым привлекательным юношей, но и вообще самым красивым человеком любого пола и возраста, какого я когда-либо видел. И тогда я дал себе еще одну клятву: этот человек непременно станет моим другом, а когда мы вырастем, вместе выступим против правителей Персии.

Принято считать, что дети живут своими, сугубо детскими, простыми и непритязательными интересами. На самом деле это далеко не так. В десять лет я оценивал окружаю-

ший мир столь же вдумчиво, как и ныне, а любознательность проявлял даже большую, ибо скучная зубрежка, навязываемая старшими, еще не успела притупить во мне изначальную тягу к познанию. В ту пору я уже мог объективно оценивать действительность и потому сразу, на той самой арене, понял, что Гефестион самой судьбой предназначен для того, чтобы на всю жизнь стать для меня самым дорогим другом. Полюбив его всей душой, я сразу почувствовал, что наша любовь будет взаимной. Так оно и случилось, а чувство, зародившееся во мне в тот миг, оставалось неизменным все эти годы.

Долгие полтора года я не заговаривал с Гефестионом, но внимательно к нему присматривался. Если мне что-то не давалось, например не получалось какое-то упражнение, я находил его, наблюдал за тем, как проделывает это он, и, подражая ему, добивался желаемого. Гефестион, разумеется, не был слеп. Он заметил мой интерес, но некоторое время не подавал виду. Таким образом, мы стали по-своему близки, не успев перемолвиться и словом. Ну а к тому времени, когда мне исполнилось двенадцать, мы уже были неразлучны.

Для тех, кто по складу своего ума склонен видеть во всем дурное, скажу, что любовь молодых людей всегда сопряжена со связывающими их тайными мечтами и стремлением не только к славе, но и к той чистой добродетели, которая, как кажется им, замутнена и искажена старшим поколением, но в которую молодежь, несомненно, вдохнет новую жизнь. Такая любовь по своей природе не столь уж отлична от испытываемых друг к другу чувств молодых девушек. Ей, разумеется, присущ физический аспект, но у людей с благородными помыслами он никогда не выступает на первый план, уступая место возвышенной, духовной близости. Такая любовь подобна любви Тесея и Пифофа, Геракла и Иолая, Ахилла и Патрокла. Юноши стремятся доставить друг

другу радость, становясь лучше, и становятся лучше, чтобы доставить друг другу радость.

К тому времени, когда мне пошел тринадцатый год, мой отец, подкрепив свои уговоры золотом, добился прибытия в Пеллу в качестве наставника для знатных македонских мальчиков знаменитого афинского философа Аристотеля. До сих пор те, кого предназначали ему в ученики, в подавляющем своем большинстве интересовались лишь охотой, лошадьми и воинскими упражнениями. В число подопечных философа попали и Птолемей, и Кассандр, и Любовный Локон, и мы с Гефестионом. Эллинское наречие нам преподавал зять Аристотеля Эйфорион, основной задачей которого было избавить нас от ужасного, варварского македонского акцента и привить нам чистое аттическое произношение. Всякий, кому доводилось изучать языки, знает, что в любой группе учеников непременно найдется хоть один, которому это никак не дается. Среди нас полной неспособностью к усвоению эллинской речи выделялся Марсий, сын Антигона. Когда он тужился, силясь выговорить хоть что-то на афинский манер, мы надували щеки и затыкали рты, стараясь не покатиться со смеху. Но как-то раз, в полдень, он распотешил нас до того, что сдержаться не удалось. Мы взорвались и принялись кататься по траве чуть ли не в истерике.

И тут неожиданно на нас с жаром обрушился Гефестион. Никогда прежде я не видел его в таком гневе.

— Неужели это кажется вам смешным? — воскликнул он и, указав на восток, в сторону моря, продолжил: — А помните ли вы, мои недалекие друзья, что там находится Персия, которую мы мечтаем когда-нибудь покорить? И персы об этом знают. Хотите знать, что они делают сейчас? Пока мы ржем и катаемся по земле, как жеребята, они проводят время в напряженных трудах. Мы бездельничаем, а они потеют.

Его суровая отповедь быстро отрезвила всю нашу компанию, и даже наставник выглядел смущенным.

— Довольно скоро нам предстоит встретиться с этими персидскими юношами в бою. Конечно, нас манит победа, но достаточно ли будет превзойти противника силой? Нет и еще раз нет! Мы должны показать азиатам, что превосходим их не только воинским умением, но доблестью, благородством, высотой душевных стремлений. Они должны сами признать за нами право владеть их царством, ибо мы превосходим их во всех добродетелях, к числу коих относится и самообладание.

Весть о тираде Гефестиона облетела Пеллу на крыльях. Встречая его на улицах, люди одобрительно похлопывали моего друга по плечу, а на рынке шорники и зеленщики приветствовали его вставанием.

Отец призвал меня к себе для беседы наедине.

— Так это и есть тот мальчик, которого ты избрал себе в друзья? По-моему, его, несмотря на юные годы, можно с полным основанием назвать мужчиной.

В устах Филиппа это звучало как наивысшая похвала. После того случая все мы стали относиться к занятиям серьезнее и уже не считали изучение поэзии или аттической грамматики чем-то недостойным настоящего воина.

И вот тот же самый Гефестион на свой лад укорил меня за расправу над Фивами. В свое время, когда оба мы были мальчиками, Аристотель учил нас тому, что счастье состоит в «активном использовании всех способностей человека в согласии с добродетелью». Но на войне слово «добродетель» пишется кровью врага.

Теламон убеждал меня в том, что в солдатской котомке не должно быть места состраданию. Я знаю, в известном смысле он прав. Но мне известно и то, что за все надо платить. Все люди должны отвечать за свои деяния, в том числе и злодеяния. Это относится и ко мне.

Но как бы то ни было, цель, ради которой я стер Фивы с лица земли, была достигнута. Вся Эллада почувствовала, в чьих руках, и твердых руках, находятся поводья. Недовольные умолкли, недруги прикусили языки, разгоравшиеся было восстания сошли на нет. Новых мятежей не последовало, а в Пеллу потянулись посольства с поздравлениями и заверениями в преданности. Выглядело это так, словно все греки только и мечтали, чтобы я их возглавил.

— Веди нас, Александр! — наперебой заявляли послы разных городов. — Веди нас против персов!

Отряды добровольцев приходили из Афин и из всех полисов союза. В армию было набрано шесть тысяч гоплитов, шестьсот всадников и еще пять тысяч пеших наемников. Таким образом, с учетом десяти тысяч пеших и полутора тысяч всадников, уже переправившихся за проливы, дабы подготовить плацдарм, силы вторжения составили почти сорок две тысячи человек. Близился час Великого Отплытия. Пелла превратилась в огромный военный лагерь. Всех охватило такое возбуждение, что даже животные не могли спать. С моей стороны требовалось действие, какой-то знак, подобный памяtnому поступку Брасида, сжегшего в Мефоне свои корабли, дабы его люди поняли, что пути назад нет.

Для Праздника Муз я собрал войско у Диума, на живописном берегу, откуда открывался вид на величественные, покрытые снежными мантиями Оссу и Олимп. Одних только воинов, с учетом тех, кому предстояло остаться дома под началом Антипатра, насчитывалось около шестидесяти тысяч, всего же, с учетом женщин и слуг, народу набралось вдвое больше. Мною был устроен грандиозный, изрядно опустошивший мою сокровищницу пир. На почетных местах в окружении видных командиров восседали Парменион и Антипатр.

И тут я приступил к раздаче своих земель. В Македонии личные владения царя называются «*basileia synegesia*», «цар-

ские охотничьи угодья». На момент моего восшествия на престол к угодьям принадлежала примерно треть царства, не считая завоеванных и присоединенных провинций, по закону и обычаю находившихся под властью короны. Таким образом, я являлся обладателем необъятных полей, лугов и пастбищ, лесов и рудников. Каждому из военачальников Филиппа достались в наследственное владение обширные и богатые земли. Собственную усадьбу — Озерный Утес — я предложил Пармениону, который, к его чести, отклонил этот дар. Все полководцы обрели владения, достойные царей. Гефестиону я подарил Эордею, одно из любимых владений моего отца. Без пожалований не остался ни один командир, вплоть до сотника. Антигон стал владельцем трех долин в верховьях Стримона. К Теламону отошло селение близ залива Торон. По мере раздачи земель я чувствовал все большее облегчение, словно избавлялся от некоего тяжелого бремени. С легким сердцем я раздирал нивы и сады, рыбные заводы и строевой лес. Мне хотелось раздать все имущество, до последней пряжки, не оставив себе ничего, кроме коня и копья. Даже десятники получали выпасы и табуны, даже рядовые в фаланге становились владельцами сельских усадеб. Я простил все долги и освободил семьи взявших оружие от всех податей. Все принадлежавшее ранее Филиппу и лично мне перешло в собственность моих товарищей. Приграничные леса, захваченные у вождей Иллирии, вернулись к прежним владельцам, поскольку теперь они стали нашими союзниками. Хлебородные провинции за Дунаем и пастбища во Фракии я подарил нашим товарищам из Фессалии, Пеонии и Агриании. Каждый новый дар встречали бурей рукоплесканий, а когда я закрепил за своим дорогим Пердиккой богатое владение Триассы, тот выступил вперед и перед всем войском спросил:

— Александр, что же ты оставишь себе?

Об этом я даже не подумал.

— Свои надежды, — вполне серьезно ответил я, и собрание взорвалось неопишным восторгом.

Лишь отважные командиры Коэн, Любовный Локон и Эвгенид Счетовод из Херонеи остались без пожалований. За все это время их имена не прозвучали ни разу, и ты, юный друг, можешь понять, что они чувствовали уныние и тревогу. Им казалось, что они по неизвестной причине навлекли на себя мой гнев, и это, разумеется, не могло их не печалить. У Счетовода, надо сказать, имелись основания опасаться моей немилости, ибо он, влюбившись в девицу из одного северного племени, едва не дезертировал с Дунайского рубежа. Он полагал, что был прощен лишь из уважения к тому, что его отец был школьным товарищем Филиппа, а мои люди тем временем тайно отыскивали его возлюбленную и, не применяя насилия (ибо она была свободной женщиной), обратились к ней от моего имени с предложением принять руку этого человека. Теперь она, украшенная свадебной гирляндой, находилась здесь, укрытая от глаз воздыхателя. Точно так же, как возлюбленные Коэна и Любовного Локона, пребывавших относительно этого замысла в полном неведении.

Когда я наконец вызвал эту троицу вперед и представил им их невест, гром ликования вознесся до небес. Свадебные обряды мы совершили здесь же, на глазах у всей армии. Должен сказать тебе, что среди всей этой радостной круговерти нашелся лишь один человек, додумавшийся сделать подарок мне. Элиза, невеста Счетовода, подарила мне пару танцевальных сандалий, сшитых ею собственноручно.

Право же, в тот день я был счастливейшим из смертных, а глядя на блестящую под луной вершину Олимпа, дерзко подумал о том, что столь сладостное чувство недоступно даже богам. Потом, один за другим, стали брать слово полководцы.

— Братья, — заявил Антигон Одноглазый, — честно признаюсь вам, что, когда Филипп умер, я в душе сомневался,

придется ли Александру по мерке отцовы солдатские доспехи. То, что храбростью, талантом и честолюбием боги Александра не обделили, стало ясно уже давно, но сможет ли столь молодой человек снискать уважение и преданность заслуженных полководцев и ветеранов армии его отца? Думаю, друзья мои, сегодня вечером ответ на этот вопрос стал очевиден для всех. В глазах нашего юного царя я вижу, что он чужд корысти и себялюбия и чтит добрую славу превыше любых наград. Позволю себе сказать о нем то, что было сказано гирканами о Кире Великом:

Всеми богами клянусь вам, друзья, он
становится только счастливей,
Нас одаряя добром и жажду богатства презрев.

Снова и снова произносили командиры прочувствованные речи. Когда поднялся Счетовод, по его бородатому лицу струились слезы.

— Воистину, о Александр, ты одарил меня счастьем превыше всяких мечтаний. Однако клянусь рукою Зевса: если ты дашь мне отпуск на время, достаточное, чтобы заронить семя во чрево возлюбленной и зачать наследника, я не стану предаваться праздности и утехам в новообретенных владениях, но, вооружившись, последую за тобой, куда бы ты ни повел.

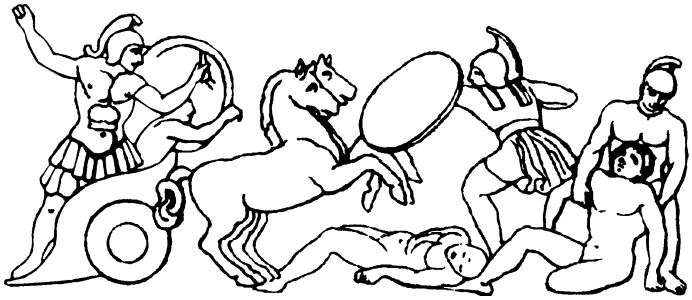
Следующим обратился ко мне мой доблестный Коэн.

— Веди нас в Сарды, в Вавилон и в сам Персеполь, — возгласил он. — Клянусь, Александр, я не успокоюсь, пока не узрю тебя восседающим на троне самого царя царей Персии!

Книга четвертая
ПОЗОР ПОРАЖЕНИЯ

БИТВА ПРИ ГРАНИКЕ

Ты следишь за моим повествованием, Итан? Вижу, больше всего тебя увлекают «кровавые» истории. Ну что ж, двинемся на восток вместе с армией, выступающей из Македонии, переправляющейся через проливы, разделяющие Европу и Азию (в направлении, противоположном тому, каким сто пятьдесят лет назад осуществлял свое вторжение Ксеркс), и водружающей свой львиный стяг на земле, обладателем которой считает себя нынешний царь Персии, Дарий Третий. Где же он, мнящий себя Владыкой Востока? Узнав о том, что мы явились посчитаться за обиды, нанесенные его предками, он не осмелился выступить против нас лично, но поручил это своим подданным, сатрапам западных провинций, собравшим стотысячное конное и пешее войско и полагающим, что этого будет вполне достаточно, чтобы сбросить нас в море. В Зелее, в тени священной Трои, его полководцы осаждают так называемые Врата Азии. Впрочем, речь не о персах, а обо мне.

Должен сказать, что ближе всего к гибели (за исключением одного случая в Газе, когда в

меня угодил дротик, пущенный из катапульты) я оказался именно в сражении при реке Граник. Персидский всадник по имени Резак нанес мне спереди удар мечом, который, окажись он чуть сильнее, не только разрубил бы мне шлем, но и раскроил бы череп.

Основным оружием персидской конницы является дротик и акинак, нечто среднее между мечом и кинжалом, хотя в последнее время многие стали перенимать у нас обычай использовать длинное копьё. Что же касается избранной тысячи и «родственников», то эти отборные воины вооружены тяжелыми мечами из дамасского булата, подобными тем, какими сражался сам Кир Великий. Этот длинный и прочный однолезвийный меч выковывается вместе с рукоятью из одного куска прочнейшей сирийской стали.

Удар Резака снес верхнюю часть моего шлема вместе с украшенным перьями пустельги гребнем в то самое мгновение, когда мое копьё вошло в его грудь под правым соском. Железо ослабило удар, и, хотя я получил глубокий порез, который после боя пришлось зашивать, череп остался цел. В первый момент я не ощутил боли и понял, что ранен, лишь когда кровь из раны стала заливать мне глаза. Есть один секрет, очень полезный для любого раненого воина: если ты знаешь, что твоя рана несмертельна и не грозит тебе увечьем, постарайся воспринять ее как предмет гордости и тщеславия. Для доблестного мужа полученная в честном бою рана есть отличие и награда.

К тому моменту мы уже лишились тридцати храбрейших «друзей» из отряда Сократа Рыжебородого, которые полегли под жесточайшим обстрелом, штурмуя крутые утесы над переправой. Эти люди пали смертью храбрых, исполняя мой приказ, и их смерть, отзываясь в моем сердце, заставляла меня приветствовать любую боль, выпадавшую на мою долю.

Когда царь Македонии лично ведет в атаку своих «друзей», по обе его стороны находятся воины столь высокой

доблести и отваги, сидящие на столь могучих и прекрасно обученных скакунах, что нет на земле войск, способных отразить натиск этой единой, охваченной порывом общего вдохновения несокрушимой силы. В истории военного искусства нет ничего даже отдаленно напоминающего эту неистовую бурю, ее просто не с чем сравнить. Клит Черный как-то сказал, что, устремляясь в атаку в составе ведущего клина, чувствовал себя так, словно находился на борту железного корабля, подхваченного могучим ветром и мчащегося вперед, дабы обратить врага в прах всеокрушающим тараном.

Это неплохое описание, но в нем не учтен некий основной элемент, делающий, на мой взгляд, атаку «друзей» неотразимой. Я имею в виду жар дыхания, бурлящую энергию их неистового напора, имеющую не только механическую, но и внутреннюю природу. На полном скаку я чувствую запах чеснока, распространяемый скачущим слева Теламоном, а моя нога касается бока Резвого, коня Гефестиона, мчащегося справа. Я ощущаю бронзу его нагрудной пластины, и мне в ноздри бьет запах взрываемой его копытами почвы. Буцефал подо мной разгорячен настолько, что поднимающийся из его ноздрей пар обжигает плоть. Его воля ощущается мною не как продолжение моей, но как сила, проистекающая из его собственного сердца. Для меня он не животное, а равный мне воин. Его воодушевление воспламеняет меня. Я подпитываюсь от него, так же как он подпитывается от меня. Буцефал любит такие мгновения. Это именно то, для чего он был рожден.

Когда наш передовой клин вспенивает воду над отмелью Граника и метательные копья врага со звуком, напоминающим треск рвущегося полотна, пролетают мимо наших ушей, мой конь и я испытываем общий для нас обоих экстаз, суть которого в том, чтобы отдаться судьбе. Когда копыта Буцефала ударяются о донный песок и гравий, сотрясение передается мне и воспринимается всем моим телом.

Направляя его легким наклоном тела вперед, я ощущаю импульс, идущий от его задних копыт, чувствую, как сжимается и растягивается его хребет. Мощь этого движения такова, что кажется, будто я оседлал молнию.

Мы несемся на врага. Воздух наполняется запахом камня, мочи и железа. Все, что может быть подготовлено, подготовлено. Что можно продумать, продумано. Дальнейшее, увы, находится во власти случая. Мы превратились в цель для десятков метательных копий, сотня сердец взывает к своим богам, призывая погибель на наши головы. Ничто, ни наша броня, ни наша воля, ни плечо товарища (хотя Клит, например, отрубает по локоть правую руку персидского всадника Спифридата, уже замахнувшегося, чтобы отправить меня в ад), не может гарантировать выживание. Лишь владыка Олимпа, к которому я беспрестанно взываю пред лицом смерти.

Ты спрашивал, Итан, испытываю ли я страх. Отвечу так: у меня нет на это права. Солдату в строю позволительно ощущать ужас, но командиру — никогда. От него зависит слишком многое: и жизни товарищей, и исход боя. Разрешить себе такую роскошь, как страх, он не может. Я, например, пожираю свой страх, набрасываясь на него с яростью льва. Поглощаю его, растворяя в своем чувстве долга по отношению к войску и жажде славы.

Граник — это быстрая и мелкая речушка, сбегаящая с горы Иды близ истоков Скамандера, питающего водами равнины Трои. Его русло петляет по зарослям лиственницы и ольхи, прорезает морское побережье и огибает отрог Иды, промывая в камне прямой, как стрела, канал, уходящий через равнину, где стоит греческий город Адрастея, на север, к Пропонтиде. Почва в пойме реки песчаная, но плотная. Предводителям войск Азии было бы трудно найти лучшее место, для того чтобы встретить незваных гостей и отбросить их назад.

Как я говорил, царя Дария с войском нет. Я весь день высылаю вперед конных дозорных, которые пытаются угля-

деть его великолепную колесницу и драгоценные доспехи, но тщетно. Потом мы узнаем, что он находится в десяти тысячах стадиев восточнее поля боя и возлежит на подушках где-нибудь в Сузах или Персеполе. Я горько разочарован.

Владыка Азии полагает, что отогнать меня смогут даже его подданные.

Наше войско появляется на равнине Граника ближе к вечеру, после четырехчасового марша от Приапа. До сумерек остается еще пара часов. Силы персов сосредоточены на противоположном берегу. Их фронт составлен исключительно из конницы, насчитывает примерно двадцать тысяч всадников (почти в четыре раза больше, чем у нас) и растянулся на целых пятнадцать стадиев. Персидские воины не ждут начала битвы, стоя рядом с лошадьми, но сидят верхом, в полном вооружении. В тылу кавалерии, почти в двух стадиях позади, находится вражеская тяжелая пехота. Это греческие наемники, главным образом из Аркадии и Пелопоннеса, с некоторым количеством спартанцев. Их шесть или семь тысяч, и это серьезная сила, хотя и уступающая нашей. Правда, вокруг наемников в качестве подкрепления собралась огромная, тысяч в шестьдесят, орда ополченцев: фригийцев, мизийцев, армян, пафлагонцев и прочих. В основном это насильно согнанные земледельцы, которые, несомненно, разбегутся, как только прольется первая кровь.

Нам не хватает нескольких сотен, чтобы наша численность составила сорок две тысячи человек. Гоплиты с сарисами разбиты на шесть отрядов, по пятнадцать сотен в каждом. К ним примыкают вооруженные на тот же момент три тысячи пеших царских телохранителей. А поддержку их осуществляют формирования одриссов, трибаллов, иллирийцев, пеонийцев, союзных нам эллинов, а также наемников, как в легком, так и в тяжелом вооружении. В общей сложности набирается тысяч тридцать. Конница состоит из восьми отрядов «друзей» под общим командованием Филота, (в каждом должно быть по двести воинов, однако некоторые недоукомплектованы, а царский отряд Клита Черного,

напротив, насчитывает триста всадников. В целом македонских всадников набирается восемнадцать сотен, столько же, сколько тяжеловооруженных конных фессалийцев, ведомых Калатом. Последние входят в состав левого крыла, которым командует Парменион. К этому следует добавить восемьсот царских копейщиков (они разбиты на четыре отряда), две сотни легкоконных пеонийцев, шесть сотен союзной греческой кавалерии, четыре сотни фракийцев, пять сотен критских лучников и примерно то же количество метателей дротиков из Агриании.

Войско вступает на равнину примерно в десяти стадиях от реки.

— Пора! — говорю я Теламону, и он передает мой приказ по цепи:

— Вперед!

Корпус из походной колонны разворачивается в атакующий боевой порядок. Кавалерия и метатели дротиков занимают правый фланг, слева от них становятся царские телохранители Никанора, далее выстраиваются тяжеловооруженные формирования Пердикки, Коэна, Аминты, еще левее — фракийцы, наемники и союзные нам греки. Эти последние вместе с другими союзниками, наемной конницей и фессалийцами составляют левое крыло, подчиненное Антигону Одноглазому. Я выезжаю перед строем на возвышение, вроде бы считающееся холмом, но на деле являющееся не более чем бугорком, уже получившим от наших острословцев гордое имя Прыщ. В качестве рассыльных при мне состоят одиннадцать смелых, честолюбивых молодых людей хорошего происхождения, на быстрых, выносливых лошадях. Выстроившись позади бугра, они, не сводя с меня глаз, дожидаются приказов. По знаку Теламона очередной гонец выезжает вперед, получает депешу и мчится во весь опор, чтобы доставить ее по назначению. Приказы я передаю им не лично, а через Гефестиона, Птолемея, Эвмена или Рыжего Аттала, которые, с еще одиннадцатью достойными воителями, составляют то, что именует-

ся «агета», или личное боевое охранение. Каждое послание начинается с имени того, кому оно адресовано, и содержит конкретные указания. Например: «Филот, расположи линию в шестистах локтях от реки: конница выстраивается в глубину, “зубами дракона”, клиньями по пятьдесят всадников. Жди дальнейших указаний. Если есть какие-то нужды, передай просьбу с этим гонцом».

Курьер мчится галопом, и к тому времени, когда второй, третий и четвертый его товарищи успевают получить приказы и умчаться, первый уже возвращается с ответом Филота.

— Отдых!

Пехотинцы развязывают ремни, на которых подвешены сариссы, втыкают копья тупыми концами в землю. Припадая на одно колено, солдаты упирают висящие у них на груди щиты нижним краем в землю, однако самих щитов не снимают. На каждые шестнадцать бойцов приходится каптенармус и слуга: сейчас оба они обходят строй, разливая вино из кожаных бурдюков прямо в подставленные, сложенные чашечкой ладони. Поразительно, как много вина может влить в себя человек, когда над ним нависает страх!

Весь месяц, ушедший у нас на переход из Европы в Азию, я каждую ночь проводил совещания с командирами своих разведывательных разъездов и лазутчиками. Они докладывали мне обо всех передвижениях противника, а сейчас, верхом на конях, собрались вокруг моего командного пункта. Я посылаю их вперед, к вражескому фронту, и они докладывают о местоположении различных подразделений, их составе, вооружении и командирах.

Эти люди — если хочешь, можешь назвать их шпионами — незаменимы, без них не обойтись ни одной армии. Среди лазутчиков и перебежчиков есть дезертиры из рядов вражеского войска, но большинство составляют представители народов, покоренных персами. У меня таких шпионов десятки, а вот Филиппу в Греции служили сотни.

В большинстве своем это интересные люди. Среди них немало прирожденных разбойников, но есть и настоящие

герои. В любом случае они заслуживают уважения, ибо, выполняя опасные задания, рискуют не карьерой или прибылью, а своими жизнями, а нередко и жизнями своих близких. Если мы потерпим поражение, персы будут относиться к ним не как к солдатам противника, но как к изменникам, со всеми вытекающими последствиями.

Как удается находить таких людей? Да очень просто: они сами тебя находят. И сами приводят к тебе своих знакомых или родственников, тоже готовых послужить на этом поприще. Мой отец широко использовал такого рода агентов. Выступая против врага, Филипп направлял своих официальных посланников с перечнем требований и претензий, а когда они начинали обсуждаться, в стенах каждого города обнаруживались ораторы, энергично выступавшие в пользу Македонии и ее царя. К этому их, как правило, склоняли щедрыми пожалованиями и перспективой возвышения в случае утверждения власти Филиппа на их родине. Должен сказать, что Филипп, поставив какое-либо государство в зависимость от себя, старался сохранить и расширить число своих сторонников, а заодно держать влиятельных людей под постоянным контролем. Знатные мужи становились в его войске командирами собственных формирований, а их дети присоединялись к царской свите, где воспитывались вместе с благородными юношами Македонии. Я и сам осуществляю ту же политику. Взять хотя бы наших так называемых «греческих союзников». Все они, двенадцать тысяч пеших и шестьсот конных воинов, по существу, те же заложники. Они знают, что не могут вернуться домой и, если подведут меня, вольно или невольно, спрос с них будет по всей строгости.

Если сегодня мы возьмем верх, города Эгейского побережья посыпятся нам в руки, как черепичные плитки. При этом мы не можем допустить, чтобы на освобожденных просторах воцарился хаос. Свобода, порядок и справедливость — вот то, что мы должны принести с собой, если хотим

обеспечить свой тыл и безопасность коммуникаций. С этой целью необходимо поставить у власти людей, на которых можно положиться, которые не станут использовать полученное с нашей помощью положение для собственного возвышения и сведения личных счетов. В ходе этой кампании я намерен неуклонно придерживаться этого принципа. Те вожди, которые примут меня как своего друга, станут моими друзьями, но вздумавшие противиться будут беспощадно сокрушены.

Все города, не выступившие против меня, сохраняют самоуправление, ибо мне нужны отнюдь не они, а Дарий. Я явился в Азию не ради эгейцев, но ради Персии.

Возвращаются конные разведчики. Меня окружают мои полководцы.

— Сейчас? — спрашивает Филот, указывая на уже перевалившее на западную сторону небосвода солнце. Он имеет в виду, что, если мы намерены завязать бой сегодня, тянуть с этим не стоит, иначе можно не успеть до сумерек.

— А разумно ли это? — осведомляется Парменион, у которого тоже есть свои резоны. — Армия уже проделала сегодня длинный переход, да и часть прошлой ночи провела в движении. Время уже позднее, — указывает он, — так имеет ли смысл идти напролом через реку, прямо в зубы врагу?

Он предлагает дожждаться ночи, под покровом темноты совершить обходной маневр, переправиться на тот берег выше или ниже по течению, а утром обрушиться на врага, которому придется менять свою диспозицию и который уже не будет защищен с фронта рекой.

Мне это не нравится.

— Погода в самый раз для боя, — замечает Кратер.

Его поддерживает Пердикка:

— Кровь у людей кипит. Пока она не остыла, давай понаделаем персам вдов.

— Где Мемнон? — интересуюсь я.

Молодой посыльный выражает готовность скакать на разведку.

— Не надо, я сам его отыщу, — говорит Гефестион.

Прежде чем я успеваю что-то сказать, он галопом мчится в сторону неприятельских позиций.

Мемнон — это самый умелый и способный из полководцев Дария. Он эллин, родом с Родоса, и служит царю персов за деньги. Наемная греческая пехота подчиняется именно ему.

Для успеха дела мне жизненно необходимо узнать, какое место в персидском строю занимает Мемнон.

Парменион указывает на то, что вражеская диспозиция выглядит совершенно бессмысленной.

— Где это видано, чтобы сплошной фронт состоял из одной конницы, а вся пехота располагалась далеко в тылу? Это что, хитрость?

На самом деле дело здесь не в хитрости, а в гордости.

Знатные персы сражаются конными, а не пешими. Они стремятся к славе и хотят, чтобы честь победы над нами принадлежала не наемникам и ополченцам, а именно им. Их построение не требует особого изучения. Главное — узнать, где Мемнон.

Мемнон знаком мне лично. Когда я был мальчиком, он, находясь в изгнании, провел некоторое время при дворе моего отца в Пелле. Мы подружились, и от него я узнал о войне не меньше, чем от Филиппа.

Мемнон сражался за царя персов. Именно его усилиями во времена моего детства Иония была возвращена под власть Артаксеркса, а его брат Мензор покорил для персов Египет. В ту пору братья стояли наравне с царями, основывали города и чеканили свою монету. Они брали жен из персидской знати, их дети обучались в Сузах и Персеполе. Впрочем, жена у них была одна, царевна Барсина. После того как убили Мензора, знатная вдова вышла за Мемнона, его брата.

Переворот вынудил Мемнона бежать. Он нашел прибежище при дворе моего отца.

Возможно, Мемнон не являлся величайшим тактиком своего времени, но он стал первым, кто в отличие от Филиппа и Ментора возвысил военное ремесло до статуса науки. Мемнон начинал как моряк, а потому и в мореплавании, и в действиях военного флота разбирался ничуть не хуже, чем в сухопутных операциях. Он мыслил категориями кампаний, а не отдельных схваток. Из его уст я впервые услышал выражение «обозревать все поле», подразумевавшее как стратегический, так и политический контекст. В политике Мемнон разбирался превосходно. Он умел вести переговоры, прекрасно чувствовал людей и знал к ним подход, одинаково уверенно выступая на многолюдных народных собраниях и участвуя в тайных консультациях с высшими сановниками. Ему были равно свойственны умение атаковать и способность выстроить оборону, умение обучать войска и способность вести их в бой. Он заботился о питании и снабжении армии и не допускал задержек с выплатой жалованья. Его люди любили его и с готовностью повиновались ему. Но он повелевал не только войсками, но и собственными страстями. Гнев был ему неведом, гордыню Мемнон считал постыдным пороком. Если проволочки сулили конечный успех, он ничуть не стыдился месяцами избегать сражения и никогда не поддавался на провокации. Прежде чем пускаться в ход силу, он прибегал к столь действенному оружию, как золото, и предпочитал хитрости и уловки лобовому столкновению. Однако когда стратегическая обстановка требовала немедленных, решительных действий, он атаковал, не колеблясь. В сражении Мемнон был бесстрашен, в преследовании противника неутомим, но вместе с тем всегда демонстрировал готовность к достижению разумного соглашения. Каждый из его воинов получал чины и награды по справедливости и заслугам, а сам он честно служил тем, от кого принимал плату. Если у него и была слабость, то вполне извинительная: он желал, чтобы в нем видели не просто стратега, а военного мыслителя.

Мемнон был первым полевым командиром, который начал использовать карты. До него никто ни о чем подобном не слышал, да и слышать не желал: многие полагали, что рассматривать почву есть удел землепашца, но не благородного воителя. Считалось, что представление о поле предстоящей битвы полководец должен составить по донесениям собственных разведчиков, проводников из числа местных жителей или перебежчиков из вражьего стана. Что же до планов местности, то их причисляли к недостойным настоящего воина уловкам. Но Мемнон не ограничивался нанесением на карты особенностей тех мест, где ему предстояло вести боевые действия. Он наносил на папирус планы исторических сражений, которые тщательно изучал, а также исследовал участки местности, перспективные, с его точки зрения, под поля возможных будущих битв. По его приказу составлялись планы дорог и рек, перевалов, высот и ущелий. На составленную им карту Малой Азии были нанесены не только города, могучие реки и горные хребты, но проселки, деревни и горные тропки, известные разве что козопасам. Он присматривал места, подходящие для воинских становищ, изучал подступы к ним с точки зрения доступности, легкости снабжения и возможности отступления.

Да, он принимал во внимание не только возможность победы, но всегда рассчитывал, какими путями и как скоро его войско сможет покинуть лагерь в случае неожиданной атаки превосходящих сил противника, предусматривая при этом на путях отступления места для засад, которые обеспечили бы прикрытие. Вел Мемнон и хронику погоды, смены сезонов, длины дня и ночи, восхода и захода солнца: он всегда мог сказать, какова будет долгота дня и ночи на любом поле Азии. Он знал не только время сбора урожая ячменя во Фригии, Лидии, Киликии, но и имена крупнейших зерно-торговцев и расположение закровов, где они хранят свой товар. Когда наступает половодье на той или иной реке? Можно ли преодолеть ее вброд? Где?

Готовясь к битве, он всегда старался поставить себя на место противника. Причем исходил из того, что противник умен и использует свои возможности наилучшим образом.

Одиннадцатилетним мальчишкой я частенько навещался к Мемнону и часами приставал к нему с расспросами. Мне хотелось узнать как можно больше о странах и народах Азии, и он, великий полководец, терпеливо рассказывал обо всем. Кто правит в Персии? Кто командует тамошними войсками? Мемнон рассказывал мне об Арситах и Реомитрах, Спифридатах, Нифатах и Мегадатах. Он описывал их настолько подробно, что у меня возникало ощущение, что я узнаю любого из них при встрече. Мемнон был влюблен в Персию, в великолепие, пышность и славу этой державы. А также в ее женщин. Интересом к Востоку я заразился от него. Наверное, видя, как рьяно и упорно вел я борьбу против этой великой державы, кто-то может предположить, будто Персия мне ненавистна. Совсем наоборот!

Я пленен ею. В свое время я настоял на том, чтобы Дор, слуга Мемнона, обучил меня персидскому языку. Я умею читать на нем и понимаю персидскую речь без перевода. Такие названия, как Вавилон, Сузы или Персеполь, ласкают мой слух.

Мемнон был докой не только в военном, но и в поварском искусстве. Он готовил закваску с тимьяном и кунжутом и пек собственный хлеб, размалывая ячмень в солдатской ручной мельнице. Я приносил ему зайцев и дроздов, и мы, строка за строкой, изучали «Анабазис» Ксенофонта. Какова ширина Киликийских ворот? Насколько быстро может армия достичь Столпа Иона? Можно ли превратить Евфрат в оборонительную линию? Я заставлял Мемнона озвучивать его философию войны. Как бы он стал атаковать прочно защищенную позицию? Как лучше производить разведку? Что труднее, защита или нападение?

Гефестион возвращается. Он обнаружил местонахождение Мемнона.

— Там, у излучины реки. Его сыновья с ним. Все хорохорятся. Похоже, он настроен задать нам взбучку.

Большинство бродов находится у излучин. Самые мелкие участки реки располагаются там, где она поворачивает. Я вижу, как поверхность воды рассеянно поблескивает (позднее солнце нам благоприятствует), когда она перекатывается по усеянному камнями ложу.

— Вызови сюда Рыжего,— говорю я Теламону, имея в виду Сократа Рыжебородого, командующего передовым отрядом «друзей». Ему предстоит выступить против Мемнона.

Гонцы скачут к Аминте, которому будет поручено поддерживать Рыжебородого, и к Черному Клиту с приказом перебросить царское подразделение «друзей» с его крыла в центр.

Рыжебородый и Аминта галопом мчатся к моему командному пункту. Короткими, как код, фразами я излагаю свой план.

— Смотри, Рыжий, на тебя прольется дождь из железа.

— Ничего, небось не промокну,— смеется Сократ.

Каждый командир получает от меня ясные, четкие указания, но никто из моих товарищей не представляет себе общий замысел.

Громко, чтобы слышали все, я обращаюсь к Пармениону, говоря так, чтобы услышали все:

— Друг мой, если мы помедлим, то враг под покровом ночи сможет от нас ускользнуть.

Я уверен, что Мемнон, со всей его энергией и напором, пытается настоять именно на таком решении. Он понимает, что время в данной ситуации союзник не нам, а персам. Если нам придется преследовать уцелевшую армию по чужой территории, растрачивая силы на осады крепостей, которые мы не посмеем оставить у нас в тылу, мы в конечном счете растратим все деньги и припасы. А противник сохранит армию. Но вот если сегодня, здесь, эта армия будет разбита, все эти города откроют нам ворота без боя.

Я указываю на тот берег.

— Взгляните туда, где дожидается нас враг. Разве это не величественное зрелище, на которое мы и уповали? Воистину это дар Творца Земли и Небес. Так возблагодарим же Его и возьмем то, что нам причитается.

Я поворачиваюсь к Теламону и команду:

— К бою!

Он подает знак, и над рекой разносится зов труб. Конюхи подсаживают тяжеловооруженных воинов на их лошадей. Все поле мгновенно преобразуется: войска издают громовой клич, от которого каждый волосок на моем теле встает дыбом. Позади меня оживает лес пик: воины поднимаются с колена, формируя сплошной строй. Конница на флангах выстраивается клиньями. Военачальники покидают мой командный пункт, отправляясь к своим подразделениям.

А теперь послушай, каков боевой порядок поджидающей нас на равнине реки Граник армии сатрапов Дария.

Фронт противника целиком состоит из кавалерии. Левый фланг занимает двухтысячный отряд Арзамеса, правителя Киликии, которого поддерживают пятьсот наемных греческих всадников из войска Мемнона, в большинстве своем ионийцы. Справа от них стоят Арситы, род, властвующий во Фригии на Геллеспонте. Под командованием этой защищающей собственные владения семьи находятся примерно тысяча фригийцев, три тысячи конных пафлагонийцев и две тысячи гиркан под командованием Спифридата, сатрапа Лидии и Ионии, двоюродного брата Арсита и зятя самого Дария. Все они сражаются под знаменем Арситов, представляющим собой золотого журавля на алом фоне.

Персы именуют такие штандарты «змеями» за их длинную змеевидную форму и то, как они полощутся на ветру. Справа от Спифридата стоит его брат Резак, который командует тысячей мидийских катафрактов. Они облачены в доспехи, представляющие собой долгополые одеяния с нашитыми на них заходящими одна на другую на манер рыбьей

чешуи железными пластинами. После битвы мы подняли один такой доспех и убедились, что он весит девяносто фунтов. Несут этих всадников парфянские боевые скакуны, могучие, словно тяжеловозы.

Персидский центр составляют четыре тысячи тяжеловооруженных всадников Атизеса и Митробарзана, сатрапов Великой Фригии и Каппадокии, а также тысяча легковооруженных всадников Митридата, зятя Дария, который платит этим людям из собственного кармана. Сам он восседает на гнедом жеребце, стоящем, по слухам, тысячу талантов.

Правее Митридата расположились две тысячи всадников из Бактрии, ведомых Арбупалом, сыном Дария и внуком Артаксеркса. Говорят, что он самый красивый мужчина в Персии, если не считать его отца. Эти бактрийцы (и их товарищи по оружию из Парфии, Гиркании и Мидии) не проделывали путь в десять тысяч стадиев на восток из своих родных провинций; все они местные землевладельцы, чьи праотцы в свое время покорились Киру Великому и дали клятву служить персидским царям на поле боя. Еще правее встал Фарнак, брат жены Дария Лисеи, собравший под свою руку конных ополченцев из Памфилии, Армении и Мидии, возглавляемых Нифатом, Петеном и Реомитрой, верными слугами царствующего дома. Замыкает построение справа легкая конница из Лидии под командованием Омара.

В шестистах локтях позади, выше по пологому склону, расположились пешие греческие наемники. Получающих плату от Дария солдат Мемнона насчитывается шестьдесят семь сотен. Они разделены на три отряда, которыми командуют сыновья Мемнона, Агафон с Ксенократом, и сын Ментора Тимон. За спиной наемников толпятся пешие ополченцы. Их насчитывается от шестидесяти до семидесяти тысяч, но это не воины, и они были бы бесполезны даже против армии зайцев.

Царский отряд, прибывший по моему распоряжению, становится в центре нашей позиции. Эвагор, мой конюх, направляется ко мне из тыла, ведя в поводу Буцефала. (На холм я въехал на другом коне, Эосе, но он предназначен не для боя, а для торжеств.) Свитский мальчик Андрон подставляет сцепленные руки, и я вскакиваю на боевого скакуна.

— Зевс Спаситель и Победа! — восклицают при виде этого мои телохранители, и их клич подхватывают сорок тысяч глоток.

Подав знак Клиту Черному, я движением коленей поворачиваю Буцефала направо. Царское подразделение «друзей» трогается с места, переходя на легкий галоп.

Когда я был мальчиком, Мемнон научил меня двум правилам: «Раскрывая, скрывай» и «Ориентируя, дезориентируй».

Сейчас я этим и занимаюсь. Дезориентирую. Интересно, скоро ли догадается об этом Мемнон, ведь по прошествии весьма недолгого времени я перейду от дезориентации к ориентации. А когда он сообразит, в чем дело, как отреагируют на его догадливость его персидские наниматели?

— Бей в «кость»! — командуя я, и Теламон подает соответствующий знак.

«Костью» у нас называют короткий и широкий обрезок высушенного рябинового ствола, который, когда по нему бьют деревянной колотушкой, издает звуки, более резкие и громкие, чем любая труба. Они хорошо слышны даже на ветру, что позволяет поддерживать строевой ритм.

Младшие командиры выравнивают строй, и шеренги, в такт ударам в «кость», приходят в движение. Сам я, в сопровождении царского подразделения «друзей», скачу вдоль фронта направо. Неприятель наблюдает, и я не знаю, позволит ли он довести маневр до конца, так и не вмешавшись. Мемнон, разумеется, тоже видит меня: перемещение вправо

должно означать, что я ищу встречи с ним. Останется ли он безучастным наблюдателем, предоставив инициативу мне?

Граник — река быстрая, но ее можно пересечь вброд: глубина в этом месте чуть выше колен наших коней и примерно по бедра пехотинцам.

Напротив, на возвышенностях, сконцентрировалась вражеская кавалерия, вооруженная в отличие от нас не длинными пиками ударного действия, а метательными копьями и дротиками. Это оружие дальнего боя, и очевидно, что, как только мы вступим в реку, на нас обрушится железный ливень. Первый шквал дротиков будет страшен, второй и того страшнее.

Я продолжаю двигаться легким галопом вдоль фронта, в четырех сотнях локтей от реки, параллельно ей. До нашего правого фланга остается около пяти стадиев.

Мой план заключается в следующем.

На крайнем правом фланге нашего строя сосредоточена главная ударная сила армии: тяжелая кавалерия «друзей», подкрепленная лучниками с Крита и метателями дротиков из Агриании. Мемнон, разумеется, прекрасно видит и то, что наши отборные подразделения сконцентрированы против него, и то, что я сам, во главе царского подразделения «друзей», направляюсь туда же.

Это и есть дезориентация.

Ибо Мемнон, как я надеюсь, не видит особых, укрытых за строем формирований: отдельного отряда «друзей» под началом Сократа Рыжебородого, усиленного двумя формированиями легкой пехоты под командованием Птолемея, сына Филиппа, прозванного Жалом за любовь к пчеловодству. Жало собрал под своей рукой две сотни добровольцев из числа молодых, самых быстрых и ловких во всей армии воинов. Все они получают двойное жалованье и обучены действовать в бою совместно с кавалерией и против вражеской кавалерии. Доспехи у них не в ходу: по части защиты эти бойцы полагаются на скорость и увертливость,

прочность щитов, именуемых «pelta», и боевой порядок, при котором они находятся непосредственно среди атакующих всадников.

Оружием им служит копье в семь локтей длиной и длинный, позволяющий не только рубить, но и колоть меч. До сих пор мне доводилось использовать этих воинов лишь в горах, против диких племен. На коротком расстоянии (таком, как здесь, у Граника) они способны атаковать, не отставая от кавалерии, а после столкновения, в том коловращении, которое, как я полагаю, образуется и на берегу, и в речном ложе, способны нанести врагу страшный урон.

Помимо «друзей» Сократа Рыжебородого и легкой пехоты Птолемея в это штурмовое формирование включены великолепная пехота (пешие царские телохранители Аттала, брата Птолемея), пеонийская легкая конница Аристана и четыре отряда царских копейщиков под общим командованием Аминты.

Я надеюсь, что мое упорное продвижение к правому флангу обратит на себя внимание противника и заставит его приготовиться к отражению основного удара именно на этом направлении. Надеюсь, что с этой целью он снимет с центра и перебросит навстречу мне как можно больше формирований.

Ибо главный удар нанесу отнюдь не я. Его нанесет Рыжебородый.

Ориентировать и дезориентировать. Я научился этому у Мемнона, и не исключено, что он разгадает мой замысел. Однако удастся ли ему убедить в своей правоте военачальников-персов? Причем убедить достаточно быстро: стоит промедлить с решением полминуты, и будет уже слишком поздно.

Я продолжаю двигаться к флангу. Мимо Рыжебородого. Перед фронтом «друзей». И неприятель реагирует. Конные подразделения начинают перемещаться из центра в направлении моего движения.

— Теперь посылай Рыжего.

Теламон делает знак. Воины Рыжебородого выдвигаются вперед, как раз после того, как я и царское подразделение «друзей» проезжаем мимо. Подчиненные Рыжему командиры и он сам, на своем скакуне по кличке Хищник, дают отмашку своим всадникам. Шеренга приходит в движение.

«Друзья» издают боевой клич.

Конники Рыжего, выстроившиеся четырьмя клиньями, промежутки между которыми заполняют пехотинцы Жала, вырываются вперед. Они скачут вниз по склону, сначала рысью, потом легким галопом. Воинственные возгласы не смолкают ни на миг. Пехота ускоряет шаг, переходит на бег. Я, со своей стороны, тоже ускоряю аллюр. Мой отряд по-прежнему движется вправо. Еще дальше вправо. Чуть ли не правее неприятельского фланга...

Мемнон оказывается в трудном положении. Если он вернет перемещавшиеся вслед за мной конные отряды в центр, для отражения атаки Рыжебородого, я обойду его с фланга. Если оставит их на фланге, Рыжебородый сможет прорвать центр. За Сократом в наступление уже двинулись копейщики и царские телохранители. За ними пеонийцы и две с половиной тысячи пехоты.

— Рыжий идет!

Клинья Рыжебородого с улюлюканьем рвутся вперед. Что теперь будет?

Персы в плотном конном строю поджидают нас на высоком кряже, господствующем над рекой. Они вооружены метательными копьями и рубящими мечами. Пытаться остановить нас встречной атакой они не станут, ибо поступить так означает свести на нет свое изначальное преимущество. Нет, они останутся на месте, будут забрасывать нас сверху своими дротиками и ликовать, видя, как падают наземь кони и люди. На некоторое время наши воины окажутся полностью беззащитными: с трудом балансируя на скользких

камнях русла, они, не имея метательного оружия, даже не смогут ответить ударом на удар.

Противник чует кровь, и его охватывает неудержимое, лихорадочное возбуждение. Пылкие, горделивые персидские всадники больше не могут оставаться на месте. Они выхватывают мечи и бросаются вниз по косогору в яростную атаку. Посреди реки персы сталкиваются с нашими конными и пешими наступающими отрядами, и там разворачивается рукопашная схватка.

Приходит мой черед.

Царское подразделение «друзей», выстроившееся в шесть клиньев по пятьдесят всадников, устремляется в образовавшийся в неприятельском фронте разрыв. Оставшиеся шесть отрядов «друзей», еще двадцать четыре клина по пять десятков конников, последуют за мной. Вся эта сила ударит на прорыв, со стороны русла, вверх по склону. К тому времени уже весь наш фронт, общая протяженность которого составляет пятнадцать стадиев, перейдет в наступление. Тяжелая пехота, вооруженная сариссами, войдет в реку под косым углом: справа и впереди царские телохранители Никанора, левее и чуть поотстав воины Пердикки, потом бригада Коэна и, соответственно, остальные четыре формирования.

Если центр противника все же устоит, кавалерия «друзей» оттеснит его под удар нашего правого крыла, а если неприятель перебросит помощь туда, их конница столкнется с лесом сарисс нашей вышедшей из реки фаланги. Так или иначе, не в том, так в другом месте вражеская линия будет прорвана. А как только это случится, боевой порядок персов полностью разрушится.

Все разворачивается в полном соответствии с моими планами. Я сумел предвидеть все, кроме одной, но весьма важной и едва не сыгравшей решающее значение детали. Выдающейся доблести персидских воинов.

Бой у брода превращается в серию атак на мою персону. Мы пробиваемся дальше, выбираемся на берег и развиваем

наступление в глубь прибрежной полосы, но отважные враги не оставляют попыток прорваться ко мне.

Благородный персидский всадник идет в атаку, выкликая свое имя и имя своей матери, дабы, если он победит, товарищи знали, кого восславить, а если падет, кого оплакать. Правда, об этом обычае мы узнаем лишь потом, от пленных, теперь же нам кажется, будто нам противостоит орда безумцев: каждый из них скачет в бой с криком, причем каждый кричит что-то свое. В Македонии мальчиков обучают сражаться в рукопашной не каждому за себя, а держаться, даже если строй смешался, парами, а еще лучше тройками, так называемыми «ласточками» с лидером («клювом») в центре и впереди и «крыльями» по обе стороны, что позволяет атаковать наступающего врага с флангов. Подобная тактика показала себя весьма эффективной в стычках с племенами прирожденных наездников Фракии, каждый из которых, будучи прекрасным воином, сражается сам по себе. Тем паче оправдывает она себя в бою с персами, вооруженными не длинными копьями, а дротиками и кривыми рубящими мечами.

Кроме того, панцири нашей тяжелой кавалерии защищают и грудь, и спину, тогда как противник использует только нагрудники, а многие воины пренебрегают и шлемом. Эта уступка гордыне обходится врагу очень дорого, ибо не каждый нагрудник может устоять против усиленного инерцией скачки удара длинного, тяжелого копья, а наши доспехи, и особенно железные шлемы, неплохо защищают от рубящих ударов кривых мечей. Что бы там ни говорили иные спесивцы, но бой — это не поединок. В общей свалке, когда враги наседают во множестве и удары сыплются со всех сторон, в том, чтобы прикрыть спину прочными латами, нет ничего зазорного.

У брода через Граник схлестнулись не просто две армии, но две противоположные концепции ведения войны. Персы

сражаются на древний лад, впечатляющий, но устаревший. Македония взяла на вооружение стратегию и тактику современности. Горделивые, надменные царские «родственники» не видят никакой чести в сражении с фалангой «презренных» пехотинцев. Туда, где в окружении знатных всадников сражается сам царь, рвутся славнейшие воители Востока. Устремляются, позабыв обо всем, включая и свое место в строю. Побуждаемые гордыней, славнейшие и знатнейшие передают командование своими подразделениями подчиненным, а сами во весь опор мчатся туда, где их может ждать встреча с благородным противником и благородной смертью. Замечу следующее: если перед битвой все знатнейшие и славнейшие воины занимали позиции во главе своих отрядов, распределившись вдоль всего строя, то после нее их тела подбирали в основном в одном месте. Там, где переправлялся через реку я.

Кратер убивает Арбуपालа. Гефестион мощным колющим ударом валит Омара и сбивает с коня Арзамеса. Последний наверняка погиб бы, но его конюх (на Востоке слуги сопровождают господ в бою) поспекает на помощь и за руку втаскивает его на лошадь. Удар моего копья сражает Митридата, скачущего мне навстречу в окружении пышной свиты, выкликая мое имя. Спустя мгновение я вонзаю копье в грудь Резака, успевшего разрубить мой шлем и едва не раскrojившего мне череп. Клит, спасая мне жизнь, убивает Спифридата. (Арсит бежит во Фригию и там вешается из-за стыда и позора.) Филот одолевает Петена. Сократ Рыжебородый убивает Фарнака. Митробарзан и Нифат, бившиеся поодиночке, гибнут в стычках с «ласточками» «друзей». Эти двое знатных персов, покинув свое место в строю, проскакали почти десять стадиев, чтобы погибнуть на этом месте.

Иными словами, практически каждый из высшей персидской знати бросил вверенные ему подразделения и вне

зависимости от отведенного ему места в строю пересек поле, чтобы сразиться со мной.

Когда битва закончилась, оба моих наплечника были сорваны, нагрудник с чеканкой в виде головы Горгоны получил такие вмятины, что разобраться, что там изображено, было уже решительно невозможно, а латный воротник (который я поначалу не хотел надевать из-за его тяжести) был искромсан и искорежен. Ткань моей туники настолько пропиталась кровью и потом, что не отдиралась от тела, и мне пришлось удалять ее по кусочкам, обрезаая их лезвием меча. Нагрудник Буцефала оказался пробит насквозь в шести местах, а из его задней ноги был вырван кусок мяса, которого хватило бы на солдатскую порцию. Наголовник с него сбили, поводья разрубили, а шкура его так заскорузла от крови и песка, что очистить ее с помощью мыла и масла нечего было и думать. Конюхи были вынуждены воспользоваться бритвами.

Слева от нас полки кавалерии и пехота Пармениона с боем форсировали реку и двинулись дальше, гоня противника перед собой. Как только вражеское крыло у брода дрогнуло, начал ломаться и весь фронт. Всадники, взметая пыль, понеслись прочь, словно волна, гонимая по поверхности моря шквалистым ветром.

Правда, бегут не все: греческие наемники остаются на косогоре. Все произошло так быстро, что шестьдесят семь сотен гоплитов даже не успели вступить в бой, а ускакать по примеру своих персидских нанимателей пехотинцы не могут. Поэтому они смыкают ряды и оцетиниваются остриями своих копий.

Близится вечер. Я в сопровождении Пармениона, Клита Черного, Пердикки, Коэна, Кратера, Филота и Гефестиона выезжаю к неприятельскому строю.

Где же Мемнон? Я обещаю всем грекам пощаду, если они выдадут мне Мемнона. В ответ один из старших коман-

диров наемников, спартанец по имени Клеарх (внук знаменитого Клеарха, соратника Ксенофонта), выступив вперед, клянется сынами Тиндереея, что Мемнон бежал.

Спартанец просит сохранить жизни его людям, напирая на то, что они бедны, не имеют земли, служат только за жалование и не обязаны хранить верность царю Персии. А значит, готовы перейти на службу Александру.

— Служите в аду! — кричат им наши солдаты.

Эллины, пренебрегшие общим делом и за деньги поднявшие оружие против своих соотечественников, внушают куда большую ненависть, чем персы.

Спартанец умоляет меня о пощаде, но сердце мое тверже камня.

— Сыны Леонида, приготовьтесь стоять и умереть.

По моему сигналу начинается резня. Я не просто наблюдаю. Я руковожу кровопролитием, направляясь туда, где оно хоть немного ослабевает. Греки предлагают выкуп, службу, выкрикивают имена людей, которых я знаю, имя моего отца и моей матери, вопиют к небесам, взывая о милосердии.

Но я обрекаю их на смерть.

Темнеет. Нам нужны факелы, чтобы видеть тех, кого мы убиваем. Лишь когда треть из них погибла, а уцелевших ужас сковывает настолько, что они падают на колени, выронив из неповинующихся им более рук оружие, я даю сигнал остановить кровопролитие. Но своей родины эти негодные сыны Эллады, принявшие золото варваров в уплату за нашу кровь, не увидят. На лбу каждого из них, как и на лбах всех, кто дерзнет последовать их примеру, будет красоваться рабское клеймо.

Эвмен, мой военный советник, спрашивает, как обращаться с пленными.

— Отправить их в Македонию в цепях, как и подобает рабам. И нечего тратиться на наем кораблей, пусть проде-

лают весь путь пешком, со скованными запястьями и лодыжками, с колодками на шеях. А по прибытии в Македонию отправить всех, не разбирая чинов, на рудники. Без права на освобождение.

— А какие условия содержания определить им на рудниках? — осведомляется Эвмен.

— Сон на соломе и крапивный суп, — отвечаю я. — Пусть вся Эллада узнает, какую плату могут заслужить изменники, продающие свои копья варварам.

На этом все завершается. Ночь делает преследование невозможным. В этот весенний день всего за три часа армия Запада нанесла владыкам Азии такое поражение, какого они доселе не ведали.

Лекари скрепляют мой скальп тремя медными «собачьи хвостами» и плотными стежками. Солдаты при свете факелов собирают раненых и убитых. Я, такой же окровавленный, в таком же рванье, как и все, направляюсь к ним.

Первым я вижу Гектора, младшего сына Пармениона, командовавшего полусотней в отряде Сократа Рыжебородого. Его бедро располосовано, словно ножом мясника, ребра сломаны так, что ему трудно дышать.

— Ты что, случайно наткнулся на дверь, друг мой? — спрашиваю я.

— Точно, ткнулся в нее этой железякой, — отшучивается он в ответ, указывая на вмятый, но спасший ему жизнь нагрудник. Слезы проделывают дорожки в покрывающей мои щеки грязи. Я плачу от любви к этому пареньку и его товарищам, плачу, восхищаясь их отвагой!

Число раненых множится, и я стараюсь обойти всех. После сражения эти люди часто чувствуют себя покинутыми и одинокими. Они, беспомощные, лежат в лазаретных палатках, тогда как снаружи доносятся бодрые голоса их более везучих товарищей, обсуждающих прошедший бой и уже рвущихся в новый. Порой пострадавшие не решают-

ся окликнуть друзей, а те, в свою очередь, не слишком рвутся посетить лазарет: некоторые — не желая огорчать себя видом ран и страданий, а кое-кто — из суеверия полагая, будто чужое невезение может передаваться словно зараза. Бывает, что раненый даже чувствует себя виноватым, как будто он подвел своих близких. Каково это, вернуться в дом калекой? Прочтет ли он сострадание в глазах жены? Оказавшись в подобном положении, человек чувствует себя беспомощным, обделенным, но прежде всего он чувствует себя смертным. Он ощутил дыхание ада и узрел, как земля разверзла пред ним свой зев.

По этой причине я считаю своим долгом почтить доблесть каждого, не забыв ни одного солдата. Опускаясь на колени рядом с ложем увечного, я беру его за руку и прошу рассказать о своих подвигах. Причем рассказать не скромничая. Ничего страшного, если кто и приукрасит рассказ, пусть даже приврет насчет того, как враги снопами ложились под его ударами и пускались врассыпную, завидев его щит. Полученная в бою рана, как бы ни была она ужасна, еще и почетна, и то, что о нем помнят, заставляет любого воина преисполниться гордости. Практически каждый из них горит желанием как можно скорее вернуться в строй.

Когда я показываю им мои собственные раны или отверстия, пробитые вражескими мечами и копьями в моих доспехах, солдаты плачут и вздымают руки к небу. Снова и снова то один, то другой малый прикладывает к своей ране мою ладонь. Мои соотечественники верят в могущество моего даймона, способного не только оберечь меня, но и исцелить любого из них. Каждая моя вещь считается самой драгоценной наградой, поэтому я раздариваю раненым все, начиная с кинжала и пояса и кончая поножами. Принимая дары, солдаты наперебой умоляют меня в следующий раз не рисковать своей столь драгоценной для всех жизнью.

— Ибо, — говорят они, — даже удачу, столь великую, как твоя, нельзя искушать вечно.

Наполнить наши желудки вином и хлебом удастся только к полуночи, но в сон никого не клонит. В свете факелов я собираю свое войско у излучины реки и обращаюсь к нему со следующими словами:

— Братья, углубившись во вражескую землю всего лишь на сто пятьдесят стадиев от моря, мы благодаря сегодняшнему событию вырвали из рук Дария десять тысяч стадиев его царства. Теперь все земли, прилегающие к Эгейскому морю, отпадут от Персии и предадутся нам. Ничто более не стоит между нами и Сирией, нами и Финикией, нами и Египтом. Мы станем освободителями всех прибрежных эллинских городов. Нам достанутся богатства, о которых можно было только мечтать, а слава, какой покрыло себя наше оружие, превосходит все, чего достигал когда-либо любой из народов Запада. Этого добились вы, о братья, и я поздравляю вас с выдающимся успехом. Ибо, помимо того, что уже достигнуто, мы приблизили тот день, когда Дарий Персидский вынужден будет выступить против нас лично и встретиться с нами на поле боя. И вот, когда это случится, мы с вами совершим такой подвиг, в сравнении с которым наше сегодняшнее свершение покажется просто детской забавой. Вы одарили честью меня, своего царя, и воздали честь памяти моего отца. Пусть никто не забудет заслуг Филиппа, который выковал этот инструмент, нашу славную армию, и который, безусловно, отдал бы все, что у него есть, чтобы стоять здесь с нами в этот час. Слава Филиппу! — восклицаю я.

Все войско трижды повторяет этот клич, каждый раз со все большим рвением.

Воздать почести павшим я собирался на следующий день, но упоминание о нашем умершем владыке настроило всех на серьезный лад. Ощувив настрой товарищей, я подаю знак почетной страже, и к нам на трофейных боевых колесницах противника доставляют тела наших товарищей. По моему

приказу колесницы останавливаются напротив выстроившихся отрядов.

В этом бою мы потеряли убитыми шестьдесят семь македонцев, двадцать шесть «друзей», девятнадцать человек из отряда Сократа Рыжебородого. Врагов же (как выяснится позже, после подсчета) пало более четырех тысяч.

При виде усопших гул голосов стихает: близость смерти внушает невольное почтение.

Я поднимаюсь на возвышенность; глашатаи, которым предстоит передавать мои слова дальше по рядам, подступают поближе. Заготовленной заранее речи у меня нет, но она и не нужна, если слова идут от самого сердца.

— Друзья мои, мы живы. Боги даровали нам эту победу, за которую мы с радостью благодарим и их, и друг друга, ибо каждый из нас внес в нее свою лепту. Но наши погибшие братья, боровшиеся за эту победу вместе с нами, так и не узнали, что стали победителями. Им неизвестно, что счастье торжества куплено для нас ценой их крови и их жизней. Так давайте же, даже в ликовании, не забудем оплакать наших дорогих, незабвенных друзей и братьев. Они, наши товарищи, достигли того, на что никто из нас, ныне живущих, претендовать не может. Явленной сегодня доблестью и отвагой они вознеслись к недостигаемым высотам духа.

Я подаю знак главному глашатаю, и тот встает навтыжку напротив меня.

— Салютуйте оружием павшим героям!

Главный глашатай, повернувшись, передает приказ, который разносится по рядам. В едином порыве сариссы, мечи, копья и дротики наших воинов, конных и пеших, македонцев и союзников, склоняются перед погребальными колесницами. Улавливая торжественное, возвышенное настроение бойцов, я оборачиваюсь к катафалкам и произношу:

— О наши павшие братья, примите этот знак уважения и благодарности. Вы умерли с честью, и каждый из нас хотел бы встретить свой последний час столь же доблестно.

Звучит команда «смирно». Я снова поворачиваюсь лицом к войскам.

— Ведайте, что благодарная Македония воздвигнет каждому из этих героев бронзовую статую в полный рост. Извзаять эти памятники будет поручено Лисиппу, единственному скульптору, коему позволено создавать мои изображения. Установят же их в Диуме, в Саду муз, где каждый сможет узреть их и воздать им почести. Семья каждого из убиенных узнает о его славных деяниях, получив письменный рассказ о его подвигах, заверенный моей подписью и печатью. Пусть матери даже в своей скорби гордятся доблестными сынами, жены — мужьями, а сыновья — отцами. Дети павших получают дополнительные земельные наделы, причитавшуюся их отцам долю военной добычи, смогут учиться за счет казны и будут освобождены от несения службы. Я объявляю об этом, хотя все вы не хуже меня знаете, что родичи погибших не примут подобную привилегию, но, напротив, с гордостью заявят о своем праве на их место в нашем строю, едва только годы позволят им взять оружие и попытаться доказать, что они не уступят в доблести тем, кто дал им жизнь. Главный глашатай, огласи имена погибших героев.

Когда прозвучало имя каждого, войскам скомандовали «вольно».

— Чтя доблесть своих, я не забываю почитать и отважного противника. Нам, друзья, не пристало испытывать ненависть к противостоящим, ибо сегодня и они с достоинством прошли испытание смертью. Сегодня боги даровали удачу и славу нам, но уже завтра их мельница может размолоть нас в пыль. А теперь разойдитесь и отдохните. Вы это заслужили.

Уже на следующий день перед нами капитулирует Даскилий, в течение двух следующих недель мы вступаем в Сарды и Эфес. Магнесия и Траллы открывают нам ворота

без боя, Милет падает после недолгого сопротивления. Мы вступаем в Карию и приступаем к осаде Галикарнаса.

В первую ночь осады, ознакомив командиров со своим превосходным планом, Парменион просит меня уделить ему время.

Мне почему-то кажется, что он хочет просить об отставке. Это ужасно.

— Я недооценил тебя, Александр, — говорит заслуженный полководец. — Признаю это и прошу за это прощения. Прошу, однако, принять во внимание и то, что старому солдату, которому уже перевалило за шестьдесят, трудно вот так, сразу, признать и оценить по достоинству столь юного и неопытного вождя.

Несколько мгновений все ошеломленно молчат. И я, и мои командиры чувствуем, что старый военачальник говорит от всего сердца.

— Прости меня за то, что я, как это свойственно людям пожилым, советовал тебе проявить осторожность и осмотрительность. Советы мои были не так уж плохи, но лишь в отношении обычного человека. Теперь же для меня очевидно, что к тебе нельзя подходить с теми же мерками, что к другим. До недавнего времени я считал величайшим полководцем на свете твоего отца, однако, наблюдая за тобой все эти месяцы, пришел к выводу, что своими дарованиями ты безмерно его превосходишь. Ты знаешь, что служить тебе я согласился с неохотой, чему способствовали и некоторые обстоятельства твоего воцарения.

Он имеет в виду то, что за участие в заговоре я предал смерти его зятя Аттала, который был и моим другом.

— Ныне я оставляю все это позади, отбрасывая былые обиды, как и ты, надеюсь, оставишь свои подозрения. Они были естественными, ибо ты прекрасно понимал, каковы мои чувства, но с этого момента, Александр, я торжественно объявляю себя твоим человеком и обязуюсь служить тебе

столь же верно, как твоему отцу, и столь долго, сколь тебе будет угодно принимать мою службу.

— Ты заставляешь меня плакать, Парменион, — говорю я, вставая, и весь в слезах обнимаю ветерана. Очевидно, что он оказал мне особую честь, сделав это признание публично. Такой поступок требует мужества и подлинного величия души. Совершив его прилюдно, он тем самым призвал всех полководцев моложе себя (то есть всех остальных) забыть о моей молодости и признать мое превосходство. Они аплодируют: его выступление тронуло их так же, как и меня.

— Асандр, — повелеваю я дежурному юноше из свиты, — подай мне отцовский сигейский меч.

Я говорю Пармениону, что Филипп любил его и считал первым и не имеющим равных среди своих военачальников.

— Однажды, — рассказываю я, — принимая послов Афин, Филипп отозвал меня в сторонку и с усмешкой заметил: «Афиняне избирают каждый год по десять стратегов. Каким же избытком талантов должен обладать этот город, если я за все годы своего правления сумел найти в Македонии только одного». И он кивнул в твою сторону.

Теперь плачет Парменион. Асандр приносит меч Филиппа, я вкладываю его в руку своего старейшего полководца.

— Для меня, о Парменион, будет величайшей честью, если ты примешь сей меч как дар не только твоего царя и командующего, но истинного товарища и друга.

Расскажу еще о двух эпизодах, имевших место после Граника. Наутро после сражения я, как и подобает царю, поднимаюсь спозаранку, чтобы совершить жертвоприношение, и выхожу из шатра в сопровождении двух юношей свиты и одного почетного стража.

Обычно мы встречаемся с Аристандром, жрецом-провидцем, с коим нам и предстоит вершить ритуал, и в одиночестве молча движемся к алтарю. Но на сей раз по выходе

из шатра я вижу, что здесь собралась чуть ли не вся армия. Площадь перед моим шатром забита тысячами солдат, и к ним беспрерывно присоединяются новые.

— Что случилось? — спрашиваю я у Аристандра, опасаясь, что забыл о дате какого-нибудь общего ритуала или церемонии.

— Они хотят видеть тебя, Александр.

— Видеть меня? Зачем?

Мне трудно представить себе, для подачи какой петиции или обращения воинам могло потребоваться собраться здесь в таком количестве.

— Чтобы увидеть тебя, — повторяет жрец. — Чтобы просто на тебя посмотреть.

Похоже, что за ночь мой авторитет упрочился еще больше. Сотни людей сбились такой плотной толпой, что моим сопровождающим приходится проталкиваться, силой расчищая мне дорогу.

— Александр! — восклицает кто-то из собравшихся, и остальные тут же подхватывают: Александр! Александр!

Соотечественники выкрикивают мое имя так громко, с таким воодушевлением, как на моей памяти не возглашали даже имя Филиппа.

— Протяни руки, повелитель, — говорит Аристандр, — дай воинам понять, что принимаешь их поклонение.

Я так и делаю, после чего возгласы восторга звучат еще громче.

В последующие дни я не могу покинуть шатра, не оказавшись в окружении сотен людей, демонстрирующих свою преданность. Когда же я напрямую спрашиваю кого-либо из них, почему он, как и остальные, повсюду следует за мной, солдат с таким видом, будто это само собой разумеется, отвечает:

— Чтобы быть уверенным в том, что с тобой все в порядке. И что ты с нами.

Теламон с интересом наблюдает за этим явлением. Когда же я делюсь с ним своим беспокойством, замечая, что армия, похоже, относится ко мне не как ко мне самому, но как к чему-то другому, он отвечает:

— Так оно и есть. Это все твой даймон.

Он прав: эти люди видят не меня, а моего даймона. Это он принес им победу, с ним они связывают свои надежды, и именно его они боятся лишиться.

По мнению Теламона, я должен принять это как следствие блистательного триумфа.

— Ты перестал быть Александром, — говорит он, — и стал «Александром».

Что же до второго эпизода, то он и вовсе мимолетен. Бывает, что через некоторое время после победы воинов охватывает печаль. В чем тут дело, я не знаю: впечатление такое, будто меланхолия приходит на смену буйному ликованию. После Граника это в той или иной мере затрагивает все войско, но более всего почему-то сказывается на поваре по имени Адмет, лучшем поваре во всей армии. Это настоящий мастер своего дела, человек с воображением, способный буквально из ничего состряпать вкуснейшие блюда.

На этот раз сильное воображение играет с ним злую шутку: резня производит на него такое впечатление, что он после этого не может даже разделать птицу. Между тем главный повар в войске человек далеко не последний и способен оказать на боевой дух армии не меньшее влияние, чем иной полководец.

Я вызываю этого малого в мою палатку, вознамерившись подкрепить его дух, но, прежде чем успеваю заговорить, он с дрожью в голосе, сопровождая свои слова тяжким стоном, вопрошает:

— Что это за звук? О слезы небес, что это за ужасные стенания?

Я ничего не слышу.

— Здесь, о царь! Там, снаружи! Ты не можешь этого не слышать!

Теперь я и точно слышу доносящуюся снаружи тоскливую мелодию.

Все находящиеся в шатре устремляются к выходу взглянуть, в чем дело. На площадке перед шатром высятся оставленные на ночь в вертикальном положении двадцать четыре сариссы.

Ветер, блуждая меж их древками, выдувает этот грустный мотив.

Повар Адмет застывает как вкопанный. Как и все мы. Похоже, эта меланхолическая музыка окончательно разобьет его сердце.

Заметив это, один из конюхов, парнишка по прозвищу Подметка, подходит к повару и, обращаясь к нему самым ласковым, почтительным тоном, заявляет:

— Сариссы поют.

Повар поворачивается к нему со столь изумленным выражением, будто этот паренек чудесным образом возник из небытия лишь для того, чтобы помочь ему разобраться с его печалью.

— Да, поют. Но почему так грустно?

Конюх участливо берет повара за руку.

— Потому что сариссы знают: их предназначение нести смерть. Они просят прощения у тех, кого сразили, жалеют тех, кому причинили страдания.

И он декламирует чистым, звонким голосом:

Грустен сариссы напев, как печальная
песня свирели.

Он призывает меня голосом мягким и нежным
Брань позабыть и мирному делу предаться,
Но все, что ведомо мне, это одна лишь война.

Адмет впадает в задумчивость, осмысливая услышанное. Никто не расходится: все ждут, затаив дыхание.

— Спасибо тебе,— говорит повар конюху, а потом, выпрямившись, поворачивается ко мне.— Теперь, о царь, все будет в порядке.

Он поворачивается и тяжелой поступью направляется к своим котлам и черпакам.

Я рассказываю эту историю во время похода на Каппадокию, когда тринадцать месяцев спустя после битвы при Гранике ко мне, загоня коня, прибывает гонец с известием о том, что Мемнон, осаждавший Митилену, пал жертвой внезапной лихорадки.

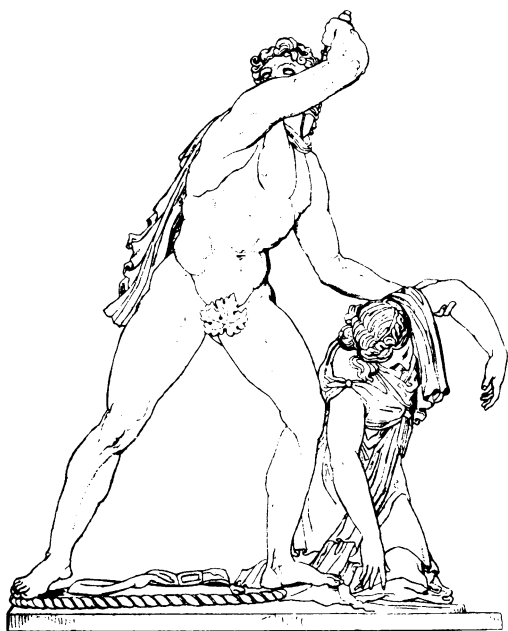
Он мертв.

Я плачу, и не только из почтения к блистательному родосцу (хотя и почтения к нему у меня в избытке), но и от осознания того, какую роль в судьбах людей и царств может играть простая случайность и сколь тонка и непрочна связь каждого из нас с той непостижимой сущностью, которую мы именуем жизнью.

Человека, которого я опасался более всех прочих, не стало, а ведь он один, с его познаниями и мудростью, стоил целой армии.

Это означает, что теперь Дарию волей-неволей придется самому выступить мне навстречу и дать бой.

Книга пятая
ПРЕЗРЕНИЕ К СМЕРТИ

ТЯЖКИЕ ТРУДЫ

Здесь, в Индии, этот месяц называют месяцем кшатриев. «Месяцем воинов».

Я с небольшим отрядом выбрался в холмы на охоту, отчасти ища избавления от царящего на равнине зноя, отчасти же чтобы отвлечься от скорбей и забот лагеря.

Пришла весна, а вместе с ней муссоны и ливни. Река поднялась больше чем на пару локтей (уровень ее колеблется, но мы можем судить по тому, что вода скрыла каменные ступени, спускающиеся к ней возле местных селений) и там, где ее не удерживали в русле дамбы и насыпи, разлилась, добавив к своей обычной ширине половину стадия. И как, спрашивается, теперь через нее перебираться?

Лагерь уже дважды приходилось перемещать на более высокое и сухое место, а на сооружение насыпей и плотин ушло куда больше времени, чем на подготовку к предстоящему наступлению. Вдобавок ко всему лагерь поразила вспышка болотной лихорадки. Этот недуг коварен и непредсказуем: неизвестно, отчего он происходит, но все снадобья против

него бессильны. Подцепившие хворь умирают в горячечном бреду. Неудивительно, что такого рода бедствие удручающе действует на воинов, распространяя среди отважных во всем остальном людей уныние, подавленность и склонность видеть во всем дурные предзнаменования.

Теперь у нас появились и дезертиры (пока, правда, только из наемников и иностранных союзников), причем в таких количествах, что я не решаюсь произвести полное построение армии, чтобы солдаты не увидели, какие бреши возникли в их боевом порядке. Думаю, Итан, что ты помнишь мои рассказы о Херонее и Гранике, а потому понимаешь, что еще несколько лет назад подобное положение в армии было бы невысказано.

Но источником самой серьезной опасности являются «недовольные».

Как я уже говорил, их число составляет примерно триста человек, в большинстве своем ветеранов фаланги, к которым примкнули несколько царских телохранителей. Я изолировал этих ворчунов от остальных, как умелый врач изолирует заразных больных в карантине, и теперь они, через назначенных мною для этого подразделения новых командиров, Матиаса и Ворону, обращаются ко мне с прошением об увольнении со службы. Прошение составлено с должным почтением, в полном соответствии с традицией. В нем указывается, что все желающие вернуться домой воины безупречно служили долгие годы, удостоены множества наград, получили ранения и всегда сносили тяготы походной жизни без ропота и нареканий. Кроме того, они могут сослаться на прецеденты: я несколько раз распускал по домам целые подразделения на основании подобных петиций. Правда, до сих пор это не касалось македонских отрядов, но лишь потому, что македонцы и не обращались ко мне с подобными просьбами.

Таким образом, передо мною встает нешуточная проблема, ведь если недовольство начнет распространяться среди

составлявших до сих пор мою главную опору македонских ветеранов, армии конец. Одна мысль об этом лишает меня сна, и мои полководцы разделяют мою тревогу.

Дело осложнено и некоторыми особенностями организации моей армии, ни в одном отряде которой, кроме самых крупных соединений, не предусмотрено штабных должностей. Я хочу, чтобы все мои полководцы были боевыми командирами, пользующимися уважением и доверием солдат. При такой системе каждый сотник и тысячник несет нагрузку и по управлению отрядным хозяйством, и по обучению воинов, которых он же ведет в бой. До сих пор это себя оправдывало. Я всегда, и в походе, и на бивуаке, нахожусь среди командиров, а потому в курсе всего происходящего в армии. Мне известно, какой солдат обрухатил девицу и кто чувствует себя несправедливо обойденным наградой. Знание такого рода «мелочей» позволяет принимать правильные решения.

Но в ходе последней кампании — если быть точным, то начиная с Афганистана — наметилась нездоровая тенденция: мои командиры стали более скрытными. Они утаивают некоторые сведения, дабы уберечь и себя, и находящихся под их началом солдат от овладевающих порой мною приступов ярости, которые, как я знаю, усугубились, в чем некого винить, кроме меня самого. Опасаясь моего гнева, они не докладывают мне даже о случаях открытого выражения недовольства.

До недавнего времени положение несколько смягчалось благодаря Гефестиону, служившему как бы посредником между мною и основной массой командиров. Он имел относительно невысокий чин, так что всякий сотник мог заговорить с ним без робости, зная при этом, что мой друг, имея ко мне постоянный доступ, передаст просьбу, выбрав для этого благоприятный момент. Теперь это в прошлом. Гефестион вполне заслуженно получил повышение, стал теперь

вторым по значению военачальником в армии после Пармениона. Ясно, что командиры мелких подразделений не дерзнут откровенничать с полководцем столь высокого ранга. В результате я приобрел военачальника, но лишился ушей. И это тогда, когда в отличие от прежних времен я уже не в состоянии удержать все происходящее под строгим контролем. То здесь, то там меня подстерегают неприятные неожиданности.

Но вернемся к охоте. Мы разделились на группы: группу полководцев в составе Гефестиона, Кратера, Пердикки и Птолемея, сопровождаемых примерно шестьюдесятью воинами, и придворную группу, так называемый «царский список» во главе с Теламоном и Эвменом. Охотимся мы за черной пантерой: нам донесли, что в окрестностях заметили нескольких хищников, согнанных с гор дождями. Весь день мы прочесываем местность впустую, не наткнувшись ни на кого, кроме косоглазого зайца, и лишь ближе к вечеру, перед самым закатом, замечаем добычу. Правда, не пантер, а стадо диких ослов. Шумная, с гиканьем, погоня оборачивается для некоторых из нас падением с лошадей, ушибами и даже переломами. Добыть ничего не удастся: животные, находящиеся в родной стихии, оказываются для нас слишком быстрыми и ловкими. Однако результат все же имеется, и результат положительный: головокружительная скачка выдула из наших мозгов дурь и уныние, так что вокруг костра мы собираемся в хорошем расположении духа. На ужин предлагают похлебку из дрофы (подстреленной, замечу, поваренком) с горным горохом, исмарское вино и горячий, выпеченный в земляной печи ячменный хлеб.

И тут я объявляю, что хочу направить реку в другое русло.

Мои полководцы дружно смеются: им кажется, что это шутка.

— Выполнение этой грандиозной задачи потребует усилий всей армии, — продолжаю я. — Задействованы будут

каждый солдат, каждая повозка, каждая лошадь и каждый мул.

Я подаю знак Диаду, включенному по моему указанию в «царский список», — главному инженеру армии, руководившему масштабными работами при осаде Тира и Газы.

Поднявшись, он подходит ко мне с ворохом свитков, на которых, как могут видеть мои спутники, начертаны различные планы и схемы.

— Прошу заметить, друзья, — заявляю я, — что в мои намерения не входит просто перегородить реку плотиной и превратить окрестности в болота. Нет, задача состоит в том, чтобы проложить для нее новое русло, тогда как старое, осушенное, превратится в дорогу, которая позволит нам развивать дальнейшее наступление.

Смех умолкает. Надо отдать должное моим товарищам: они начинают осознавать перспективу.

Диад, крепкий, практичный, как все механики, малый с лысой, как куриное яйцо, головой, берет слово. Он сообщает, что, изучив почву и характер местности, считает эту работу трудной, но выполнимой.

— Над лагерем, у излучины реки, залегают пласты водонепроницаемой сланцевой глины: это своего рода подземное продолжение Соляного хребта. Если прорыть канал к подножию кряжа, в низину, вода, во всяком случае значительная ее часть, отойдет туда. Что касается рабочей силы, то мы располагаем пятьюдесятью тысячами одних только солдат, не говоря о кормящихся при армии местных жителях и всяческом сброде, которого наберется никак не меньше. Наша сокровищница в состоянии выдержать необходимые расходы. Лошадей и мулов у нас около двадцати тысяч. Да что там лошади, у нас есть даже слоны. Конечно, работы предстоит много, и работы тяжелой, но не требующей особого умения, а значит, привлечения большого количества специалистов. Для рытья канав и установки крепления тре-

буются не светлые головы, а лишь крепкие руки да спины. А как только мы повернем исток реки в канал, она сама устремится дальше, промывая себе новое русло в указанном нами направлении. Большую часть работы река проделает за нас.

На лицах иных из моих советников появляется скептическое выражение, и инженер при виде такой реакции улыбается.

— Из того, что никому прежде не удавалось совершить нечто подобное, вовсе не следует, будто это невозможно. Во всяком случае, я не вижу оснований, почему бы не попробовать. Спору нет, идея безумная, но как раз такая, какой можно увлечься.

— Напряженный труд благотворен с точки зрения поддержания боевого духа и дисциплины, — подает голос Птолемей. — Если солдат не сражается, его нужно занять работой, чтобы на ворчание да сетование у него не оставалось ни сил, ни времени.

— Мне это нравится, — говорит Кратер. — Это мы атакуем реку, а не она нас.

Эвмен, мой военный советник, отмечает еще одно преимущество данного плана:

— Армии необходимо нечто масштабное, способное захватить воображение. Как говорил Перикл: «Великие подвиги и тяжкий труд».

— А еще, — добавляет Пердикка, — это заткнет рот «недовольным».

Он предлагает поручать этому отряду самые ответственные задания.

— Отлынивая, эти смутьяны уронят себя в глазах товарищей, а работая честно, с полной отдачей, позабудут о своем нытье.

Гефестион предлагает воодушевлять людей с помощью соревнования: устанавливать задания для отдельных под-

разделений и награждать тех, которые выполняют их первыми.

— А можно установить норму, например, сколько локтей земли положено освоить, скажем, за шесть дней. Подразделение, уложившееся в пять, получит лишний день отдыха.

Кратер считает разумным установить и главную награду за конечный результат.

— Тогда подразделение, выполнившее шестидневное задание досрочно, продолжит трудиться добровольно, чтобы сохранить преимущество над соперниками.

Я сообщаю моим товарищам, что собираюсь послать в Экбатаны за деньгами. Главная сокровищница, сто восемьдесят тысяч талантов золота, находится там, и мне кажется разумным использовать тысяч тридцать на выплату жалованья, призов и наград. А что думают они?

Птолемей высказывает одобрение.

— Присутствие в лагере больших денег воодушевляет людей.

— Даже сильнее, чем присутствие женщин, — соглашается Пердикка.

— Это потому, что, имея деньги, можно получить и женщин, — смеется Кратер.

Все полководцы высказываются одобрительно: присылка денег — это все равно что прибытие подкрепления. Золото являет собой такую же силу, как и войско. А новая сила — это новый рывок вперед.

Однако Ворона, молодой командир, назначенный мною в отряд «недовольных», выглядит уныло. Я знаю, что он огорчен поданным отрядом общим прощением и считает, что не оправдал возложенного на него доверия, но сейчас, похоже, его тревожит нечто иное.

— Что у тебя, друг мой? Говори, не робей.

— Я подумал о том, царь, что, если ты пошлешь за золотом, не стоит об этом объявлять. Пусть это будет тайной.

Все наперебой заявляют, что сохранить такое в секрете все равно не удастся. По лагерю поползут слухи.

— Вот и хорошо. Пусть люди собирают слухи, это повысит их интерес к происходящему. Каждому лестно почувствовать себя причастным к тайне, не говоря уж о том, что слухи могут быть сколь угодно преувеличенными. Люди будут распалать свое воображение, а это только на пользу делу.

— Клянусь Гераклом, — восклицает Птолемей, — этот молодой человек не на своем месте.

Он имеет в виду, что его необходимо повесить в чине.

Все смеются.

Я вижу, что Матиас тоже горит желанием высказаться по обсуждаемому вопросу.

— А что у тебя? — спрашиваю я и слышу в ответ предложение послать за ваятелями, дабы те увековечили это великое свершение и высекли на каменных берегах рукотворной реки изображения и надписи, восхваляющие ее творцов.

— Здешний зной превратит земляные работы в сущее мучение, — говорит он, — но всякий раз, когда изможденные люди поднимут очи и увидят впечатляющие образы, их будет вдохновлять осознание того, что эти рельефы переживут столетия и увековечат их тяжкий труд. Далекие потомки смогут прочесть: «Здесь люди, ведомые Александром, повернули могучую реку в новое русло».

— И чьи образы ты предполагаешь там запечатлеть? — интересуюсь я.

— Прежде всего твой собственный лик, о царь. И еще, конечно...

— Вот-вот, чьи еще?

— Образы, в которых солдаты узнают себя.

Военачальники прицелкивают пальцами. Неужели он всерьез предлагает высечь в камне портреты пятидесяти тысяч солдат?

— Каждый отряд имеет свою эмблему, о царь,— продолжает, ничуть не смутившись, Матиас.— Пусть на стенах красуются антилопы рога Бактрии, хохолки пустельги Согдианы, наши собственные львы и волки. Те символы, подняв на которые глаза человек сможет сказать: «Внуки моих внуков будут любоваться плодами наших трудов, зная, что это рукотворное чудо содеяно мною и моими товарищами».

Я выражаю одобрение, точно так же, как и все прочие. Ворона и Матиас удостоиваются искренней похвалы, ведь идею повернуть реку подсказали именно они. Теперь приходит время высказаться и насчет того, какой я вижу свою роль в будущем предприятии.

— Что же до меня, друзья мои, то я разденусь донага и присоединюсь к землекопам. Думаю, видя рядом царя, работающего бок о бок с ними, они будут трудиться с особым воодушевлением. Кто не захочет по окончании рабочего дня похвалиться: «А я сегодня на земляных работах обошел Александра!» Для меня труд будет лучшим лекарством, а для моих людей несравненным стимулом. Подразделениям, победившим в трудовом состязании, будет воздавана хвала и пожалуются награды, что подвигнет отставших усилить рвение в стремлении заслужить те же отличия.

Кратер осведомляется насчет того, как отреагирует на эту затею наш противник Пор. Не станет ли он мешать проведению работ? Меня, однако, это волнует меньше всего.

— Сейчас я пребываю в разладе в первую очередь не с этим владыкой Индии, а с собственными людьми. Мы переживаем кризис духа. Если бы войска по-прежнему обладали «*dynamis*», нам не потребовалось бы копать рвы и прокладывать каналы. Через эту реку мы переправились бы с ходу еще месяц назад и нынче уже всю маршировали бы на Восток, приближаясь к берегу Океана и Краю Земли.

Эта тема вызывает всеобщий интерес, и мы обсуждаем ее всю ночь. Далеко ли лежит возделенный берег, долгий ли нам предстоит путь. Нам известно одно: это где-то за Гангом. Большого не может сказать ни один местный проводник.

Мне трудно передать словами, как возбуждает меня одна лишь мысль о возможности оказаться там, где не бывал еще ни один воитель Запада! Увидеть то, чего никому не доводилось видеть! Стать первым и остаться первым во веки веков.

Возможно, Итан, ты считаешь меня тщеславным? Но рассуди: чем одарил всемогущий Зевс человека, кроме Земли? Небеса он приберег для себя. Но уж эту, отведенную нам юдоль мы можем осваивать невозбранно, ограничиваемые лишь своей волей и воображением.

Как думаешь, какое качество я считаю в себе самым главным, возвышающим меня над всеми соперниками? Не искусство воина или талант стратега.

И уж, конечно, не способности политика.

Воображение.

Я способен представить себе Край Земли. Он сияет перед моим внутренним взором, словно хрустальный город, хотя мне и понятно, что, добравшись туда, я, скорее всего, увижу лишь полоску гальки под чужим небом. Ну и пусть. Не это главное. Главное, что это Земной Предел, до которого не добрались ни Геракл, ни Персей. Только я.

Хочешь знать, что я надеюсь заполучить, оказавшись там? Ничего! Я даже не наклонюсь, чтобы поднять камушек или раковину; лишь крепко сожму руки друзей и устремлю взгляд на Восточный Океан.

Вот чего я хочу.

Вот и все, чего я хочу.

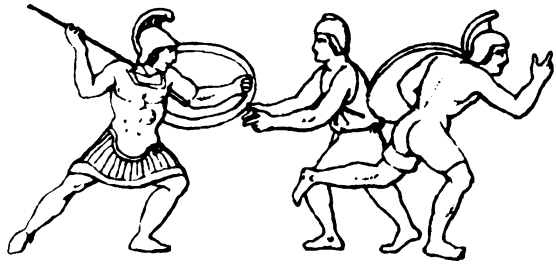
Ты понял, Итан? Невзирая на все свои завоевания, на все титулы, на все мое богатство и славу, я, по сути, остаюсь

мальчишкой, не знаящим большего счастья, чем странствовать в обществе добрых друзей, в уверенности, что за ближайшим холмом его, конечно же, поджидают невиданные чудеса.

Однако, мой юный друг, это отступление отвлекло нас от нашей истории. Давай-ка вернемся к битве при Гранике и тому, что последовало за ней.

УБИТЬ ЦАРЯ

У тебя, Итан, есть доступ к хронике событий, имевших место в ближайшие месяцы после битвы при Гранике. Города Малой Азии, один за другим, или переходили на нашу сторону, или сдавались по приближении нашего войска. Всем эллинским полисам я предоставил свободу и освободил их от дани. В Карию, где живут не эллины и эллинские обычаи не в ходу, я восстановил у власти законную царицу Аду, которая в благодарность усыновила меня. Карийские законы, отмененные Дарием, были восстановлены в полном объеме. Что же до дани, то я стал взимать ее не в качестве завоевателя, но как сын царицы и, следовательно, наследник престола. Освободив от персов Лидию, Мизию и обе Фригии, я потребовал с этих земель подати лишь в том объеме, в каком они до меня выплачивались Дарию. Всего нами было занято сто шестнадцать городов. Развернув наступление в начале лета с тем расчетом, чтобы урожай по мере созревания оказывался

в наших руках, мы к следующей весне овладели всей Малой Азией, от Босфора до Памфилии.

После Граника я категорически запретил войскам грабить население. Наша армия явилась в Азию, неся с собой освобождение, и нам не пристало пятнать ее высокую, благородную миссию мародерством и разбоем. Это, разумеется, не означало отказа от законной военной добычи: ею становилась казна местных персидских властей, которую мы изымали в каждом освобожденном городе.

Нужды армии вышли на первое место, причем о животных следовало позаботиться в первую очередь, даже раньше, чем о людях. Без лошадей, мулов и ослов войско в состоянии двигаться лишь со скоростью пешехода, да и много ли унесет с собой солдат на собственной спине? Немало средств потребовалось для обеспечения постоянно действующих каналов снабжения, связавших порты Азиатского побережья с городами Эллады и Македонии, где размещались гарнизоны Антипатра. На складах накапливались припасы и амуниция для предстоящего наступления. Имелись и другие статьи расходов: подкуп врагов, помощь друзьям, поощрение союзников, оплата услуг лазутчиков и проводников, дары и подношения правителям дружественных земель, игры и жертвоприношения. Солдаты заслужили отдых, а что за отдых, если нет денег? Недавно женившиеся получают отпуска и отправляются домой на побывку: таких набирается шестьсот человек, включая Коэна, Любовного Локона и Счетовода. Им выпадает счастливая возможность провести зимние месяцы с женами, а затем вернуться по весне в строй и ждать появления на свет наследников.

Выплата жалованья солдатам и награждение отличившихся — это святое дело. Этим вопросам я уделяю больше внимания, чем чему бы то ни было, не считая разведки и подготовки к грядущему походу. Необходимо, чтобы военная добыча распределялась справедливо: ни один храбрец

не должен остаться без награды, так же как ни один трус — без наказания. Большое значение имеет и моральное поощрение. Я ввел в практику награждение царскими благодарственными письмами. В Лидии, в городе Сарды, где армия делает остановку, чтобы сосредоточить силы перед дальнейшим наступлением, я привлекаю к работе не менее сорока писцов, которые трудятся посменно, записывая тексты под мою диктовку. Разумеется, армия слишком велика, чтобы предводитель мог знать имена и заслуги каждого солдата, однако каждый день я надиктовываю именные указы, касающиеся тридцати—сорока воинов. Добытые у противника золотые чаши и серебряные кубки становятся достоянием тех, кто проливал кровь за своего царя и наше общее дело. Если получается, я вручаю награду лично, в противном же случае она вручается солдату вместе с моим благодарственным письмом, которое он может отослать домой, где оно станет предметом гордости отца и матери и будет храниться как семейное сокровище.

На Эгейском побережье прекрасные виноградники, и всякий раз, когда я нахожу вино, подходящее мне по вкусу, кто-нибудь из отличившихся командиров получает от меня кувшин и записку следующего содержания: «Александр нашел это вино великолепным и желает, чтобы его друзья разделили с ним полученное удовольствие».

Мои воины никогда не видят меня спящим. Я встаю задолго до общего подъема и продолжаю заниматься делами, когда все уже отошли ко сну. Когда воины пьют вино, я выпиваю с ними, когда танцуют, я присоединяюсь к хороводу. Но, даже засидевшись за вином допоздна, я возвращаюсь в свой шатер твердой походкой, и все мои командиры это видят. Я без жалоб переношу палящий зной, ночью, если требуется, на земле, по-походному подстелив плащ, и постоянно упражняю свое тело.

Что же касается сокровищ, то всем моим соотечественникам ведомо: я оставляю себе лишь редкие памятные тро-

феи вроде прекрасного коня или дивной работы доспехов, основные же средства полностью отдаю на нужды армии и нашего великого дела.

При этом я не могу не думать о Дарии.

Владыка Азии остается в Вавилоне, в восьми тысячах стадиев к востоку. Следует ли нам устремиться туда или ждать, когда он выступит против нас сам? Где мы встретимся? Когда? С какими силами?

В нашей стране есть игра под названием «Убить царя». В нее играют две команды мальчиков верхом на лошадях на поле с ограничительными линиями с каждого края. Паренька с мячом называют «царем». Он пытается прорваться сквозь ряды соперников и доставить мяч за их линию. Если ему это удастся, его команда побеждает. Если же его сбрасывают с коня, «царь» объявляется убитым и победа присуждается сопернику. Великая стратегия войны против Персии немногим сложнее этой детской забавы.

Все сводится к одному.

Убить царя.

Ночь за ночью, по мере того как мы продвигаемся вдоль побережья, я и мои полководцы собираемся вокруг стола с картой, изучая планы местности и донесения разведки, доклады о видах на урожай и сообщения, поступающие из вражеского тыла от тайных лазутчиков. Кратер, наиболее воинственный из моих командиров, призывает нанести немедленный удар в сердце неприятельских владений, по Вавилону и Сузам, где Дарий хранит основную часть своей казны и где почти наверняка собирает новую армию.

— Надо разделаться с ним прежде, чем он успеет набрать такое войско, что мы не сможем с ним справиться, — горячо убеждает Кратер.

Парменион, старейший и опытнейший из полководцев, опасается столкновения с неисчислимыми воинствами Востока.

— Александр, стоит ли искушать небеса? Не лучше ли удовлетвориться плодами побед, уже дарованных нам Всемогущим Зевсом? Никому доселе не удалось приобрести в Азии столь обширные владения. Если Дарий согласится уступить их тебе, почему бы не заключить мир?

Каждую ночь сторонники различных стратегий спорят до хрипоты, хотя окончательное решение так и так предстоит принимать мне. У моего отца я научился подбирать для каждого важного заявления наиболее подходящий момент. Вот и сейчас я делаю его в именины Пармениона, день, который македонцы празднуют так же, как эллины день рождения. Это позволит и оказать честь старейшему из полководцев, и дать ему ощутить проходящие годы. Мы пьем вино, едим мясо, и разговор ведется на равных. Я выступаю со своим мнением не как царь, но как один из товарищей по оружию.

— Друзья мои, обдумывая кампанию против Дария, мы не должны упускать из виду одну непреложную истину: он правит не нацией, а империей. Ему служат не друзья и союзники, а подданные. И управляет он ими даже не столько силой оружия, сколько с помощью укоренившегося в умах мифа о его непобедимости. По существу, мы ведем войну не с царем царей, а с этим мифом.

Боюсь ли я несметных полчищ Дария? Ничуть! Пусть, если захочет, приводит с собой хоть половину Азии. Чем больше войск поведет он за собой, тем больше отяготит себя и своих военачальников обозами и вопросами снабжения. Я хорошо запомнил поучение отца: не имеет смысла собирать войско больше, чем то, которое способно полностью перейти из одного лагеря в другой в течение одного дня. Такова наша армия: сорок с небольшим тысяч человек. Пусть войско Дария растянется от горизонта до горизонта. Это лишь сделает его неуправляемым, и, когда мы нанесем

удар в самое сердце, оно разбежится, как если бы состояло из зайцев.

А тебе, друг Кратер, и остальным рвущимся в бой молодым командирам я скажу следующее: сколь бы ни казался заманчивым бросок в сердце вражеской державы, мы от него воздержимся. И вот почему: если мы появимся под стенами Вавилона, не развеяв мифа о непобедимости Дария, город окажет нам упорное сопротивление. Перед нами встанет необходимость осаждать твердыню, стены которой имеют в длину четыреста стадиев и достигают в высоту девяноста локтей. Но стоит нам одолеть Дария в открытом сражении, и Вавилон сам откроет перед нами свои ворота.

Помните, захват территории не стоит ничего до тех пор, пока держится миф о царе. А потому, друзья мои, нам не стоит пытаться одолеть Дария с помощью хитростей и уловок. Нет, давайте встретим его на поле боя, причем во главе не наспех согнанного сброда, а настоящей армии. Пусть лучшие его воины, цвет персидской знати, выступят под его знаменами. Я нанесу удар туда, где будет находиться сам царь, и вы сможете встретиться со славнейшими и знатнейшими из его полководцев.

А тебе, Парменион, скажу, что мы не удовлетворимся приобретениями на окраине владений Дария, а завоюем всю его державу. Моя цель состоит в том, чтобы после завоевания всех провинций, когда-либо покорявшихся Персии, и захвата Индии двинуться дальше — к побережью Океана на Краю Земли. Никаких переговоров с Дарием я вести не буду и не приму никаких условий, кроме безоговорочной капитуляции.

Наилучших результатов можно добиться, действуя смело и решительно, ибо дерзость и отвага воспламеняют людские сердца.

Гефестион пылко высказывается в мою поддержку. Кратер, Птолемей и Пердикка соглашаются с ним, а вскоре к

сторонникам этой идеи присоединяются Селевк и Филот. Противниками ее остаются лишь полководцы, отточившие зубы при Филиппе: Парменион, Мелеагр и Аминта Андромед (Антигона Одноглазого я назначил наместником Фригии).

Этим людям кажется, что я проявляю излишнюю самоуверенность. С каждым из них я поговорю с глазу на глаз. Они получают уступки, возможности для продвижения своих фаворитов и любые награды, если перейдут на мою сторону. Ну а будут упрямыться, придется от них избавиться. Да, даже от Пармениона.

— Известно ли вам, друзья мои, как крокодил пожирает вола? Он начинает с ног и грызет всю тушу, добираясь до сердца. Точно так же мы обойдемся с Дарием: его держава слишком велика, чтобы проглотить ее всю зараз, поэтому мы будем откусывать от нее по стране или провинции. Торопиться не стоит. Первым делом мы захватим прибрежные города, лишив неприятеля портов и закрыв для него водные пути снабжения. Очередное наступление будет начинаться лишь после того, как мы надежно закрепимся на уже захваченной территории, обеспечим тылы и удостоверимся в прочности коммуникаций. Пусть персы придут к нам сами. Пусть они проделывают долгий путь и отрываются от своих опорных пунктов, а не мы от наших.

На протяжении нескольких месяцев после битвы при Гранике мы заполняем белые пятна на картах, сосредоточиваемся и готовимся к дальнейшему продвижению. Проводятся учения. Строятся новые дороги, приводятся в порядок старые. С наступлением весны вернутся с побывки наши молодожены, а с ними прибудет и подкрепление: тридцать две сотни пехотинцев и пять сотен всадников. Народ в Македонии ликует, все гордятся нашими успехами. Признаться, отправляя Козна, Локона и Счетовода домой, я нагрузил их золотом для вербовки, но оказалось, что от желающих

вступить в армию нет отбоя. Молодых людей пьянит возможность испытать на Востоке приключения, обрести славу и добыть трофеи.

Всю зиму мы вели боевые действия во Фригии и Каппадокии, за Галисом, у предгорий Таврского хребта. Противостоят нам по большей части дикие горные племена, отличающиеся вольным, воинственным духом и ценящие свободу выше, чем жизнь. Мне эти люди по нраву. Чего я от них добиваюсь? Только их дружбы. Когда они поймут это и явятся ко мне с миром, я одарю их золотом.

Разумеется, мысли мои сосредоточены на Дарии. В донесениях сообщается, что царь Персии находится в Вавилоне, где собирает и обучает вторую армию. Руководство сетью наших лазутчиков и осведомителей я поручил Гефестиону. Каждый день он является ко мне с докладом, а раз в пять дней созывается Совет.

Вот доклад, сделанный им в Гордии.

— По существу, в Персии нет постоянной армии, если не считать царских «родственников», шесть тысяч всадников, с учетом избранной тысячи и десяти тысяч «Бессмертных». Чтобы сразиться с нами, он собирает силы со всех восточных провинций, иные из которых находятся в десяти тысячах стадиев от Персеполя, а от Вавилона и того дальше. На то, чтобы созвать новобранцев, сосредоточить их в одном месте и худо-бедно обучить, сатрапам потребуется не один месяц. Однако ясно, что Дарий учтет уроки разгрома при Гранике и не будет сидеть сложа руки. И вооружение, и тактика претерпят изменение, а командование на сей раз царь возьмет на себя. Как доносят наши соглядатаи, при его особе сейчас находятся Арзамес, Реомитр и Атизес, которые сражались против нас при Гранике и, разумеется, не преминут доложить царю об особенностях нашей армии. Что, естественно, даст ему возможность внести в подготовку своей соответ-

ствующие коррективы. Дарий призвал к своему двору Тиграна, самого прославленного кавалерийского военачальника Азии, и своего брата Оксатра, великого воителя более шести с половиной футов ростом. Там же пребывают его родичи — Набарзан, Датис, Масист, Мегабат, Автофрадат, Тиссамен, Фратаферн, Датам и Оронтобат, который вместе с Мемноном командовал при Галикарнасе. Все эти люди, известные как храбрые воины и искуснейшие наездники, приведут с собой из своих провинций могучие отряды всадников, своих наследственных слуг. Кроме того, Дарий вызвал в Вавилон Тимонда, сына Ментора, который, как доносят лазутчики, совершил стремительный переход от вражеского морского порта Триполи в Сирии и привел с собой от десяти до пятнадцати тысяч греческих наемников. В Вавилоне пребывают и сыновья Мемнона, Агафон и Ксенократ, с восемью тысячами наемников с Пелопоннеса, а также эллинские командиры — Главк из Этолии и Патрон из Фокиды, которые, будучи выдающимися пехотными командирами, сумели привлечь в свои отряды еще десять тысяч эллинских гоплитов, единственных в мире бойцов тяжелой пехоты, способных потягаться с нашей фалангой. Таким образом, Дарий уже сейчас готов выставить от тридцати до тридцати пяти тысяч тяжелой пехоты против наших двадцати. При дворе Дария в немалом числе кормятся предатели Эллады, да и Македонии тоже. Все они прекрасно знакомы с нашим вооружением и тактикой и, желая своей родине поражения, могут оказаться для царя персов бесценными советчиками. И конечно же, не приходится сомневаться в том, что среди всяческого лагерного сброда, от шлюх до мальчишек-попрошаек, полным-полно персидских осведомителей. Мы можем быть уверены в том, что каждое наше слово, даже произнесенное во сне, будет доведено до ушей врага.

Когда выступит Дарий? Куда двинется? Какими силами?

Человеку, который доставит эти сведения, я обещаю отсыпать столько серебра, сколько весит он сам.

Но вот ведь странно: донесение из Анкира, что на краю Соляной пустыни, мы получаем не от лазутчиков или перебежчиков, а, можно сказать, от самого Дария. Наши разведчики перехватывают на Царском тракте гонца с письменным приказом, адресованным Барзану, наместнику Месопотамской Сирии. Ему предписывается в течение шести месяцев подготовить к прибытию великой армии двести тысяч амфор вина, пятьдесят тысяч овец, сорок тысяч мешков ячменя и такое же количество пшеницы, кунжута и проса, а также воды и фуража, сухого и зеленого, чтобы хватило для шестидесяти тысяч лошадей, ослов и верблюдов. Повелевается также иметь или установленными, или готовыми к сборке глиняные печи, двести сорок тысяч локтей веревки, сто тысяч кольев для частокола и шесть тысяч мотыг и кирок для выкапывания лагерных канав, сооружения земляных валов и рытья выгребных ям. Особое повеление касалось расположения царского шатра. Для него следовало отыскать участок в восемь акров на возвышенности, в тени деревьев и с родником, расположенным так, чтобы никто не мог замутировать воду выше по течению. Рядом надлежало расчистить площадку в одиннадцать акров для размещения царского обоза и коновязей для гонцов, которые будут осуществлять связь с Вавилоном.

Что убеждает меня в подлинности этой депеши, так это предписания о размещении царской свиты.

Когда персидский царь отправляется на войну, его сопровождает обоз в пятнадцать стадиев длиной. Я имею в виду не армейский обоз, а его личный. Он везет с собой свою мать и своих жен. Его сопровождают цирюльник и гример. Царь возит за собой все, что ему дорого, включая ручную пантеру, говорящего попугая, бюсты предков, любимые ковры, подушки и книги. С ним, для его увеселения, не расста-

ются флейтисты, арфисты, кифаристы и мастера игры на тамбурине. В число его сопровождающих входят прорицатели и маги, лекари и писцы, носильщики, пекари, повара, кравчие, банщики, виночерпии, массажисты и смотрители гардероба. Берет он с собой и наложниц, правда, не всех. Некоторые из трехсот шестидесяти пяти красавиц остаются дома, но зато каждая из сподобившихся счастья сопровождать владыке имеет собственный штат прислужниц, евнухов, мастериц по румянам, бальзамам и притираниям, швей и прочей челяди. Само собой, штат личной прислуги царя царей гораздо обширнее: особый слуга подает ему блюда, особый пробует вино на случай попытки отравления. Сыр для царя изготавливает личный царский сыродел, смешивать напитки дозволено лишь царскому смешивателю напитков, составлять благовония — царскому составителю благовоний. В обязанности одного человека входит носить царское зеркало, в обязанности другого — выщипывать владыке брови. И это не считая множества писцов, евнухов, счетоводов, поэтов и просто прихлебателей.

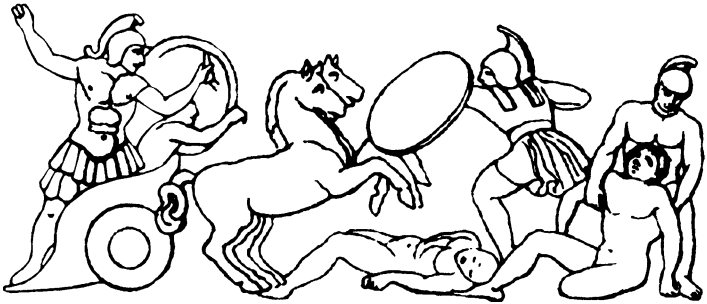
Шатер, в котором мы сейчас находимся, принадлежал Дарию. Мы захватили его при Иссе. Тогда он был еще больше: в честь победы я устроил в нем пир для шестисот приглашенных, а в Бактрии мы, подняв пологи, использовали его как площадку для выездки лошадей. Он достался мне вместе с четырьмя десятками знающих людей, без совокупных усилий которых его было невозможно ни поставить, ни снять. После Дрангианы мы разделили его на четыре части, а каждую из них снова на четыре. То, что ты видишь сейчас, это всего лишь четверть четверти, а из остального получилось множество прекрасных палаток для лазарета и лагеря. Но и того, что осталось, вполне хватает для размещения половины моей свиты, поварни, штабных лекарей и писцов, а также моих собственных покоев, караульного помещения, хранилища для карт, библиотеки, места

для совещаний и того отсека (бывшего сераля), где мы сейчас беседуем.

Упаковав этот чудо-шатер, Дарий и его войско выступили из Вавилона и двинулись в Сирию, желая принудить меня к сражению. Я же, будучи излишне самоуверен и слишком желая этой битвы, допустил непростительную ошибку. Самую крупную ошибку с того момента, как я начал командовать войсками.

СТОЛПЫ ИОНА

Исская гавань представляет собой зарубку в морском побережье Малой Азии, находящуюся у локтя Киликии, там, где береговая линия, смотревшая ранее на юг, оборачивается к северу. На юге, за горами, находится Сирия и ее столица Дамаск, потом Финикия и Палестина, Аравия и Египет. Ну а на востоке у Царского тракта нас ожидает хлебная корзина империи — Месопотамия, или «Междуречье», земля между реками Тигр и Евфрат, с ее великими городами Вавилон и Сузы.

Приморскую равнину Киликии ограждают два зубчатых кряжа: с севера и востока — Тавр, а с юга и востока — Аман. Северный перевал через Тавр именуется Киликийским воротами. Эта караванная тропа местами оказывается так крута, что мулы от напряжения выпускают газы, а сужается порой так, что (как шутят местные жители) четверо всадников, отправившись в путь незнакомцами и проделав его плечом к плечу, завершают дорогу добрыми друзьями.

Персидский наместник Арзамес получил от Дария строжайший приказ удерживать горные проходы, но я стремительным обходным маневром царских телохранителей и горцев-агриан оседлал вершины над ним и сбросил его с перевала практически без боя. Это открыло нам путь в плодородную, примыкавшую к морю и огражденную горами равнину, изобиловавшую всеми мыслимыми земными плодами. Центром ее являлся процветающий город Тарс.

Дабы не допустить прибытия вражеского флота, мы захватили порты Солы и Магарс и заняли равнинные города Ада-на и Малл на Пираме. Именно там нам впервые удалось получить достоверные сведения о местонахождении армии Дария.

Персидское войско находится в пяти днях пути на восток, в Сохи, на Сирийской стороне Аманских гор. Их лагерь располагается на равнине Амук, широком и плоском пространстве, идеальном для действий кавалерии (по части которой, к слову, Дарий имел перед нами пятикратное превосходство) и представлявшем все возможности для полноценного снабжения войска всеми видами фуража и припасов, доставлявшихся из Антиохии*, Алеппо и Дамаска. Было совершенно очевидно, что выманить врага со столь удобной позиции нечего и надеяться. Он к нам не придет. Значит, нам придется явиться к нему самим.

Теперь, Итан, я прошу тебя кое-что понять. Повествование о сражении неизменно ведется с ясностью и четкостью, которые, однако, возникают в сознании повествующего уже по прошествии времени, тогда как в действительности дело обстоит несколько иначе. Как говорят опытные десятники: главные проводники, ведущие всякое наступление, это догадки и слухи.

* Анахронизм: г. Антиохия был основан Селевком после смерти Александра и распада его державы.— *Прим. пер.*

Надо иметь в виду, что мы находимся в чужом краю и о многом имеем лишь приблизительное представление. Наше войско совершает стремительный бросок к Иссу, что близ залива. К востоку от нас высятся горы. По ту сторону хребта, всего в ста пятидесяти стадиях, стоит лагерем Дарий. Но как попасть туда?

Когда великая армия проходит по какой-то земле, она притягивает к себе огромное количество людей с огромного расстояния. Местные жители жаждут поживы, а там, где армия, там всегда и деньги. В большинстве земель македонцев именуют «маки», и уж будь уверен, где бы ни проходили наши колонны, туземцы с криками «Ойе, маки!» сбегаются со всех сторон, норовя что-нибудь продать или предложить свои услуги. Можно раздобыть хворосту, можно курицу, можно луку, а можно и проводника.

Каждый, кому не лень, бьет себя в грудь, уверяя, что знает путь туда, куда нам надо, лучше кого бы то ни было. Он клянется, что его зять служит у персов, а потому он сам запросто может рассказать нам, на каких подушках спит Дарий и что он сегодня ел на завтрак.

Я не виню этих малых, толк от них все равно есть. От них мы узнаем о перевалах Кара Капу и Обанда, о тропе через Столп Иона и, наконец, о Сирийских воротах ниже Мириандра, которые откроют нам путь через Аман прямо к Дарию. Наши передовые отряды захватят все эти проходы и перевалы. Когда от Сирии нас отделял лишь один, последний бросок, я лично допросил более ста местных жителей, а наши собственные разведчики высмотрели в горах каждую козью тропу, по которой наши войска могли бы добраться до персов или, наоборот, персы до нас.

Но при всех этих стараниях мы так и остались в неведении относительно Львиного перевала через Аман.

Заметь это, мой юный друг. Пусть это запечатлется в твоей памяти, как выжженное каленым железом клеймо. Никогда, никогда не принимай ничего как должное. Нико-

гда не воображай, будто ты все знаешь, и не переставай доискиваться и задаваться вопросами.

Итак, я ночным маршем веду армию вдоль побережья через перевал под названием Столп Иона, дабы сосредоточить ее в городе Мириандре, отправном пункте для броска Сирийскими воротами через Аман. Оттуда мы обрушимся на Дария. Бушующая гроза позволяет нам продвигаться скрытно, но, с другой стороны, нам приходится устроить дневную стоянку, чтобы отдохнуть, а также подсушить наше оружие и амуницию. Я нахожусь именно там, где и хотел быть, на том самом месте, которого я стремился достичь. Полночь: колонна движется на подъем. Я нахожусь в авангарде, с царскими телохранителями, лучниками и агрианами. Все налегке, без какой-либо поклажи, кроме оружия и доспехов. Неожиданно с севера галопом мчатся два всадника. Один из них наш, пеонийский разведчик, которого я знаю, хотя помню не по имени, а лишь по прозвищу Терьер. Другой — местный паренек из Трины, деревушки неподалеку от Исса.

Они видели войско Дария!

Оно находится у нас в тылу!

Как это возможно? В моем распоряжении имеются разведывательные донесения менее чем трехдневной давности, многократно проверенные и подтвержденные. Везде говорится, что двухсоттысячное персидское войско стоит лагерем на равнине к востоку от гор. Мыслимо ли поверить, что столь огромная армия, занимающая ровное, широкое, столь удобное для кавалерийского боя поле (поле, наверняка выбранное персидскими военачальниками с учетом всех возможных преимуществ, включая и боевые возможности, и возможности снабжения), армия, отягощенная громадным обозом, вдруг ни с того ни с сего снимется с лагеря, дабы променять столь просторную арену на делающие почти невозможным любой маневр теснины Киликии?

Однако все произошло именно так.

Наперекор здравому смыслу и всем нашим ожиданиям войско Дария снялось с лагеря в Сохи, двинулось маршем на север, перебралось через Аман Львиным перевалом (тем самым, о существовании которого я даже не подозревал) и оказалось примерно там, где недавно находились мы. Таким образом, две многочисленные армии, разделенные всего-то ста пятьюдесятью стадиями, совершили, параллельно одна другой, переход через горы в противоположных направлениях, причем незаметно одна для другой.

Так или иначе, Дарий находится позади нас. Он нас отрезал. Или, можно сказать, это я отрезал нас собственным нетерпением и излишней поспешностью.

Худшее, однако, ожидало впереди. Уверенный, что Дарий находится с внутренней стороны Аманского кряжа, я оставил больных и раненых на побережье, в нашем ближнем лагере под Иссом, и теперь получалось, что противник доберется до этого полевого лазарета примерно в то же самое время, когда наши главные силы приблизятся к Мириандру, в двухстах пятидесяти стадиях к югу. Причем место, где находился наш тыловой лагерь, было совершенно беззащитным, и Дарий с легкостью заполучил в руки наших несчастных товарищей. Участь их была ужасной.

Македонцев обмазали варом и подожгли, остальных изувечили. Персы отрезают пленным носы и уши, а также отрубают кисть правой руки: подобное варварство, неслыханное в Элладе, на востоке является обычным делом.

Горестное известие повергает меня в ярость и скорбь. Это моя вина! Мое недомыслие! Моя глупая самоуверенность!

Больные и раненые, изувеченные, но способные передвигаться самостоятельно, пускаются в бегство, вдогонку за нашей армией. Я посылаю на север тридцативесельную галеру, которая не только подтверждает сообщения Терьера, но и подбирает дюжину наших беглецов. Еще большее число добирается до нас в течение дня своим ходом, причем в состоянии столь бедственном, что оно не поддается описанию.

Эфиальта, брата Мелеагра, доставляют на повозке, оскопленного и выпотрошенного. Свернув плащ, он уцелевшей рукой зажимает вспоротый живот, чтобы не позволить вывалиться внутренностям.

Мой дорогой товарищ Марсий находит среди увечных двух двоюродных братьев: один несет другого, перекинув через плечо, хотя потеря крови из обрубка руки уже привела того к смерти. Несчастные калеки, поддерживая друг друга, истерзанные, окровавленные и оборванные, прибывают один за другим. Они страдают не только от боли, но и от стыда, оттого, что товарищи видят их в столь жалком виде.

Иные, правда, напротив, демонстрируют страшные увечья, дабы побудить друзей к отпущению.

И сколь бы ни было велико горе пострадавших, оно не сравнится со скорбью и яростью их соратников, разрывающих на себе одежды, взывая к Зевсу Мстителю. Добравшись до нас повествуют об участи иных, замученных врагами до смерти. Персы не пощадили никого и подвергли каждого мучениям, до которых способен додуматься лишь жестокий варварский ум. Обходя искалеченных, я натываюсь на Евгенида, Счетовода, нашего доблестного кавалерийского командира, на чьей свадьбе мы пировали в Диуме и чья невеста, Элиза, подарила мне танцевальные сандалии. Какое-то время он пытается сохранить самообладание, но потом падает к моим ногам и кричит:

— Александр! Как смогу я сделать сына воином, не имея руки? Как смогу я войти к жене, не имея лица?

Вид всех этих мук и страданий повергает меня в состояние, неведомое мне прежде. Воистину, пусть бы лучше все это проделали со мной! Лучше мне самому испытать подобные муки, чем видеть истерзанными и обезображенными моих дорогих товарищей, чье доверие ко мне оставило их беззащитными перед этим немислимым кошмаром.

Но, увы, исправить уже ничего нельзя. Ни золото, ни почести, ни святая месть тем, кто совершил это надругательство,

ни даже уничтожение самой Персии не вернет этим людям красоты и здоровья, не сделает их такими, какими они были и какими перестали быть по моей вине. Ни у кого нет сомнения в том, что армия должна немедленно развернуться и дать бой. Те из увечных, кто еще способен передвигаться, обступают меня, требуя оружия: каждый готов биться левой рукой, в надежде хоть как-то посчитаться с извергами. Я, однако, вынужден отказать. Из опасения, что эти озлобленные, отчаявшиеся люди уже утратили желание жить, а потому будут искать в бою только смерти и рваться вперед с яростью, грозящей нарушением строя и боевого порядка.

За плечом я ощущаю своего даймона. Увы, я подвел и его. Своей дерзостью. Самоуверенностью. Торопливостью.

Ты, Александр, неустанно стремился
к величию и славе.
И обретал их сверх меры, победы плоды
пожиная.
Ну так вкушай их теперь, узнай,
хороши ли на вкус!

Мой командный пункт в Мириандре находится над узким заливом в форме полумесяца. Местные жители — мужчины, женщины, даже дети — высыпали к берегу, чтобы помочь нашим увечным товарищам подняться к своим домам, которые они предложили несчастным в качестве прибежища. Многие, чтобы вынести воинов с пляжа, используют вместо носилок собственные постели. Я созерцаю это скорбное зрелище с косогора. Парменион стоит рядом со мной, Кратер и Пердикка спешно поднимаются вверх. Птолемей и Гефестион скачут ко мне верхом. Сотники, десятники, простые солдаты обступают меня, лица их искажены гневом и скорбью.

— Веди нас, Александр! — восклицают все в один голос. — Веди нас на этих извергов!

Глава 15

СЧЕТОВОД

Мы находимся у Исса, слева от нас плещется море, справа начинаются предгорья. Выступив в сумерках прошлым вечером, армия совершила стремительный бросок вдоль побережья, вернувшись на север тем же самым путем, которым два дня назад ушла на юг. В полночь мы достигаем Столпа Иона. Я приказываю солдатам урвать среди скал и утесов несколько часов сна, с тем чтобы произвести общий подъем на «армейском рассвете», то есть примерно часа за два до рассвета настоящего. Когда светает, мы уже спускаемся на равнину. Я держу пехоту впереди кавалерии, чтобы быстрые подразделения не обгоняли медленные. Царские копейщики рассредоточиваются впереди в качестве разведывательного авангарда. Кроме того, я выслал вперед и три летучих отряда из самых крепких молодых парней на лучших скакунах. Их задача состоит в том, чтобы добыть мне пленных для допроса. На войне слишком многое может зависеть от мелочей, и я не вправе упустить ни одной из

таковых. Всю ночь я терзался страхом, что Дарий превзойдет меня в тактической хитрости. Вдруг лазутчики или доброхоты из числа местных жителей донесли ему о продвижении наших войск к югу с намерением атаковать его и он, сумев перегруппировать войска, уже бросил их нам навстречу в полной боевой готовности? Возможно ли это? Неужели это правда? Есть один вопрос, на который у меня до сих пор нет ответа. Почему мой враг вывел свое огромное войско, предназначенное для ведения боевых действий на широких пространствах, с идеально подходившей для него позиции и перебросил сюда, в теснины прибрежных холмов, затрудняющие использование численного преимущества?

Спустившись со Столпа, я получаю ответ. Среди тех, кто находился в разгромленном Дарием полевом лазарете, был парнишка-конюх по имени Ясон. И вот пятисотенный и сотник, которым он успел поведать об увиденном, приводят его ко мне. Старший командир с похвалой говорит, что во время страшной резни паренек не только не потерял головы и не ударился в панику, но в сумятице кровавой бойни постарался вызнать о персах как можно больше.

— Но как? — интересуюсь я у паренька. — Как ты это делал?

— Я просто подходил то к одному, то к другому и расспрашивал, что к чему. Эти сыновья шлюх не видели во мне солдата: они приняли меня за неотесанного местного сопляка. Я сумел выяснить, откуда они пришли, по какому пути и куда направляются.

— И что же подвигло тебя на это? — спрашиваю я.

— Так ведь ясно же было, о царь, что тебе эти данные пригодятся.

Из рассказа паренька выходит, что Дарий не имел ни малейшего представления о броске нашей армии на юг и полагал, будто наши силы по-прежнему сосредоточены на

севере, у Мала. Персы решили атаковать нас так же, как и мы их, пребывая в том же неведении. Иными словами, мы оба, и я и Дарий, совершили одну и ту же ошибку.

— Дитя, — спрашиваю я, — ты умеешь ездить верхом?

— С тех пор, как научился ходить.

— Тогда, клянусь Зевсом, теперь ты будешь кавалеристом.

Я велю Теламону подыскать парнишке резвого скакуна, сбрую, оружие и доспехи.

— А сегодня вечером, Ясон, когда мы станем праздновать победу, ты будешь сидеть в царском шатре.

Несколько минут спустя разведчики возвращаются с пленными, показания которых полностью подтверждают сообщение храброго юноши. Я тем не менее проявляю повышенную осторожность. Перевал проходит прямо над морем на южном подступе к Иссу; если Дарий догадался выделить людей для захвата господствующих высот, его силы могут обрушиться на нас, когда мы будем находиться на марше.

Я приказываю всем командирам сразу по выходе из теснины перестраивать свои подразделения из походных в боевые порядки.

Как оказывается, можно было обойтись и без этого. Персы не оседлали высоты, а в оборонительном порядке ожидают нас на песчаном побережье, там, где река Пинар впадает в море. Враг оказывается у нас на виду примерно после полудня. Яркое солнце. Слева от нас плещется Иский залив.

— Ты видишь его?

Стоящий у моего плеча Гефестион указывает на центр неприятельской линии. Даже на расстоянии двух тысяч локтей невозможно не заметить великолепную и огромную колесницу Дария, находящуюся в центре строя воинов конной царской стражи, восседающих на лучших вороных жеребцах.

Самого его с такого расстояния, конечно же, не разглядеть, разве что плюмаж шлема. Но меня все равно охватывает глубочайшее волнение.

Наконец-то мой могучий соперник вышел на поле! Наконец-то владыка Азии стоит передо мной!

Дарий Персидский.

При всем том, что он является Царем Царей, Властелином Земель, Владыкой Стран от восхода до заката Солнца, я (как и весь мир) знаю о нем, пожалуй, меньше, чем о любом из обычных командиров его войска. Известно, что еще до воцарения он славился силой и храбростью: особую славу принесла ему скорая и бесспорная победа над неким армянским великаном. Дарий высок ростом, и его называют самым красивым мужчиной во всем персидском воинстве. Его брат Оксатр обладает силой десятерых, однако Дарий легко превосходит его и в конном, и в пешем бою. Так, во всяком случае, рассказывают, но правда ли это, мне неизвестно.

Зато мне точно известно, что Дарий сумел добиться верности не только от своих родичей и соотечественников, но и от иностранных наемников, включая эллинов. Вождям последних, таким превосходным полководцам, как Тимонд, сын Ментора, Патрон из Фокиды и Главк из Этолии, я предлагал двойную и даже тройную плату, с тем чтобы они перешли на мою сторону. Ни один не согласился. Дарий даровал им земли, выдал за них знатных персиянок, отвел их детям видное место при своем дворе. То, что мой соперник так высоко ценит способных командиров, означает, что он разбирается в войне, а раз ему удалось заручиться их верностью, значит, он разбирается и в людях.

Парменион, которому предстоит командовать нашим левым флангом, подъезжает и останавливается рядом со мной. Армию Дария, фронт которой простирается в обе стороны, насколько достигает око, составляют двести тысяч

воинов, не считая ста тысяч местных ополченцев. У нас сорок три тысячи бойцов. Вражеская конница, усеявшая весь ближний берег Пинара, кажется неисчислимой. Пехота его как раз сейчас выстраивается позади реки в двойную фалангу. В тылу, чуть меньше чем на десять стадиев, простирается ровное пространство: дальше начинается каменистый склон. Вся прибрежная территория густо изрезана оврагами, делающими организованное отступление армии практически невозможным. Мы знаем эту местность: мы прошли по ней всего четыре ночи тому назад.

Поле для боя нешироко. От сорока восьми до пятидесяти двух сотен локтей. Кавалерии у Дария столько, что он может покрыть это пространство три раза. Останься он по сирийскую сторону гор, это дало бы ему неоспоримое преимущество, но здесь, на тесной равнине, всей этой коннице не развернуться.

И снова мне улыбается удача.

Ко мне легким галопом в сопровождении троих подручных подъезжает превосходный командир по имени Протомах, которого товарищи за полноту прозвали Пончиком. Сегодня его копейщики осуществляют передовую разведку.

— Ну, Пончик, что-нибудь разузнал?

— Не без того, господин.

Река Пинар неглубока (мы перебрались через нее вброд четыре дня тому назад, не замочив бедра), но берега, особенно на той стороне, где находится неприятель, у нее крутые и густо поросли ежевикой. Протомах сообщает, что там, где утесы не слишком круты, неприятель вбил частоколы.

— Почему его кавалерия на этом берегу реки?

— Прикрывают пехоту, которая разворачивается на том берегу. Конники выехали вперед при нашем появлении, на тот случай, чтобы наша кавалерия не атаковала не успешную построиться пехоту.

Этому сообщению нет цены. Из него следует, что Дарий намеревается обороняться; он уступил инициативу мне.

Слева море. Ровная местность. Поле для кавалерии. Справа изрытые оврагами подножия холмов поднимаются к краю в форме полумесяца, куда теперь, чтобы создать угрозу для нашего правого фланга, тысячами устремляется неприятельская легкая пехота. Хотя мы стоим в пяти стадиях от вражеского фронта, это крыло врага растянулось за пределы нашего фланга.

Галопом возвращается из разведки Сатон, сын Сократа Рыжебородого. Ему семнадцать, и он горяч, как молодая гончая (поэтому при нем, для пригляду, неотлучно находятся два доверенных десятника его отца).

— Новые персы здесь, господин!

Юноша указывает на два развернутых боевых знамени на каждом крыле персидского фронта.

— Видишь их змеев?

Уже несколько месяцев шпионы и дезертиры доносили о создании нового подразделения под названием «царская дружина», сформированного, вооруженного и обученного специально для борьбы с нами. Сведения об этом отряде скудны: известно лишь, что отряд пеший, сформирован исключительно из рожденных персами, а командует им Бубак, родич Дария и сатрап Египта. Значит, они тоже здесь.

Я интересуюсь численностью и вооружением нового формирования.

— Сорок тысяч, — отвечает молодой Сатон, не задумавшись ни на секунду. — Все копейщики, лучников нет. Строй каждого крыла имеет четыре сотни бойцов по фронту и полсотни в глубину.

— Ты останавливался, чтобы сосчитать их по головам? — шутливо спрашиваю его я.

Но он совершенно серьезен.

— Они защищены шлемами, длинными кольчугами и плетеными щитами в человеческий рост, такими, как у египтян.

Он указывает на центр вражеской линии.

— Солдаты, занявшие позицию между крыльями «царской дружины», — это наемники, тяжелая эллинская пехота. Воины Тимонда, Патрона и Главка; мы видели значки каждого из них. Их фронт растянулся примерно на полторы тысячи локтей. Определить глубину строя мне не удалось из-за складок местности.

Кроме того, юноша докладывает, что неприятельские лучники, числом около двух тысяч, уже перебрались на ближний берег, прикрывая вражеский левый фланг в разрыве между новым отрядом и кавалерией. Слева собрались пращники.

— Мидяне, — продолжает сын Сократа, — держатся на виду тремя отрядами, один за другим. Их оружие — длинные тростниковые луки.

— Мой друг, — говорю я юному Сатону, — даже от твоего достойного отца мне не доводилось получать более обстоятельного донесения.

Я отпускаю молодого человека, и он возвращается в свое подразделение, сияя от гордости.

Наши войска дислоцируются в обычном порядке. Кавалерия Дария разворачивается за рекой. Эти отряды, общим числом от двадцати пяти до тридцати тысяч, даже рассредоточившись вдоль побережья, составляют в глубину почти десять стадиев.

Мой отец говаривал, что атаковать численно превосходящего врага все равно что бороться с медведем: «Ты должен успеть вонзить кинжал ему в сердце, прежде чем медведь сомнет тебя лапами».

После Херонеи я решил, что план каждого последующего сражения должен быть проще плана предыдущего. Я уже хорошо представляю себе сегодняшнее столкновение, точнее, ту форму, в которую хочет облечь его Дарий. Но вижу и нечто иное: ту форму, которую намерен навязать ему я.

Дарий представляет себе это так: свою кавалерию, имеющую перед нами пятикратное численное превосходство, он направляет вдоль моря, в расчете, обойдя нас слева, обрушиться на находящуюся у нас в центре фалангу с сариссами. Между тем его первоклассная пехота, «царская дружина» и великолепные наемники, занимает превосходную позицию под защитой реки, оседлав поросший ежевикой и подкрепленный частоколами косогор. Легкая пехота Дария, находящаяся на его левом фланге, хлынет с серповидного края на наш открытый и незащищенный правый фланг. Враг полагает, что его фронт столь глубок и плотен, что любая наша попытка прорвать его, сколь бы отчаянна она ни была, обречена на провал.

А теперь, друг мой, вернемся к нашему обучению. Добавим к твоему военному словарю еще одно понятие. «Скрывай и раскрывай».

Командир наступает на своего противника «скрытно», то есть его намерения замаскированы либо его ложной диспозицией, либо обманными маневрами, либо использованием характера местности и так далее. В решающий момент атаки он «раскрывается».

Причина, по которой статичная оборона всегда уязвима, заключается в том, что она, по определению, изначально «раскрыта». Обороняющиеся, занимая постоянные позиции, тем самым не только раскрывают свои намерения (как делает здесь Дарий, ясно дав понять, что он пошлет свою кавалерию со своего правого крыла, вдоль моря), но недвусмысленно демонстрируют то, что считают своим преимуществом (в данном случае мощный левый фланг, защищенную позицию за рекой, великолепную тяжелую пехоту).

В отличие от обороняющегося атакующий ничего не раскрывает почти до последнего момента. Тем самым он сохраняет за собой свободу действий и возможность противопоставить вполне предсказуемым действиям защищающегося собственные, совершенно непредсказуемые для врага.

При Иссе наше правое крыло наступает по пересеченной местности, через овраги и вымоины такой глубины, что они способны поглотить целые отряды. Именно сложностью рельефа объясняется то, что для прикрытия этого участка Дарий выделил лишь горстку легкой конницы. По его разумению, характер местности никак не подходит для атаки, тем паче атаки тяжелой кавалерии. Зато для меня все эти провалы и буераки служат превосходным укрытием. Все мои передвижения и маневры в этом секторе остаются для Дария незамеченными. Естественно, я использую эту возможность. Чтобы противостоять рассредоточенной вдоль моря многочисленной вражеской коннице, я посылаю все восемь отрядов фессалийской тяжелой кавалерии на соединение с нашими наемниками и союзными всадниками, которые уже находятся на этом крыле. Парменион, командующий нашим левым флангом, получает приказ произвести передислокацию как можно более скрытно и, используя холмистый рельеф, вывести конницу позади фаланги. Таким образом, когда персидская конница обойдет наше левое крыло, она подставит свой фланг под удар фессалийцев.

При себе я удерживаю восемь отрядов конных «друзей» под началом Филота, четыре отряда царских копейщиков под командованием Протомаха и отряд пеонийцев, ведомый Аристоном. Мы будем атаковать справа.

На своем левом фланге, то есть напротив нашего правого, Дарий разместил тех самых лучников, о которых сообщил Сатон, сын Рыжебородого. Они прикрывают выстроившуюся за их спинами линейную пехоту. Очевидно, что, как только на этом участке начнет развиваться наступление, лучники забросают стрелами атакующих, но в рукопашную с ними вступать не станут и, едва натиск окажется слишком силен, отступят в тыл, сквозь ряды своих товарищей.

Отметь особенность этой диспозиции и то преимущество, которое она дает атакующему. Неприятель считает эту свою

позицию очень сильной, поэтому он на этом участке даже не удосужился затруднить возможное наступление, забив частокол. В действительности же его позиция слаба и весьма уязвима.

Почему? Потому что плотная масса лучников совершенно бесполезна против тяжелой кавалерии. Никакой лук не может эффективно поразить цель далее чем за двести локтей (а здесь, с учетом морского ветра, дальность поражения составит локтей пятьдесят). Но даже двести локтей скачущая галопом конница преодолевает за семь секунд. Много ли стрел успеют выпустить лучники, прежде чем они обратятся в паническое бегство, внося беспорядок в строй стоящей позади них линейной пехоты?

А теперь, мой юный друг, подумаем о том, кто эти недавно набранные персидские копейщики, пресловутая «царская дружина»?

Как доносят лазутчики, этих бойцов именуют «cardaces», что на персидском языке означает «пешие всадники». Формирование этого подразделения явно представляет собой попытку Дария восполнить самый серьезный свой недостаток: практическое отсутствие природной персидской пехоты, способной потягаться с македонской фалангой. Замысел сам по себе неплох. Я хорошо понимаю Дария и одобряю его решение. Однако одно дело решение, и совсем другое — воплощение этого решения в жизнь. Персы не имеют опыта формирования и обучения крупных подразделений тяжелой пехоты: эту роль у них выполняли преимущественно греческие наемники. Теперь, когда пехотный корпус будет набран из благородных воинов и поставлен под командование знатнейших из знатных, обратятся ли эти горделивые вельможи за советом и наставлением к многоопытным эллинским командирам? Нет и еще раз нет! Сделать так означало бы потерять лицо.

Благородные воители будут готовить новое подразделение к войне, исходя исключительно из собственных соображений и представлений.

Каждый перс по отдельности является превосходным, умелым и отважным воином. Однако ведение боевых действий в плотном строю — это не то искусство, которое можно освоить за один день. Не говоря уж о том, что оно чуждо персидскому национальному характеру. Азиаты — лучники. Их оружие лук, не копьё. Благородные юноши со времен Кира Великого обучались «натягивать лук и говорить правду». Рукопашный бой, тем паче в строю, не соответствует восточному духу: варвары предпочитают сражаться на расстоянии, с помощью метательного оружия. Даже щиты «царской дружины», плетенные в рост человека, это на самом деле щиты лучников. Своего рода переносные укрепления, предназначенные, чтобы ставить их на землю и пускать стрелы из-за укрытия. Такой щит совершенно непригоден для боя в тесном строю. Я уж не говорю об их боевом порядке: пятьдесят рядов в глубину — это не строй, а толпа.

Воин, стоящий в тылу, боится не столько врага (он его и не видит), сколько того, что при отступлении его затопчут собственные товарищи. Поэтому стоит передним рядам податься и дрогнуть, тыл бросает свои щиты и обращается в бегство.

Итак, я атакую лучников и «царскую дружину» Дария во главе тяжелой конницы. Это будет кинжал, устремленный в сердце медведя. Ну а моя фаланга в центре, а также пешие и конные отряды Пармениона слева удержат медвежьих лапы.

В тылу персидского войска находится лагерь Дария. Он огромен: это сто тысяч слуг, маркитантов, шлюх и прочего сброда. Когда неприятель в ужасе сорвется с места, он побежит на собственных товарищей. Холмы позади него изры-

ты оврагами и канавами, что сулит смерть или увечье великому множеству людей и коней. Ну а те, кому удастся преодолеть этот нелегкий рубеж, уткнутся в собственный обоз. При этом подразделения окончательно потеряют какую-либо управляемость, а все дороги окажутся забиты лошадьми, подводами, мулами, колесницами и людьми. И вот на такого, полностью дезорганизованного противника обрушится сплоченный удар нашей кавалерии. Враг, позорно бегущий, получит удар копьём в спину, а дерзнувший обернуться встретит смерть от удара в грудь. Десятки тысяч врагов найдут здесь свой конец, причем лишь каждый десятый из них будет сражен нашим оружием. Прочим суждено быть затоптанными, погибнуть в давке, сломать шеи, падая в ущелье. Овраги будут завалены трупами, и уцелевшие станут преодолевать их по телам товарищей.

Я собираю вокруг себя полководцев, отдаю последние приказы и отпускаю командиров к их подразделениям.

— Старина, — спрашиваю я Пармениона, — сможешь ты удержать левый фланг?

— Море покраснеет от персидской крови.

Меня радует такой настрой. Напоследок я галопом объезжаю ряды, не для того, чтобы подбадривать людей речами (на таком ветру сколько ни кричи, никто ничего не разберет), но дабы воодушевить их самим своим видом. И это удается. Воинственные возгласы прокатываются вдоль шеренг, словно волны.

Опытные кавалеристы называют «высоким» такое состояние лошади, когда она вот-вот может выйти из-под контроля и понестись вскачь сама по себе. Подобное «высокое» напряжение я вижу сейчас в лошадях «друзей» и ощущаю под собой, в легком, едва касающемся земли аллюре Буцефала. Напряжение достигло высшей точки. Мы больше не можем ждать. В считанные мгновения я должен отдать приказ об атаке.

Неожиданно мы видим мчащегося со стороны нашего тыла одинокого всадника. Он появляется с прибрежной дороги, пересекает шов между кавалерией и пехотой левого крыла и выворачивает к центру линии.

Все взоры обращаются к нему. Воин держит в руках один из боевых стягов конных «друзей».

— Кто это, черт возьми? — удивляется Теламон.

На ветру трепещет темно-красный флажок Боттиеи.

— Это Счетовод!

Теперь мы узнаем его. Евгений, который всего несколько часов тому назад рыдал в моих объятиях возле Мириандра, искалеченный персами Евгений прибыл на линию фронта.

Бойцы застывают.

Счетовод на три четверти мертв, и непонятно, какая сила удерживает его в седле.

— Верните его! — приказываю я Филоту, который немедленно посылает галопом конников.

Как может искалеченный человек проделать такой далекий путь? Он был серьезно ранен еще до того, как враг два дня назад надругался над ним, разгромив полевой лазарет. После этого он прошел пешком двести стадиев до Мириандра, а теперь, уже верхом, проделал тот же путь в обратном направлении. Когда наши «друзья» приближаются, чтобы увести его с фронта, к нему словно бы возвращаются все силы. Он выпрямляется и мчит на открытое пространство. Войско выкликает его прозвище:

— Счетовод! Счетовод!

Обезображенное лицо героя замотано тканью. По приближении товарищей он срывает ее, и закаленные воины невольно останавливаются.

Счетовод поднимает обрубок правой руки, вздымая левой боевой стяг.

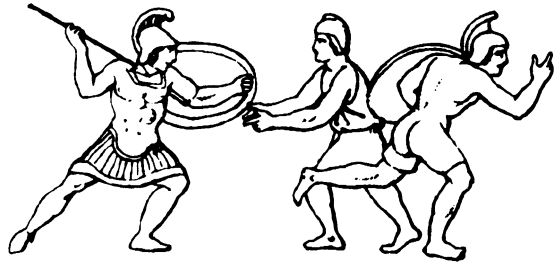
Все командиры получают от меня приказ галопом скакать к своим подразделениям. Я тоже направляюсь к своему месту во главе колонны.

— Он скачет вперед! — слышу я изумленный голос Теламона.

Я не удивлен: этого и следовало ожидать. Мне нет нужды смотреть: армия продолжает скандировать прозвище Евгенида. Не дожидаясь моих приказов, отряды приходят в движение.

СРАЖЕНИЕ ПРИ ИССЕ

Так началась величайшая кровавая битва в истории военного противостояния Востока и Запада, завершившаяся самой убедительной на тот момент победой Македонской армии над полчищами персов.

По существу, имеют место три отдельных боя на различных участках, причем каждый из них сам по себе мог бы считаться битвой эпохального масштаба. Но изначальная схема всего этого действия весьма проста. Давай набросаем ее здесь, на столе. Чего я от тебя добиваюсь, Итан, так это чтобы ты усвоил понятие эффективного распределения сил. Враг превосходит нас по численности почти в пять раз, однако на тех участках и в те моменты, когда происходят *решающие схватки*, численным превосходством обладаем мы.

На крыле, обращенном к морю, отчаянная сеча будет продолжаться почти час. Тяжкий удар будет нанесен в центре нашей фаланги, ибо сложный рельеф речного дна нарушит безупречность строя, а при попытке выйти из реки наших бойцов встретят превосходно обу-

ченные тяжеловооруженные греческие наемники Дария. Зато справа, там, где я атакую силами кавалерии «друзей», неприятель ломается при первом натиске. Мы вспарываем брюхо его строя, так что на память приходят строки великого Эсхила: «Расходится плоть под отточенной сталью».

За первоначальным потрясением от удара «друзей» следуют сумятица и неразбериха среди сил, прикрывающих промежуток между «царской дружиной» и легкой кавалерией. На левом фланге врага ведутся беспорядочные стычки. Перед ними, на ближнем берегу Пинара, противник расположил мидийских лучников — две тысячи, как сообщил молодой Сатон, — в трех отрядах, один позади другого. Первый отряд выпускает стрелы дважды, второй единожды, третий же так и не успевает натянуть луки. Завидев нашу тяжелую конницу, с грохотом мчащуюся на них в сомкнутом строю, стрелки бросают свою амуницию и обращаются в паническое бегство. Эта беспорядочная, охваченная ужасом толпа мчится к реке и натывается на передние шеренги копейщиков «царской дружины». Ряды врагов смешиваются, паника распространяется все шире, и персы бегут, прежде чем первое наше копьё успеет отведать вражеской крови.

На острие нашей конной атаки находятся царские гейтары. Их боевой порядок — это «зубы дракона», косою строй с правым усилением. Первую полусотню веду я, вторую — Клит, четвертый клин, тот самый, который именуют «якорем», возглавляет Филот. У моего левого плеча скачет Гефестион, справа — Теламон, правее его — Локон: они со своими всадниками выполняют роль моих телохранителей. Позади царского мчатся остальные семь отрядов «друзей».

Неприятель разбегается как стадо овец, стараясь убраться с нашего пути. Мы не видим ничего, кроме спин, щитов и брошенных копий. За время, которое требуется, чтобы сосчитать до ста, передовые отряды тяжелой конницы прорвали персидский фронт. Восемнадцать сотен наших уже за рекой, а по пятам за нами неотрывно следуют еще во-

семь сотен царских копейщиков. Не отстают и конные пеонийцы. Позади прорванного неприятельского фронта наши клинья отклоняются влево, то есть мы мчимся в сторону находящегося в центре своего построения Дария.

От места нашего прорыва до царской колесницы не менее полутора тысяч локтей, или почти пять стадиев. Это большое расстояние. Я уверен, Дарий не знает о нашей атаке по его крылу. И не узнает, пока до него не доберется гонец. А гонец может и не добраться. Так или иначе, все внимание царя сосредоточено на его центре и правом фланге, там он надеется добиться успеха. Не осознавая того, что наш клинок уже вонзился в его брюхо.

Теперь, мой юный друг, давай рассмотрим еще один важный элемент военной диспозиции: линию обороны.

Когда отряды выстраиваются в оборонительную линию (как, например, отряды Дария вдоль Пинара), каждый должен наметить для себя не одну, но две позиции: изначальный оборонительный рубеж, где надлежит закрепиться и держаться, и дополнительный, или резервный, куда можно будет отступить, если натиск противника окажется слишком сильным. Тыл позади оборонительной линии не может быть бесконечно глубок, ибо если в передних рядах возникнет паника (а такой возможности нельзя исключить никогда), недопустимо, чтобы она распространялась бесконечно, не встречая никакой преграды. Из этого следует, что резервный оборонительный рубеж не должен быть слишком удален от основного: три, четыре сотни шагов — это оптимальное расстояние. Только при этом условии подразделение сумеет быстро отступить на заготовленную позицию и переформироваться, дабы заново организовать оборону. В то же время эту позицию нельзя устраивать и слишком близко, ибо у отступающих должна быть возможность оторваться от своих преследователей.

Что означает такой порядок обороны для атакующих тяжелой конницы?

Прорвав первую защитную линию, наши всадники поворачивают налево, с тем чтобы устремиться в сторону центра вражеской позиции позади передовой вражеской линии. При этом разрыв между рубежами обороны обеспечивает нам пространство, позволяющее развивать наступление. Отступивший противник формирует боевые порядки на резервном рубеже, ожидая нашего удара, а поскольку этот удар последует в ином направлении, мы можем быть уверены, что он нам не помешает.

Итак, как я уже говорил, наши конные отряды прорвали передовую линию обороны персов в полутора тысячах локтей от колесницы Дария. Забегая вперед скажу, что позднее пленные командиры из числа вавилонян и мидийцев, находившихся во второй оборонительной линии, показали, что они прекрасно видели наш бросок, но (ты только подумай!) приняли моих «друзей» за царскую конную стражу Дария! Им просто не могло прийти в голову, что вражеская кавалерия сумела так стремительно, массово и глубоко врезаться в расположение их войск.

В результате всего этого помешать нашему движению в сторону царской ставки пытается лишь один-единственный отряд — ополчение Месопотамской Сирии. Месопотамцы, в отличие от мидийцев и вавилонян, правильно оценили суть нашего маневра и решили воспрепятствовать угрозе, однако по ряду причин на нашем пути оказался вовсе не тот противник, который способен был это сделать.

Ты можешь вообразить поле, Итан? Тогда давай пополним твое военное образование еще несколькими понятиями.

«Пластина и шов».

Под «пластиной» мы подразумеваем любое образующее часть фронта подразделение (пусть это будет тысяча, сотня, даже полусотня), находящееся под единым командованием и, следовательно, способное действовать как единое целое. Чем больше «пластина», тем менее гибок боевой порядок.

Ну а «шов» — это граница между «пластинами».

Например, когда наша вооруженная сариссами фаланга в одном строю с отрядами царских телохранителей наступает на противника, может показаться, что все ее двенадцать тысяч солдат представляют собой сплошную стену. На самом деле фронт состоит из девяти автономных подразделений (шесть состоят из фалангистов, а три — из телохранителей), каждое из которых способно решать самостоятельную задачу. Эти отряды, в свою очередь, разбиваются на более мелкие, со своим назначением. Таким образом, сплошной с виду фронт составлен из тридцати шести «пластин» с тридцатью пятью «швами». Предполагается, что каждая из «пластин» способна действовать в зависимости от обстоятельств, сообразно возникающей угрозе, однако должна стремиться не допустить разрыва «шва», соединяющего ее с остальными. Таков *наш* порядок. Теперь мы рассмотрим порядок противника.

Месопотамцы, которые перехватывают нас, это одна огромная «пластина», без всяких «швов». Их численность составляет десять тысяч (счастлирое число по халдейской нумерологии), и они подчиняются одному командиру, зятю Дария Сизамону. Ему одному: командиров, имеющих право принятия самостоятельных решений, в этом отряде нет. По месопотамскому обычаю, десять тысяч бойцов выстраиваются квадратом со стороной в сто человек. Можешь ли ты представить себе более громоздкое формирование? Кроме того, местность между ними и нами изрыта расщелинами и оврагами. Неприятель рассчитывает навалиться на нас сплошной массой, но само поле боя спутывает все его планы. К тому же месопотамцы — лучники, то есть бойцы, не обладающие ни оружием, ни навыком ближнего боя. Трех моих полусотен оказывается достаточно, чтобы, атаковав их при попытке выступить из теснины, обратить в беспорядочную толпу.

Теперь все заблуждавшиеся ранее поняли, кто мы такие. Враги устремляются на нас, силясь закидать дротиками, однако им приходится метать их против ветра, да еще и вверх по склону. Мы тем временем находимся уже в шестистах локтях от Дария.

Теперь ему уже известно о нашем стремительном прорыве. И ему, и командирам избранной тысячи, и кавалерии «родственников», и командирам наемной греческой пехоты, составляющей фронт его центра. К этому времени, примерно через десять минут от начала боя, шесть пеших отрядов македонской фаланги сошлись с противником на центральном участке фронта протяженностью тридцать сотен локтей. Среди утесов и ежевики греческая пехота Дария и подразделения «царской дружины», не обратившиеся в бегство при прорыве «друзей», насаждают на наши пехотные полки, нанося тяжелые потери нашим отрядам, боевые порядки которых были нарушены неровной местностью, рекой, частоколами и необходимостью взбираться по крутому каменистому берегу. На крыле, обращенном к морю, двадцать пять или тридцать тысяч превосходных персидских всадников под командованием Набарзана (с Арзамесом, Реомитром и Атизесом, столь доблестно сражавшимися при Гранике) яростно атакуют наших союзников и конных наемников, подкрепленных восемнадцатью сотнями фессалийской тяжелой кавалерии, которую я перебросил туда в последнюю минуту.

Держат этот фронт наши лучники, критяне и македонцы, половина агриан, все двадцать тысяч наших фракийцев, союзные греки и наемная легкая пехота, сражающаяся как «*hami ppoi*», то есть пешие войска, находящиеся во взаимодействии с кавалерией.

Оттуда, где нахожусь я, ничего этого не видно, однако мне ясно, что вдоль прибрежной линии протяженностью в четыре тысячи локтей пехота и конница смешались в яростной, невиданной схватке. Если Парменион не сумеет удер-

жать наш левый фланг, противник прорвется, свернет к центру и, имея численное превосходство, обойдет нашу флангу с фланга и с тыла. Тогда в реке произойдет настоящая резня. А персы, скорее всего, прорвутся: их слишком много, и они прекрасные бойцы.

Это значит, я должен завершить свой прорыв первым. «Друзья» должны пробиться к Дарию до того, как кавалерия Набарзана растерзает крыло Пармениона.

Впоследствии Гефестион расскажет, что я рвался в атаку как безумец, а мой конь выглядел еще безумнее меня. Возможно, со стороны так оно и выглядело, но в тот момент я ощущал собранность и ясность мысли. Каждый удар, который я наношу, имеет цель, и вдохновлен он не жаждой славы, но четким осознанием того, что спасти наших соотечественников, попавших в тяжелейшее положение на левом фланге и в центре, может лишь скорая победа, одержанная мною здесь. А также уверенностью, неколебимой уверенностью в том, что от этой победы — полной, бесспорной победы — меня отделяет лишь несколько ударов копья.

Командный пункт Дария находится на возвышенности за Пинаром, на холме, имеющем форму перевернутого щита. Царская колесница стоит на вершине, ее штандарты и плюмажи развеваются над морем шлемов, панцирей и значков его всадников. Вокруг царя собрались лучшие из лучших, знатнейшие из знатных персидских воинов.

Их здесь полторы тысячи.

А нас восемнадцать сотен.

На этом, единственном, но решающем участке поля македонские силы достигают на данный момент численного превосходства.

Сказать, что нанесенный в следующий миг сокрушительный удар решил судьбу дня, означало бы погрешить против истины. На самом деле мы буквально вязнем в плотной массе царских защитников, и бой начинает походить

не на стремительную кавалерийскую схватку, а на противостояние пехотинцев, сидящих почему-то верхами. Нет, пожалуй, более подходящим будет сравнение с морскими сражениями, разворачивающимися в тесных гаванях, когда корабли сходятся вплотную борт к борту, а моряки дерутся на палубах.

Конные защитники Дария не смеют контратаковать нас, как подобало бы витязям, ибо боятся оставить своего повелителя. Поэтому они лишь теснее смыкают свои ряды и ограничиваются обороной, словно сидят на конях, высеченных из дерева. Воители Востока держатся вместе, как тяжелые боевые корабли, тогда как наши «друзья» стремятся атаковать их, подобно оснащенным таранами триремам.

В передних рядах противника сражаются два витязя — Оксатр, брат Дария, и Тигран, потомок прославленного Тиграна, сподвижника Кира Великого. Оба они, высокие и стройные, что соответствует персидскому идеалу, но никак не эллинскому представлению о могучем герое, не взаимодействуют один с другим, однако каждый сплачивает вокруг себя избранную тысячу и царских «родственников», превращая живую стену в бастион, который не в силах проломить даже самый яростный наш натиск. Люди и кони падают в немалых количествах, но в этой яростной схватке, как и при Гранике, решающую роль играет явное превосходство над оружием персов длинного македонского копья и бронзового панциря, закрывающего грудь и спину. Прочные доспехи позволяют нашим солдатам, обходясь без щитов, держать оружие обеими руками и, нанося удары двойной мощи, сеять в рядах врага страшное опустошение. Персы отбиваются короткими копьями, древки многих из которых расщеплены чуть ли по всей длине, или пытаются наносить удары кривыми мечами, действенные лишь тогда, когда к силе рубящего взмаха добавляется инерция скачущего коня. При этом они в большинстве своем не имеют ни шлемов, ни панцирей. Защитой им служат легкие тюрбаны, намо-

танные на руку плащи и в лучшем случае маленькие круглые щиты.

Неприятель стремится составить из лошадей и всадников сплошную заградительную стену, тогда как мы, атакуя и клиньями, и поодиночке, пытаемся проделать в ней брешь, вонзая наши копья в лица людей и в конские морды. Буцефал рвется вперед с яростью и мощностью чудовища. Враги один за другим падают наземь, сраженные ударами в горло и шею, но и сами не остаются в долгу. Персидский дротик пронзает мое бедро. На моих глазах один из вражеских воинов, уже валясь с коня с рассеченной сонной артерией, успевает полоснуть кого-то из наших своим кривым мечом. Других поражают копья, вонзенные в кадыки или глазницы.

В этой схватке особо отличились Клит Черный и Филот. Филот убил Мегадата и Фарсина, сводных братьев царя, в то время как Клит пробился сквозь отряд, составлявший пятую часть царских всадников Дария. Славно проявил себя в тот день и Гефестион. Число убитых и раненых беспрерывно множится.

И тут, когда схватка достигает наивысшего накала, Дарий обращается в бегство. С того места, где идет сеча, я его не вижу, и истина открывается мне лишь после того, как мы с Гефестионом, Теламоном и Клитом во главе ведущего клина царского подразделения «друзей» прорываемся к выступу, над которым еще реют царские знамена. Колесница осталась, накренившись набок. Я вижу брошенную, сильно накренившуюся царскую колесницу и на миг испытываю испуг: неужели царь убит? При мысли о том, что кто-то мог похитить мою славу, меня охватывает такая ярость, что я едва не валюсь с коня.

— Дарий! — слышу я собственный крик. — Дарий!

Как рассказали потом друзья, я метался по холму, словно в припадке безумия, тогда как мои более рассудительные

спутники, спешившись, переворачивали и осматривали тела, дабы царь не остался незамеченным или, паче того, не оказался затоптанным.

В себя меня приводят слова Деметра, одного из моих телохранителей.

— Александр! — взывает он, подъехав и остановившись передо мной. — Царь персов бежал!

Деметр указывает в сторону тылового персидского лагеря.

— Люди видели его, он погонял коня так, что его плеть свистела.

И вновь на меня накатывает ярость, перемежаемая, впрочем, холодной досадой понимания. Мне внятна политическая необходимость бегства Дария. Эта игра называется «Убить царя»: кто вправе упрекнуть монарха в том, что он стремится не позволить обезглавить свою державу? Но все эти резоны ничто в сравнении с моим негодованием. Я возмущен не столько тем, что противник лишил меня почетной возможности убить или пленить его, сколько самим фактом его бегства. Тем, что *он вообще смог бежать*. Ты понимаешь?

Он царь!

Он должен стоять и сражаться!

Сам этот поступок — бегство — кажется мне таким извращением героического воинского идеала, что, на мой взгляд, представляет собой даже не преступление, но святотатство. Клянусь Зевсом, супруга и мать этого человека находятся в персидском лагере! Его младший сын тоже здесь: как может муж явить подобную «отвагу» на глазах близких?

Рядом со мной останавливается подъехавший Теламон. Он ранен копьем в бедро, кровь густо смочила попону его коня. Буцефал наступил на шип и слегка прихрамывает. Оставив Буцефала на попечение Теламона, я сажусь на его коня: бой тем не менее продолжается. Самых быстрых сво-

их конников я посылаю к Пармениону, отряды которого на обращенном к морю крыле оказались в настоящем аду.

— Выкликайте повсюду, что царь Персии сбежал. Пусть противник увидит вашу радость. Даже если неприятель не поймет ваших слов, он уловит ликующий тон, а наши солдаты воодушевятся, поняв, что победа скоро будет за нами.

Теламон, несмотря на рану, хочет присоединиться к погоне, но я приказываю ему не дурить и оставаться на месте. А сам, в сопровождении ближайших соратников, скачу вдогонку за Дарием, к находящемуся в пятидесяти стадиях вражескому лагерю.

Падение великого царства так близко, что я чувствую его в своих ладонях. В самом лагере царит даже не столпотворение, а сущий ад. Группа преследования составлена из царского подразделения «друзей» и половины амфиполитан с Гефестионом, Черным Клитом и моей «агета» — всего четыре сотни воинов. Вокруг нас клубится сотня тысяч врагов. Зрелище не поддается описанию, но все они пребывают в панике и помышляют лишь о бегстве. Немногие ведущие наружу тропы уже запружены лагерной челядью, забиты толпой провинциальных новобранцев, бежавших с поля боя десятками тысяч. Сзади на них напирают еще более беспорядочные многочисленные толпы.

— Найдите царя! — кричит Клит. — Принесите Александру его кровавые яйца!

Умение захватывать среди охваченной паникой толпы пленных, устрашать их, допрашивать и получать нужные сведения представляет собой особое искусство. Всадники на полном скаку выхватывают из толпы отдельных людей, за волосы или за ноги оттаскивают их в сторону и заставляют буквально «выхаркивать» правду.

От лагерного евнуха мы узнаем, что Дарий на самом резвом скакуне в сопровождении своего брата Оксатра и сотни «родственников» умчался на север. Они опередили нас на время, достаточное, чтобы сосчитать до тысячи.

Мы продолжаем погоню за царем два часа после наступления темноты. Наконец, когда позади остается сто пятьдесят стадиев, а тьма сгущается так, что по дороге можно разве что ковылять пешком, приходится остановиться. Кони наши выдохлись настолько, что им необходимо дать отдохнуть, прежде чем они смогут нести нас назад. Все это время мимо нас в темноте движется непрерывный поток беглецов из персидского лагеря.

Дарий ускользнул.

К полуночи мы по своим следам возвращаемся к холму над лагерем персов. Потери врага превосходят самое худшее, что я мог себе представить. С бегством Дария его армия сломалась и побежала. Как и следовало предполагать, овраги и лощины оказались для людей смертельной западней. Тысячи несчастных попадали в эти провалы и были затоптаны панически бегущей толпой. Расщелины величиной с небольшие стадионы доверху завалены трупами. Мертвые тела видны повсюду, но большая часть людей погибла не под ударами наших копий, а в толчее и давке, как это случается, например, при пожаре.

Персидский лагерь находится в пятидесяти стадиях к северу от поля боя. Когда мы на своих чуть ли не загнанных лошадях добираемся до него, наши солдаты заняты его разграблением.

Меня охватывает отчаяние. Я хватаю первого малого, который попадаете мне на глаза, десятника союзной кавалерии по прозвищу Дерюжная Торба. Плащ этого малого набит всяческими безделушками так, что даже дребезжит.

— Как это называется? — возмущенно спрашиваю я у него.

— Моя добыча, господин! — отвечает этот малый с веселым смехом.

Вне себя от ярости, я направляю коня в лагерь. Горящие палатки и подводы освещают картину повального маро-

дерства. Лагерь был окружен рвом и частоколом, но для рвущихся за добычей солдат это не составило ни малейшего препятствия. Ничто не могло их удержать. Даже приказы командиров, даже мой гнев.

— Найти Пармениона, — приказываю я. — И командиров подразделений! Всех ко мне!

Персидский лагерь представляет собой сущую сокровищницу. Многие наши люди в жизни не видели таких богатств, собранных в одном месте: коней и женщин, оружия, кольчуг, золотых ваз, мешков с деньгами, предназначавшимися для солдатского жалованья, и прочих сокровищ. Все это доводит наших товарищей до состояния, близкого к безумию. Я вижу, что тысячи пленных содержатся не в особом загоне, под охраной, как это предписывается правилами, а расхвачаны солдатами и младшими командирами. Каждый прибрал себе, сколько мог, в надежде на выкуп или барыш при продаже. Жены и любовницы персов визжат, когда их вытаскивают из палаток. А вот лагерных шлюх ни смутить, ни запугать невозможно. Едва в лагере сменились хозяева, как они принялись с готовностью предлагать свои услуги македонцам. И их предложение встречает спрос: мои солдаты совокупаются с ними в самых разнообразных позах, расплачиваясь кольцами и перстнями, сорванными с пальцев убитых врагов. Пребывая в неистовом возбуждении, победители переходят из шатра в шатер, облачаются в пышные восточные одеяния, украшая себя ожерельями, браслетами, а также мечами и кинжалами, инкрустированными драгоценными камнями. В таком виде они кажутся не обычными солдатами, а предавшимися разгулу царями и жрецами.

— Чем ты озабочен, Александр? — спрашивает Гефестион, заметив мое состояние.

Я окидываю взглядом картину варварского буйства.

— Тем, друг мой, что, похоже, все, ради чего я трудился и что я любил, не более чем глупость.

Ко мне приближаются Парменион, Кратер и Пердикка. У остальных командиров не хватило духу показаться мне на глаза.

А на участке лагеря непосредственно под нами мы созерцаем зрелище, подобного которому мне не случалось видеть никогда: солдаты со злобой и остервенением крушат и уничтожают лагерное имущество. Ковры рубят в клочья, статуэтки и вазы разбивают вдребезги. На моих глазах солдат замахивается на удивительной работы эбонитовый стул. Гефестион кричит, чтобы он остановился, но боец ребром щита крушит изысканное изделие и ухмыляется, словно давая понять, что победители выше любых законов и правил.

Когда наконец военачальники собираются вокруг меня, я приказываю построить отряды для общих учений. Полководцы уставились на меня как на сумасшедшего.

— Всех в строй! Выкладка: походный вещевой мешок и личное оружие. Живо!

Поначалу никто не верит, что я говорю серьезно. Одни думают, что я не в себе от усталости, другие считают все это шуткой.

— Александр, одумайся, — говорит Парменион, единственный, у кого хватает духу подать голос. — Люди валятся с ног от усталости.

— Усталость не мешала им бесчестить имя Македонии. Они не валились с ног, когда позорили своего царя и свою страну.

На общее построение отводится время, достаточное, чтобы сосчитать до шестисот.

Я разъезжаю на коне перед дезорганизованной толпой, которую надлежит снова сделать армией.

— Этот день должен был стать днем величайшей славы! И был таковым, пока вы не испоганили и не осквернили его!

Союзников и наемников в темноте не разглядеть, но мне удается рассмотреть, как Парменион, Кратер, Пердикка и остальные выстраивают все шесть отрядов македонской фаланги и царских телохранителей Никанора. Коней, которые ни в чем не виноваты, я утомлять не собираюсь, а потому приказываю Филоту спешить «друзей», царских копейщиков, пеонийцев и Парменионовых фессалийцев и построить их в шеренги в полной выкладке.

— В маршевую колонну — становись!

Я муштрую своих ветеранов, словно сопливых новобранцев. Многие из лагерной челяди и даже пленные по собственному почину выстраиваются по краям равнины, в то время как мои тысячники и сотники отрабатывают команды.

— Сомкнуть ряды! Вперед! Нале-во, шагом марш! Бегом! Стой! Кру-гом!

Какой-то солдат, среди прочих его не разглядеть, чертыхается. Я останавливаю всю армию.

— Сариссы к бою!

Я заставляю их проделывать строевые упражнения, держа на весу пики длиной в одиннадцать локтей и весом в семнадцать фунтов.

— Ну! Кто из вас, сукиных сыновей, хочет еще раз подать голос?

Мы продолжаем муштру. Мне и самому приходилось часами упражняться с сариссой, и я прекрасно знаю, какой это тяжкий, невыносимый труд. Какой-то солдат падает, и я приказываю удвоить темп.

— Пусть падает следующий! Мы будем упражняться всю ночь!

Сейчас мои соотечественники ненавидят меня. Они с радостью выпили бы всю мою кровь. Я же продолжаю командовать: отдаю приказы тысящикам, те пятисотенным, те сотникам...

— Нале-во! Шагом марш! Правый фланг, вперед! Кругом!

Разве я не запрещал грабеж? Клянусь Зевсом, разве это был не первый приказ, отданный мною этой армии?

Людей рвет, сопли текут из их носов, слюна изо ртов. Спины взмокли от пота. Вино, которого они успели налечь, выливается прочь из их вонючих глоток.

— Солдаты вы или разбойники? Я назвал вас своими братьями. Я верил, что, когда мы вместе, никакая сила на земле не сможет устоять перед нами. Но сегодня мы столкнулись с единственной опасной для нас силой. Это алчность наших сердец, с которой мы, как оказывается, не в силах совладать.

Когда кто-то падает, я приказываю оттащить его в сторону. Стоит кому-то издать стон, и я награждаю его ударом меча плашмя. Муштра продолжается, пока напряжение не превосходит пределы человеческих возможностей: даже раненым приходится выходить на площадку, чтобы оттащить лишившихся чувств. Наконец я прекращаю упражнения и командую общее построение. Мой гнев не ослаб ни на йоту.

— Соотечественники, когда я видел вас сегодня в бою, вы казались мне солдатами, во главе которых можно бесстрашно выступить против фаланг ада. Я видел в вас товарищей, сражаясь бок о бок с которыми с радостью отдал бы свою жизнь. Мне казалось, что нет и не может быть более высокой чести и славы, чем считаться одним из вас. Я стремился к победе, ибо до сегодняшнего дня я верил, что это главное. Но вы показали мне, что я ошибался.

Я внимательно всматриваюсь в лица, багровые от изнеможения и черные от стыда. Клянусь огнем вечной гибели, я привяжу их к себе. Клянусь реками ада, я сделаю их своими!

— Вы покрыли позором славную победу в истории воинств Запада. Вы навлекли бесчестие на себя и на всю армию. Но прежде всего вы лишили чести меня. Меня, ибо

человек, услышавший о сегодняшних бесчинствах, не скажет: «Это насилие было совершено Тимоном» или «Это поругание — дело рук Аксиоха». Нет, он отметит, что грабителями и мародерами были *солдаты, служившие под началом Александра*. Ваши непотребства очернили мое имя, ибо вы — это я, а я — это вы. Неужто, братья, мы выступили в поход ради грабежа? Неужто мы, подобно торгашам, стремимся лишь поживиться золотом? Скажите, что это так, и я, клянусь Зевсом, сам перережу себе глотку! Если каждая победа будет превращать вас в алчных скотов, так лучше сразу сложите для меня погребальный костер. Я взойду на него и сам разожгу его под собой, лишь бы только не быть больше свидетелем подобного бесстыдства. Непреходящая честь и бессмертная слава — вот что позвало нас в поход. Мы воюем, дабы возжечь светоч величия, неугасимый в веках. Я разожгу его, и, клянусь мечом всемогущего Зевса, вы будете бороться за это вместе со мной. Все до единого!

Все замерли и затаили дыхание. В этот миг я ненавижу их и люблю, как и они любят и ненавидят меня. И они, и я знаем это.

— Братья, как ни трудно мне было снести позор, навлеченный вами на мое имя, я сделал это из любви к вам. Но сейчас выслушайте меня и запечатлейте мои слова в своих сердцах. Того солдата, который позволит себе снова обесчестить наше содружество, я не стану наказывать с отцовской любовью, как наказывают провинившихся сынов ради их исправления, но навеки изгоню его из своего сердца и из нашего сообщества.

Похоже, их проняло.

— А теперь — прочь с моих глаз, все вы, за исключением старших командиров. Для тех у меня припасено еще несколько слов.

Того, что было сказано мною высшим начальникам, я тебе повторять не стану. Замечу лишь, что многие предпоч-

ли бы кнут этим бичующим словам. Однако, покончив с этим, я обращаю гнев на себя.

— В конечном счете ответственность за любое настроение в армии лежит на командующем. Раз такое могло случиться, стало быть, я недостаточно озаботился тем, чтобы привить вам, мои командиры, те высокие воинские идеалы, которым, как мне казалось, должны были следовать и вы, и вся армия. Поэтому я отказываюсь от своей доли добычи. Причитавшаяся мне часть будет распределена среди наших раненых и искалеченных товарищей, а также потрачена на жертвоприношения и воздвижение надгробий павшим.

Отпустив командиров, я удаляюсь в свою палатку, приказываю юношам свиты никого ко мне не пускать и засыпаю. Пробуждаюсь я лишь поутру и после совершения от имени армии благодарственного жертвоприношения вызываю Леонната Любовный Локон, дабы поручить ему позаботиться о захваченных нами в лагере супруге Дария Статире* и матери царя Сизигамбис.

В полдень ко мне обращается Пердикка с просьбой принять его. Он сообщает, что солдаты терзаются угрызениями совести и молят о прощении. Я отсылаю его без ответа. То же происходит с Теламоном, затем с Кратером. Последним заходит Гефестион: дежурные пропускают его беспрепятственно, ибо знают, что он — мой ближайший друг. Гефестион упрасивает меня из любви к нему хотя бы выглянуть наружу. Не в силах отказать дорогому другу, я неохотно соглашюсь.

Как оказывается, все пространство перед палаткой, целое поле, завалено теми самыми сокровищами, которые пробудили вчера такую алчность: статуями и драгоценными сосудами, мебелью, пурпурными тканями, золотыми украшениями. Вокруг десятками тысяч собрались воины.

* В действительности Статира была дочерью Дария.— *Прим. пер.*

— Александр,— обращается ко мне Кратер от их имени.— Здесь вся добыча, до последней сережки и амулета. Забери все. Нам ничего не нужно. Только не отвращай от нас свое лицо.

— И это все, ради чего ты вызвал меня сюда? — холодно спрашиваю я у Гефестиона и поворачиваюсь, чтобы удалиться в палатку.

Друг, однако, удерживает меня за руку и умоляет не ожесточать свое сердце против наших товарищей. Неужели я не вижу, как сильно они любят меня?

Я перевожу взгляд с одного лица на другое; седые десятники, израненные в боях сотники. Никогда прежде не видел я на этих суровых лицах столь пристыженного выражения. Солдаты плачут. Меня самого это трогает до слез, которые мне удастся сдержать лишь крайним напряжением воли. Но я все еще разгневан на этих людей и уж, конечно, не отпущу их с крючка.

Наконец, весь в окровавленных повязках, вперед выступает Сократ Рыжебородый, тот, кто, выдержав самые тяжкие испытания, один из немногих ничем не запятнал своей чести.

— Александр,— говорит он,— разве мы не были верны тебе? Не проливали кровь и не умирали за тебя? Не служили тебе по зову сердца, не за страх, а за совесть?

Я больше не могу сдерживать слезы.

— Так чего же ты еще от нас хочешь? — спрашивает Сократ дрожащим от избытка чувств голосом.

— Я хочу, чтобы вы были... безупречны.

Вся армия издает единый вздох.

— Ты хочешь, чтобы все мы стали такими, как ты? Стали тобою? — восклицает Рыжебородый.

— Да!

— Но это невозможно, Александр. Мы всего лишь люди! Лица людей искажены мукой.

Весь мой гнев исчезает.

— Неужто, Сократ, ты мог поверить, что я не люблю тебя? Или вас, друзья мои?

Мне вдруг становится ясно, что я до сих пор не могу простить себе страшной ошибки, повлекшей за собой резню в лазарете. Того, что допустил бегство Дария, из-за которого война затянется на неопределенное время. Того, что по моей оплошности наше торжество оказалось неполным.

— Если мне и пристало гневаться, то только на самого себя. Я подвел вас...

— Нет! — восклицает армия. — Никогда!

Рыжебородый делает шаг ко мне. Я раскрываю объятия. Войско издает звук, похожий на стон, но то стон радости. Люди бросаются ко мне, окружают меня тесной толпой, и мы, не стыдясь слез, рыдаем так, будто наши сердца готовы разорваться. Ни один воин не соглашается уйти до тех пор, пока не коснется меня рукой и не удостоверится в том, что любовь и милость царя вновь пребывают с ним.

Девять месяцев спустя, в Египте, меня приветствуют как Гора, божественного сына Ра и Амона. Восторженные толпы заполняют главные улицы. Я провозглашен фараоном, преемником власти Осириса и Исиды.

Но я уже не тот человек, которым был до памятной схватки у Пинара.

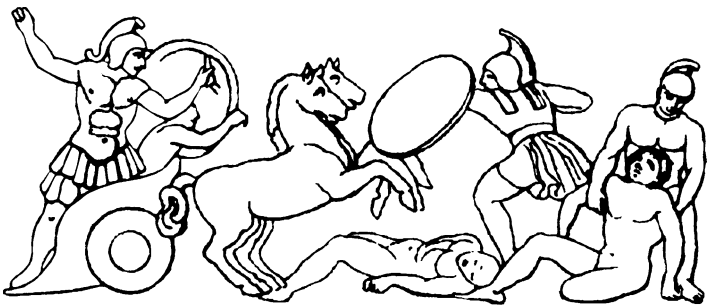
Командующий армией управляет неуправляемым и стремится предвидеть непредсказуемое. В ходе сражения он всегда имеет дело со множеством неизвестных, неучтенных факторов. Это мне было ясно издавна. Но только после того, как при Иссе были изувечены наши несчастные товарищи, Дарий сбежал с поля боя, а наша армия предалась стихийному, разнузданному разгулу, я по-настоящему уразумел, сколь в действительности мала власть того, кто мнит себя победителем и завоевателем.

Книга шестая

ТЕРПЕНИЕ

МОРЕ И ШТОРМ

В тот день я впервые встретился и разговаривал с Пором, нашим соперником с противоположного берега этой индийской реки.

Ты, Итан, наблюдал за этим с берега, находясь при армии. Представители сторон встретились на царской барже Пора, на середине реки. Это была его идея, и предложение о встрече исходило от него. Как мне кажется, к переговорам индийского владыку подтолкнули наши быстрые и успешные работы по подготовке к отведению русла реки, а также прибытие девяти сотен наших транспортных судов, что были доставлены из Индии на подводах, в разобранном виде. Я встретил предложение о проведении встречи и переговоров на реке с удовлетворением. Я всегда восхищался величественным течением реки и, кроме того, надеялся, что на воде будет прохладнее. Правда, как ты сам видел, не все прошло так, как было задумано: наше достоинство несколько пострадало из-за того, что канат оборвался и наш паром понесло вниз по течению, словно шлепнувшуюся в воду кошку. Экипаж индийской

ладьи, посланной нам на выручку, состоял из людей весьма почтенных, причем не только по положению, но и по возрасту: большинству было за семьдесят, так что раздеваться и нырять в воду, дабы поймать конец линя, пришлось представителям Македонии, включая меня самого. В конечном счете канат был пойман, и наш паром с помощью индийской ладьи потащили к барже. К тому времени, когда мы добрались до места, и мы и индийцы вымокли до нитки, но это при такой жаре не создавало особых затруднений. Встретили нас весьма радушно, а после того, как и мы, и индийцы развесили свои одежды по поручням для просушки, встреча утратила церемонность и приобрела особую доверительность.

Пор имеет облик весьма внушительный и впечатляющий: ростом он превосходит меня больше чем на пол-локтя, а его мощные запястья в обхвате не уступают моим икрам. Его черные кудри покрывает безупречная льняная тиара, кожа столь черна, что, кажется, отликает синевой, а улыбка ослепляет, ибо его белые зубы инкрустированы золотом и бриллиантами. Улыбается же он, в отличие от большинства встречавшихся мне монархов и властелинов, часто и охотно. Он облачен в яркую желто-зеленую тунику, а вместо скипетра носит зонтик, именуемый местными жителями «chuttah».

Насколько я смог понять, Пор — не личное имя, а титул, сопоставимый с саном царя или раджи. Настоящее имя этого правителя Амритатма, что означает «безграничная душа». Он смеется, как лев, и поднимается со своего кресла, как слон. Воистину, такой человек не может не очаровать.

Он подарил мне ларец из тикового дерева, инкрустированный слоновой костью и золотом. Через переводчика мне объясняют, что на протяжении тысячи лет каждый новый правитель Пенджаба получает такой ларец на утро своего восшествия на престол.

— Что в нем хранят? — спрашиваю я.

— Ничего,— отвечает Пор.— Предназначение сего ларца в том, чтобы напоминать человеку об его истинном уделе.

Я, со своей стороны, преподношу ему в дар золотую уздечку, которая принадлежала Дарию.

— Почему ты даришь мне именно эту вещь? — интересуется он.

— Потому что это самая красивая вещь из всего, что у меня есть.

Пор принимает этот ответ с ослепительной улыбкой, а вот я ловлю себя на том, что испытываю некоторую неловкость. Связано это не с незнанием обычаев или этикета, ибо таковые схожи среди монархов всего мира; сам этот человек ставит меня в тупик своей непринужденностью и полным отсутствием притворства.

О Дарии, которого он хорошо знал, Пор высказывается с уважением. Они были друзьями, и индийский владыка даже послал под Гавгамелы ему на подмогу тысячу всадников и тысячу царских лучников-кшатриев.

Я говорю, что помню этих доблестных воителей. Индийская кавалерия прорвала нашу двойную фалангу и ворвалась в наш передовой лагерь, а уже при отступлении, которое велось с ожесточенными боями, эти отважные всадники едва меня не убили. Ну а индийские лучники были самыми грозными из всех, с какими нам доводилось сталкиваться.

Сам Пор при Гавгамелах не был. «Но зато,— говорит он, указывая на двух молодцеватых юношей, выглядящих почти столь же впечатляюще, как и сам владыка,— там побывали мои сыновья». По его словам, он свел воедино все донесения о битве, внимательно изучил их и составил весьма высокое мнение о том, как осуществлялось мною командование. Я, как он выразился, являю собой «истинную инкарнацию полководца».

Я благодарю его и со своей стороны отзываюсь с похвалой о мужестве и воинском умении индийцев.

Поначалу все складывается как нельзя лучше, но потом ситуация меняется.

Пор сидит напротив меня, на диване под красочным балдахинном, отбрасывающим тень на нас обоих и на наших сопровождающих.

Он только что пригласил нас совершить с ним поездку по его владениям: по его словам, для меня будет весьма полезно собственными глазами увидеть, сколь образцовый порядок установлен в его владениях, сколь плодородна земля, сколь счастлив народ и как любят подданные своего владыку.

Он поднимается, подходит к кушетке, где сижу я, и садится рядом со мной. Это обезоруживающий жест, поступок, свидетельствующий не просто о дружелюбии, но и об особой симпатии.

— Оставайся у меня, — вдруг предлагает он, жестом указав на дальний берег, за которым раскинулись его владения. — Я отдам тебе руку моей дочери и объявлю своим наследником и преемником. Ты будешь мне сыном и унаследуешь мое царство, — он указывает на двух прекрасного вида отпрысков, — получив преимущество даже перед моими родными детьми.

Подобное великодушие потрясает меня настолько, что я теряю дар речи.

Пор одаряет меня своей ослепительной улыбкой.

— Стань моим учеником, — с теплотой в голосе говорит он, положив руку мне на колено. — Я научу тебя быть царем.

В тот миг мой взгляд падает на Гефестиона, и я вижу, как его глаза чернеют от гнева. Кратер рядом с ним вздрагивает, словно от удара хлыста. Я чувствую, как, подобно дремавшему доселе льву, пробуждается мой даймон, и прошу переводчика повторить последнюю фразу.

— Я научу тебя, — провозглашает он на безупречном эллинском языке с аттическим произношением, — быть царем.

Теперь меня охватывает ярость. Теламон взглядом призывает меня к сдержанности. Я сдерживаюсь, но это удается мне с большим трудом.

— Неужели его величество полагает, — обращаюсь я к переводчику, не глядя на Пору, — будто я не царь?

— Конечно нет! — без промедления отвечает Пор, с дружеским смехом похлопывая меня по колену.

Мысль о том, что он нанес мне оскорбление, даже не приходит ему в голову. Похоже, он считает, будто я и вправду готов признать свою неспособность царствовать и пойти к нему на выучку.

Гефестион делает шаг вперед. Он напряжен, на его виске, словно веревка, выступила вздувшаяся жила.

— Как можешь ты, государь, говорить о том, что этот человек не является царем? Кто же тогда царь, если не тот, перед кем до сего дня не мог устоять на поле боя ни один монарх мира?

Сыновья Пора выступают вперед. Рука Кратера тянется к мечу; Теламон встает между ними, стараясь предотвратить столкновение.

Пор поворачивается к толмачу, который переводит с такой быстротой, насколько позволяет ему язык. На лице раджи появляется недоумение, на смену которому приходит величественный и ласкающий слух смех. Смех, какой может звучать лишь в обществе друзей и означать: будет вам, ребята, нечего ссориться из-за пустяков!

Величавым жестом Пор успокаивает своих сыновей и других знатных индийцев, а сам снова садится на диван напротив меня, но на сей раз подается вперед, так что наши колени едва не соприкасаются возле столика, уставленного закусками и кувшинами с освежающими напитками.

— Твой друг бросается на твою защиту с яростью пантеры, — говорит Пор, одаряя Гефестиона очередной лучистой улыбкой.

Мой друг, неожиданно смутившись, отступает.

Пор извиняется перед ним и мной, заявляя, что он, возможно, не совсем точно выразился. Разумеется, все мои кампании, походы и битвы были изучены им с дотошностью, которая могла бы удивить и меня самого.

— Я ничуть не спору, Александр, ты действительно являешься величайшим воителем, победителем, даже освободителем. Но царем ты так и не стал.

— Таким, как ты? — спрашиваю я, едва сдерживая гнев.

— Ты воитель. Я царь. Вот и вся разница.

— Но в чем разница между военачальником и царем?

— Она подобна разнице между морем и штормом.

Я смотрю на него с недоумением. Он поясняет:

— Буря великолепна, она восхищает и устрашает. Богоподобная, она мечет могучие молнии и, сметая все на своем пути, проносится дальше. А вот море, в отличие от самого буйного шторма, глубоко, вечно и неизменно. Шторм разражается громами и молниями, а океан поглощает и то, и другое, не претерпевая изменения. Ты понял меня, друг мой? Ты — шторм. Я — море.

Он снова улыбается.

Мои зубы стиснуты так плотно, что я не мог бы ответить, даже будь у меня такое желание. Но желание у меня сейчас лишь одно: убраться с этих переговоров, пока я не опозорил себя, пролив кровь хозяина.

— И все же, — продолжает раджа, хотя уже менее дружелюбно, — по обиде, написанной на твоём лице, по тому гневу, который тебе едва удастся сдерживать, я вижу: быть истинным царем для тебя очень важно, и слова мои глубоко тебя задели, хотя, положи руку на сердце, ты должен признать, что они жалят лишь своей справедливостью. Между тем, — Пор мягко улыбается, — у тебя нет оснований для огорчения, ибо ты еще очень молод. Кто может стать настоящим царем в тридцать или даже в сорок лет? Я потому и

предложил тебе стать моим учеником, что мои годы позволяют мне стать твоим отцом, ментором и наставником.

Кратер встречается со мной взглядом и, поняв все без слов, выступает вперед.

— Со всем должным почтением, господин, — говорит он, обращаясь к индийскому царю, — должен уведомить тебя о том, что переговоры закончены.

Все македонцы встают. Подзывают наши лодки.

С лица Пора исчезает улыбка. Глаза его наливаются кровью и мрачнеют, на щеках выступают желваки.

— Я предлагал тебе руку своей дочери и честь стать наследником моего царства, но ты ответил на это лишь гневным и угрюмым молчанием, — заявляет он. — Поэтому я делаю тебе другое предложение. Вернись в завоеванные тобой земли и постарайся сделать своих подданных свободными и счастливыми людьми. Пусть каждый из них станет хозяином своего дома и вольным владыкой своего сердца, а не жалким рабом, каким он является сейчас. Сделай это, и, если ты вернешься ко мне, тогда я сам стану учиться у твоих ног. Ты научишь *меня*, как быть царем. А до тех пор...

Я повернулся к нему спиной. Все мои спутники перешли на нашу ладью, и лодочник отталкивает ее от индийской баржи.

Пор высится над поручнем, величественный, как крепостная башня.

— По какому праву дерзаешь ты вторгаться с оружием в мои владения? Почему угрожаешь насилем тому, кто никогда не причинял тебе вреда и даже имя твое всегда произносил не иначе, как с похвалой? Ты поставил себя выше закона! Неужто у тебя нет страха перед небесами?

Меня обуревают желание ударить его, но не стану же я перепрыгивать для этого с борта на борт, словно пират.

— Я сказал, что ты не царь, Александр, и повторяю это. Ты не правишь землями, которые завоевал. Ни Персией, ни

Египтом, даже Элладой, откуда ты пришел и жители которой, появившись у них хоть малейшая возможность, сожрали бы тебя живьем. Какие законы ты принял, какие указы издал во благо подвластных тебе народов? Да никаких! В большинстве земель ты оставил у власти прежние династии, продолжающие, как и прежде, угнетать и обирать население, в то время как твоя армия безостановочно движется все дальше и дальше, подобно кораблю, лишь рассекающему поверхность океана, волны которого смыкаются за кормой, едва он проплывает. Да что там земли, ты не обладаешь подлинной властью даже в собственном лагере, который бурлит недовольством и в котором зреет мятеж. Да, Александр, я знаю и это! Все, что происходит в моей стране, становится известно мне, даже если речь идет о происходящем в твоей палатке!

Я в гневе, я выпрямляюсь на носу своего судна. Кровь каждого из моих спутников кипит от ярости. Воины обеих армий с обоих берегов реки обмениваются гневными возгласами.

— Ну что ж, Александр, мы будем воевать. Я вижу, что ничем другим ты не удовлетворишься. Возможно, ты одолеешь. Возможно, как утверждает весь мир, ты и вправду непобедим.

Его мрачные глаза через разделяющее нас водное пространство встречаются с моими.

— Но даже если ты переступишь через мое мертвое тело и поставишь свою пятую на горло моего царства, это не сделает тебя царем. Пусть тебе и вправду, как ты мечтаешь, удастся дойти с армией до самого побережья Восточного Океана, царем тебе все равно не стать. И ты знаешь это.

Однажды, в возрасте четырнадцати лет, будучи всего лишь одним из юношей отцовской свиты, я застал Филиппа расхаживающим по его покоям в ярости и раздражении. Присутствовали при этом и Гефестион, и Локон, и Птолемей:

то был наш день дежурства при царской особе. Дело было после встречи с афинским посольством, и отца поверг в бешенство тот факт, что Афины желают мира.

— Мира! — вскричал Филипп, срывая свой плащ. — Так нет же, они получают у меня ад! Мир нужен только женщинам! Мы никогда не допустим, чтобы он воцарился в наших краях хоть сколь-нибудь надолго! Царь, который стоит за мир, никакой не царь!

Потом, обернувшись к нам, юношам, мой отец разразился столь пылким и язвительным монологом, что мы просто остолбенели, изумленные и зачарованные его страстью.

— Мирная жизнь годится для мула или осла, — вещал он, — мне же угодно быть львом! Кто процветает в мире, кроме трусливых писцов да лавочников? Что же касается якобы подобающей владыке заботы о благополучии и процветании подданных, то я скажу так: провались они в Аид, эти подданные, если они хотят наживать барыш или ковыряться в земле, а не следовать за своим царем по пути чести! Победа и слава — вот единственные цели, достойные настоящего мужчины! Счастье? Плевать я на него хотел! Когда Македония была счастливее: прежде, когда наших соломенных границ не замечал ни один недруг, или ныне, когда перед нами трепещет широкий мир? Я помню время, когда моя страна была игрушкой врагов, и никогда не допущу, чтобы это повторилось. Так же, как не допустит подобного мой сын!

После неудачной встречи с Пором мы причаливаем к берегу. Я так и не высказался. Мои полководцы желают не мешкая обсудить ситуацию. Я отказываюсь и вместо этого отправляюсь на инспекцию хода работ по изменению русла реки. Диад, механик, прибывает по вызову к нам, и мы спускаемся в канал на механической подъемной платформе, мощном устройстве, способном выдержать вес здорового быка.

Само сооружение впечатляет: глубина котлована составляет шестьдесят локтей, а шириной он с площадь маленького города. У перемычки, там, где будет открыт шлюз и откуда хлынет вода, установлены две плиты песчаника, по тридцать локтей каждая. Резчики и каменотесы трудятся на лесах, высекая в камне рельефы.

— Чье это лицо? — интересуюсь я.

Диад смеется.

— Царя, чье же еще?

— Какого царя?

— Твое, повелитель. Как может быть иначе?

Я смотрю снова.

— Это не мое лицо.

Механик бледнеет и, словно моля о помощи, смотрит на Гефестиона.

— Но это ты, царь...

— Хочешь сказать, что я лгу?

— Нет, мой господин.

— Это лицо моего отца. Каменщики высекают профиль Филиппа.

Механик бросает очередной испуганный взгляд, на сей раз на Кратера.

— Кто велел тебе изобразить здесь лицо моего отца?

— Пожалуйста! Посмотри, господин...

— Я смотрю.

— Филипп носил бороду. Смотри, это изображение гладко выбрито!

— Лживый ублюдок!

Я бью его в лицо. Взвизгнув на женский манер, он падает, как заколотая свинья.

Кратер и Теламон хватают меня за руку. Тысячи людей на строительных лесах и вышках таращатся на меня, разинув рты.

Гефестион прикладывает руку к моему лбу.

— У тебя жар, — шепчет он, а потом уже громко, для всех, возглашает: — У царя жар! Он весь как в огне!

Птолемей помогает Диаду встать на ноги. Подъемник завис, опустившись в ров на двадцать четыре локтя.

— Поднимите нас! — приказывает Гефестион.

Наверху нас встречает стена вытаращенных глаз.

— Царь выпил речной воды и подхватил лихорадку, — разъясняет налево и направо Гефестион. Он призывает моих врачей, и меня уводят в шатер, подальше от солнца.

Оказавшись внутри, я охотно разыгрываю больного: пью во множестве снадобья и валюсь в постель. Гефестион отсылает свиту и не отходит от меня всю ночь.

Поутру, проснувшись, я мучаюсь стыдом и раскаянием. Первая мысль о том, чтобы компенсировать бесчестье Диада золотом, но Гефестион говорит, что об этом уже позаботился. Мы идем со жрецами на рассветное жертвоприношение, а я чувствую себя так, будто мне в лоб вбили гвоздь. Неужели я потерял контроль не только над армией, но и над самим собой? Могу ли я править державой, если не в силах совладать со своим сердцем? Эта мысль терзает меня так, что мне даже не сразу удается заговорить.

— Ты помнишь, Гефестион, что ты сказал накануне Херонеи?

— Что к концу сражения мы станем другими людьми. Будем старше и более жестокими.

Наступает долгое молчание.

— Становится легче.

— Что?

— Действовать.

— Чепуха! Ты просто устал.

— Раньше я мог отделить себя от моего даймона. Теперь это сложнее. Порой я не могу сказать, где кончается он и где начинаюсь я.

— Ты и твой дар — это не одно и то же, Александр. Ты просто используешь свой дар.

— Правда?

— Конечно.

— Когда мы выступали в поход, — говорю я, — я ценил в своих друзьях мужество, мудрость, умение посмеяться, силу духа и честность. Теперь меня интересует только их верность. Я слышал, что в конечном счете человек не может доверять никому, даже самому себе. Только своему дару. Только своему даймону.

В тот день, когда я достигну такого состояния, я стану чудовищем. Ведь даймон — это даже не существо, к которому можно обращаться. Это сила природы. Назвать его нечеловеческим будет верно лишь наполовину. Оно внечеловеческое. Ты заключаешь с ним сделку, и оно одарит тебя могуществом. Но ты должен знать, что вступаешь в союз с ураганом и превращаешься во всадника на спине тигра.

Под вечер мы с Гефестионом возвращаемся к котловану. Лицо, высеченное на каменной плите, это, конечно же, мое собственное лицо.

На следующее утро мною созван совет.

— Я передумал отводить русло реки. Соберите все лодки, суденышки и плоты, доставленные с Инда. Мы форсируем реку и атакуем противника прямо с воды.

ТРОФЕИ ВОЙНЫ

С захватом при Иссе персидского лагеря в мои руки попала некая дипломатическая корреспонденция, в том числе и адресованные Дарию послания от некоторых эллинских полисов, содержавшие предложения о союзе и заговоре с целью свержения моей власти. Помимо документов мы захватили и живую добычу: послов Спарты, Фив, Коринфа, Элиды и Афин, находившихся в персидском лагере, дабы претворить этот изменнический план в жизнь.

Я не новичок в политике и если и преобладаю во власти иллюзий, то лишь весьма немногих. Фактически каждый аспект Эгейской кампании, как то: необходимость вдвое уменьшить армию вторжения и оставить восемь пехотных и пять конных соединений с Антипатром в Греции, дорогостоящая и утомительная нейтрализация морского побережья, даже явная снисходительность, не раз проявлявшаяся мною по отношению к моим недоброжелателям в Афинах, — был продиктован необходимостью умиротворить тыл, сведя к минимуму возможность выступления эллинских полисов против меня как поодиночке, так и в союзе с

Персией. Разумеется, перспектива открытия в Греции второго фронта меня отнюдь не прельщала.

И все же где-то в глубине души я, должно быть, сохранял наивную веру в то, что смогу заставить их полюбить меня, проникнуться величием моих планов и во имя общего прошлого и славного будущего принять в сердце если не Македонию, то меня лично.

Когда я читал эти письма, полные вкрадчивой лести, гнусного вероломства, бесстыдного интриганства, кровь в моих жилах закипала от ярости. Заговорщики рассматривали возможности отравить меня, заколоть кинжалами, забить камнями, повесить, застрелить из луков, пронзить копьями, сжечь, утопить, затоптать. Предлагалось также задушить меня ковром или удавкой, бросить в море в мешке с камнями, убить во время жертвоприношения, во сне и даже в отхожем месте, во время отправления естественных надобностей. Из многих относившихся ко мне бранных прозвищ мне особенно запомнились слова «этот зверь» и «чудовище», что, по моему глубокому убеждению, было бы более справедливо по отношению к моему коню. Гнусные эпитеты, которых удостоились мой отец, сестра и мать, я приводить не стану.

— Мои поздравления, — говорит Кратер, откладывая свитки в сторону.

Птолемей с усмешкой называет все это «попыткой осоки высечь дуб».

— По крайней мере, мы теперь знаем, кого вешать, — замечает Парменион.

Более всего меня бесит тот факт, что эллины, расположения которых я силился добиться всеми мыслимыми и немыслимыми способами, предпочли союзу со мной сговор с варваром-персом.

Зная, что он подойдет к этому вопросу практично, я показываю депеши Теламону и спрашиваю, какой именно предмет следует выбросить из моего солдатского вещевого мешка в первую очередь.

— Тот, который больше всего уязвляет тебя лично, — отвечает Теламон. — Александр, — говорит он, — неужели тебя удивляет, что они ненавидят человека, лишившего их свободы?

Я смеюсь.

— Я не знаю, зачем я держу тебя при себе.

— А как думаешь, — не унимается он, — полюбят тебя эти греки, если ты их освободишь?

Я смеюсь снова.

— Александр, они считают тебя землетрясением. Извергающимся вулканом.

— Но я еще и человек.

— Нет. От этой привилегии ты отказался, приняв венец и встав во главе народа. Быть государем — это страшная участь. Ты думаешь, что отличаешься от своих венценосных предшественников? Но почему? Власть есть власть, и она всегда предъявляет к властителю свои требования. У тебя есть враги. Ты должен действовать. И действовать тебе придется так же жестоко, как действовали другие цари, причем руководствуясь теми же самыми суровыми причинами. Парменион говорит, что невозможно быть одновременно и философом, и воином. Я добавлю: еще менее возможно быть и человеком, и царем.

Я спрашиваю Теламона, как бы он поступил с вероломными послами.

— Казнил. Причем не откладывая это ни на минуту.

— А что делать с эллинскими полисами?

— Как и раньше, ничего. Просто принять случившееся к сведению и послать Антипатру золота, чтобы хватило на набор дополнительных войск.

В конечном счете послов я прощаю: это отважные люди и патриоты, выполнявшие поручение своего народа. Но мною принято решение удержать их при себе в качестве заложников: надеюсь, это побудит их соотечественников к большей осмотрительности.

Что может быть более естественным, чем стремление заслужить добрую славу? Мы все хотим, чтобы нас любили, а завоеватель, возможно, стремится к этому даже более прочих,

ибо жаждет признания не только от современников, но и от потомства. Когда мне было восемнадцать, после победы при Херонее мой отец послал меня с Антипатром в Афины. Мы привезли пепел афинян, павших в битве, и предложили вернуть без выкупа их пленных: столь благородным жестом Филипп намеревался умерить и ужас афинян, и их озлобленность.

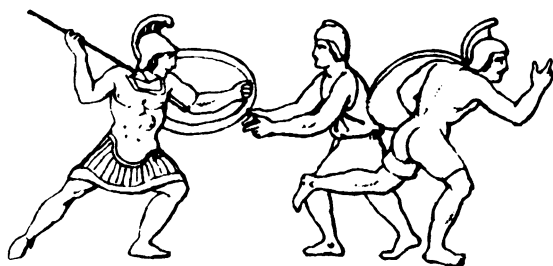
Замысел удался, Афины встретили меня как благодетеля. Я признаю, что эта удача малость вскружила мне голову. Но вечером, на пиру, я подслушал фразу о том, будто бы всем обязан лишь рождению да случайному везению. Настроение мое резко переменялось. Антипатр заметил это и отвел меня в сторонку.

— Сдается мне, маленький старый племянник (он использовал македонское выражение, означающее высшую степень дружеского расположения), что ты возвел этих афинян в сан арбитров твоих достоинств и добродетелей. Между тем для этого нет ни малейших оснований: Афины не более как небольшое государство, пекущееся исключительно о собственной выгоде. В конечном счете, Александр, о твоём характере и трудах будут судить не афиняне, сколь бы ни был славен и знаменит их город, а сама история, ибо лишь ей одной дано оценивать истину беспристрастно и объективно.

Антипатр был прав.

С того дня я решил не прикладывать ни малейших усилий для того, чтобы составить о себе хорошее мнение. Да горят они все в аду. Ты, конечно же, слышал о моей воздержанности по части пищи и плотских утех. Причина проста: я наказывал себя. Стоило мне поймать себя на желании произвести на кого-то хорошее впечатление, и я отправлялся спать без ужина. В одинокой постели. Мне пришлось пропустить много трапез и лишить себя многих маленьких радостей, прежде чем я взял этот порок под контроль. Или уверовал, что взял.

МАКСИМЫ ВОЙНЫ

Итан, ты провел, служа в моей свите, уже девять месяцев. Как думаешь, не пришло ли время появиться из чрева?

Да, ты непременно получишь назначение. Очень скоро ты поведешь людей в бой. Но не ухмыляйся так радостно: помни, что за тобой, как за человеком, обучавшимся воинскому искусству в моем шатре, я всегда буду следить с особым вниманием.

Все эти месяцы, с того момента как ты был принят на службу в Афганистане, тебе была предоставлена несравненная привилегия внимательно прислушиваться к речам полководцев, равных которым трудно сыскать в анналах истории войн. Каждый из командиров, для которых ты разрезал мясо и которым наливал вино, — Гефестион и Кратер, Пердикка, Птолемей, Селевк, Коэн, Полиперкон, Лисимах, не говоря уж о Филоте, Парменионе, Никаноре, Антигоне Одноглазом и Антипатре, которого ты не имел счастья знать, — каждый из них уже заслужил право на вечную память потомков как великий стратег и несравненный герой.

Теперь я требую от тебя той же верности, какую требую от них. Ты должен твердо усвоить все те правила и принципы, которыми руководствуется наша армия в бою. Почему? Потому что, как только начинается битва, я с того места, где буду находиться, смогу контролировать разве что действия соединения под моим непосредственным началом, да и то, в неизбежном хаосе схватки, далеко не в полной мере. Тебе, мой юный друг, придется принимать самостоятельные решения, но самостоятельные — это не значит произвольные или случайные. Они должны соответствовать моим замыслам и моей воле. Вот причина, по которой я и мои полководцы проводим ночи напролет, обсуждая стратегические вопросы, а вам, юношам, лишь готовящимся занять командные должности, дозволяется внимать этим беседам. Вот причина, по которой мы вновь и вновь возвращаемся к основополагающим принципам нашей тактики и стратегии, добиваясь, чтобы для каждого из нас они стали второй натурой.

Я попросил Эвмена, моего военного советника, скопировать мои письма, адресованные полководцам, дабы они стали доступными для изучения молодыми командирами. Эти письма должно изучать, как изучают в школе тексты поэтов или философов, но с одним существенным отличием. Ученик может расходиться во мнениях с учителем, но младший командир со старшим, подчиненный с начальником — никогда! То, что я вложил в ваши умы и руки, есть непреложный закон. Следуйте ему, и никакая сила не устоит перед вами. Но стоит вам презреть его, и мне уже не придется вмешиваться, дабы навести порядок, ибо за меня это сделает неприятель.

О ФИЛОСОФИИ ВОЙНЫ

Птолемию, в Эфес:

Всегда атакуй. Даже находясь в обороне, атакуй. Атакующий обладает инициативой и таким образом господствует над обстоятельствами. Атака придает солдатам отваги, за-

щита делает их боязливými. Если я узнаю, что мой командир занял на поле оборонительную позицию, он более не будет служить под моим началом.

Птолемею, в Египет:

Составляя планы, думай не об отдельных сражениях, а о целых кампаниях, не о ходе войны, а о ее цели и результате.

Пердикке, из Тира:

Стремись к решающему сражению. Какой прок будет нам, если мы победим в десяти стычках, не имеющих значения, но проиграем одну, стратегически важную? Я хочу сражаться в битвах, которые решают судьбы держав.

Селевку, в Египет:

Победить противника морально так же важно, как и разбить его на поле боя. Я имею в виду то, что наши победы должны сокрушать вражеский дух, дабы он не смел и помыслить о возможности противостоять нам снова. Я не имею желания вести войну за войной: за моими победами должен последовать такой мир, в котором не будет места бунтам и мятежам.

О СТРАТЕГИИ И ВЕДЕНИИ КАМПАНИИ

Коэну, в Палестину:

Цель кампании в том, чтобы навязать врагу сражение, которое окажется решающим. Мы производим обманные

действия, мы маневрируем, мы провоцируем, и все это с одной целью: вынудить противника столкнуться с нами на поле.

То, что мне нужно, это сражение: одна великая решающая битва, на которую Дарий выйдет в сиянии всей своей мощи. Помни, наша задача состоит в том, чтобы раз и навсегда сломить волю к сопротивлению, причем не только у царского войска, но и у всего народа.

Подданные персидской державы есть истинные зрители разыгрываемой драмы. Следует добиваться того, чтобы они, ошеломленные масштабами и решительностью наших побед, поверили, что никакая сила на земле, сколь бы ни была она многочисленна и сколь бы мудро ею ни руководили, не сможет взять над нами верх.

Пердикке, в Газу:

Цель преследования после победы заключается не только в том, чтобы помешать противнику быстро переформироваться и восстановить порядок (это само собой разумеется), но в том, чтобы внушить всем врагам, и прежде всего их командирам, такие страх и растерянность, чтобы сама мысль о переформировании даже не приходила им в головы. Следовательно, преследуй бегущего врага всеми средствами и не успокаивайся до тех пор, пока ад или тьма не вынудят тебя остановиться.

Противник, единожды обратившийся в беглеца, уже не сможет снова стать настоящим бойцом.

Я предпочел бы лишиться во время погони пяти сотен лошадей, лишь бы это помешало врагу переформироваться. Это лучше, чем потерять еще на пять сотен больше во время второго сражения.

Селевку, в Сирию:

Как командиры, мы должны приберегать нашу безжалостную суровость прежде всего для нас самих. Намереваясь произвести какое-либо движение, мы должны, не предаваясь тщеславию и самообману, задаться вопросом о том, чем может ответить нам противник. Задумывая любой удар, позаботься о том, чтобы иметь такого рода ответ. И помни: даже когда тебе кажется, будто ты предусмотрел все, в действительности многое остается упущенным. Будь безжалостен и суров к себе, ибо малейшая беспечность полководца оплачивается нашей собственной кровью и кровью наших соотечественников.

О ЩЕДРОСТИ

Пармениону, после Исса:

Кир Великий стремился оторвать от своего противника всех недовольных и не исполненных верности, как, например, новобранцев из покоренных народов и прочих служащих не по доброй воле, а по принуждению. С этой целью он оказывал почести армянам и гирканам и не щадил усилий, убеждая их в том, что под его рукой они будут несравненно счастливее, чем под властью Ассирии. По мысли Кира, цель победы состоит в том, чтобы оказаться более щедрым в дарах, чем противник. Если ему не доставало средств, дабы превзойти иных в щедрости, он считал это величайшим позором и всегда стремился давать больше, чем получал. Кир собирал сокровища с пониманием того, что они находятся у него как бы на доверительном хранении и предназначены не для него самого, но для друзей, когда те обратятся к нему в случае нужды.

Гефестиону, также после Исса:

Пусть щедрость станет твоим свойством. Если противник выказывает хотя бы малейшие признаки готовности принять дары, одари вдвое против ожидаемого.

Нам должно вести себя таким образом, чтобы все народы пожелали стать нашими друзьями и все боялись стать нашими врагами.

О ТАКТИКЕ, СРАЖЕНИЯХ И СОЛДАТАХ

Нет большего преимущества в войне, чем скорость. Неожиданное появление твоих сил там, где враг меньше всего тебя ожидает, наводит на него трепет и обращает его в оцепенение.

Численность армии не должна быть избыточной. Оптимальная величина боевого соединения равна тому количеству воинов, которое способно совершить марш от лагеря до лагеря в течение одного дня. Большая численность является избыточной, ибо делает армию медлительной.

Суть традиционной военной тактики сводится к достижению единственного результата: прорыва вражеского строя. Это в равной степени относится как к сухопутным, так и к морским сражениям.

Статическая оборонительная линия всегда уязвима. Достаточно прорвать ее в одной точке, и все остальные участки перестают быть элементами боевого построения. Оружие в руках стоящих там людей оказывается бесполезным, и им, по существу, не остается ничего другого, как бессильно ждать, когда их сметут их же собственные товарищи, бросившиеся в паническое бегство после нашего флангового удара.

Проявляй сдержанность до критически важного момента. Когда же он настанет, наноси удар со всей мощью, стремительностью и яростью, на какие способен.

Помни: нам нужна победа не на всем поле, а лишь в одной его точке, именно той, которая имеет решающее значение.

Каждое сражение состоит из ряда отдельных схваток различной значимости. Для меня не имеет значения поражение в одной или даже во множестве таких схваток, если мы побеждаем именно в той единственной, которая решает дело.

Фронт нашего наступления разделяется на сдерживающее крыло и атакующее крыло. Задача первого в том, чтобы сковать противника, лишив его наступательной инициативы. Задачей же второго являются решительный удар и прорыв.

Мы сосредоточиваем наши силы на избранном участке и со всей стремительностью и мощью обрушиваем удар на одну точку во вражеской линии.

Я хочу чувствовать себя так, как будто держу в руках молнию. Под таковой я подразумеваю тот нанесенный по моему приказу удар, который отбросит врага, проломит его строй. Подобно кулачному бойцу, терпеливо выжидающему, когда соперник откроется для его разящего кулака, военачальник, заранее нацелив решительный удар, не спешит, но и не медлит, дабы не обрушить его слишком рано или слишком поздно.

Контрудар предпочтительнее обычного удара. Цель предварительного маневра состоит в том, чтобы спровоцировать врага на преждевременные действия. Как только он начинает наступление, мы встречаем его контратакой.

Мы стремимся проделать во вражеском строю брешь, в которую сможет ворваться кавалерия.

Стоящий в шеренге солдат должен помнить только о двух вещах: держать строй и никогда не покидать свой штандарт.

Командир всегда должен быть впереди. Как можем мы просить наших солдат рисковать жизнью, если сами укрываемся от опасности за их спинами?

Война похожа на сухую теорию лишь на карте. На поле это буря живых чувств.

Верно выбрать позицию — это значит занять такое место, которое вынудит противника к движению. При виде неприятеля, выстроившегося в оборонительные порядки, мы первым делом должны задуматься: захватив какую позицию мы принудим его отступить?

Задача командира состоит в том, чтобы контролировать эмоции подчиненных, не позволяя им поддаваться ни страху, который сделает их трусами, ни ярости, которая обратит их в зверей.

Вступая на любую территорию, первым делом захватывай винные склады и пивоварни. Армия, лишенная хмельных напитков, склонна к недовольству и даже бунту.

Безводное пространство следует пересекать форсированным маршем, это позволяет уменьшить страдания людей и животных. Для двухдневного перехода через пустыню я разработал подходящую схему: армия выступает в поход с сумерками, марширует всю ночь, с наступлением дневной жары отдыхает в тени палаток и снова движется всю ночь. Таким образом, мы совершаем двухдневный переход за полтора дня. Если же оказывается, что к рассвету второго

дня мы все же не успели достичь цели, остаток пути можно будет проделать и при солнечном свете, воодушевляясь тем, что вода и отдых уже близко.

О КАВАЛЕРИИ

Сила кавалерии в быстроте и неожиданности. Всякого рода стратегические теории к кавалерии неприменимы.

Конь, чтобы считаться настоящим кавалерийским конем, должен быть чуточку безумным. Кавалеристу же это качество должно быть присуще в полной мере.

Сплоченность рядов, о которой чаще говорят, когда речь идет о пехоте, в действительности еще более важна для кавалерии. Пехотный боевой порядок может устоять против беспорядочной атаки любого количества всадников, но никогда не выдержит атаки сомкнутого кавалерийского строя.

Кавалерии во время атаки не стоит стремиться убить как можно больше врагов. Главное — осуществить прорыв. Сеять смерть мы сможем потом, когда вынудим противника к бегству.

Для того чтобы обучить солдата, требуется пять лет, чтобы обучить его коня — десять.

От необученной кавалерии нет никакого толку.

Что требуется от настоящего кавалерийского коня — это «порыв» или, как выражаются мастера выездки, «рети-вость».

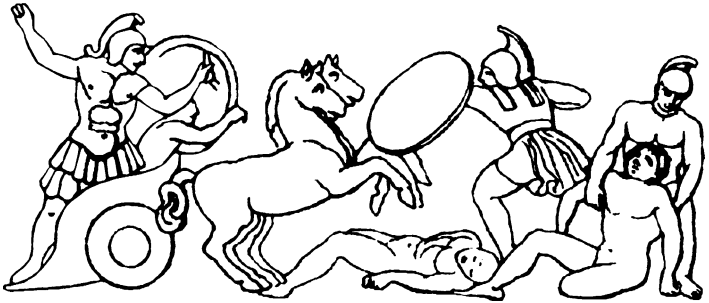
Чтобы сохранить навык ведения боевых действий в конном строю, требуется постоянная практика. Даже короткий перерыв оборачивается и для коня, и для всадника потерей их умения, что восполняется лишь с помощью упорных и долгих упражнений.

Конь кавалериста должен быть сообразительнее, чем его всадник. Но ни в коем случае нельзя допустить, чтобы конь об этом узнал.

Книга седьмая
ИНСТИНКТ УБИЙСТВА

ВОЕННЫЕ СОВЕТЫ

Чтобы собрать после Исса новую армию, Дарию понадобилось двадцать три месяца. И сперва он направил ее в Вавилон. На сей раз я приду к нему. На сей раз наш поединок состоится за Евфратом.

С тех пор как наша армия переправилась из Европы в Азию, минуло три года. За это время мы завоевали Финикию, Галилею, Месопотамскую Сирию, Тир, Сидон, Газу, Самарию, Палестину и Египет. Я стал Защитником Яхве, Мечом Ваала, Фараоном Нила. Жрецы солнца объявили меня Сыном Ра, Кормчим ладьи Осириса, Сыном Амона. Все эти почести, особенно религиозного характера, я принимаю с готовностью. Они стоят армий. Персы были слепы, когда правили Египтом, оскорбляя богов этой страны, ибо нет более верного способа возбудить к себе всеобщую ненависть. Напротив, завоеватель, признающий местных богов, завоевывает не только саму страну, но и любовь ее жителей, причем последнее достается ему без каких-либо затрат и усилий. Небеса над Мемфисом и Македонией едины, и они говорят на

том же самом языке. Тот, кто отрицает это, сколь бы он ни был учен, заслуживает лишь презрения. Бог есть Бог, в каком бы обличье ни соблаговолил Он явить себя людям. Я почитаю Его как Зевса, Амона, Яхве, Аписа, Ваала, с львиными лапами, с головой шакала, с бородой, с рогами, в виде мужчины, женщины, сфинкса, быка и девственницы. Я верю во все эти образы, а точнее, в то, что стоит за ними.

Царь, как наставлял меня мой отец, является посредником между народом и небесами. Он призывает благословение Творца, перед тем как семя отправляется в почву, и вершит ритуал благодарения при сборе урожая. Перед выступлением в поход каждой армии, отплытием каждого корабля, началом любого предприятия он приносит жертвы и просит ниспослать удачу. При любом затруднении он спрашивает у Бога знамение и истолковывает его. Если царь пребывает в милости у Небес, благодать распространяется и на его царство. Найдется ли в мире богохульник столь дерзновенный, чтобы с презрением отвергнуть благословение Всемогущего?

Тир и Газа положились на мощь своих укреплений, чем вынудили меня предпринять осаду. Сколь бессмысленная трата крови и средств! Шесть месяцев упрямства жителей Тира стоили мне потери ста девяноста славных воинов, а под Газой я потерял еще тридцать шесть человек и сто одиннадцать дней.

Дважды эти негодяи едва не лишили меня жизни: копье, выпущенное из катапульты, едва не пробило мне грудь, а сброшенный со стены камень чуть было не расколол вдребезги мой череп. Неужто какое-то злобное божество лишило их разума? Неужели они вообразили, будто я позволю себе оставить в чужих руках находящиеся в моем тылу стратегические порты, используя которые враги смогут нападать на меня с моря? Неужели им могло прийти в голову, будто я способен равнодушно двинуться дальше, не покарвав

их за строптивость, дабы показать другим, что противодействие моей воле есть вернейший путь к гибели?

Мои послы долго пытались убедить правителей Тира и Газы проявить мудрость; я направил им собственноручно подписанные письма, где заверял, что, открыв мне ворота, их города не только не лишатся своих богатств и свобод, но под моей защитой обретут новые.

Однако они упорствовали и наконец вынудили меня сделать их участь примером для иных упрямцев.

Больше всего такое бессмысленное упорство раздражает меня тем, что лишает возможности проявить великодушие. Ты понимаешь меня? Когда ты пытаешься обойтись с противником благородно, он ни в какую не желает этого понимать. Он вынуждает меня превратиться из благородного воителя в мясника — и платит за это собственной гибелью.

Поверь мне, Итан, окружающий мир, такой, каким мы его видим, есть не более чем тень, смутное отражение Мира Истинного, Мира Невидимого, сокрытого за ним. Ты спросишь: что же это за царство? Ответу: Не То, Что Есть, но То, Что Будет. Грядущее. Необходимость — вот слово, коим нарекаем мы механизм, посредством которого Бесконечное вершит свой великий труд. Бог правит в обоих мирах, явленном и неявленном, но заглянуть в Грядущее позволяет лишь сподобившимся его милости.

В Египте я ощущал себя как дома и чувствовал, что с радостью мог бы стать жрецом. Впрочем, я и есть жрец-воин, марширующий по стезе, указанной Божеством, состоящий на службе у Необходимости и Судьбы. Не думай, будто такое представление о себе свидетельствует лишь о самовлюбленности или излишнем самомнении. Посуди сам: время Персии миновало. В Невидимом Мире держава Дария уже пала. Кто же в таком случае я, как не исполнитель воли Высших Сил, осуществляющий в этом мире то, что уже состоялось в ином?

В Антиохии я устроил грандиозное празднество в честь Зевса и муз. Десять тысяч волов было принесено мною в жертву Олимпийцам, Гераклу, Беллерофону и всем богам и героям Востока, коих я просил даровать свое благословение предстоящему предприятию.

Будущему походу на Гавгамелы было суждено стать самой сложной кампанией сей долгой войны. Созвав македонцев и союзников во дворец наместника Антиохии, я попросил Пармениона подготовить доклад о тех трудностях, с которыми предстоит столкнуться армии. Этот доклад сохранился. Вот рукопись, по которой он читал:

— Дабы произвести наступление в Месопотамии, войску потребуется преодолеть, в зависимости от избранного маршрута, от шести до восьми тысяч стадиев, причем большая часть пути пройдет по безводной пустыне. При этом мы окажемся в таком отдалении от наших береговых баз, что возможность пополнять припасы морем будет полностью исключена. Все необходимое нам придется или нести с собой на спинах, или выжимать из земель, по которым проляжет наш путь. При этом следует иметь в виду, что в этих отдаленных краях у нас почти нет ни лазутчиков, ни иных сторонников.

К вопросу о численности войска... Нам придется позаботиться о пропитании и здоровье тысячах бойцов и исправности всего их снаряжения. Это не говоря о шестидесяти семи сотнях строевых и одиннадцати тысячах сменных кавалерийских лошадей. Вьючных животных наберется более пятнадцати тысяч. Помимо того, при армии скопилось множество иждивенцев — жен и наложниц, детей, родни со стороны мужей или жен... за время войны кое-кто стал таскать за собой даже бабушек. С питьевой водой будут трудности, даже когда мы дойдем до Евфрата, ибо тамошняя вода есть не более чем мутная, насыщенная илом жижа, малопригодная для питья. Еще худшей бедой обещает стать невыносимая жара. Как утверждают все донесения, летом рав-

нины к северу от Вавилона годятся только для существ с клыками или чешуей. Эта страна не раз становилась могилой для целых армий. Но мы будем вынуждены сражаться в жару, чтобы выиграть время жатвы. Покинув морское побережье весной, мы захватим с собой раннюю пшеницу и ячмень, а прибыв в Месопотамию в конце лета, застанем второй урожай молочной спелости, если поспеет раньше графика, или полностью созревший, если помешкаем. Правда, коль скоро Дарий догадается попросту сжечь эти хлеба, нам придется сражаться в аду, на пустой желудок. Вавилон находится у слияния Тигра и Евфрата, великих рек, ни одну из которых невозможно преодолеть вброд в пределах тысячи стадиев от города. Иными словами, перед нами встанет необходимость наводить мост через одну, а может быть, и через обе эти реки. Это будет не так-то просто перед лицом миллионной вражеской армии.

Долина Евфрата представляет собой зону орошаемого земледелия, где продвижение войск будет существенно затруднено бесчисленным множеством каналов и прочих ирригационных сооружений. Ну а дальше расстилается бесконечная, безликая пустыня: того, кто удалится от лагеря на десять стадиев, близкие уже никогда не увидят.

Дарий созвал в Вавилон бойцов всех народов своей державы, тех, с чьей пехотой и кавалерией мы не имели дела при Иссе. Скифы, арийцы, парфяне, бактрийцы, согдийцы и индийцы присоединились к царскому войску и сейчас, когда мы ведем эту беседу, готовятся в Вавилоне устроить нам горячий прием. Тот край является житницей державы, и житницу эту Дарий будет защищать всеми доступными ему средствами. Равнины к северу, где он и собирается дать нам бой, широки и лишены деревьев: эта местность идеально подходит для военных действий на варварский, азиатский манер. Противник пустит в ход колесницы с серпами, закованных в броню катафрактов, возможно, даже боевых слонов. Кроме того, он соберет под свои знамена всех

конных кочевников Востока — дагов, массагетов, саков, афганцев и аркозийцев. Всех тех, на чьих безбрежных равнинах пасутся неисчислимые табуны. Мне говорили, что одни лишь провинции Мидия и Гиркания способны выставить сорок тысяч всадников, возможности же степных сатрапов превосходят и это.

Парменион заканчивает свой доклад и садится. Зал, кедровая крыша которого поддерживается алебастровыми колоннами, погружается в гробовое молчание.

— Кратер, взбодри хоть ты нас!

Кратеру поручено организовать походное снабжение. Он перечисляет города, большие и малые, и даже деревни, мимо которых будет пролегать наш путь, и называет местных жителей, с которыми его люди уже договорились по поводу поставок провизии, фуража, проводников, вьючных животных, воды. Между Дамаском и Тапсаком, предполагаемым пунктом переправки через Евфрат, уже устроены расположенные на равных интервалах склады. Далее, увы, придется кормиться за счет местности.

Кратер приводит перебежчиков от Дария, торговцев, караванщиков, представителей горных племен. Они подробно описывают местность, по которой нам предстоит идти. Большинству из нас уже доводилось выслушивать такого рода рассказы, но я хочу, чтобы мои командиры послушали все это снова, все вместе. Чтобы предстоящее испытание было воспринято ими совместно.

— А как насчет вина? — спрашивает Птолемей.

Впервые за время совета слышится смех.

За снабжение армии хмельными напитками отвечает Локон, который, надо признаться, расстарался вовсю. Все, что подвержено брожению, пущено его людьми в ход. Помимо того что каждый виноградник взят на заметку, они научились варить пиво из риса и фиников и освоили местный способ производства хмельного из фисташек и пальмового сока. Пойло получается противное, но, если приспичит, мож-

но пить и его. Локон клянется Зевсом, что уж питья-то он возьмет с собой вдосталь, а если нам оно не понравится, все выхлебает сам.

Это вызывает новый взрыв смеха.

Сколько у нас наличных? Из Дамаска двадцать тысяч талантов золота, из Тира, Газы и Иерусалима еще пятнадцать тысяч, из Египта восемь тысяч. Из городов на морском побережье еще шесть тысяч.

Это в пятьдесят раз больше того, что имели мы, выступая в поход, но все равно менее одной десятой тех средств, которые может с легкостью использовать против нас Дарий.

— Насколько жарко в долине Евфрата?

— Быстрое ли течение у Тигра?

— Какими силами располагает противник?

У каждого высшего командира своя сфера ответственности и, соответственно, свои вопросы. Каждый при этом имеет помощников и советников, которые зачастую и дают ответы на прозвучавшие вопросы.

Признаться, я затеял этот совет вовсе не для ознакомления с докладами: все эти сведения мои командиры слышали раньше и услышат снова, на сотне других советов. Главное, чтобы они увидели и послушали выступления друг друга, в которых тон может оказаться важнее содержания. Особенно это касается наемников и союзников, порой чувствующих, что им, в отличие от македонцев, отводится в этом походе отнюдь не центральная роль.

Моя армия, как и любая другая, не едина, она раздираема противоречиями и завистью. Кавалерия смотрит с недоверием на пехоту, пехота — на кавалерию, старая фаланга и старые «друзья», бойцы, служившие при Филиппе, смотрят на новых людей, выслужившихся уже при мне, свысока, но в то же время с завистью, ибо считают, что молодежь пользуется большим моим благоволением.

И это только македонцы. А ведь есть еще греческие пехотинцы, служащие по принуждению и уже тем самым не

заслуживающие доверия. Другие эллины, наемники, служат по доброй воле, но что у них на уме, не возьмется сказать никто. Союзные и наемные конники внушают опасение хотя бы потому, что в отличие от пехотинцев имеют возможность в любой момент бросить армию и ускакать, куда им заблагорассудится. Фракийцы и одриссы почти не говорят по-гречески и держатся особняком, а первоклассные бойцы тяжелой кавалерии из Фессалии смотрят свысока на всех, кроме «друзей», от последних же требуют уважения, которое не всегда дается. Метатели дротиков из Фракии и Агриании, старые наемники, прибывшие с нами из Европы, не слишком жалуют новых союзников, таких недавних подданных Дария, как армяне и каппадокийцы, сирийцы и египтяне, ренегатов из Киликии и Финикии, присоединившихся к нам после Исса, и греческих наемников, первоначально служивших персам. Что уж тут говорить о коннице Пеонии и Иллирии и новой пехоте, прибывшей с Пелопоннеса.

Пусть же все эти люди послушают друг друга. Пусть посмотрят друг другу в глаза.

Я склоняю совет обсудить численное превосходство противника, и спор сближает некоторых из тех, кто раньше и вовсе не имел друг с другом дела. Из недавних соперников формируются группы единомышленников.

Парменион — наш отец; мы находим утешение в его скрупулезности, дотошности и необъятных познаниях. Язык Птолемея остр, как бритва, он способен преподнести наилучшим образом все, что угодно. А вот Кратер, будучи превосходным воином, скуп на слова, словно спартанец. Что не мешает ему пользоваться любовью солдат. Пердикку отличают бросающиеся в глаза тщеславие и надменность, но он хорошо знает свою игру. Селевк превосходит всех мужеством, Козн — хитростью, а Гефестион есть живое воплощение гомеровского героя. О себе, научившись этому от отца, я говорю мало.

Мой кивок, адресованный Лисимаху или, скажем, Симию, дает понять, что я желаю услышать их мнение по обсуждаемому вопросу. Особо интересными такие советы делают выступления младших командиров, в первую очередь таких, с кем большинство из собравшихся незнакомы. Некий Ангел, дорожный механик, описывает устройство разработанного им и его подчиненными моста. Устойчивость ему придадут не сваи или якоря (первые обременительны, вторые ненадежны), а плетеные клетки, наполненные камнями. Механик уже испытал конструкцию на Оронте и Иордане, реках с таким же илистым дном, как Тигр или Евфрат, и теперь уверяет, что за день и ночь сумеет навести переправу длиной в шестьсот локтей, способную пропускать не только людей, но и лошадей.

— Нам не придется возить с собой тяжелые сваи и громоздкие механизмы для их забивания, — поясняет Ангел. — Сколотить клетки мы всегда сможем на месте, из подручных материалов. Донесения подтверждают, что и дерево, и камни имеются там в избытке.

Я предлагаю высказаться Мениду, тысячнику наемной кавалерии, и Арету из царских копейщиков. Оба они происходят из благородных македонских семей, но данному собранию известны мало, ибо лишь недавно заняли свои посты, прибыв на замену опытным и популярным командирам. Они новички, однако именно от воли и твердости таких новичков будет во многом зависеть судьба похода.

Когда Менид, не привыкший держать речь перед столь высоким собранием, запинаясь, я встаю со своего места, усаживаюсь рядом с ним и, дабы поддержать его, наливаю ему вина, смочить пересохшее горло. В итоге кавалерист вновь обретает голос. Когда он заканчивает, Кратер поощрительно называет его «темной рукой», как принято у солдат именовать мастеров военных хитростей. Весь шатер раздражается одобрительными возгласами. Я похлопываю Менида по плечу. Он не подведет.

Наступает полночь, и я предлагаю собравшимся поздний ужин. Обсуждение между тем продолжается. Главным, при всей нашей уверенности в себе, остается вопрос о соотношении сил. Нас пятьдесят тысяч, число же врагов, как говорят, достигает миллиона. Конечно, эта цифра, которую без конца повторяют слуги и лагерные шлюхи, кажется невероятной, но тот факт, что одна лишь вражеская пехота впятеро превосходит по численности всю нашу армию, не подлежит сомнению. А конницы у врага еще больше.

Под конец, когда совет завершается, Кратер задает мне вопрос, который интересует каждого.

— Александр, что из тех средств, которые может использовать против нас враг, заботит тебя больше всего?

Я отвечаю, что у меня только одно опасение: вдруг Дарий уклонится от сражения и убежит.

Шатер ревет от восторга.

В Марафе, что в сирийской низине, ко мне прибывает гонец с письмом от Дария. Он предлагает мне земли к западу от реки Галис (во втором письме это пространство расширяется до Евфрата), десять тысяч талантов золота и руку своей дочери. Кроме того, царь просит меня вернуть ему мать, жену и сына, попавших нам в руки при Иссе.

Я отвечаю:

Твои предки вторглись в мою страну и нанесли эллинам и македонцам бедственный ущерб, хотя мы ранее не делали персам ничего дурного. Мой отец, как ты сам похвалялся в письмах, захваченных мною и обнародованных для всеобщего сведения, был убит твоими наймитами, по твоему наущению. Ты подкупаешь моих союзников, склоняя их к измене, и пытаешься стянуть моих друзей в заговоры, цель которых состоит в том, чтобы меня убить. Таким образом, эту войну затеял не я, а ты.

На поле брани я победил сначала тех, кого ты послал против меня, а потом тебя самого и всю твою армию. По-

этому обращайся ко мне не как к противнику, вторгшемуся в твои владения, а как к завоевателю, получившему их по праву войны. Если тебе что-то надо, приходи ко мне. Обратись с должной просьбой, и ты получишь не только мать, жену и детей, но все, чего пожелаешь. Но обращайся ко мне не как равный к равному, а как к Царю Царей и Владыке Азии. Если же ты не признаешь меня таковым и по-прежнему мнишь себя повелителем великой державы, выходи в поле и прими бой. Сражайся, как подобает царю, а не убегай, ибо я все равно последую за тобой, куда бы ты ни отправился.

Когда я пишу, что отдам Дарию все, о чем он попросит, это чистая правда. Я не испытываю злобы к этому человеку, а, напротив, уважаю его и готов сделать его своим другом и союзником. Он может получить от меня все, кроме своей бывшей державы.

Она моя, и ее я оставлю себе.

ПОХОД В МЕСОПОТАМИЮ

Военный термин «анабазис» означает «марш в глубь страны». Ранним летом, три года спустя после того, как армия перебралась в Азию, начинается наш анабазис, цель которого состоит в поисках Дария.

Ранним ветреным утром армия покидает расположенный на морском побережье Тир и выступает к Тапсаку, откуда мы намереваемся переправиться через Евфрат. Гефестиона с двумя отрядами конных «друзей», пятнадцатью сотнями союзной пехоты, половиной лучников и агриан, а также всеми семью сотнями конных наемников Менида я высылаю вперед. Он должен захватить этот город и навести два моста через реку, ширина которой достигает в том месте полутора тысяч локтей.

Тапсак находится в двух тысячах пятистах стадиях от Тира, так что Гефестион прибудет туда к летнему солнцестоянию. Предполагается, что наши основные силы догонят его в самый разгар знойного лета. От Тапсака до Вавилона, если следовать вдоль Евфрата, по Царскому тракту, будет еще четыре тысячи пятьсот стадиев. При такой жаре наибольшая средняя ско-

рость мара составит сто пятьдесят стадиев в день. Большее требовать от войск невозможно, да я и не собираюсь. Таким образом мы предположительно достигнем цели к концу осени. Тогда-то и состоится наша встреча с Дарием.

То, что я направил в Тапсак Гефестиона, а не Кратера или еще кого-нибудь из видных военачальников, представляет собой своего рода хитрость. Дарий и его советники наверняка решат, что это место представляет собой мою первоочередную цель, и, надо полагать, вышлют к северу от Вавилона сильный отряд, чтобы приглядеть за мной или, при возможности, даже чтобы воспрепятствовать нашей переправе. Это неплохо: если мы поведем себя разумно, нам, возможно, пусть не сразу, а со временем, удастся переманить командира этого соединения на свою сторону.

Гефестион наведет свои мосты на девять десятых ширины реки, но не станет соединять их с противоположным берегом до прибытия наших основных сил. Персы с той стороны реки, разумеется, будут всячески поносить нас, осыпая оскорблениями и бранью по-персидски, а если (скорее всего так оно и будет) в отряде окажутся греческие наемники, то и по-эллински. Но, вступая с противником в перебранку, вы тем самым начинаете с ним разговор, а обмен оскорблениями запросто может перерасти в обмен предложениями. Кто лучше Гефестиона способен обернуть такого рода обстоятельства в нашу пользу? Я предоставил ему широчайшие полномочия на ведение переговоров и заключение любого соглашения с предводителем неприятельского отряда. Гефестион доведет до сведения этого человека, что Александр (то есть я) не поскупится на награду, если с его стороны последуют дружественные действия. Или хотя бы не последует враждебных.

Путь наших основных сил, покидающих побережье спустя десять дней после Гефестиона, пролегает через находящийся в глубине материка Дамаск. Наместник провинции получил от меня приказ: собрать туда со всей Сирии всех

до единого кузнецов и оружейников. В Дамаске армия останавливается на пять дней для пополнения запасов оружия и амуниции перед броском в глубь вражеской территории.

Дамаск славится своим рынком, именуемым «terik», что значит «голубиный». Сирийцы обожествляют этих птиц, которые по этой причине развелись там в великом множестве, никого не боятся и держатся самодовольно, словно коты.

На этой «голубиной» площади происходит настоящее чудо. Один из наших десятников, желая разнообразить свой стол, не подозревая о том, что имеет дело с объектом почитания, ловит беззаботного голубя и сворачивает ему шею. Весть о том, что священный terik убит чужеземцем, мигом облетает рынок и прилегающие кварталы. А поскольку там по моему приказу собраны кузнецы и оружейники, незадачливый десятник и его товарищи оказываются в окружении множества не только разъяренных, но и хорошо вооруженных людей. Жители Дамаска требуют крови святотатцев. Назревает мятеж, который может оказаться чреват срывом всей кампании. И тут неожиданно голубь взлетает из рук нашего бойца ввысь. Он жив! Десятник разжимает пальцы, и птица, хлопая крыльями, благополучно улетает.

Народного гнева как не бывало. Тысяча сирийцев падают ниц и благодарят небеса.

От Дамаска до Омса девятьсот стадиев, что составляет шесть дней пути. Долгие, однообразные переходы порождают скуку, и солдаты становятся болтливыми, как женщины. По колоннам распространяются слухи, люди оживленно обсуждают всякого рода чудеса и знамения. Естественно, что и происшествие на рынке оказывается в центре внимания. Как следует истолковывать данное чудо? Символизирует ли спасшийся голубь Дария и означает ли это, что он вновь сумеет освободиться от хватки Александра? Либо же это

никакое не знамение, а просто чудо, совершенное кем-то из богов ради спасения нашего десятника?

Через два дня, одолев триста стадиев, мы прибываем в Амах, а следующий, пятидневный труднейший переход приводит нас в Алеппо. По пути мы получаем донесение от Гефестиона, который находится впереди, в Тапсаке. Выясняется, что Ариммас, назначенный мной наместником Месопотамской Сирии, не справился с задачей создания по маршруту движения зерновых складов, так что пополнять припасы войскам придется за Евфратом. В первый момент меня подмывает подвергнуть нерадивого чиновника примерному наказанию в назидание другим, но Гефестион, предвидя подобный порыв, в своем послании просит меня оказать этому человеку снисхождение. По его словам, Ариммас предлагал все усилия, чтобы выполнить поручение, однако масштаб задачи оказался ему не по плечу. Недостаток способностей — это не вина человека, а его беда, винить же в случившемся мне следует скорее себя: ведь это я сделал наместником человека, непригодного для столь высокой и ответственной должности.

Доводы Гефестиона убедительны. Я ограничиваюсь тем, что смещаю Ариммаса и отправляю его домой.

По счастью, в долине Оронта, где мы разбиваем лагерь, прекрасные пастбища, а из Антиохии по моему приказу нам прислали караван из семнадцати сотен мулов. Нагрузившись припасами, мы снимаемся с лагеря. Теперь наш путь лежит на восток, во владения врага. В поведении и настроении людей ощущается перемена.

Я улавливаю это, когда еду рядом с Теламоном, сбоку от походной колонны.

— Чувствуешь? — спрашиваю я его.

— Еще бы, — отвечает он. — Это страх.

Каждый стадий уводит нас в глубь материка, все дальше от наших морских портов и все ближе к сердцу вражеских

владений. Солдаты невольно оглядываются через плечо на остающуюся позади них дорогу, размышляя о том, как далеко она их завела. Далеко от надежных баз снабжения и безопасных опорных пунктов.

В Триполи, на побережье, ожидается прибытие подкрепления общей численностью в пятнадцать тысяч бойцов. Имеет ли это жизненно важное значение для успеха нашей кампании? Нет. Но то, что эти войска не присоединяются к нам ни в Дамаске, ни в Омсе, ни в Алеппо, не способствует укреплению боевого духа: многие склонны видеть в этом дурное предзнаменование.

Как в такой ситуации должен повести себя командующий? В воинских наставлениях не говорится о том, как справиться с иррациональным, бороться с неизвестным и обезоруживать беспочвенное.

Мы, как командиры, обсуждаем наши маршруты, нашу тактику и стратегию, но при этом нередко забываем о том, что солдаты делают то же самое. Они вовсе не глупы и не слепы. Они видят, как меняется местность, и имеют представление о том, куда их ведут. Все самые свежие донесения разведки живо обсуждаются в палатках и вокруг лагерных костров. Если у нас, военачальников, есть свои источники информации, то десятники и рядовые располагают своими. Им легче, чем нам, сойтись с местными жителями, они запанибрата с маркитантами, с ними, не стесняясь, распускают языки лагерные шлюхи. Стоит появиться какому-то слуху, и он тут же передается из уст в уста. Скаковая лошадь не сможет промчаться галопом вдоль колонны быстрее, чем по ней распространятся последние новости. В том числе и пугающие.

Еще через два перехода колонна прибывает в Дура-На, на то самое место, где армия Дария восемнадцать месяцев тому назад стояла лагерем перед тем, как выступила к Иссу, навстречу битве и своему поражению. До сих пор огромная

территория остается захлавленной и загаженной, а местные жители и по сей день разбирают на растопку остатки лагерного частотокола и прочих деревянных укреплений. На великих военных трактах случается наткнуться на опустевшие лагеря исчезнувших армий, но я взял себе за правило никогда не останавливаться в таких местах на ночлег. Это дурное предзнаменование. Кроме того, в данном случае я не хочу лишний раз нервировать солдат напоминанием о том, сколь малы наши силы в сравнении с полчищами врага. (Нашей армии едва ли удастся заполнить пятую часть того пространства, которое занимало неприятельское воинство.)

Но наши солдаты все равно видят это. Да и как иначе, они же не слепцы! Я чувствую, как меняется их походка.

— Сколько же тысяч проклятых персов было в этом лагере? — ворчат они на ходу. — И сколько их соберется, когда мы столкнемся с ними в следующий раз?

Я еду рысцой вдоль колонны.

— Братья, не дадите ли вы мне еще пятьдесят стадиев, перед тем как мы разобьем лагерь?

Это говорится намеренно. Нам не сравниться с врагом числом, значит, следует показать людям какое-либо другое преимущество. Оставляя позади места былых вражеских бивуаков, они, по крайней мере, будут знать, что мы маршируем увереннее и быстрее, преодолевая в два перехода расстояние, на которое персам требуется три. Однако с разъедающим души страхом так просто не справиться. В ту ночь в лагере случается происшествие, связанное с оружием, подобного которому наши люди до сих пор не видели.

В любой армии есть ловкие ребята, способные откопать сокровище из любой навозной кучи. На сей раз двое десятников из нашей фаланги, парни, взявшие за привычку подбирать все подряд, Кошель и Торба, ухитрились раздобыть персидскую серпоносную колесницу.

Похоже, какой-то местный мародер прибрал колесницу к рукам полтора года назад, во время похода Дария. Кошель с Торбой как-то прознали про редкостную добычу, столкнувались с местными, и те за вознаграждение доставили невиданную штуковину в наш лагерь.

Колесница оказывается в центре внимания. Солдаты со всего лагеря сбегаются, чтобы рассмотреть диковину.

— Клянусь Зевсом, как тебе понравится, когда против тебя попрут эта железяка...

— А серпы-то, серпы... Бриться можно.

— Ага, это точно. Вот накатит на тебя это страшилище да и сбреет ноги ниже колен.

Колесница и впрямь выглядит устрашающе: огромные, острые серповидные лезвия торчат в обе стороны от колесных осей, еще по паре закреплено на раме и на оглоблях. Мародер утверждает, что у Дария, когда тот выступил против нас восемнадцать месяцев назад, имелись сотни таких «косилок», но он оставил их здесь, по эту сторону гор, решив, что гористый рельеф Киликии не позволяет использовать их должным образом. Вот почему мы не столкнулись с ними при Иссе. Наши товарищи собираются вокруг колесницы, прикидывая, какое опустошение способна произвести сотня таких колесниц, врезавшись на полном ходу в плотный строй наших войск. Десятник Кошель, озвучивая общее мнение, говорит:

— А почему бы и нам не обзавестись несколькими сотнями таких «косилок»?

Колесницей, сколь бы она ни впечатляла, дело не ограничивается. Местные жители приносят еще одну персидскую диковину, не столь грозную с виду, но на деле не менее опасную. Это так называемая «птичья лапа»: четыре железных шипа, насаженных на одну ось таким образом, что, как бы ни была брошена «лапа», один шип непременно торчит вверх. Такими «лапами», предназначенными против кавалерии,

Дарий намеревался засеять поле перед прошлой битвой и, несомненно, постарается сделать это перед будущей.

Выступив из Дура-На, мы в три дня преодолеваем сорок пять стадиев и второго гекатомбиона, прибываем на берег Евфрата, в город Тапсак. Лето в разгаре. Над заречной равниной висит пелена дыма: передовые отряды персов, бешено проносясь вдоль реки, поджигают траву. Сам же Дарий, как выясняется, остается в Вавилоне, более чем в четырех тысячах стадиев к югу. Он продолжает наращивать свои силы, и теперь совокупная численность его войск составляет миллион двести тысяч человек.

Но такое численное превосходство, по сути нелепое и неспособное к слаженным действиям, не может не вызывать страх в сердцах тех, кто должен противостоять этой чудовищной массе. Обходя лагерь пешком, я подхожу к нашему другу Дерюжной Торбе. Он сидит на корточках в пыли в окружении своих товарищей и чертит прутом схему.

— Ты тоже мастер своего дела, десятник?

Он рисует линию, обозначающую миллион воинов. Как широк фронт? Как глубок? Разве такое количество возможно?

— Царь, — спрашивают меня люди, — мы что, и вправду собираемся выступить против такого множества людей?

— Против куда большего, если посчитать не только солдат, но торговцев, слуг да поваров со шлюхами.

— Неужели ты не боишься?

— Боялся бы, будь я на месте Дария, в ожидании столкновения с нами.

Персы выслали на север, впереди своей армии, два конных отряда. Один, трехтысячный, ведет кузен Дария Сатропат, другой, из шести тысяч, возглавляет Мазей, наместник Вавилонии. Их задача состоит в том, чтобы опустошить местность, по которой нам предстоит наступать, и по возможности препятствовать всем нашим попыткам переправиться через реку. Я узнаю об этом от Гефестиона, который, как я и надеялся, уже вступил с Мазеем в переговоры.

Интересный он малый, этот Мазей. И очень себе на уме. Будучи чистокровным персом из знатного, близкого к престолу дома, он в течение тридцати лет управлял провинциями, сначала Киликией, а потом, как верховный сатрап, Киликией, Финикией и обеими Сириями. Назначение в Вавилонию Мазей получил не от Дария, а от его предшественника, Артаксеркса Оха, но за время пребывания в должности так врос корнями в полулегальную, купеческую и ростовщическую среду великого города, что его невозможно было убрать, не разрушив тем самым все хозяйство провинции. Во всей державе Дария нет частного лица богаче Мазея. В его конюшнях стоят восемьсот жеребцов и шестнадцать тысяч кобыл. По слухам, он отец тысячи сыновей. В Вавилоне самым большим нерелигиозным праздником в году являются Мазейды, когда хозяин угощает жарким десятки тысяч горожан и распределяет зерно в таких количествах, что множество семей живет за счет этого целый год. Мазей толст, разъезжает не на изящных кавалерийских скакунах, а на громоздких битюгах и ничего не имеет против того, чтобы над ним подшучивали. Говорят, будто каждый год, в день своего праздника, он выходит на сцену в женском наряде и поет, причем выдает такие трели и рулады, что не знающие его люди и впрямь верят, что перед ними выступает женщина.

Отступив перед нашими силами, Мазей предоставил нам возможность захватить нескольких пленных, подтвердивших, что численность армии Дария состоит из одного миллиона двухсот тысяч. Гефестион наводит последние пролеты понтонных мостов, и за пять дней вся наша армия переправляется на противоположный берег. Здесь, на равнине, я даю войскам четыре дня отдыха и жду, когда подтянутся вечно отстающие тяжелые обозы.

Теперь перед нами встает необходимость выбрать наилучший путь к Вавилону. Стоит ли нам идти на юг, вниз по

течению Евфрата, или предпочтительнее совершить марш на восток, к Тигру, и повернуть на юг уже оттуда? Я созываю совет.

Основной темой разговоров является огромная численность неприятельской армии. Похоже, в армии только об этом и толкуют: даже мои полководцы и те встревожены. Из-за общей нервозности на поверхность всплывают старые, вроде бы позабытые раздоры. Срывая раздражение, старые боевые товарищи огрызаются друг на друга.

Как командовать в такой обстановке? Добиваться общего согласия? Я скажу: если ты командир, тебе следует выслушивать, взвешивать и оценивать все мнения, но решение должен принимать ты сам. Ты оказался на распутье? Выбери один путь и больше уже не оглядывайся. Нет ничего хуже нерешительности. Ты можешь ошибиться, но не вправе колебаться. Угодить всем ты все равно не сможешь, и не пытайся. Люди вечно чем-нибудь недовольны. Поход всегда тянется слишком долго, дорога всегда слишком трудна. Но по-настоящему разлагают армию не испытания, а рутина. Поставь перед своими людьми такую задачу, которая покажется невыполнимой, а когда придет время взглянуть в лицо опасности, сделай это первым. Спартанский военачальник Лисандр проводил отличие между отвагой и дерзостью. Отвагой, чтобы задумать удар, и дерзостью, даже толикой безумия, чтобы его осуществить.

Итак, решения должно принимать твердо. Но на какой основе? Чем при этом руководствоваться? Логикой. Мой наставник Аристотель мог классифицировать и систематизировать все существующее в мире, но не мог найти дорогу на деревенскую площадь. Для принятия верного решения одного рассудка недостаточно: подсказку следует искать глубже. Фракийцы из Вифинии не считают принятое на совете решение верным до тех пор, пока не подтвердят его на пиру, напившись допьяна. Они знают то, чего не знаем

мы. Лев никогда не принимает неверного решения. Руководит ли им разум? Философствует ли орел?

Разум или логика — это два названия одного предрассудка.

Копай глубже, мой юный друг. Коснись даймона. Верю ли я в вещие знаки и предзнаменования? Я верю в Невидимое. Я верю в Неявленное, в То, Чему Быть. Великие полководцы не избирают для себя мерилom не Сущее, но Должное, не Свершившееся, но Возможное.

БЫСТРЫЙ, КАК СТРЕЛА

Мы направляемся к Тигру.

Это решение вполне можно оправдать весьма здравыми тактическими соображениями, но, по правде говоря, я принял его из-за приснившегося мне сна. Бог Страха является мне в облике пантеры, зверя настолько черного, словно шкура его есть сама ночь. Я ищу его в непроглядной тьме, ибо во сне исполнен уверенности в том, что обязан настичь зверя и узнать от него нечто важное. Ни факела, ни какого-либо оружия у меня нет, ибо, упорно ища черную пантеру в черной ночи, я в то же время отчаянно боюсь наткнуться на хищника и быть растерзанным безжалостными клыками и когтями.

Я просыпаюсь дрожа, в холодном поту.

При моей ставке помимо нашего собственного прорицателя Аристандра состоят два египетских жреца. Я пересказываю свой сон им всем, каждому по отдельности. Оба египтянина заявляют, что под пантерой следует понимать Дария, и объясняют мое беспокойство вполне естественными причинами, тем, что в последнее время наши разведчики доставляют слиш-

ком мало сведений о противнике. Сон, таким образом, указывает на эту, вполне понятную, озабоченность.

Аристандр, не потрудившись дать какое-либо истолкование образу пантеры, первым делом интересуется, в каком направлении уходили следы зверя.

Мы направляемся на восток.

Этот зверь не Дарий. Этот зверь — Страх.

От Тапсака до Тигра почти три тысячи стадиев. Почему я избрал этот маршрут? Мои командиры в большинстве своем ожидали, что мы выступим прямо на юг, вдоль Евфрата. Тот путь явно легче, ибо армия могла бы двигаться прямо по Царскому тракту и добраться до Вавилона за месяц, самое большее за полтора. Именно этим путем следовал Кир Великий, когда воевал со своим братом, Артаксерксом Вторым. Плохо ли: река под боком, орошаемые поля позволяют собирать фураж, да и припасы можно не тащить по суше, а сплавлять на баржах вниз по течению. Преимущества этого пути очевидны, однако Дарий ждет от меня именно такого решения. Он хочет, чтоб я последовал вдоль Евфрата: это явствует из того, что попытка помешать мне представляла собой одну видимость. Силы Мазея и Сатропата были слишком малы, и, даже поджигая равнину на нашем предполагаемом пути, их люди не сильно усердствовали.

Но если противник пытается выманить меня на дорогу вдоль Евфрата, не приходится сомневаться в том, что на Царском тракте для нас заготовлены ловушки. Нет сомнений, что его советники подготовили вдоль этого пути несколько мест, где можно дать бой, используя все преимущества великой персидской армии. При этом войска Дария сохраняют связь с Вавилоном, главным своим опорным пунктом, а река и дорога позволяют персам легко и в любом количестве перебрасывать припасы и подкрепления куда потребуется.

Я не могу избрать этот путь. Помимо всего прочего, Царский тракт пролегает через самую жаркую часть стра-

ны — полоса орошаемой земли вплотную прилегает к иссушенной палящим зноем пустыне. Местность близ тракта пересекается множеством оросительных каналов, каковые легко превратить в оборонительные рубежи. Противник может затопить поля, чтобы мы увязли в трясине, и, зная местность, беспрестанно устраивать засады и атаковать нас с флангов и тыла. Зерно уже убрано, осталось только жнивье. Урожай укрыт за стенами городов, и, чтобы добыть его, мы должны останавливаться и затевать осады. Вина на этом пути тоже не раздобудешь, нам придется обходиться теми напитками, которые мы возем с собой. И ко всему этому следует добавить изнуряющую жару. Двигаясь тем путем, мы потеряем каждого пятого человека, не говоря уж о лошадях. Тех, кого не свалит жара, доконает вонючая речная вода.

Кроме того, из Македонии ко мне отправлено подкрепление в пятнадцать тысяч человек. Если мы пойдем прямо на юг вдоль Евфрата, они доберутся до места слишком поздно. Зато при выборе другого, более продолжительного маршрута у них появляется возможность нас нагнать.

Но главное, это все же стратегия. Маршируя вдоль Евфрата, мы тем самым отнюдь не побуждаем противника к движению. Дарий сможет оставаться на месте, в Вавилоне, а его войска будут поджидать нас на полях, заранее подготовленных для того, чтобы по ним с громоханием пронеслись его смертоносные колесницы.

Итак, я направляюсь не на юг, а на восток. В сторону от Вавилона, к подножиям Армянской Тавриды. Кавалерия Гепестиона рассеивает разведчиков Мазея, сбивая их с нашего следа. Пусть Дарий потеряет мою армию. Пусть ломает голову над тем, куда мог подеваться Александр. Наша колонна следует по Высокой дороге, старому военному тракту. На высоте прохладнее, здесь даже зеленеет трава, которую на равнинах зной давно превратил в солому. Зерно последнего урожая собрано в амбары лишенных укреплений селений, так что мы захватываем его с легкостью. Да и пьем

мы не илистую речную жижу, а чистую, сладкую воду из горных источников. Существует ли опасность того, что Дарий зайдет нам в тыл? Да, подобный риск исключать нельзя. Однако для этого он должен отделить от своих основных сил корпус, достаточно многочисленный, чтобы противостоять всей нашей армии (ибо, возможно, я как раз и хочу заманить такой корпус на север, с целью его уничтожения), причем действовать этому корпусу придется в тысячах стадиев от ставки и тыловой базы. Едва ли Дарий решится дробить свою армию и испытывать судьбу таким образом. Так пусть же он сидит в Вавилоне и нервничает, гадая, куда я направился. Пусть ломает голову над тем, откуда следует ждать моего появления. Пусть его чванливые полководцы досаждают ему своей тревогой. Пусть он устраивает нескончаемые военные советы, где нетерпеливые командиры будут подталкивать его к дерзким и энергичным действиям. На войне нет ничего труднее, чем твердо удерживать занятую позицию и ждать. Уверен, у Дария, особенно после поражения и бегства при Иссе, не хватит для этого терпения. Да и его воинственные всадники, представители знати и вожди племенных ополчений, не позволят ему стоять на месте. В конечном счете Дарий оставит Вавилон. Он отправится на север, на поиски моей армии, а это именно то, что мне нужно. Ибо с каждым лишним стадием, отделяющим персидское войско от Вавилона, вероятность того, что дела его пойдут наперекосяк, будет неуклонно возрастать.

Мне между тем спешить некуда. Я попридержу свои фланги и тыл, не дам отставать обозам и предоставлю подкреплениям возможность догнать главные силы. Кавалерийские кони получают возможность пощипать свежей, зеленой травы, вьючные животные вдоволь напьются чистой воды из горных ручьев. Мои фуражиры обдерут окрестности как липку, а мои войска будут заниматься боевой подготовкой. Если сражение не состоится до зимы, ну что ж, пусть так и будет. Все это время мне нужно будет кормить всего пятьдесят тысяч человек, тогда как Дарию — более миллиона.

Таким в общих чертах мой план остается до тех пор, пока на двадцать первый день нашего марша примчавшиеся галопом разведчики не извещают меня о том, что Дарий покинул Вавилон. По донесениям всадников из наших передовых разъездов, он переправился через Тигр и теперь со всеми своими силами напористо движется на север так, чтобы река, получившая свое имя из-за стремительного течения («tigris» по-персидски означает «стрела»), пролегла между ним и нами как линия обороны. Когда поступает это донесение, мы находимся на расстоянии более тысячи двухсот стадиев от ближайшей переправы. Я немедленно отдаю приказ избавить марширующие колонны от любого груза, кроме оружия. Загляни в дневники похода, мой друг, и ты увидишь, какой темп мы смогли набрать. Двести семьдесят стадиев за переход, триста десять, триста, триста сорок... За четыре дня мы добираемся до брода и переправляемся на тот берег, пока Дарий находится в тысяче стадиев к югу. В истории войн ни одна армия не преодолевала такого большого расстояния за столь малое время.

Правда, следует признать, что этот форсированный марш выжал из нас все соки. Особенно трудной оказывается переправа через Тигр: глубина у брода по грудь взрослому мужчине, а вода несетя со скоростью скачущего галопом коня. Нам приходится растянуть через реку две линии кавалерии, одну выше, другую чуть ниже по течению, связать всадников друг с другом веревками и пустить пехоту между этими двумя колоннами. Всадники, стоящие выше по течению, выполняют роль волнолома, слегка смягчая напор реки, в то время как нижние образуют живую стену, чтобы ловить людей и оружие, когда их сносит течением. На переправу всей армии уходит сорок восемь мучительных часов, и на том берегу солдаты оказываются измученными и вымотанными сверх всякой меры. А в таком состоянии люди более всего склонны поддаваться пугающим слухам.

Между тем вражеская кавалерия поджигает степь на нашем пути. Землю на многие стадии вперед устилает пе-

пел, дымные облака скрывают солнце. По ночам горизонт озаряют бесчисленные огни.

Нечто подобное я видел во сне.

Воины начинают видеть знаки и знамения в самых обычных явлениях. Ворон, кружащий в небе, змея, извивающаяся в пыли, — все это создает плодотворную почву для самых невероятных догадок и предположений. Стоит кому-нибудь малому вскрикнуть во сне, и весь лагерь оказывается в состоянии, близком к истерике, ну а уж рождение у козы трехрогого козленка доморощенные лагерные пророки объявляют верным предзнаменованием скорой и ужасной гибели.

Разведчики в поисках воды находят пруд, жидкость в котором под воздействием солнца воспламеняется. Все в панике, как будто никто не слышал о нефти, черном, горячем соке земли. Жрецы и прорицатели, состоящие при армии, целыми днями только и делают, что пытаются развеять предубеждения и дать происходящему правильное истолкование.

Армия заражена страхом. Иррациональным, необъяснимым, неистребимым. Я удваиваю число передовых патрулей и утраиваю их награды. Через некоторое время нас нагоняет обоз, оставленный нами позади, чтобы увеличить скорость движения. Он находится по ту сторону реки, но наш молодой механик Ангел, хоть и не без труда, наводит понтонную переправу через Тигр, и мы спешно переправляем тяжелый груз на наш берег.

Где же противник?

Наконец начинают появляться первые дезертиры из его лагеря. Разведчики приводят их связанными и с повязками на глазах — недовольных наемников на краденых лошадях, маркитантов, которых надули при расчете за товары, женщин, претерпевших насилие. Порядок предписывает держать этих беглецов особняком, чтобы дикие слухи не захлестнули лагерь. Самые нелепые рассказы распространяются как

пожар. Войско противника составляет уже не миллион бойцов. У него два миллиона. Три.

Один беглец утверждает, что пересек равнину близ Описа после того, как по ней прошла кавалерия Дария, и божится, что земля пропахла конским навозом на четыреста стадиев. Житель Багдада заявляет, что с его провинции затребовали тысячу волов, которых воины Дария сожрали в один присест, причем предназначалось это мясо только для командиров.

На марше наша пехота разбивается на группы из восьми человек, которые связывают вместе свои сариссы. Эти связки по очереди несут по двое дежурные, которых называют «носильщиками». Обычно «носильщики» смеются или чертыхаются, но сейчас все идет молча, без шуток и даже без ворчания. В некоторых подразделениях даже не назначают «носильщиков»: каждый, угрюмо уставясь в землю, волочит ноги, держа на плече длиннющую пику. В такие моменты ситуация угрожает выйти из-под контроля, и в то же время появляется искушение перестать думать и положиться на судьбу. Подобным настроениям надлежит противиться во что бы то ни стало.

Я терпеть не могу проводить инспекции. Но сейчас общая проверка необходима, чтобы успокоить людей и убедить их, что армия не испытывает нехватки ни в чем, даже в таких мелочах, как точильные камни, древки копий или ремни.

Во время обхода я разворачиваю десятника, несущего свой шлем в руках.

— Положи его в торбу, болван!

Меня заботит все: уксус для очистки воды, сало, чтобы смазывать ступни. Клянусь Зевсом, если я услышу о том, что солдат не может идти из-за того, что стер ноги, я заставляю его ползти, подтягиваясь на руках.

Теперь я провожу совещания с высшими командирами по три раза в день, а спать ложусь два раза в сутки: на два часа днем и на час ночью. Буцефал стоит наготове возле моего шатра, а мой конюх Эвагор держит все мое боевое снаряжение под рукой. В сложившихся обстоятельствах

основная моя роль сводится к тому, чтобы внушать солдатам уверенность. Стоит мне появиться, и люди не сводят с меня глаз. Я изгоняю страх, и благодаря моим усилиям страх отступает. Две ночи подряд после проведения всесторонней проверки я разъезжаю вдоль строя, оставаясь на виду у людей. Кажется, мне удастся поднять их дух, но тут, как назло, тьма сгущается и луна исчезает с неба. Затмение.

— Только этого нам и не хватало! — бушует Кратер, видя, как ветераны двадцати кампаний жмутся в кучки, уставившись на небо и суеверно бормоча какие-то вздорные заклятия. Следует ли нам, уподобляясь школьным наставникам, распинаться перед солдатами, разъясняя им особенности астрономических корреляций луны и солнца?

— Приведите этих египетских дармоедов! — орет Кратер, имея в виду жрецов-прорицателей. — Клянусь гривой Аида, им лучше состряпать для всего этого какое-нибудь подходящее объяснение!

Египтяне понимают, насколько серьезно он настроен, и действительно что-то придумывают. Что именно, я уже не помню. Какую-то бредятину насчет того, что персы — это луна, а мы — солнце. Объяснение так себе, но страх оно приглушает. На время.

— Лучше бы им не застаиваться, в движении в голову лезет меньше глупостей, — указывает Теламон.

Я с ним согласен. Движение ускоряется.

Пот, скорость, действие — вот наилучшие противоядия против страха.

Но на сей раз они не срабатывают. В шестистах стадиях к югу, на скрещении торговых путей у местечка, именуемого Арбелы, разведчики обнаружили базовый лагерь персов. Как доносят патрули, армия Дария уже покинула его и ушла на двести стадиев дальше, за реку, именуемую Лик — Волчья река. Там простирается обширная равнина, известная под названием Гавгамелы. Персы подготавливают почву. У них две сотни серпоносных колесниц и пятнадцать индийских боевых слонов.

Разведчиков, прибывших с этими донесениями, я помещаю под домашний арест с приказом не выпускать даже помочиться: делается все, чтобы предотвратить распространение способных породить панику слухов. Однако, несмотря на все меры, они все равно просачиваются.

Армия напугана затмением и вымотана этой вонючей пустыней. Впечатление такое, будто мы пересекаем гигантскую раскаленную жаровню. Нет ничего живого. Люди начинают задумываться о том, уж не забрели ли мы в ад. Над Гавгамелами высится холм, именуемый Телл-Гомел, или «Верблюжий горб». Наши войска размышляют над этим названием, пытаются истолковать его значение. Несет ли оно нам удачу? Предвещает ли погибель?

Я спрашиваю Теламона, чего, по его мнению, боятся люди.

— Ты сам знаешь, — говорит он.

Но я не знаю.

— Успеха.

Как это может быть?

— С ним сопряжено неизведанное, — продолжает мой ментор. — Ибо, достигнув этой победы, наши силы окажутся там, где не бывала ни одна армия во всей истории. Люди страшатся этого, страшатся неведомого. А тебя, Александр, провозгласят...

Черный Клигт подъезжает и останавливается рядом, с ухмылкой глядя на невозмутимого Теламона.

— О каких диких фантазиях, — осведомляется он, — ведет речи наш философ сегодня?

Я улыбаюсь:

— Он предсказывает победу.

— Для этого нет нужды быть философом! — смеется Клигт и уносится прочь.

Колонна продолжает путь. Небо впереди и позади нас затянуто черным дымом устроенных противником пожаров. Воздух полон запахом гари, повсюду зола и сажа. Горы к востоку скрылись во мраке. И из-за этой сумрачной завесы доносятся пугающие звуки. Мы слышим перестук призрач-

ных копыт, слышим странные, нечеловеческие голоса. Здесь даже сама почва коварна и непредсказуема. Топнув посильнее, ты пробиваешь спекшуюся корку, и наружу бьет фонтан едкого соляного раствора. Подобные струи попадают в лицо: губы у людей трескаются, щеки покрывает белесый соляной налет. Из-под конских копыт взмывается тяжелая сероватая пыль, которая поднимается до пояса человека. Колонна тащится сквозь это пыльное облако. И наконец, на второй день пополудни случается то, чего страшатся все командиры.

Паника.

С колонной происходит что-то странное. Что именно, никто не знает. По одному, по двое солдаты отделяются от своих товарищей и обнажают оружие. Еще несколько мгновений, и они в ужасе и остервенении набросятся друг на друга.

— Колонна, стой!

Прежде чем армия останавливается, проходит вечность. Но она останавливается.

— Оружие на землю! — звучит следующий приказ. И снова время едва движется: приказ должен пройти по всему растянувшемуся на стадии походному строю. Наконец последний солдат кладет оружие на землю у своих ног.

Армия приходит в себя.

В ту ночь мы разбиваем лагерь на безликой равнине. С наступлением сумерек с гор спускается туман, а поскольку в воздухе и без того висит пепел, видимость никудашная. Зрение подводит людей, играя с ними дурные шутки. В результате во время второй стражи возникает новая паника. Огни в небе ошибочно принимают за костры врага. Они выглядят настоящими — их тысячи и тысячи. Признаюсь, даже я не сразу разобрался, в чем дело. Чтобы успокоить лагерь, понадобился не один час.

Боги посылают ветер, на двадцать минут небо расчищается, но радоваться рано: следом за этим начинается пыльная буря. В лагере воцаряется хаос. Весь следующий день мы

бредем под сильнейшим ветром, укутавшись по глаза, в то время как песок, подобно пемзе, обдирает каждую поверхность и оседает в каждой выемке. Именно тогда я в первый раз слышу от моих солдат сетования, которые преследуют меня по сей день:

— Мы зашли слишком далеко, проделали слишком длинный путь, одержали слишком много побед, и теперь небеса отвернулись от нас. Нам страшно, и мы хотим вернуться домой.

Следующая ночь. Пыльная буря утихает так же неожиданно, как и началась. Разведчики докладывают о настоящих персидских кострах. До них один день пути. Я переформирую колонну из маршевой в готовую к атаке. Теперь ширина нашего фронта составляет пять стадиев. Кавалерийские разъезды рыщут по всем направлениям.

Полдень четвертого дня. Равнина Гавгамелы находится в нескольких стадиях впереди, за грядой пологих холмов. Суждено ли ей стать тем самым местом, которое определит нашу судьбу?

Я еду вперед с Черным Клитом и царскими «друзьями», аполлонийцами Главка (он заменил Сократа Рыжебородого, оставшегося в Дамаске на лечение) и отрядом пеонийских разведчиков под началом Аристана.

Персидские конные патрули при нашем приближении отступают. По правую руку от нас виден протекающий за пыльной равниной Тигр. Здесь он шире. Газели, испуганные нашим приближением, мчатся прочь, скрываясь в овраге.

Мы поднимаемся на гряде холмов. Достигнув гребня, трое наших солдат подают сигнал «Враг» и указывают копьями на юго-восток.

Мы взбираемся на вершину и действительно видим неприятеля.

— Клянусь алебастровыми яйцами Геракла! — восклицает Клит.

Персидский фронт простирается на тридцать пять стадиев. Его глубина вдвое больше. Один лишь обоз тянется, насколько может объять взгляд. Он выглядит как город. Нет, десять городов. Отряды вражеских разведчиков галопом скачут к центру лагеря, наверняка туда, где находится командный пункт Дария, чтобы доложить о нашем приближении. Различные отряды противника маневрируют перед основной массой войск, готовясь к скорому сражению.

Равнина разглажена, как беговая дорожка, размеченная разнообразными геометрическими азимутами.

— Смотри, — говорит Гефестион, — это проходы, которые механики Дария расчистили для его серпоносных колесниц. Видишь их? Три. Один, судя по ширине, рассчитан на пятьдесят повозок; второй — на сто; третий, левый, тоже на пятьдесят.

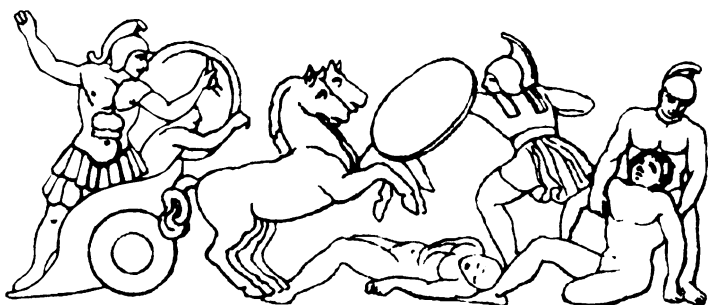
Противник воздвиг даже передвижные башни, с которых, как только мы перейдем в наступление, нас будут обстреливать из луков и мечущих копьа катапульта.

— Эти ублюдки выпотрошили всю свою кладовку, — замечает, присвистнув, Черный Клинт.

Я веду армию сквозь гряду холмов, которую местные жители прозвали «Αροῦσκ» — «Полумесяц». Мы располагаемся в боевом порядке.

В первый раз наши солдаты видят врага. Масштаб азиатского воинства ошеломляет. Оно слишком огромно, чтобы возбуждать обычный страх. Реакция может быть только одна: трепет. Мы во все глаза таращимся на персидские полчища, и даже я не в состоянии до конца поверить тому, что открылось моему взору.

МАТЕРИАЛ СЕРДЦА

Ты спрашиваешь: сколько времени потребовалось, чтобы разработать план сражения при Гавгамелах?

Я спланировал эту битву в семь лет. Тысячу раз разыгрывалась она перед моим мысленным взором. В своих снах я видел эту равнину, представлял себе боевые порядки Дария. В своем воображении я вел эту битву всю мою жизнь. Оставалось только воплотить ее наяву.

Один день уходит у нас на то, чтобы укрепить лагерь и подтянуть тяжелый обоз. Дарий стоит на месте. Когда я с тремя конными отрядами объезжаю поле, производя разведку местности, он мне не мешает.

Наступает ночь. Я созываю военный совет. И на сей раз сам беру слово.

— Друзья мои, мы наконец увидели диспозицию противника. Это хорошо. На сегодняшний день у нас есть уверенность по трем вопросам, по которым вчера ее еще не было. Давайте рассмотрим их подробнее.

Ничто так не успокаивает людей, которым предстоит столкнуться с колоссальной угрозой или преодолеть грандиозные препятствия, как простое перечисление фактов. Чем больше страха внушает действительность, тем более прямо и обыденно надлежит ее рассматривать.

— Первое: Персидский фронт почти целиком состоит из кавалерии. Мы все видим широкие дороги, подготовленные противником для своих серпоносных колесниц. Скорее всего, Дарий планирует бросить их навстречу нашему наступающему войску. Этим ситуация отличается от имевшей место в сражениях при Иссе и Гранике, где противник ограничивался обороной. Итак, первое: неприятель не станет спокойно дожидаться нашей атаки. Он намеревается атаковать сам.

На совете присутствуют сто семнадцать человек, все до единого командиры отдельных подразделений. Ночи в пустыне, даже в летнюю пору, стоят холодные, однако я приказываю поднять пологи шатра. Солдаты должны видеть, что их военачальники заняты делом. В считанные минуты тысячи воинов замыкают наш шатер в кольцо, настолько плотное, что ощущается терпкий запах их пота и пар от их дыхания.

— Второе: ширина неприятельского фронта такова, что он с избытком перекрывает нашу атакующую линию с обоих флангов. Это говорит о том, в какой манере будет атаковать Дарий. Он попытается произвести двойное окружение. Его кавалерия постарается обойти нас с обоих флангов, в то время как с фронта на нас обрушатся сперва серпоносные колесницы, а за ними следом обычная конница. Мы должны иметь это в виду и заранее подготовить ответ. Третье, и самое существенное, о чем надлежит подумать, — это настрой наших войск. Кавалерия противника, по всем прикидкам, составляет самое меньшее тридцать пять тысяч всадников. Наша — семь тысяч. О том, какова численность персидской и союзной пехоты, мы можем только гадать. Наши

подкрепления еще не подошли. Солдаты боятся. Даже «друзья» не демонстрируют своего обычного рвеня.

— Это все, Александр? — спрашивает Пердикка.

Шатер взрывается смехом. Но это тревожный смех.

— О нет, — говорю я, — мы забыли упомянуть о боевых слонах Дария.

Смех замирает.

— Вот и все, друзья мои, о чем мне хотелось поговорить на этом совете. Может быть, я что-то упустил? Может быть, кто-то хочет что-то добавить?

Мы начинаем.

Материал, которым оперирует полководец, это человеческое сердце. Его искусство состоит в том, чтобы пробудить отвагу в своих солдатах и навести ужас на врага.

Военачальник пробуждает отвагу с помощью дисциплины, боевого обучения, физической подготовки, справедливости, поддержания порядка, щедрого жалованья, мудрой тактики, хорошего оружия, снаряжения, снабжения, продуманной диспозиции на поле и, несомненно, гения собственного присутствия.

Выверенная диспозиция способствует пробуждению отваги, тогда как ошибочное боевое построение может обратить в трусов даже храбрецов.

Вот основное наступательное построение.

ОСТРИЕ АТАКИ

КРЫЛО

КРЫЛО

Иначе говоря, клин. Или, если угодно, ромб:

ОСТРИЕ

КРЫЛО

КРЫЛО

ТЫЛ

Клинья и ромбы — это построения, наиболее подходящие для завязывания боя. Его элементы обеспечивают взаимную поддержку; крылья поддерживают острие, тыл подпирает крылья. Солдаты в клиньях и ромбах всегда на виду у своих товарищей. Они не имеют возможности укрыться, а струсить на глазах у всех означает покрыть себя несмываемым позором. Но самое разумное использование клиньев состоит в том, чтобы распределить их вдоль всей линии атаки. Именно это я и рекомендую своим командирам на совете сейчас, накануне битвы.

ОСТРИЕ

ОСТРИЕ

ОСТРИЕ

КРЫЛО

КРЫЛО

КРЫЛО

КРЫЛО

Почему войска при такой расстановке, как правило, сражаются доблестно? Я напоминаю об этом своим командирам, хотя они уже проверили данную тактику в действии — на двух континентах и на сотне полей сражений.

— Солдаты на острие атаки храбро идут вперед, ибо знают, что их всегда поддержат товарищи, стоящие на крыльях. Они уверены в том, что обойти их с флангов и тем более окружить невозможно. Кроме того, хотя они знают, что нанести удар первыми предстоит именно им, их товарищи следуют за ними и скоро тоже ринутся в схватку. Им известно, что, если прорыв не удастся и отпор окажется слишком силен, они всегда смогут отойти и будут поддержаны всей мощью фронта. Что же до отрядов второго ряда, то по мере приближения к противнику их страх умеряется, ибо они видят, как передовые шеренги принимают на себя главный удар, тогда как сами они на данном этапе остаются вне опасности. Но самое главное, друзья мои, в том, что *отвага товарищей воспламеняет их сердца*. Дело в том, что солдат не является таковым в полной мере до тех пор, пока,

видя, как его товарищи устремляются на врага, не исполняется решимости последовать их примеру. «Клянусь адским пламенем, я докажу, что не менее достоин!» — восклицает он. Если солдат и испытывает робость, она подавляется чувством стыда: он не может допустить, чтобы по его вине его отряд выглядел бледно по сравнению с соседними. Таким образом, преобладающими чувствами, которые движут воином в бою, становятся дух соперничества, гордость и честь. Для меня, братья, это незыблемый постулат веры. Я верю в то, что солдата, становящегося свидетелем самоотверженности товарища, его собственная благородная натура побуждает к подражанию той же высокой добродетели. Добиться такого результата невозможно ни речами и уговорами, ни посулами и наградами, для этого нужен живой пример беззаветной отваги. Вот почему, командиры, вам предписывается идти в бой впереди своих подчиненных. Вы должны служить для своих солдат образцом мужества, увлекая за собой их сердца. А доблесть идущих за вами, в свою очередь, воспламенит отвагу в рядах наших соотечественников, следующих сзади. Но я, друзья мои, верю и в большее. Верю в то, что лицемерие неустранимости пробуждает сами небеса. Даже боги не могут оставаться равнодушными к истинной храбрости, каковая, находя отклик в их собственной, возвышенной и благородной природе, побуждает их вмешаться, дабы даровать героям то, чего они заслуживают.

Я особо указываю командирам фланговых отрядов:

— Завтра на этой равнине мы встретимся с неприятельским фронтом, который на каждом крыле окажется на пять стадиев шире нашего. Не подлежит сомнению, что, как только мы пойдем в наступление, Дарий станет бросать на нас многочисленную конницу, одно соединение за другим. Как в такой ситуации распорядиться имеющимися отрядами, с тем чтобы повысить боевой дух наших соотечественников? Во-первых, мы будем обороняться, атакуя. Командиры флан-

говых отрядов, как только вы начнете наступление, идите в атаку. Не дожидайтесь удара, опередите врага и нанесите его первыми. То, что я говорю вам, не дерзость или безумие, но основополагающий тактический принцип, зиждущийся на опыте. Когда воины ожидают нападения врага, их охватывает страх, а зная, что будут атаковать сами, они ощущают силу. Во-вторых, все должны строго придерживаться диспозиции.

Я выстрою шесть отрядов обоих фланговых охранений модифицированными ромбами и сам займу место на правом крыле, среди царских копейщиков и конных «друзей» (фаланга с сариссами и основная часть войск составят растянувшийся на пятнадцать стадиев центр), тогда как Парменион, командующий левым крылом, займет симметричную позицию в соответствующем ромбе на том фланге. Вот фланговое прикрытие, которому отведено место справа от меня:

Наемная кавалерия (Менид)	700
Царские копейщики (Арет)	800
Пеонийская легкая конница (Аристон)	250
Половина агриан — метателей дротиков (Аттал)	500
Македонские лучники (Брисон)	500
Пехота «наемников-ветеранов» (Клеандр)	6700

Ромб есть не что иное, как четыре клина — северный, южный, восточный, западный. А что представляет собой клин? Это одна боевая единица впереди и две на крыльях. Очевидно, что ромб способен отражать удары с любого направления, просто встречая его острием одного из своих клиньев. Эта диспозиция срабатывает прежде всего благодаря иррациональному, стихийному воспламенению человеческих сердец. Бойцы на острие клина устремятся на врага с беззаветной отвагой, ибо будут уверены, что не останутся без поддержки товарищей на крыльях, которых, в свою оче-

редь, будет вдохновлять и воодушевлять пример их мужественных друзей, вступивших в бой первыми.

— И наконец, братья командиры, важнейшим фактором должно послужить наше с вами поведение, мое и ваше. Когда завтра вы захотите увидеть мое знамя, ваши взоры должны быть обращены только вперед, ибо я намерен лично возглавить наступление. Точно так же и каждый из вас должен будет находиться впереди своего отряда.

Я заканчиваю, ибо, выступая, настолько преисполнился страсти, что боюсь, как бы мое сердце не выскочило из груди. Я смотрю на Пармениона, стоящего у моего плеча, на Гестифиона и Кратера, Пердикку, Коэна, Птолемея, Селевка, Полиперкона, Мелеагра, Черного Клита, Никанора и Филота, на Теламона, Эригия и Лисимаха. А также обвожу взглядом солдат, тысячи солдат, со всех сторон обступивших шатер.

Где пребывает в этот час мой даймон? Мы с ним одно целое. Он — это я, а я — это он.

— Многие из вас удивлялись тому, что я сплю со списком гомеровской «Илиады» под подушкой. А удивляться нечего: я поступаю так, ибо считаю героев этой поэмы образцом для подражания. Для меня они не персонажи предания, но реальные, живые люди. Ахилл вовсе не далекий предок, погибший девятьсот лет тому назад: ныне, в этот самый миг, он живет и дышит в моем сердце. Сей образец высокой добродетели не только всегда пребывает со мною наяву, но не оставляет меня даже во снах. Зададимся вопросом: зачем мы затеваем войну? Ради пролития крови? Ради захвата земель и овладения сокровищами? Нет, нет и нет! Война нужна лишь затем, чтобы следовать стезей чести, затем, чтобы наши сердца прониклись добродетелями благородного противоборства! Благородное состязание с противником очищает нас, как очищается от примесей золото в тигле. Все, что есть в нашей натуре низкого — алчность и жадность, робость и нерешительность, нетерпеливость, скаредность,

себялюбие, — выплавляется и отбрасывается. Неоднократно испытывая себя близостью смерти, мы выжигаем шлаки до тех пор, пока очищенный металл наших сердец не обретает истинное, безупречное звучание. Более того, испытания не только облагораживают каждого из нас по отдельности, но и связывают друг с другом узами, столь близкими, каких не дано познать супругам. Когда я называю вас братьями, это не риторический прием, ибо мы с вами воистину стали братьями, братьями по оружию, и разорвать узы этого братства не под силу самому аду.

Я снова умолкаю, обводя взглядом лица соратников. Смерть для меня ничто по сравнению с той любовью, которую я испытываю к своим отважным товарищам.

— Ощущаю ли я страх, друзья мои? Да как такое возможно, если все, чего я когда-либо хотел, это стоять рядом с вами в боевом строю и вместе с вами стремиться к славе! Сегодня ночью я буду спать благословенным сном младенца, ибо в этот час у меня есть все, о чем я мог только мечтать: достойный противник и достойные товарищи, с которыми я его встречу.

Мою речь прерывают одобрительные восклицания. Солдаты, стоящие в передних рядах, пересказывают мои слова своим товарищам, которые находятся дальше. Выждав, когда гомон стихнет, я жестом указываю на склон от Полумесяца, в сторону долины Гавгамелы.

— Братья, славы, подобной той, какую добудем мы завтра на этом поле, не добивалась доселе ни одна армия, не обретал ни один человек. Ни Ахилл, ни Геракл, никто из героев, эллинов или варваров, ни в прошлом, ни в настоящем. Минуют столетия, а люди будут с восхищением повторять наши имена. Верите ли вы мне? Пойдете ли вы со мной в наступление? Поскачете ли вы со мной рядом за непреходящей славой?

Шатер, а затем и все поле взрываются громopodobным ревом, заставляющим содрогнуться равнину. Я бросаю взгляд

на Гефестиона. Выражение его лица говорит о том, что, слыша рьяные возгласы наших бойцов, Дарий и все его несметное воинство не могут не проникнуться ужасом.

Я представляю собой живую душу этой армии. Подобно тому, как кровь течет от сердца льва к его когтистым лапам, так и моя храбрость перетекает от меня к моим соотечественникам.

Враг выставил против нас миллион вооруженных бойцов. Я разобью их наголову силой одной лишь своей воли.

«ВЕРБЛЮЖИЙ ГОРБ»

Когда мы спускаемся с гряды холмов под названием Полумесяц, я еду на Короне. Буцефала ведет под уздцы мой конюх Эвагор. Попона, налобник и легкое боевое седло Буцефала уже на месте, но остальную его броню Эвагор несет на спине. Моему коню уже семнадцать лет. Я сяду на него только для финального наступления.

Наплечники моего составного доспеха остаются непристегнутыми и хлопают в такт конскому шагу. Я не стану их закреплять, пока мы не выйдем на линию атаки. Вся армия смотрит на меня, и людям становится легче, когда они видят: их царь настолько уверен в себе, что даже не позаботился о доспехах.

Путь вниз по склону, на равнину, составляет десять стадиев. Мы спускаемся в боевом порядке. Наш фронт составляет пятьдесят четыре сотни локтей. Фронт неприятеля (мы измеряем его после битвы) перекрывает наш более чем на десять стадиев.

Конец лета, двадцать шестое боедромиона в год архонтства Аристофана в Афинах. По за-

хваченным документам мы восстанавливаем диспозицию персидской армии на тот день.

На левом крыле неприятеля, впереди его основного строя, россыпь дикой скифской кавалерии. Две тысячи саков и массагетов, вооруженных копьями, скифскими луками и шипастыми палицами, именуемыми «*tumak*», соседствуют с тысячей конников из Бактрии, закованных в панцири и сражающихся метательными копьями; им придана сотня серпоносных колесниц под командованием сына Дария Мегадата. Эти войска расположены перед фронтом. Позади них выстроилась двойная линия конных и пеших отрядов: тысяча индийских царских кшатриев, пеших лучников из западных областей Инда; четыре тысячи конных лучников из Арии под началом их сатрапа Сатибарзана; одна тысяча царской арахозианской кавалерии под командованием родственника Дария Барзаента. Слева от них шестнадцать тысяч бактрийской и даанской кавалерии под командованием двоюродного брата Дария Бесса, который единолично возглавляет левое крыло, затем две тысячи конных лучников из Индии; пятидесятитысячный отряд смешанной с пехотой персидской царской конницы, возглавляемой отважно сражавшимся при Иссе Тиграном, тысяча кавалеристов из Суз и две тысячи кадусианской кавалерии и пехоты. Далее располагаются царские телохранители; десять тысяч греческих наемников под командованием фокийского командира Патрона; одна тысяча конных царских «родственников» под командованием брата Дария Оксатра и пять тысяч «носителей яблока», отборных пехотинцев, называющихся так потому, что древки их копий с заднего конца украшают золоченые шары. Перед ними стоят пятьдесят серпоносных колесниц и пятнадцать индийских боевых слонов со своими погонщиками «*махаутами*». На спинах огромных животных закреплены башенки для стрелков. Здесь же шесть тысяч царских всадников из Индии, чьи кони обучены сражаться рядом с боевыми слонами. Для поддержки им при-

дана тысяча тяжеловооруженных пехотинцев из Кари и пять сотен мардианских лучников. Позади находится сам Дарий, прикрытый справа еще одной тысячей конных персов из отряда чести, еще пятью тысячами «носителей яблока» и пятью же тысячами наемных греческих пехотинцев под командованием сына Ментора Тимонда. Это центр линии. Справа от него, простираясь еще на пятнадцать стадиев, стоят другие отряды карийской пехоты и кавалерии; индийской царской конницы; греческих наемников; албанцы; ситтакенцы, представляющие собой смесь пехоты и кавалерии; конные тапурийцы и гирканцы с Каспия; верховые скифские лучники под командованием Маукеса; парфянская и арахозианская кавалерия Фратаферна; царская мидийская конница Атропата; а также сирийская и месопотамская кавалерия Мазея. Именно Мазей возглавляет правое крыло неприятеля. Перед этим крылом размещены еще пятьдесят серпоносных колесниц; отменная каппадокийская кавалерия Ариака и армянская кавалерия, ведомая Оронтом и Митраустом.

В тылу, позади основной линии, собраны в великом множестве ополченцы из провинций, возглавляемые своими наместниками или сатрапами. Оксатр привел уксиев, Бупар — вавилонян, Оронтобат — новобранцев с Красного моря, Орксин — ситтакенцев. Их столько, что перечислить всех не представляется возможным.

Спустившись на равнину, мы сразу замечаем три широкие ровные дороги, проложенные инженерами Дария для его серпоносных колесниц. Границы пути отмечены кольями с флажками, трепещущими на уровне глаз всадника, чтобы колесничие могли видеть их поверх поднятой колесами пыли и не сбились с ровного пути.

Вступив на равнину, мы видим, что поле справа от нас на пару тысяч локтей усеяно железными «вороньими лапами». Дарий хочет вынудить нас наступать по тем направлениям, на которых нас встретят его колесницы. От персидского фронта нас отделяют сорок две сотни локтей — пят-

надцать стадиев. Его передовые разъезды, всадники на конях, стоимость которых равна солдатскому жалованью за всю жизнь, гарцуют перед нашим строем на расстоянии выстрела из лука. Наши конные копейщики порываются напасть на них, но я приказываю им оставаться на месте.

Между рядами снуют слуги с бурдюками вина. Мы останавливаемся, чтобы привести все в порядок, проверить обувь, крепления амуниции и доспехов. Перед боем не вредно отлить: это делается прямо в строю.

Командиры соединений — Парменион, Гефестион, Кратер, Никанор, Пердикка, Птолемей, Селевк, Филот, Черный Клиг и две дюжины других — собираются под моими значками. Все, что сейчас произойдет, отработано нами сотни раз.

Наступление начинается по всему фронту. По моему приказу образуется косо́й строй. До момента атаки идущим в шеренгах предписывается молчание: отдаваемые приказы должны приниматься, передаваться по линии и исполняться незамедлительно.

Командиры разъезжаются к своим отрядам. Я подаю знак Эвагору, и тот подводит Буцефала. Юноша из свиты принимает уздечку.

Из пятидесяти тысяч глоток вырываются приветственные крики.

Я перескакиваю со спины Короны на Буцефала. Беру копьё. Надеваю шлем. Крики множатся, люди стучат древками копий о щиты. Легким галопом я направляюсь вперед. По обе стороны от меня царские телохранители, рядом едут Гефестион, Черный Клиг и Теламон.

По равнине проносится пыль. Шквалистый южный ветер вздымает песок, полощет знамена и треплет перья на моем шлеме. Я срываю их и пускаю по ветру.

— Зевс, наш Хранитель, указующий нам путь!

Час настал!

РОМБЫ НА КРЫЛЕ

На расстоянии двадцати двух сотен локтей мы видим установленные персами вежи, обозначающие пути, проложенные для серпоносных колесниц. Это тростниковые шесты высотой в пять локтей, с развевающимися наверху алыми флажками. Наши передовые всадники валят и топчут их под радостный гогот войска.

Мы движемся по тем самым участкам поля, которые были тщательно подготовлены для нашего истребления. Почва здесь гладко выровнена, для «косилок» Дария проложено три пути. Два из них имеют ширину в тысячу локтей, один — в две тысячи. Мы все еще находимся слишком далеко, чтобы разглядеть сами колесницы. Нам кажется, будто мы видим, как солнце отсвечивает от их серпов, но, возможно, это всего лишь игра воображения.

Гефестион едет от меня по левую руку, под его началом находится агема (отряд) царских телохранителей. Если я паду, он возьмет на себя командование правым крылом. Черный Клит движется справа от меня; он командует царским подразделением «друзей». Теламон

едет слева от Гепестиона, с Птолемеем и Певкестой; Любовный Локон держится плечом к плечу с Клитом. Эти люди находятся возле меня по двум причинам: с одной стороны, все они непревзойденные бойцы, а с другой — отменные командиры. Любого из них, возникни такая необходимость, я могу послать на любой участок поля, и он скорее умрет, нежели позволит себе не оправдать мое доверие.

Инженеры Дария обозначили границы поля россыпями железных «вороньих лап», чтобы атака нашей конницы могла осуществляться лишь в зоне действия их губительных колесниц. Но противник не мог усыпать железными шипами все пространство между нашим и своим фронтом: ему пришлось оставить сотни локтей чистой земли, чтобы обеспечить возможность маневра собственной коннице. Мой план состоит в том, чтобы наступать в границах этого коридора только до тех пор, пока наши передние ряды не достигнут открытого пространства. Потом наш фронт резко повернет направо, дабы как можно скорее выйти из смертельно опасной зоны.

Кроме того, еще до сражения я объявил по всему лагерю, что сопровождающие армию гражданские лица, вне зависимости от рода их занятий, могут, если пожелают, на свой страх и риск пробежаться перед наступлением по полю, собрать кто сколько сможет «вороньих лап» и оставить эту добычу себе. Хорошее железо стоит дорого, и теперь марширующие в шеренгах солдаты видят поразительную картину: сотни ребятишек — по большей части отпрысков торговцев, возчиков и погонщиков мулов, многие босиком, и все, конечно же, без каких-либо доспехов — шныряют по полю, собирая железный урожай. Есть среди них и взрослые: даже некоторые шлюхи решили подзаработать таким образом. На стрелы выставленных на флангах вражеских лучников они не обращают внимания, а самые ловкие да пронирливые ухитряются подбирать и эти самые стрелы, хотя их ценность невелика. Так или иначе, поле расчищается

от «вороньих лап» с поразительной быстротой. Теперь вражеский фронт виден очень хорошо. Он в два раза длиннее нашего, и кажется, что простирается от горизонта до горизонта. Чем глубже мы наступаем, тем очевиднее подставляем свои фланги для охвата персидским крыльям.

Мы движемся шагом. Слева от меня находятся восемь эскадронов конных «друзей». Их боевой порядок — это клинья, «зубы дракона». Я рысью проезжаю вдоль их фронта налево, присматриваясь к тому, как разворачивается наступление, и давая солдатам возможность увидеть мое лицо и штандарт. Многих я окликаю по имени. Гонцы и курьеры прибывают отовсюду с донесениями о неприятеле, о сокращающемся расстоянии и его крыльях, нависающих над нашими флангами.

Мы тоже разметили равнину. Передовые всадники, как живые вехи, заняли позиции, отмечая пути наступления. На расстоянии двух тысяч локтей до противника я подаю знак трубачам, и над полем звучит условный сигнал: «Отклониться направо!»

Знаменосцы поворачивают под углом в сорок пять градусов. За ними — командиры, возглавляющие острия клиньев, а следом и другие. Наши стрелки и метатели дротиков рассыпью движутся перед строем. Сейчас наш боевой порядок можно уподобить человеку, переправляющемуся вброд через реку и идущему по диагонали вверх по течению. Так же поступаем и мы: скользим правее... правее... правее.

Дарий пока этого не видит. Две тысячи локтей — чересчур большое расстояние. Но его конные разведчики наши маневры видят. Теламон указывает на пару всадников на чистокровных скакунах, во весь опор скачущих к своему царю. Потом поворачивают еще двое, за ними еще один. Уже пятеро конников спешат к Дарию с донесением об увиденном.

Мы отклоняемся вправо, заходя на территорию, не полностью очищенную от «вороньих лап». Перед нами стоят

две цели: покинуть смертельно опасную зону и заставить Дария поволноваться.

Как долго неприятель позволит нам отклоняться?

Допустит ли он, чтобы наше правое крыло оказалось за его левым флангом?

В то время как наши основные силы отклоняются вправо, я скачу вдоль растянувшегося на десять стадиев фронта налево, к командующему этим крылом Пармениону. Семидесятилетний полководец по-прежнему чувствует себя в седле легко и уверенно. Мы в последний раз уточняем детали нашего плана.

С правого фланга, проскакав галопом две тысячи локтей, прибывает Филот.

— Ты делаешь из меня сборщика дерьма, Александр!

Он хочет вернуться к себе на правый фланг прежде, чем там разразится серьезный бой. Натягивая поводья, Филот горячит своего рослого, в семнадцать пядей, вороного коня по имени Адамантин.

— Ему же больно, — говорю я.

Филот смеется:

— Он сейчас ничего не чувствует, так же как и я.

— Ты-то и впрямь ничего не чувствуешь, — ворчит на сына Парменион, — но он не так пьян, как ты!

Я усмехаюсь: Филот, изрядный хвостун, верен себе. Но упрекать его не за что, мы все перед битвой основательно накачались вином. От всей нашей армии разит на целых десять стадиев.

Кроме того, Филот прав: надо возвращаться. Я вернусь на свое место сразу вслед за ним.

— Пусть метатели дротиков Балакра выдвинутся вперед! — звучит мой приказ, и я в сопровождении телохранителей легким галопом скачу вдоль фронта назад.

Сам Балакр родом из Македонии, но под его началом состоят пятьсот агрианских метателей дротиков и такое же число лучников и копьеметателей, набранных из горных

племен Фракии. Эти люди явились за золотом, и они его заслужили. Сейчас, во исполнение приказа, они пешими устремляются вперед через промежутки между отрядами «друзей» и разворачиваются перед нашим фронтом. Тела фракийцев покрыты татуировками, они босы, но носят шапки из лисьих шкур. Агриане идут в бой семьями, отцы ведут своих сыновей. Вместе с ними сражаются и их здоровенные, косматые волкодавы, готовые умереть, прикрывая хозяев. Задача Балакра состоит в том, чтобы остановить серпоносные колесницы. Его стрелки и метатели должны затормозить смертоносный бег «косилок», прежде чем они вломятся в ряды «друзей».

Боевой порядок нашей армии, справа налево, то есть по ходу нашего наступления, таков.

Перед строем правого крыла развернулись лучники и метатели дротиков Балакра, одна тысяча бойцов.

Само крыло составляют семь сотен конных наемников Менида, восемь сотен царских копейщиков, ведомых Аре-том, две полусотни легкой пеонийской конницы Аристана, половина, то есть пять сотен, агрианских метателей дротиков под началом Аттала.

Далее следуют полтысячи лучников из Македонии, чей командир — Брисон, и шестьдесят семь сотен пеших, вооруженных длинными, предназначающимися против конного противника копьями, «наемников-ветеранов» Клеандра. Эти подразделения составляют боевое охранение правого фланга. Их задача — сдерживать натиск любых сил Дария на это крыло.

Левее в наступление идут восемь отрядов конных «друзей» общим числом две тысячи сто сорок. Ими командует Филот. Агета царских телохранителей во главе с Гефестионом составляет триста всадников. Тридцать пять сотен тяжеловооруженных всадников ведет Никанор.

Далее следует фаланга пехотинцев с сариссами, шесть отрядов по пятнадцать сотен в каждом. Командуют ими Коэн,

Пердикка, Мелеагр, Полиперкон, Симмий Андромен (сменивший своего брата Аминту, отбывшего в Македонию для набора войск) и Кратер. В соседстве с этой пехотой наступают половина союзной греческой конницы Эригия и все восемь отрядов лучшей в мире, не считая моих «друзей», кавалерии из Фессалии, подчиненные Филиппу, сыну Менелая.

Пармениона, командующего левым крылом, окружают конники фарсалинского отряда, на настоящий момент лучшего из конных отрядов Фессалии.

Позади них, с интервалом в пятьсот шагов, я расположил вторую пешую фалангу, состоящую из союзных греков, наемников из Аркадии и Ахайи, иллирийцев, трибаллов и одриссианской легкой пехоты. С ними идут лучники и пращники из Сирии, Памфилии, Писидии, а также пять сотен наемников с Пелопоннеса под командованием спартанца Павсания, который перешел к нам от Дария. В целом второй эшелон составляет чуть менее шестнадцати тысяч воинов. Их командирам я приказал быть готовыми повернуться кругом в том случае, если враг, произведя фланговый обход, начнет нас окружать. Тогда крылья и фланговые охранения сомкнутся и сформируют «ежа» — оцетинившийся остриями копий оборонительный прямоугольник. Между передними и тыловыми фалангами располагаются отрядные оружейники с запасным оружием и конюхи с заводными лошадьми.

Фланговое охранение на левом фланге выстроено, как и на правом, ромбом. Это четыре сотни союзной греческой кавалерии под командованием Койрана, пятьдесят девять сотен фракийской легкой пехоты, возглавляемой их вождем Ситалком, три с половиной сотни одриссианских степных наездников под началом Агафона и пятьсот лучников с Крита, командиром которых является Аминта.

Эти подразделения, как их аналоги на противоположном фланге, должны вынести мощный удар правого крыла Дария с его первоклассной каппадокийской, армянской и

сирийской кавалерией под командованием Мазея. Впереди, чтобы сломить натиск врага, я поставил девять сотен наемной конницы под командованием Андромаха, подразделение, славящееся безрассудной отвагой. Общее командование левым крылом осуществляет Парменион, за пехоту отвечает Кратер.

Правое крыло веду я сам.

Мы продолжаем двигаться под косым углом, и правый край нашего строя уже находится за пределами дорог, предназначенных для серпоносных колесниц. Еще немного, и «друзья» тоже окажутся за пределами их досягаемости. Дарий следит за нами и смещает левую сторону своего фронта, принаравливаясь к темпу нашего продвижения. Но он не может делать этого вечно. Чтобы не потерять преимущество нависающих флангов, он должен предпринять какие-то шаги.

— Они начали!

Теламон указывает на персидское крыло. Когда расстояние между нами составляет около тысячи четырехсот локтей, Дарий приводит в движение левофланговые конные отряды. Мы узнаем об этом, увидев, как за клубилась пыль под конскими копытами.

— Смотри! В центре тоже пылят!

Локон указывает на отряды, окружающие самого Дария. Центр персидской линии тоже приходит в движение.

— Сколько их там, как думаешь?

— Достаточно, чтобы у них прохудилось брюхо.

Это и есть та игра, которую я затеял. Ради этого мы и начали уклоняться вправо. Чем больше конницы сможем мы отвлечь с центра персидской позиции, тем с меньшим количеством придется нам драться, чтобы пробиться к царю.

Убить царя.

Но быть приманкой — опасная игра. Все зависит от того, как рассчитать время. Если наш фланг продержится доста-

точно долго, чтобы позволить «друзьям» провести атаку, Персидская держава падет. Если он дрогнет и будет прорван, ни один македонский воин не покинет это поле живым.

Я делаю знак Гефестиону; мне надо присмотреть за этим флангом. Он кивает: теперь командование наступления переходит к нему. Если я не вернусь, ответственность за судьбу армии ляжет на него и Пармениона.

Ты помнишь, Итан, план, который я схематично набросал ранее?

Наемная кавалерия (Менид)	700
Царские копейщики (Арет)	800
Пеонийская легкая конница (Аристон)	250
Половина агриан — метателей дротиков (Аттал)	500
Македонские лучники (Брисон)	500
Пехота из «наемников-ветеранов» (Клеандр)	6700

К этому крылу я сейчас и направляюсь: хочу проверить их порядок и убедиться в том, что они готовы к бою. Первыми мы достигаем копейщиков Арета. Его кони бьют от нетерпения копытами, хвосты их подняты, с морд стекает пена. В двухстах локтях левее (к фронту, по отношению к персам) я вижу тыловые ряды наемной кавалерии Менида; на том же расстоянии, на одном уровне с копейщиками, видны первые ряды легкой пеонийской конницы Аристана. Я устремляюсь к ним и вижу, что их кони столь же ретивы, как и скакуны всадников Арета. Похоже на то, что, если одно из этих подразделений сорвется с места, не удержится и наемная кавалерия Менида: люди не смогут сдерживать своих коней.

Аристон командует легкой конницей. Он должен находиться на острие первого клина, но, когда мы добираемся туда, я не могу его найти. Потом выясняется, что как раз в этот момент он отъехал назад, чтобы посоветоваться с Атталом, чьи пешие метатели дротиков отстают от копейщиков.

Замещать Аристона по должности должен Милон, внучатый племянник Пармениона. Он не занял, как того требуют правила, командирское место, а остался на своем, на крыле левого клина. Я объезжаю строй этого подразделения, багровея от ярости.

— Клянусь Зевсом, неужели здесь никто не командует?

Слева от меня едет Локон, справа приближается Теламон. Я чувствую, как он похлопывает меня по плечу древком своего копья.

— Александр!

Я оборачиваюсь и вижу примчавшегося во весь опор гонца от Менида.

— Взгляни, о царь! — Он указывает вперед, на наш правый фланг. — Ты видишь их?

Из окутывающей крыло пыльной завесы, на расстоянии четырех фарлонгов, выкатывает волна всадников. Протяженность фронта составляет пять стадиев.

Клянусь Гераклом, вот это зрелище!

— Что это за народ? Персы?

— Бактрийцы, о царь.

Конное ополчение племен с восточных равнин. Гонец докладывает, что этот отряд колонной выдвинулся от вражеского фронта и несколько мгновений назад развернулся для атаки. Он сообщает, что его командир Менид ждет моих приказов.

— Приказ один, и он был получен им еще до битвы. Атаковать.

Я галопом скачу вместе с гонцом к его отряду. Менид со своими сотниками находится впереди.

— Клянусь меховой накидкой Хирона, ну и прыткие же разбойники, — говорит он, указывая на противника.

Менид прирожденный охотник: у себя дома он владеет двумя сотнями великолепных гончих. Сейчас этот командир демонстрирует отменную невозмутимость, как будто мы собираемся травить зайцев.

Вражеские всадники еще не перешли на галоп. Они движутся рысью. Из-под копыт их коней клубами поднимается пыль. Ветер гонит пыльную стену в том же направлении, так что передние шеренги врага кажутся возникающими из сумрака. Песчаная почва равнины приглушает топот копыт. Создается впечатление, будто неприятель появляется с расстояния, вдвое превышающего действительное.

— Брось свои полусотни им в лоб. А я возьму копейщиков и постараюсь зайти им с фланга.

Я хочу, чтобы Менид встретил врага фронтальной контратакой, проведенной клиньями по пятьдесят всадников. Я тем временем приведу в порядок восемь сотен царских копейщиков и разорву атакующий строй боковым ударом.

Устремившись назад, к легкой коннице, я встречаю ее командира Аристона, скачущего галопом из тыла.

— Ты что, хочешь пропустить это представление?

Мой тон позволяет ему понять, что я не сержусь, и он спешно докладывает о том, почему отлучился в тыл. Аттал с его пешими метателями дротиков отстал, и он, Аристон, поторопил его людей, чтобы они успели за конницей. Нельзя было допустить, чтобы из-за них, из-за лучников или из-за «наемников-ветеранов» Клеандра боевое построение растянулось.

Аристон удостаивается похвалы. Он мыслит, как военачальник.

Я говорю ему о том, что предстоит сделать Мениду и Арету.

— Скачи назад и прикрой пехоту. Вперед выступай только в том случае, если увидишь, что нашей коннице придется туго.

Мой собственный гонец скачет к Клеандру с распоряжением спешно направить вперед три тысячи пехотинцев из числа «наемников-ветеранов»; остающиеся тридцать семь сотен должны сохранять свои позиции, прикрывая фланг,

и выйти вперед лишь в том случае, если ситуация станет отчаянной.

Я разворачиваюсь и в сопровождении свиты мчусь назад, к копейщикам. При моем появлении звучат приветственные возгласы. Противник приблизился, до него всего семь стадиев, и теперь, когда легкая кавалерия оттянулась назад, он виден очень хорошо.

В нескольких словах я излагаю Арету свой план. Этому бесшабашному малому всего двадцать четыре года, и он не боится никого, даже меня. Месяц тому назад он получил взбучку за то, что, пустившись в погоню за одним командиром персидской кавалерии, которого нужно было взять живым для допроса, доставил мне его голову. Кто лучше него может справиться с нынешним заданием?

— Не перегори при первом наскоке, — наставляю я его и его командиров. — Туда и обратно. Держите строй, сохраняйте дистанцию. Когда проскачете мимо Менида, соберитесь.

Арет ухмыляется.

— Александр, если я привезу тебе голову еще одного важного перса, ты опять устроишь мне выволочку?

Неприятель уже перешел на легкий галоп.

— Постарайся остаться в живых. Ты мне еще пригодишься.

Арет срывается с места. Копейщики стрелой летят вперед.

Наши воины отрабатывали этот маневр тысячу раз и сотни раз применяли его в бою. Происходит это следующим образом. Полусотни Менида мчатся навстречу атакующему противнику, лоб в лоб. Их цель, однако, не увязнуть в рукопашной схватке, а прорваться сквозь наступающие шеренги, нарушив, насколько возможно, вражеский строй, и галопом скакать дальше. Невозможно представить, чтобы конный отряд не бросился преследовать противника, устремившегося в бегство. И если этот противник (то есть мы, то есть

Менид) побежит сломя голову (или притворится, будто бежит сломя голову), всадников неприятеля охватит охотничий азарт. Бактрийцы — это кочевники пустыни, и такие слова, как «строй», «дисциплина», «боевой порядок», для них пустой звук. Точно так же они относятся и ко всякого рода маневрам, обходам и охватам. Они всадники, но не кавалерия, воины, но не армия.

Смотри, что произойдет сейчас...

Менид сталкивается с противником, прорывается и бросается наутек. Половина кочевой конницы поворачивает и, покинув ряды атакующих, улюлюкающей стаей устремляется в погоню за ним. В этот момент копейщики Арета наносят по ним удар с фланга. Чтобы остановить кавалерийскую атаку, нет необходимости наносить потери, достаточно сбить наступательный порыв. Конная вражеская лавина, дезорганизованная перекрестными ударами наших крыльев, теряет решительность. Враг видит наши отряды на своих флангах и в тылу. Он осаживает коней, и атака захлебывается. Это делается непроизвольно: обученные войска справляются с подобным инстинктом благодаря выучке, дисциплине и умелому командованию, но у кочевых племен нет ни того, ни другого, ни третьего.

И тут из тыла устремляются в бой «наемники-ветераны» Клеандра. Это не тяжелая пехота, медлительная из-за веса щитов, шлемов и панцирей, а ловкие, верткие бойцы, сражающиеся без доспехов, но вооруженные копьями в семь локтей длиной, самым эффективным оружием против дезорганизованной и потерявшей наступательный импульс конницы. Эти бойцы сражаются не плотным строем, а россыпью, подвижными группами, именуемыми «облаками» и «шнурами». Противнику приходится не проламывать наш строй, а схватываться с нашими воинами по отдельности, что окончательно разрушает то подобие боевого порядка, которое еще имелось у степняков. Конники теперь дерутся каждый сам за себя, а наши пехотинцы объединены в пары

или тройки, что обеспечивает им преимущество. Они забрасывают врагов копьями и рассеиваются так, что бактрийцам некуда нанести ответный удар. В конце концов противник осознает, что атака провалилась, и поворачивает назад, чтобы перегруппироваться.

Я тоже не могу оставаться на месте. Мне следует вернуться к «друзьям».

Впоследствии Клеандр рассказывает мне, что его помощник Мирин вел счет атакам и контратакам, производившимся в тот день на этом крыле. Девятнадцать раз противник бросал свои отряды на наш корпус, и девятнадцать раз наши фланговые отбрасывали его назад. Что можно сказать о таких солдатах? На парадах они не производят особого впечатления, и девицы не устаивают их особого внимания, отдавая предпочтение блистательным «друзьям» или напористым бойцам царских телохранителей. Но эту величайшую из побед сделали возможной именно они, «наемники-ветераны» из Аркадии и Ахайи. Этих людей я знаю всю мою жизнь. Теламон на первых порах тоже служил в этом подразделении. При Гавгамелах самому молодому из них уже стукнуло сорок, а человек двести (я могу назвать их по именам) уже разменяли шестой десяток. Ни один молодой солдат и в подметки не годится этим закаленным воякам. Трусов в их отряде нет: все, какие были, или погибли, или давным-давно разбежались. Кроме того, опытного солдата отличают выдержка и самообладание. Видавшим виды младшим командирам нет цены, а долго прослужившего сотника я предпочту тысячнику. А если говорить о быстроте и силе, то «старики», как ни странно, и в этом отношении не уступают молодым. Во время первой атаки того дня я увидел «облако» из тридцати ахейцев, устремившихся за кучкой бактрийских конников. Одно крыло встречает атаку противника в лоб, и, в то время как он вязнет в «облаке», другое огибает его и замыкает в полукольцо. Длинные копья ветеранов производили страшное опустошение. В счи-

таннные секунды из двадцати врагов осталось десять, а из десяти — пять.

Вторая волна, которую неприятель посылает на нас с фланга, это скифы — саки и массагеты, степные разбойники, чье оружие — лук и боевой топор. Наши копейщики и пеонийцы встречным ударом прорубают проходы сквозь их ряды, и оба строя уподобляются пиле, зубья которой проникают сквозь шеренги противника. Прорвавшись, и те и другие перегруппировываются и снова прорываются одни сквозь других. Отступив за завесу подразделений прикрытия, и мы и враги перестраиваемся, уносим с поля убитых и раненых вместе с еще годными в дело топорами, копьями и дротиками и снова сталкиваемся на вязких солончаках, скачка по которым выматывает лошадей и всадников, словно хождение по клею.

В традиционном сражении фланговые стычки прекращаются с началом главного наступления. Но при Гавгамелах дело обстоит иначе. Схватки на правом крыле продолжают-ся на протяжении всего боя, а на левом еще дольше. Его фронт составляет пять стадиев, а глубина еще больше. Масштаб сражения возрастает с каждой минутой, по мере того как каждая сторона пускает в ход свежие соединения. По приказу своего царя сатрап Бактрии Бесс, командующий левым крылом Дария, снимает с центра персидской позиции сначала три тысячи всадников, потом шесть, потом восемь. Противопоставить им я могу лишь воинов из отрядов, уже составляющих мой правый фланг; для главного наступления мне требуется каждый солдат и каждый конь. Но Бесс перемещает на фланг войска, стоявшие непосредственно перед командным пунктом Дария. Мы видим пыльные колонны, покидающие свои места в строю позади прикрытия из серпоносных колесниц. Наш фронт продвигается на тысячу локтей, девятьсот, восемьсот... Колесницы готовы к действию, но пока остаются на месте. Наша главная линия

по-прежнему движется шагом. Теперь от фронта Дария нас отделяет около двух стадиев.

Я возвращаюсь с фланга к «друзьям». Дневниковые записи показывают, что в тот день при мне состояло одиннадцать гонцов и курьеров, причем только двое из них обеспечивали связь с центром и левым флангом: остальные девять непрерывно снуют к правому. В каждом поступающем донесении говорится одно и то же: «Пришли помощь». И в каждом отсылаемом: «Держитесь».

Однако я не могу терять солдат и, чтобы переломить ситуацию, посылаю на самые сложные участки самых выдающихся бойцов — Теламона и Локона, Птолемея и Певкесту. А вот направить туда Клита Черного не удастся: он спас мне жизнь при Гранике и исполнен решимости сделать то же самое здесь.

Теперь мы видим позицию Дария. Знамена отборных отрядов теснятся вокруг его собственных высоко реющих стягов.

Перед ним сплошной стеной выстроилась пехота: греческие наемники и его собственные царские телохранители, «носители яблока». Царская колесница, запряженная четверкой коней, нам не видна, ибо ее тесно обступают царские «родственники», однако мы можем судить, что она находится в двадцати или тридцати шеренгах в глубину от фронта.

Пыль поднимается такая, что рассмотреть за этой завесой ход боя на правом фланге решительно невозможно. Но до нас доносятся звуки сражения, и это похоже на землетрясение.

Пред строем «друзей» находится Балакр с пятью сотнями агрианских копьеметателей и таким же количеством фракийских лучников и метателей дротиков. С фланга несутся просьбы направить этих бойцов туда, но они нужны мне здесь. Нужны для того, чтобы остановить атаку серпоносных колесниц Дария.

Колесницы приходят в движение, когда нас и противника разделяет шестьсот локтей. Щелкают кнуты возничих: на таком расстоянии этого, разумеется, не слышно, но взмахи уже видны. Так же как и солнечные блики, играющие на чудовищных серпах набирающих скорость повозок. Кажется, что этот разгон будет продолжаться вечно.

— Тяжеленные штуковины, — замечает Клит, — вон сколько железа повешано.

Фронт «косилок» имеет протяженность в семь стадиев. Таким образом, под их удар попадают «друзья», находящиеся слева от них царские телохранители Гефестиона и Никанора и правая часть фаланги, отряды Пердикки и Коэна. Клит наблюдает за происходящим с полнейшим спокойствием:

— Хороши, не так ли?

Я делаю знак ему и Филоту: «Полная готовность. Молчание! Всем командирам не сводить с меня глаз».

Я смотрю налево, через двадцать стадиев поля. Это последний момент, когда с моей позиции видна целая четверть равнины. Колесницы Дария наступают и там. Пятьдесят метят в нашу фалангу, еще полсотни направлены против отрядов Пармениона, составляющих левый фланг. Следующую волну наступления составит обычная конница. Двадцать тысяч армян и каппадокийцев, сирийцев и месопотамцев, мидян, парфян, тапуров, арийцев, гирканов и согдийцев.

Помоги тебе Зевс, Кратер. Да охранит тебя Небо, Парменион.

Я смотрю направо, на пыль и мрак. Где-то там, за смертоносной зоной колесниц, ведут отчаянную схватку восемь сотен царских копейщиков, моя лучшая ударная сила, не считая «друзей».

Очередь скакать курьером выпадает шестнадцатилетнему юноше по имени Демад, прозванному за жесткую, как щетина, шевелюру Вепрем. Я вручаю ему послание, которое он готов доставить ценой своей жизни.

Арету от Александра. Отдели половину своих копейщиков и, как только натиск серпоносных колесниц будет сломлен, обрушь удар своих клиньев на наименее плотный участок вражеского фронта. На какой именно, выберешь сам.

Зрачки парнишки размером с хлебные тарелки.

— Повтори приказ, Вепрь.

Он слово в слово повторяет послание.

— Вепрь, в Вавилоне я выпью с тобой вина.

Он срывается с места и исчезает за завесой пыли.

Перед нашим строем метатели дротиков Балакра, сформировавшись «облаками», бесстрашно атакуют «косилки».

— В коней! — слышу я голос Филота, кричащего, как будто кто-то может его услышать. — Цельте в коней!

Серпоносные колесницы должны атаковать каждая по своей линии, сохраняя между собой с обеих сторон интервалы, чтобы упряжки не столкнулись. В этих промежутках и действуют наши отважные копьеметатели. Эти великолепные воины способны попасть в доску шириной в пол-локтя с расстояния в пятьдесят ярдов, причем мечут второе копьё, когда первое еще находится в полете, а когда оно долетает до цели, во врага летит уже третье. Наши лучники выпускают стрелы в упор. В считанные мгновения атака «косилок» расстраивается. Покрытая ломкой коркой почва выступает в роли нашего союзника, в ней вязнут колеса тяжелых колесниц. Мел не позволяет машинам разогнаться до полной скорости. На моих глазах, когда упряжка из четырех коней мчится прямо на нас, левый пристяжной получает стрелу в основание шеи. Животное кренится и валится на бок, увлекая за собой всю упряжку и словно куклу сбрасывая наземь возничего.

Упряжку, мчащуюся слева, стрелы и дротики не задели, но кони пугаются самого вида бегущих с яростными возгласами пехотинцев. Они в ужасе шарахаются в сторону, и

колесница, резко вильнув, загораживает путь соседней. Та, чтобы не столкнуться, сворачивает, отчего поворачивать приходится и другим. В считанные мгновения дюжина колесниц сбивается с дороги, некоторые заваливаются набок, другие останавливаются, третьи стараются их объехать. И в центр этого хаоса Балакр устремляет своих бойцов. Я надеялся и верил, что метательные копья и дротики затруднят натиск врага, однако в данном случае легкая пехота превосходит все ожидания; она не задерживает врага, а громит его. Серпоносные колесницы должны не просто мчаться по проложенным проходам, но и удерживать прочный фронт. В противном случае их враг, то есть мы, может просто расступиться и без ущерба для себя пропустить неприятеля сквозь свои ряды. Но в разгар боя более смелые и бесшабашные возникшие перегоняют медлительных, так что и по оси, и вдоль фронта образуются дополнительные интервалы. В результате часть колесниц, как вырвавшиеся вперед, так и отставшие, оказываются в одиночестве. Это дает возможность нашей легкой пехоте обстреливать их с флангов, не рискуя угодить под серпы.

Следом за Вепрем я посылаю к Арету второго гонца с точно таким же приказом. На тот случай, если Вепрь не добрался.

Непосредственно справа от меня, на фланге, безостановочно бушует бой. Как мы узнаем позже, отряды противников столько раз прорывались одни сквозь других, что, будь на поле сторонний наблюдатель, он углядел бы на персидской стороне столько же наших солдат, сколько и персидских на нашей. Сражение не сосредоточено на каком-то одном фронте или позиции: не видно ни массовых рукопашных схваток, ни трупов людей, рядами полеглих при массивном натиске. Потери хаотичны, люди гибнут поодиночке повсюду, где идут столкновения. Всадники валяются с коней по одному или по двое, когда их лошади спотыкаются, ломают ноги в расщелинах и канавах или просто валяются

от изнеможения. Чаша весов склоняется то в ту, то в другую сторону: всадники, воодушевленные успехом, стремглав мчатся вперед, а спустя мгновение гибнут, подвергшись ожесточенному нападению тех, кто только что бежал сломя голову от них. Иные массовые схватки проходят так, что ни один солдат не получает и царапины, тогда как стычка пары бойцов перерастает в ожесточенную сечу, а вырвавшиеся из-за завесы пыли конные клинья или пешие «облака» собирают свою кровавую жатву, не оставляя врагу надежды на спасение.

Выдохшиеся лошади валяются под тяжестью своих седоков. Сердца животных не выдерживают напряжения. Конь повинует всаднику из последних сил, но когда они иссякают, его мышцы сковывает судорога, и он уже не может сделать ни шага. Десятки лошадей губит жара, а сердца некоторых из них не выдерживают рева и грохота боя и разрываются от одного лишь ужаса. Когда противник наконец поворачивается и обращается в бегство, у многих коней, и наших и неприятельских, вместо пены выступает кровь. Сотни лошадей валяются на поле, повредив ноги, другие же, не получившие внешних повреждений, доведены до такого изнеможения, что ни к чему уже не пригодны. Речь идет о прекрасных, обученных с рождения племенных животных, к которым их владельцы были привязаны настолько сильно, что не служившему в коннице этого просто не понять. Потерять боевого скакуна — все равно что лишиться отважного солдата. В известном смысле даже хуже, ибо лошадь не может понять, зачем сражается человек, и участвует в бою только из любви к нему. Гибель коня столь же ужасна, как гибель ребенка. Для того, кто понес такую утрату, никакое утешение невозможно.

На каком этапе теперь находится сражение? Впоследствии мне довелось поговорить с Онесикритом (ставшим в Индии моим кормчим), который в тот день оставался в лагере и лицезрел панораму битвы с холмов, с расстояния

тридцати стадиев. Это, сообщил он, придавало новое значение слову «*randemonium*» — «кромешный ад». Онесикрит был досконально знаком с нашим планом сражения и прекрасно представлял себе диспозицию персов, однако признался, что даже при всем этом не мог увидеть в происходящем на равнине никакого порядка или смысла. Там царил хаос. Ему казалось, будто само поле не только перевернуто, но и вращается вокруг своей оси. То, чему следовало находиться слева, оказывалось справа, то, чему надлежало быть впереди, — сзади. Хаос усугублялся клубящимися облаками щелочной пыли, сквозь которые проступали призрачные очертания движущихся подразделений. Если добавить к этому дикую какофонию: вопли, крики, стук копыт, грохот колес, ржание, лязг металла, — то можно понять Онесикрита, заявившего, что всяк склонный к философии, увидев и услышав все это, объявил бы весь род людской скопищем безумцев.

Я верю его рассказу. Должно быть, поле представлялось ему именно таким, каким он его изобразил. Впрочем, с моего места во главе «друзей» все выглядит отнюдь не столь хаотично. С обеих сторон в боевых действиях участвуют могучие отряды. Ожесточенные схватки разворачиваются и слева, и справа, и в центре. Однако ни один из нанесенных ударов, сколь бы мощным он ни был, не является фатальным ни для меня, ни для Дария. Безумный водоворот бурлит возле нас обоих, не затрагивая пока ни того, ни другого.

«Друзья» продолжают наступление, покуда не ускоряя аллюр. С фронта на нас надвигается сотня серпоносных колесниц. Справа валом валят степные всадники: бактрийцы, скифы, саки и массагеты. Это может прозвучать странно, но при всей кажущейся сумятице каждое подразделение каждого рода войск находится именно там, где ему предписано быть, и выполняет, с большим или меньшим успехом, поставленную задачу.

Наконец первая серпоносная колесница прорывается сквозь заградительные «облака». Ее возничий мертв и вползает за ней, запутавшись в сбруе. Трое из четырех коней ранены стрелами или дротиками. Они несутся бешеным галопом, подгоняемые болью и ужасом. Машина врывается в наши ряды, которые расступаются в дикой спешке, сопровождаемой криками, проклятиями и конским ржанием. Вторая и третья «косилки» тоже несутся в нашу сторону. Но кони, истыканные копьями и дротиками фракийцев и агриан Балакра, валяются наземь, едва прорвав передовую шеренгу. Должен сказать, что эти губительные устройства вызывают у наших воинов ни с чем не сравнимый гнев и злобную ненависть.

Наши кони перевозбуждены, и, чтобы заставить их двигаться шагом, требуются немалые усилия. Слева от каждой лошади идет пеший конюх, крепко держа правой рукой узду у самых удил, чего всадник в данных обстоятельствах сделать не может. В случае надобности конюх налегает на узду всем весом своего тела, лишь бы только не позволить лошади сорваться с места и понести. В таком состоянии на это способен даже великолепно обученный и выезженный боевой скакун.

Положение серьезно: достаточно не удержать одного коня, и за ним последуют остальные. Клит ловит мой обеспокоенный взгляд и спрашивает:

— Сейчас?

Искушение покончить с этим нервирующим движением и устремиться в атаку весьма велико, но не будет ли эта атака преждевременной?

На чем основывается командир, принимая решение послать один отряд в бой, другой в обход, третий в резерв? На звуках схватки? На донесениях курьеров, явно устаревших, ибо они проделали свой путь за минуты, а обстановка меняется каждую секунду? Испытание командованием в том и

состоит, что решения, чреватые фатальными последствиями, приходится принимать, основываясь на весьма недо-
стоверных данных.

Шум, доносящийся справа, — это сущее безумие. Напряжение достигает апогея. Кони без всадников выскакивают из мрака и на всем скаку мчатся сквозь боевой порядок наших «друзей». Я приказываю Клиту держаться. В нашу сторону несутся новые и новые «косилки». Нервы напряжены до предела, и люди и кони близки к срыву.

Мы продолжаем наступать шагом. Все вокруг затянато пылью, но порой ветер продувает в пыльной стене отверстия, сквозь которые еще можно видеть происходящее. На фланге продолжается отчаянная, ожесточенная схватка, но и в нас уже летят первые стрелы. Накал борьбы нашей легкой пехоты с колесницами достигает высшей точки. Один из наших коней, не выдержав напряжения, срывается со своего места в строю и мчится вперед, унося на себе всадника и волоча вцепившегося в узду конюха. Еще два, наоборот, артачатся и пятятся назад.

— Пусть перейдут на рысь, — предлагает едущий рядом со мной Клит.

Я подаю знак, и мы ускоряем аллюр. Буцефал подо мной подобен горе. Он, который на параде приплясывает и взбрыкивает, среди хора труб и рева слонов являет собой воплощенное спокойствие.

Многое зависит от Арета, от четырех сотен его копейщиков, находящихся где-то впереди. Не будучи уверен в том, что Вепрь и тот, кто был послан ему вдогонку, достигли цели, я посылаю третьего гонца и окликаю Клита.

— Черный! Если отряды Арета не смогут пойти в атаку, мне придется послать царских телохранителей.

Выделить больше я не могу, ведь все решится в ходе атаки «друзей» на Дария.

Может быть, Итан, тебе кажется, что я слишком вдаюсь в подробности? Но ты должен получить как можно более пол-

ное представление о том, как разворачиваются события на реальной почве. О том, как трудно командиру ориентироваться в обстановке по ходу боя и как многое зависит от слепой удачи.

Схватка на правом крыле идет уже настолько близко от нас, что, когда враг напирает сильнее, наше прикрытие, бьющееся с ним копые к копыю, отступает сквозь крыло боевого порядка «друзей». Стрелы на излете падают под копыта коней, и те взбрыкивают. В любое мгновение спайка наших конных отрядов может разрушиться.

И в этот критический момент Арет начинает свою атаку.

Ни видеть, ни даже слышать этого мы не можем, однако догадываемся о случившемся по взметнувшимся еще выше тучам пыли и некоему странному ощущению, передающемуся самим полем.

— Сдерживайте ваших лошадей! — рявкаю я, хотя даже Черный Клиг, едущий у моего плеча, меня не слышит. Арету приказано найти во вражеском фронте участок, ослабленный переброской отрядов к флангу, и нанести удар именно туда. Мои «друзья» последуют за этой атакой.

Но случается так (хотя мы узнаем об этом лишь спустя несколько дней), что, когда это слабое место обнаруживается, на пути уже перешедших на галоп четырех сотен Арета появляется из пыли двухтысячный отряд союзной персам индийской царской конницы, отозванный с крыла Дарием.

Я этого не вижу и не увидел бы, даже не будь все поле затянуто пылью, ибо от Арета меня отделяет полоса, где ведется ожесточенный бой между колесницами и нашей легкой пехотой. Впоследствии Арет рассказывал, что в тот миг ему показалось, будто все потеряно. Он повел свои четыре сотни прямо на две тысячи индийской царской конницы. Никакого выхода не было, и он, зная лишь, что любое колебание и промедление усугубит положение, бросил четыре сотни своих копейщиков в лобовое столкновение с двух-

тысячным отрядом индийцев. Это решение было принято им на полном скаку, и он не передал его своим воинам ни голосом, ни сигналом трубы, ни жестом. Арет направил своего коня на врага, и копейщики, поняв командира, как один устремились за ним.

За этот подвиг я наградил его после захвата Персеполя пятью сотнями талантов золота, суммой, равной половине годового дохода Афинского союза в период его расцвета.

Удача играет на войне не последнюю роль, и здесь, в этот миг, она еще один раз улыбается нам.

Предполагалось, что, если Арет не сможет атаковать, Черный Клит бросит направо царское подразделение «друзей». Тогда я занял бы место на правом крыле его направляющего клина. Мною специально предусматривалось формирование клина, усиленного на одном, в данном случае правом, крыле, потому что задача царского подразделения, заменившего силы Арета, заключается в расчистке пути для последующей непосредственно за этим атаки «друзей», а затем в прикрытии их правого фланга, становящегося особенно уязвимым в тот момент, когда они, прорвав персидскую линию, поворачивают налево и позади вражеского фронта мчатся в направлении Дария.

Но прежде, чем мы начинаем этот маневр, из-за завесы пыли вылетает на взмыленном коне помощник Клита по имени Александр.

— Арет завязал бой! — кричит он на скаку.

Как оказалось, Клит, будучи выдающимся командиром, по собственной инициативе выслал в намеченном для атаки направлении конных разведчиков, и в тот момент, когда я уже собрался направить царское подразделение «друзей» на крыло, они увидели, как копейщики Арета столкнулись с двухтысячной индийской конницей.

На вопрос, где это происходит, Александр отвечает жестом, указывая вперед и вправо. Оттуда доносится шум схватки.

Арет метил в ту сторону, значит, слабый участок персидского строя находится где-то там.

Ситуация меняется, и я в соответствии с этим произвожу два изменения. Царское подразделение возвращается на свое место перед «друзьями»: мне уготовано место рядом с Клитом, на острие его передового клина. А вот непосредственно в тылу царского подразделения друзей я выстраиваю так называемым «кулаком» другой отряд, боттиейцев. Так я стараюсь усилить ударную мощь сконцентрированной здесь кавалерии.

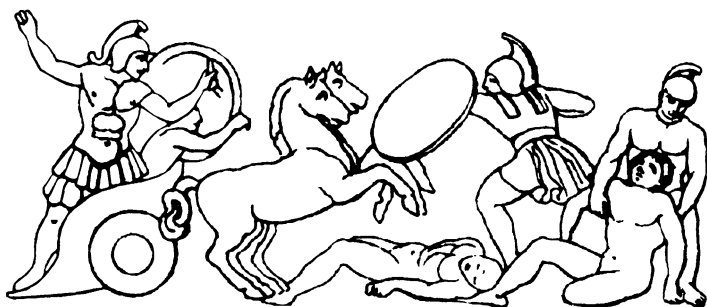
Не безумие ли это, Итан, имея в распоряжении одну двадцатую от сил Дария, стремиться и надеяться прорваться к его персоне сквозь все заслоны и свернуть его царскую шею?

Я знаю, что у меня есть и чего у меня нет.

Я знаю, что у него есть и чего нет.

Я устремляюсь сам и увлекаю своих «друзей» за завесу пыли. Это риск, но кто не рискует, тот не выигрывает. Великие трофеи добываются лишь ценой огромного риска.

БОЛЬШОЙ КЛИН

Атака на Дария происходит одним большим клином. Царское и боттийское подразделения составляют острие, торонцы, анфемцы и амфиполитанцы образуют правый фланг, а остальные «друзья» — левый. Это крыло расширено за счет пеших отрядов царских телохранителей, наступающих в контакте с самым левым отрядом конных «друзей». Стражи как бы пристегивают кавалерию к двум фланговым группировкам Коэна и Пердикки, составляющим левую оконечность большого клина.

Действия этих войск практически представляют собой самостоятельное сражение. Одно из тех, что разыгрывают на равнине. Клеандр, Менид, Арет, Аристон, Агтал и Брисон ведут второй бой на правом фланге, центральная фаланга бьется в третьем сражении, тогда как на левом крыле Парменион и Кратер схватились с противником в четвертом. Впрочем, к этому перечню можно добавить и пятое, и шестое. Фаланга второй линии вступает в схватку с конными и пешими группами врага, прорвавшимися или зашедшими в тыл слева, а еще

в двадцати стадиях позади, в нашем передовом лагере, раненые и нестроевой состав подвергаются налету царской индийской и парфянской конницы. Цель этого рейда — вызволение матери и супруги царя Персии, которые на самом деле находятся не там, а в более глубоком тылу, в главном лагере, расположенном в пятидесяти стадиях позади.

Ни одно из этих сражений не видно оттуда, где происходит другое. Оценить масштабы любого может, да и то не вполне, лишь тот, кто вовлечен в него непосредственно: слишком уж высока и плотна завеса поднимающейся из-под ног и копыт множества противников пыли.

С моей позиции (а я нахожусь с «друзьями») не видно практически ничего, и я иницирую наступление, ориентируясь по доносящимся до нас (если это не обман слуха и не ошибка) звукам, обозначающим место столкновения копейщиков Арета с индийской царской конницей. Это впереди и чуть справа, локтях в шестистах.

Человек, не участвовавший в сражениях, не представляет себе, насколько они выматывают. Один лишь вес брони и оружия, которые носят на парадном плацу, за час муштры способен свалить человека с ног. А наш солдат не на параде. Он на поле. Более того, прежде чем оказаться на этом поле, он с полной выкладкой проделал переход продолжительностью в полдня. Сыт ли он? Когда он спал в последний раз? Здоров ли, не ранен ли? Добавим к этому страх, напряжение, перевозбуждение, ожидание. Есть тип усталости, которую греки называют «*apantlesis*». Это упадок душевных сил, причиной которого может стать не только физическое утомление, но и нервное напряжение. В таком состоянии командир или солдат неверно оценивает обстановку, полностью теряет способность к принятию осмысленных, самостоятельных решений, лишается инициативы — короче говоря, становится глухим, слепым и глупым. Хуже того, это состояние возникает у человека совершенно неожиданно, поражая его как гром. В одно мгновение деятельный и разумный воин превращается в безвольного болвана.

Однако то напряжение, какое испытывает человек, ничто по сравнению с возбуждением, выпадающим на долю лошади, особенно боевого кавалерийского скакуна. Лошади не осознают перспективы и не понимают необходимости сдерживаться и выжидать. Для них существует только данный момент, в который они воспринимают не только наши команды. Они слышат шум битвы, пугаются свистящих копий и стрел, им передается общее ощущение опасности. Неудивительно, что они становятся такими возбужденными. Их нервы, натянутые как струны, настроены в унисон с нашими: они воспринимают наш страх и волнение, так же как страх и волнение других лошадей.

Лошади — стадные животные, и зародившийся страх ментально передается от одного коня к другому. Природное преимущество лошади — это быстрота ее ног. Дикий табун спасается от опасности бегством, и первый порыв испуганного коня — умчаться как можно быстрее и как можно дальше. Что же удерживает их, заставляя оставаться на месте? Только узы, связывающие коня с всадником. Кавалерист и его конь, которого годами учили преодолевать страх и доверять человеку, направляющему его в горнило битвы, связаны не менее прочно, чем близнецы. Именно это заставляет коня повиноваться не властному природному инстинкту, но воле человека.

Помни, мы познакомились с нашими лошадьми, когда они были еще жеребятками, а некоторые из нас присутствовали в стойлах при их рождении. Мы кормили их и ухаживали за ними, чистили их и скребли, просиживали ночи, когда они болели или получали травмы, и тысячи часов проводили с ними на учебных площадках и в поле. Ни наши жены или дети, ни даже сам Зевс не знают нас лучше, чем наши лошади, ибо ни с кем не проводили мы столько времени, сколько с ними. Но, несмотря на все это, самый верный конь может сорваться с места, самый отважный может взбрыкнуть и понести. По правде сказать, то, что нам вооб-

ще удастся удерживать их на месте, заслуживает величайшего удивления, настолько туго сплетены их нервы в ожидании боя. Загляни в глаза своего скакуна, и ты увидишь, что, несмотря на десятилетия упорных трудов, он по-прежнему дик и разрывается между наработанными рефлексами и природным инстинктом. Если инстинкт возобладает, удержать его будет так же невозможно, как ртуть или летнюю молнию. Я должен действовать быстро. Я должен схлестнуться с Дарием, пока кони и люди еще годятся для боя, пока напряжение и жара не лишили их сил.

Мы сплеховали при Иссе, потому что наша атака увязла. Массы врага вклинились между нами и царем и, замедлив наш наступательный порыв, дали Дарию время, чтобы скрыться. Нам не хватило напора, и наш прорыв оказался недостаточно глубок.

Здесь, при Гавгамелах, моя задача состоит в том, чтобы, придав «друзьям» три отряда легкой пехоты и два тяжелой пехоты, не просто прорвать фронт персов но и, *не теряя скорости, развивать наступление*, с тем чтобы углубиться в тыл противника на шестьсот—восемьсот локтей. Мой замысел прост: оказаться со своими силами позади Дария. Я должен быть там, где смогу преградить ему путь, если он побежит.

Человек, не бывавший на войне, воображает, будто солдат видит на поле картину боя. Ну что там можно увидеть? Солдат на поле слеп, словно столб. Даже всадник с высоты своего седла видит лишь дым и пыль. Едва острие нашего конного клина ныряет в клубящуюся пыль, как на пути у нас оказывается вражеская пехота, сквозь которую мы прокладываем путь, стараясь при этом в условиях плохой видимости не налететь на обездвиженные серпоносные колесницы. Запряженные в них великолепные кони мертвы или при последнем издыхании. Стоит нам миновать эту зону, как перед нами, словно из-под земли, возникает стена вражеской конницы. По низкорослым, мохнатым лошадам

и мешковатым штанам, именуемым kurqans, мы узнаем в них даанцев, прирожденных наездников из восточных провинций. Даанцев около пяти сотен, они натываются на нас во время передислокации. Очевидно, их решили перебросить налево, на помощь отрядам, бьющимся с Аретом. Когда из тумана появляется несущийся галопом клин нашей конницы, их эта встреча ошеломляет больше, чем нас. Даны рассеиваются, подобно завесе пыли, из которой они появились.

Я нахожусь на острие ведущего клина царского подразделения «друзей». За моей спиной громят все восемь конных отрядов. Сейчас наша кавалерия находится в таком же положении, как при Иссе, когда мы прорвали строй лучников и «царской дружины». Сейчас мы проломили вражескую линию на расстоянии от двух до пяти стадиев от ее центра и теперь исполнены решимости развернуться колонной и устремиться туда.

Где же Дарий?

Между ним и нами стоят четыре фронта защитников: четыре тысячи персидской, сузской и кадусианской конницы вместе с персидскими, мардианскими и карийскими лучниками; отряды греческой тяжелой пехоты под командованием Патрона; пять тысяч копейщиков персидской стражи «носителей яблока» и Тигран с полками царских «родственников», отборной конницы Дария.

Ветер, который шквалистыми порывами налетает на Гавгамелы, несет пыль и песок, делая тот сектор, куда мы нацеливаем свой удар, практически невидимым. Клит уговаривает меня ударить налево немедленно, прежде чем весь этот участок поля обратится в океан мрака. Возможно, выжидая слишком долго, я ошибаюсь, но я не могу допустить, чтобы у Дария осталась лазейка для побега. Он не сможет обмануть меня во второй раз. Поэтому прорвавшиеся войска, не останавливаясь, движутся дальше, в персидский тыл, чтобы повернуть налево, углубившись туда на восемьсот лок-

тей. Путь двух тысяч коней отмечают клубящиеся, заволакивающие поле меловые тучи.

План состоит в том, чтобы, повернув налево, взять Дария с тыла. Но, выныривая в очередной раз из меловой пороши, мы натываемся на греческих наемников Патрона. Это пять тысяч превосходной тяжелой пехоты врага, пешая стража, занимающая позиции непосредственно слева от Дария. Откуда эти эллины взялись здесь, позади царской позиции, в пяти стадиях от фронта? Неужели они узнали, что атака колесниц не удалась, а персидские отряды на обоих флангах принуждены к отходу? Неужели, предвидя наш маневр, они покинули фронт и стремительно отступили в тыл, чтобы прикрыть своего нанимателя с той стороны, откуда ему грозит наибольшая опасность? Впрочем, это не имеет значения. Важно, что они оказываются на нашем пути и торопливо формируют фалангу, чтобы помериться с нами силами.

Но мы не собираемся тратить время на бой с отменной эллинской пехотой.

Мы ее огибаем.

Вот образец блестящего кавалерийского маневра. Действуя в лучшем духе, конница не растрчивает жизни людей и коней на зрелищные, но малорезультативные рукопашные схватки, а использует свое преимущество в скорости и мобильности. Она обходит противника, оставляя его в пыли, и мчится дальше, к своей цели. В считанные мгновения пехота Патрона остается в сотнях локтей от нас, в нашем тылу.

Где же Дарий?

Он должен быть поблизости, иначе войска Патрона не стали бы формировать строй на этом месте. Он должен быть слева, в противном случае они не заняли бы оборонительную позицию, прикрывающую этот участок.

Я придерживаю «друзей», посылая во мрак разведчиков. Охочий до приключений юнец, жаждущий сбежать и поступить в кавалерию, представляет себе сражение как бурный натиск, бешеную скачку галопом навстречу неувяда-

ющей славе. Что бы подумал этот нетерпеливый, горячий сумасброд при виде того, как я и мои командиры в разгар величайшей битвы, прорвав вражеский фронт, останавливаем наши отряды? Мы собираемся не только выровнять строй и прикрыть надежнее фланги и тыл, но и подогнать лучшее снаряжение и утереть пот и пыль с лиц. Терпение есть одна из важнейших добродетелей командира. Хотя со всех направлений слышатся звуки боя и понятно, что, пока я медлю, там, за пыльной завесой, проливают кровь и гибнут мои соотечественники, ни в коем случае нельзя преждевременно давать сигнал к наступлению. Я не вправе слепо бросать войска во мглу. Это мучительные мгновения, тем паче что посланные мною разведчики отнюдь не возвращаются ко мне вовремя с четкими донесениями о расположении вражеских отрядов. Увы, потеряв на безликом, запыленном поле какие-либо ориентиры, они не могут вернуться к своим. Их обнаруживает группа конюхов, рискнувших углубиться в клубящийся мел пешком.

Убить царя.

Мы должны найти Дария.

Наконец наши всадники возвращаются. Их предводитель Сатон, сын Сократа Рыжебородого, сообщает, что враг находится в двух стадиях впереди. Неприятелю известно, что мы прорвались в его тыл, и его отряды развернулись, готовые встретить нашу атаку.

— Где Дарий?

— В центре.

— Ты уверен?

— Я видел его знамена.

Мы наступаем.

Увы, наш разведчик не мог знать о том, что благородный воин Карман, командир домашней стражи Дария, приказал водрузить царские штандарты в центре, где всегда сражаются персидские цари, а самого монарха тайно переправил на левый фланг.

Он одурачил меня.

Меня, покорителя половины мира, одурачил командир придворной стражи.

Когда наши клинья наносят удар по врагу, Дарий уже находится за пределами нашего правого фланга. Я этого не знаю. Никто из нас не знает. Я направляю Буцефала туда, где реют царские знамена, вокруг которых разворачивается ожесточенная схватка. Конница смешалась с пехотой. Враг, узнав меня по доспехам, бросает против меня лучших бойцов, тогда как мои соотечественники выкрикивают имя нашего противника и пытаются обнаружить его среди леса копий и гребней шлемов.

Персидской царской конницей командует Тигран, герой Исса и самый прославленный конник Азии. Говорят, что его конь Беллакрис (Метеор), подарок Дария, стоит двадцать талантов золотом. Вокруг Тиграна сражаются благородные воины, которым нет равных: Ариобат, Автофрадат, Гобарзан, Массаг, Тиссамен, Багоас и Гобриас.

Могучий воин устремляется ко мне. Это Тигран. Я узнаю его по великолепному снаряжению и превосходному коню, на котором он скачет. Рядом с ним мчится Ариобат. Этот человек мне незнаком, но весь его облик говорит о высокой воинской доблести. Рядом со мной скачет Черный Клиг. (Теламон и Птолемей остаются на правом крыле, помогая Клеандру, как и Любовный Локон с Певкестой; Гефестион командует агента царских телохранителей.) В данный момент мою личную охрану составляют трое юношей из свиты, каждый не старше девятнадцати лет. Тигран ведет за собой группу царских «родственников».

Мы сталкиваемся как волны.

— Искандер!

Вызывая меня на бой, Тигран выкрикивает мое имя на персидский лад. Его Метеор устремляется на Буцефала, как трирема на таран, и могучие кони сшибаются на полном скаку. Оба они производят впечатление огнедышащих чу-

довищ. Зубы Метеора оказываются настолько близко от моего лица, что он пытается отхватить мне скулу. Глаза его полны дикой ярости. Сомкнувшись грудь с грудью, кони ведут собственный бой, тогда как мы с Тиграном схватываемся в поединке, один на один. Тигран мог бы вонзить свое копьё в горло Буцефала с такой же легкостью, как я поразить Метеора своим. Но он этого не делает, как не делаю и я.

— Я Тигран! — кричит мой соперник по-гречески.

Мне нравится этот человек. Это воин! Это герой!

Я намереваюсь нанести ему удар сбоку, чтобы поразить его под обрезом нагрудника, но люди и кони настолько тесно прижаты друг к другу, что я не могу не только отклониться в нужную сторону, но даже пошевелить правой ногой, прижатой к боку Буцефала крупом коня моего телохранителя Андрона. В результате я наношу прямой удар, целя мимо шеи Буцефала в горло соперника. Однако кони не стоят смирно, а ведут свою борьбу, в результате чего я совершаю промах. Наконечник моего копья отскакивает от виска, защищенного вызолоченным, конической формы шлемом с наушниками и назатыльником, и пронзает воздух поверх плеча Тиграна. Тот, в свою очередь, левой рукой перехватывает мое копьё настолько выше по древку, что его кулак касается моего, а правой совершает выпад своим. Его копьё имеет кизиловое древко длиной чуть более четырех локтей и четырехгранный железный наконечник. Удар приходится в грудь, у левого соска, но соскальзывает по пластине панциря еще левее. Повредив доспех, наконечник оказывается между моими ребрами и рукой. Чем я немедленно пользуюсь, прижимая оружие к себе. Ранен ли я? Сейчас, в горячке поединка, мне трудно определить, задело ли отклонившееся копьё мою плоть или броня спасла меня. Но в одном у меня нет никаких сомнений. Если мне суждено сложить голову в этом поединке, то я утащу за собой в ад и своего соперника.

Насколько это возможно при зажатой правой ноге, я выпрямляюсь и подаюсь вперед, наваливаясь всем весом на

шею Буцефала и, соответственно, на свое копьё. Моя задача — или высвободить свое оружие из хватки врага или, если он не отпустит, вывести его из равновесия. Если не будет другого выхода, я спрыгну с коня и разорву ему глотку голыми руками. Однако пока мы сцепились с ним мертвой хваткой, заблокировав один другому оружие, на мое левое плечо обрушивается удар персидской булавы. Я лечу на находящегося справа от меня Андрона. В тот же самый миг Клит из-за моей спины наносит длинным македонским копьём удар, целя Тиграну в сонную артерию. Он промахивается и попадает в наушник шлема, но удар настолько силен, что едва не вышибает перса из седла. Ремень лопаётся, шлем слетает с головы. Чудо, что у Тиграна не сломалась шея. Мало кто, получив такой удар, усидел бы в седле, но Тигран приходит в себя настолько быстро, что успевает поймать свой шлем на лету и, повернувшись в седле, в ярости швыряет его в Клита.

Филот, сражавшийся слева от Тиграна с Ариобатом, ловко увернувшись от своего противника, сам метит в Тиграна. К этому моменту «друзья» и «родственники» смешались в такой безумной, ожесточенной схватке, что о цели атаки, царе Дарии, похоже, все позабыли.

Я, однако, о нем помню и стремлюсь пробиться к нему. В общей давке меня оттесняют в сторону от Тиграна. Несмотря на ожесточенное сопротивление, мы рвемся вперед, проламываясь сквозь живую стену. Неожиданно Клит громко кричит и указывает вперед. Я вижу Дария. Царь находится менее чем в тридцати локтях от нас. С яростной доблестью орудует он со своей колесницы двуручной пикой, именуемой *asksara*, отбиваясь от воинов нашего боттиейского отряда, занимавшего правую оконечность нашего атакующего строя. Забыв обо всем на свете, я напролом устремляюсь к царской колеснице. Мысль о том, что моего главного соперника может убить кто-то другой, чуть не сводит меня с ума. Всего три ряда отделяют нас от царя. Я вижу, как Кар-

ман, командир домашней стражи, собирается вывести колесницу Дария из-под удара. Я направляю вперед почти взбесившегося от ярости Буцефала, и тут в нашем тылу неожиданно появляется вражеская тяжелая пехота. Наемники Патрона, которых мы обогнули на предыдущем этапе атаки, видимо, смогли уйти из-под удара большого клина и, чего никто не ждал, объявились здесь. Эллыны прорываются сквозь ряды боттиейцев и смыкаются вокруг царя бронированным кольцом. Они спасут его. Я отчаянно взываю к небесам, моля о крыльях, о чуде, о чем угодно, что перенесло бы меня над всей этой давкой и позволило оказаться рядом с Дарием. Мои ноги настолько устали, что я уже не ощущаю своего тела ниже пояса. С яростью отчаяния я прокладываю себе путь сквозь толпу защитников. Многие из них падают под ударами, но остальные теснее смыкают свои ряды, становясь живым щитом для готовящегося к бегству царя. Ради его спасения герои Персии дерутся со сверхчеловеческой отвагой: они понимают, что каждый миг, купленный ценой их жизни, увеличивает надежду на то, что владыке Востока удастся ускользнуть от врага.

Мы наступаем, и противник отступает. Но отступает, сохраняя порядок и оказывая ожесточенное сопротивление. Персы свежи. Мы измотаны. Мы пробивались с боем сквозь восемь вражеских рядов, наши кони с того момента, как мы спустились с Полумесяца, преодолели не один стадий и пребывали в крайне напряженном состоянии на протяжении времени, казавшегося нам долгими часами. Я схлестнулся с воином в железной кольчуге, находящимся всего в двух рядах от царя. Он левша. Острие его пики проходит на волосок от моей правой руки, и этот промах стоит ему жизни. Я вгоняю меч ему в глотку, вкладывая в удар всю силу. Мне необходимо убрать этого человека с дороги, но доблестный воитель, даже умирая, загораживает собой своего царя. Он наваливается на мой клинок так, что тяжесть его мертвого тела сковывает меня, не давая добраться до Да-

рия. Между тем обе мои руки уже немеют от усталости. Я оглох от шума, в глазах у меня рябит от нервного возбуждения.

Я вижу, как наемник Патрон собирает своих гоплитов вокруг Дария. Домашняя стража Кармана расчищает путь побега. Раздаются крики, неистово щелкают кнуты, но звуки не достигают моего слуха. Это кошмар. Создается впечатление, будто я вязну в дегте или варе. Между нами и царем остается лишь двойная шеренга защитников. Мы с Клитом и бойцы царского подразделения «друзей» бросаемся на них, но мне кажется, будто наши удары наносятся замедленно, словно бой происходит под водой. Я не ощущаю рук и поднимаю меч с таким трудом, словно это тяжеленная свинцовая гиря.

— Он убегает! — истошно кричит Филот. По линии сто македонских глоток подхватывают этот крик.

Бой продолжается еще два часа. Мои отряды не могут немедленно погнаться за Дарием, ибо на флангах идет отчаянный бой, и военачальникам, Пармениону и Кратеру слева, так же как Мениду, Арету, Клеандру и Аристону справа, настоятельно требуется подмога. За это время я сам полдюжины раз оказываюсь на волосок от гибели, а многие мои командиры получают раны. Гефестиону копьем пробили руку, Теламону прострелили обе ноги; Кратер, Коэн, Пердика и Менид, все четверо, изрешечены стрелами. Из двух тысяч первоклассных боевых коней «друзей» от ран или изнеможения пала половина, а у наемников да союзников и того больше.

Ночь застает меня, успевшего сменить уже восемь лошадей, в двухстах стадиях к юго-востоку от поля боя. Группа преследования составляет половину царского подразделения «друзей», две четверти копейщиков Арета и залатанный отряд пеонийцев Аристона.

Вопреки ожиданиям Дарий убежал не на юг к своим драгоценным городам Вавилону и Сузам (очевидно, он поте-

рял надежду удержать их), но на юго-восток, к своему лагерью в Арбелах. Как мы узнали позднее от пленных, он добрался до него к полуночи и, не разрушив моста, чтобы через него могла перебраться его отступающая армия, в сопровождении свиты направился на восток через горы, по караванному пути, ведущему в Мидию. Я гнался за ним по пятам до темноты, дал отдохнуть лошадям и людям до полуночи и продолжил путь дальше, до Арбел, добравшись до них на следующее утро. Дарий опередил нас на несколько часов. Дорога представляет собой сплошной поток беженцев, и пробиться сквозь эту безумную толпу с нужной нам скоростью решительно невозможно.

Арет, во вчерашнем бою на всю жизнь увенчавший себя неувядающей славой, подъезжает и останавливается рядом со мной. Бока его коня покрыты спекшейся коркой. Лицо Арета, включая зубы, черно от крови и сажи.

— Пусть Дарий уходит, Александр, — говорит он. — С ним покончено. Новой армии ему уже не собрать.

Но такие советы не по мне. Мы продолжаем путь по предгорью вместе с десятками тысяч беглецов. Многие из них знают местность не лучше нас и, не имея проводников, целыми толпами забредают в тупики каньонов. Наконец один из сотников Арета отлавливает на обочине погонщика мулов, явно уроженца здешних мест. Мы принуждаем его стать нашим проводником. Я клянусь, что если он укажет нам верный путь через эти горы, то станет богатым человеком, в случае же обмана ему перережут глотку.

На протяжении двух часов наш отряд петляет по тропке не шире струйки бычьей мочи. По сторонам вздымаются утесы и зияют бездонные пропасти. Всякий раз, когда Клит, угрожая плетью, выражает сомнение в том, что эта вонючая тропа ведет куда надо, погонщик клянется небесами, уверяя всех в правильности избранного пути. Он убеждает нас карабкаться все выше и выше, ибо, по его словам, с вершины мы увидим караванный путь, по которому бежал Дарий. Но

когда мы одолеваем последний подъем, тропа обрывается, упираясь в отрог.

Погонщик мулов срывается с места, пытаюсь убежать, но его ловят и приводят ко мне. В сердце моем нет ненависти: я восхищаюсь его выдержкой и мужеством.

— Ты сохранил жизнь своего царя, — говорю я ему, — но заплатишь за нее своей.

На обратном пути мои товарищи отдаются радостному воодушевлению.

— Теперь ничто не стоит между нами, Вавилоном и Сузами, — восклицают они. — Мы возьмем себе женщин из персидских гаремов и будем вкушать трапезу на золотых блюдах!

— Держава твоя, Александр. Приветствуем тебя, Властелин Азии!

Мой даймон, однако, настороже. Он знает, что с бегством Дария я, возможно, уничтожил одного противника, чтобы его место заняли двое других. Во-первых, Персидская держава, правление которой становится моим бременем. А во-вторых, моя собственная армия, которая, разжившись неслыханными богатствами, разжиреет и разленится настолько, что ее трудно будет вернуть на путь славы.

Если это вообще удастся.

Я безутешен. Дарий снова убежал.

Книга восьмая
ЮБОВЬ К ТОВАРИЩАМ

ВОЗДУШНЫЕ ЗМЕИ

Вавилон означает «Врата Бога». Его стены, имеющие девяносто локтей в высоту и четыреста стадиев в окружности, были воздвигнуты, как говорят, самим Навуходоносором. Сооруженная из обожженного кирпича и битума крепость, к которой ведут ворота Иштар, возносится над Евфратом на высоту в триста локтей. Сам город расположен на великолепно ухоженной равнине, каналы, пруды, шлюзы и прочие ирригационные сооружения которой представляют собой настоящее чудо. Впрочем, еще более удивительные чудеса творят здешние сборщики налогов и чиновники, под присмотром которых эта земля каждый год приносит по три урожая кунжута, проса, ячменя, пшеницы и риса. Не приходится сомневаться в том, что почва Вавилонской равнины является самой окультуренной на земле. Ты не сыщешь здесь ни единого цветка, который не был бы посажен рукой человека и не цвел бы благодаря его уходу и заботе. Финиковые пальмы растут упорядоченными рядами, плотными, как сосновые леса Фракии. Их древесина не гни-

ет в воде, а из плодов, которые сами по себе пригодны в пищу, варят местное пиво. Оно такое густое, что пить его лучше через соломинку, но вкус имеет отменный, прекрасно пьянит, а поутру от него не болит голова.

Более двухсот лет назад Кир Великий захватил Вавилон, отведя русло Евфрата и двинув армию ночью по высохшему руслу. У нас это происходит легче. Перед Гавгамелами разведчики из нашей легкой пеонийской конницы захватывают в плен нескольких персов, включая чрезвычайно сообразительного молодого персидского сотника, прекрасно говорящего по-гречески и состоящего при особе самого Мазея, командующего правым крылом персидской армии и наместника Вавилонии. Я уверен, что этот превосходный молодой офицер попался нам в руки не по оплошности, но следуя приказам своего начальника. Я приказываю освободить его, чтобы он доставил Мазею мое послание. Там говорится, что я, как благородный человек, не призываю никого предать своего государя на поле боя, однако, если военная удача склонится на мою сторону, не буду таить зла против честных противников и с радостью предложу свою дружбу тем из них, кто будет готов ее принять. При Гавгамелах и Мазей, и помянутый молодой сотник сражались с исключительной отвагой, однако бегство Дария избавило их от каких-либо обязательств по отношению к бывшему владыке. Я снова посылаю к Мазею, заверяя, что, приняв мою сторону, он не пожалеет.

— Мой ответ тебе принесет ветер,— отвечает сатрап.

В Вавилоне бытует обычай запускать в торжественных случаях воздушных змеев. Летом жаркий, сухой ветер дует по равнине потоками, которые в хорошо известных местным жителям местах обеспечивают мощный подъем. Неудивительно, что здесь так любят развевающиеся на ветру полотнища: вымпелы и флажки украшают не только судьбы знати, но и самые скромные жилища, и над многими городскими домами по праздникам реют разнообразнейшие

змеи. Вавилонские мастера изготавливают их из высушенного, прессованного льна, ярко раскрашивают и придают им самую необычную форму. Над городом можно видеть бабочек и кузнечиков, воронов, карпов и окуней. Восходящие потоки воздуха возносят змеев на невероятную высоту, а по изощренности и великолепию такого змея можно судить и о высоте положения его владельца. И вот по приближению к Вавилону нашу армию встречают тысячи парящих над городом красочных воздушных змеев. Солдаты радостно улюлюкают, а навстречу им уже валит толпа горожан. Дети осыпают марширующих воинов лепестками цветов и протягивают им сласти. Сам Мазей, с женами и детьми, поджидает нас на Царском канале, на борту разукрашенной барки. Как оказалось, он подготовил большой праздник с пирами и увеселениями. На пятьдесят стадиев вокруг города дороги украшены пальмовыми ветвями, а начиная с десяти стадиев — венками и гирляндами. По обочинам выстраиваются тысячные толпы, жрецы возжигают на серебряных алтарях ладан.

Все это теперь наше. Табуны лошадей, стада домашнего скота, повозки, груженные благовониями и пряностями. Мазей не упустил ничего, выставив в качестве даров даже говорящих воронов и тигров в клетках.

Я выстроил армию в боевом порядке, чтобы продемонстрировать населению его новых хозяев. Впереди идет фессалийская конница, ведомая отрядом закованных в сверкающую броню фессалийцев, далее агрианские и македонские лучники, а за ними фракийские метатели дротиков Балакра. Следом движутся половина греческой и наемной конницы, солдаты Арета, Менида и Аристана, царские копейщики и конные разведчики. Раненые и больные, не способные ни маршировать, ни ехать верхом, остались в полевом лазарете к северу от города, но я переправлю их в Вавилон, как только позволят обстоятельства. За копейщиками движутся

царские телохранители, отряды Гефестиона и Никанора (и те и другие в темно-красных плащах с прорезями цветов своих подразделений), потом лучники с Крита и союзные, греческие и наемные, пехотинцы, ведомые «наемниками-ветеранами» Клеандра. Позади — осадный обоз и военные механики, подчиненные Диаду. С флангов их окружают наемная конница Андромаха и другая половина союзной греческой конницы. Полевой обоз, скромный в сравнении с осадным, демонстрирует бывшему противнику, сколь малым можем довольствоваться мы в походе, но в его хвосте, на захваченных нами роскошных персидских колесницах, едут в окружении свиты мать и жена бывшего владыки Персии. Юного сына Дария, Оха, я посадил на свою собственную лошадь, Корону, и он едет рядом со мной. Женщины скрыты за высокими бортами колесниц, но над их экипажами реют царские знамена.

Позади полевого обоза, в доспехах и с поднятыми вверх сариссами, в том же порядке, в каком они победоносно сражались при Гавгамелах, вышагивают шесть отрядов фалангистов — Козна, Пердикки, Мелеагра, Полиперкона, Аминты (под командованием его брата Симмия) и Кратера. Замыкают шествие фракийцы под командованием Ситалка, наемники Андромаха, греческая конница под командованием Эригия, союзная кавалерия под командованием Койрана, одриссы под командованием Агафона и ахейская и пелопоннесская пехота под началом их местных командиров.

На следующий день я вступаю в город и совершаю жертвоприношение Ваалу, верховному божеству Вавилонии. При свершении священного обряда присутствуют, согласно обычаю, Мазей и халдейские жрецы. Я восстанавливаю ритуалы древней религии, запрещенной Дарием, и повелеваю отстроить заново Великий храм Эсагилии, который сровняли с землей по приказу Ксеркса. Я не разрешаю царцам и женщинам из их свиты расположиться в их прежних городских покоях, но оставляю их в армейском лагере

на равнине Ашай, к востоку от города. Мои отряды занимают крепость, разрушают персидский гарнизон и занимают посты на башнях.

На утро третьего дня я вступаю в Вавилон уже не формально, а чтобы сделать его своей ставкой. Месопотамская провинция Персидской державы столетия тому назад входила в состав древних царств: Халдейского, Ассирийского, Вавилонского, Ура, Шумера и Аккада. Этими землями правили Семирамида, Саргон, Синахериб, Хаммурапи, Навуходоносор, Ашшурбанипал. Сюда вторгались скифы, касситы, гититы, мидийцы, лидийцы и эламиты. Две сотни лет назад Междуречье Тигра и Евфрата подчинил своей власти Кир Великий, а теперь мы, уроженцы Македонии и Эллады, заставляем одно из древнейших царств мира покориться нашему могуществу.

Но где же Дарий?

В огромном пиршественном зале собирается совет. Слово предоставляется Гефестиону, в чьем ведении находится дальняя разведка. При Гавгамелах он был ранен копьем и держит речь с перевязанной рукой.

— Шпионы и дезертиры сообщают, что царь бежит на восток к Персеполю, столице державы, или на север, в мидийский город Экбатаны.

Ползала представляет собой обширную карту державы. Гефестион переходит с точки в центре, обозначающей Вавилон, на восток, а потом к другим городам, в то время как наши военачальники, восседающие за огромным столом из черного дерева, смотрят и слушают с удовлетворенным благодушием победителей. Мы едим мясо врага, пьем его вино, и деловой разговор то и дело прерывается здравицами, которые я не могу да и не хочу прерывать.

— И до Персеполя и до Экбатан отсюда месяц с лишним нелегкого пути, тем паче что добраться до обоих городов можно, лишь перевалив через крутые горные кряжи. Согласно донесениям, под рукой у Дария все еще остается

не менее тридцати тысяч человек. Даже выступив в погоню сегодня, мы не настигнем его раньше зимы, но, если ты хочешь знать мое мнение, просить о чем-то подобном пехоту, только что понесшую тяжелейшие потери, или кавалерию, чьи люди и кони пострадали еще больше, недопустимо.

— Кроме того, — восклицает Птолемей, — мы победили!

— Людям нужно золото и время, чтобы потратить его, — добавляет Пердикка.

— Клянусь Гераклом, и мне тоже! — поддерживает его Клит.

Эти высказывания встречаются дружными, одобрительными восклицаниями.

— И впрямь, — соглашаюсь я, — солдаты имеют право отдохнуть и развлечься. Они это заслужили.

Мы зазимуем в Вавилоне. В любом случае мне нужно время, чтобы переоснастить армию. Помимо серьезных потерь в людях мы понесли еще более серьезные потери в конях — более тысячи прекрасно обученных боевых скакунов и вдвое больше запасных лошадей. Чтобы заменить животных и обучить их в соответствии хотя бы с минимальными требованиями, предъявляющимися у нас к кавалерийским коням, понадобится не один месяц.

Кроме того, нам придется изменить структуру армии. Предстоит бросок на восток, и грядущие битвы состоятся не на открытых равнинах, а в пустынях, холмах и горах. Для этого потребуются более легкие, маневренные подразделения, а возможно, и совершенно новая тактика.

— Будешь ли ты охотиться за Дарием предстоящей зимой? — спрашивает Парменион.

— Охота бывает разной, это не обязательно гонка по горячему следу, — отвечаю я. — Царь может убежать, но не может скрыться. Так что пока, друзья мои, давайте приведем в порядок эту конюшню, — я указываю на изображение Вавилона на мозаичном полу.

Мы начинаем.

Наши завоевания научили нас искусству брать на себя управление страной. Мои командиры выучились этому по опыту Египта, Палестины, Газы и Сирии. Судя по всему, данный процесс проходит гладко и здесь, за исключением одного случая, который в то время казался пустяковым, но в ретроспективе приобретает привкус дурного предзнаменования. Он имеет отношение к Филоту.

После Гавгамел я поручил ему доставить в Вавилон захваченное в бою имущество Дария. Он доставляет все, в том числе коней и колесницы, включая и некое устройство, используемое персами при совершении церемонии, именуемой Процессией Солнца. Этот практикуемый монархами Персии ритуал требует участия огромного числа народа: колонна празднующих, включающая жрецов, магов, музыкантов, певцов и десять тысяч «носителей яблока», в полном вооружении и доспехах растягивается на пять стадий. Участвует в процессии и сам царь на блистательной Колеснице Солнца.

И вот Филоту вздумалось устроить комическую пародию на эту церемонию и провести по улицам Вавилона шутовскую процессию, желая не только польстить нашему тщеславию победителей, но и предать осмеянию варварскую напыщенность, к которой были склонны бывшие властители побежденной нами державы. Филот делает это, не ставя меня в известность. Я узнаю о его затее, когда, работая во дворце с бумагами, вдруг слышу доносящийся с улицы шум и гам. Наши соотечественники вместе с принужденными к этому пленными сформировали глумливую потешную процессию, а толпы местных жителей вывалили на улицы, привлеченные поднятым ими шумом.

Я выхожу на галерею, со мной Парменион, Гефестион, Кратер и другие.

— Посмотри сюда, Александр, — кричит мне с седла Филот. — Что ты об этом думаешь?

Среди пленных стоят остатки царских телохранителей Дария, «носителей яблока». Однако я замечаю, что ряды благородных воинов, большая часть которых полегла при Гавгамелах, а немногие преданные остались с Дарием и при его бегстве, пополнены уличными оборванцами, головорезами и бандитами. С прославленной Колесницы Солнца содрали всю ее золотую обшивку, оставив лишь голую раму, а поскольку из тысячи белоснежных скакунов царя царей уцелели лишь немногие, нехватку компенсировали обозными клячами, мулами и даже ослами. Мой взгляд привлекает один из командиров «носителей яблока», человек лет пятидесяти с благородной осанкой и многочисленными боевыми ранами. Нога его до середины икры в лубке, наложенном лекарем на месте перелома.

— Что я думаю, Филот? Я думаю, что ты подверг позору и осмеянию хороших, достойных людей. И я приказываю тебе немедленно прекратить это безобразие и предстать передо мной.

Филот явно ожидал совершенно другой реакции. Вспыхнув от обиды, он спешит к галерее, где стою я.

— И чего, Александр, хочешь ты добиться такими словами? — громко, во всеуслышание, спрашивает он. — Унизить других достойных людей, среди которых я занимаю не последнее место? Тех самых, кровь и труды которых обеспечили тебе победу!

Сгрудившаяся позади толпа подогревает его кураж.

— На чьей ты стороне? — требовательно спрашивает он у меня, забыв о вежливости и почтении.

Я выступаю вперед.

— Проси прощения у своего царя! — приказывает Парменион своему сыну, мгновенно встав рядом со мной.

Гефестион и Кратер стоят наготове совсем рядом. Одно моего взгляда было бы достаточно, чтобы они зарубили Филота на месте.

— Благодарю небо,— говорю я ему,— что ты совсем недавно пролил кровь на поле боя, иначе за такую дерзость тебе пришлось бы пролить кровь здесь и сейчас.

Потом, с глазу на глаз, Кратер укоряет меня:

— О чем ты думал, Александр? Унижать командира «друзей», причем публично, на глазах у побежденного врага! Нам нужна не любовь персов, а их страх!

Он, конечно, прав. Его укоры во многом справедливы. Однако в моей душе что-то изменилось. Я больше не вижу в благородных воинах Персии своих врагов, а в ее жителях — рабов, с которыми можно обращаться как заблагорассудится.

В сопровождении Гефестиона я объезжаю ячменные поля вдоль Царского канала. Время обеденное, и два солдата Мазея ухватили живого гуся. Крестьянин бьет их граблями, а они смеются. Наше появление останавливает скандал. Солдаты указывают на меня, ожидая, что один вид грозного завоевателя устрасит земледельца, но старик не выказывает ни малейшего трепета.

— Мне все равно, какой разбойник наложит руки на мой урожай и мою живность,— заявляет он,— власть меняется, а я так и остаюсь бедняком.

Смелость простолюдина приходится мне по нраву, и я, остановившись, говорю ему, что намерен установить в покоренной стране порядок и он сможет спокойно возделывать свою землю.

— Ну конечно,— хмыкает он.— Весь твой «порядок» сведется к тому, что ты отберешь эту землю у знатного перса, владеющего ею сейчас, и передашь кому-нибудь из твоих сотников или тысячников. Я и перса этого в глаза не видел, и твоего командира не увижу. Что, скажи, изменится для меня? Я как трудился здесь, отдавая большую часть урожая в уплату за землю, так и буду трудиться впредь, под пятой у городского управляющего, который будет действовать в интересах нового хозяина.

Меня интересует, как распределяется урожай, и крестьянин, загибая пальцы, отвечает:

— Из каждых десяти мер я отдаю четыре царю, две управляющему, иначе он вышвырнет меня с участка, и четыре оставляю себе. Одну из них я жертвую богам, одну жрецам, одну семье моей жены и лишь из последней, если повезет, пеку хлеб.

Я спрашиваю крестьянина, чего бы хотел он.

— Отдай мне эту землю, разреши оставлять урожай себе, а управляющего пришли из города ко мне, пусть-ка поработает на поле. Я заставлю попотеть этого жирного ублюдка.

Я предлагаю старику стать управляющим моими полями или взять из моей казны столько денег, чтобы он мог не работать до конца своих дней.

— Пожалуйста, не надо! — восклицает старик с неподдельным ужасом. — Не надо мне никаких денег! Если соседи прослышат, что у меня завелось хотя бы полмедяка, они проломают мне череп, а чего не заберут они, то вытрясут родичи моей женушки. Уж эти-то точно обдерут меня до костей.

— Что же тогда оставить тебе, мой друг?

— Мою нищету.

И он смеется.

Мы с Гефестионом начинаем всерьез изучать здешнюю систему хозяйства.

— В такой местности, как эта, — замечает мой спутник, — мелкие усадьбы свободных землевладельцев, такие, как у нас в Македонии, существовать не могут. Все зависит от орошения, но и рытье каналов, и поддержание их в чистоте — ибо они очень быстро заполняются осадками и зарастают камышом — требует организованного массового труда. Принудительного труда. Здешняя земля, — заключает Гефестион, — возвращает не только пшеницу и ячмень, но и тиранию.

По возвращении во дворец я начинаю выслушивать прошения и сразу же понимаю, что реальная власть здесь принадлежит не царю, а тем, кто контролирует доступ к монаршей персоне. Мздоимство процветает не только у моего порога, но и на всех ведущих к нему дорогах. Мазей вместе со смышленным молодым сотником Боасом и двумя евнухами, Фарнаком и Адраматом, становится моим наставником.

Как ты, надо думать, понимаешь, советники и казначеи из евнухов являются самими богатыми и влиятельными людьми в царстве. Они не только официально заправляют всеми государственными делами (это им положено по должности), но и составляют теневой синдикат с собственными вождями и обетом молчания, соблюдаемым строже, чем в любой банде или шайке преступников. Адрамат при Дарии был царским казначеем в Вавилоне, где, как я выясняю, под его началом состояли четыре помощника казначея, которые руководят сетью из нескольких тысяч других чиновников — сборщиков налогов, судей, управляющих и писцов. Мне доносят, что все эти люди состоят в тесном сговоре, и все они продажны и лживы, словно путь в ад. Главными звеньями в этой цепи обогащения являются так называемые *bagomes*, «солдаты», то есть лица, назначенные управлять землями представителей знати, которые сами находятся при дворе или в армии, но должны получать доход со своих владений. По существу, эти агенты, назначаемые не землевладельцами, а царем, и являются носителями истинной власти. Богатство евнухов заключается не в землях (ибо им запрещено владеть чем-либо, кроме их личного имущества) и даже не в деньгах, но в *argamas*, «влиянии». Это, конечно, то же самое, что деньги. Великие полководцы и знатные военачальники вынуждены заискивать перед ними. Евнухи могут отобрать землю у любого человека, схватить его жену и детей, лишить его богатства, свободы, жизни. В их власти погубить даже сыновей и братьев царя.

— Как же Дарий контролировал их? — спрашиваю я Фарнака.

— Никак, — отвечает тот. — Лишить их власти можно, лишь проведя полную чистку, а на это не осмелишься даже ты. Ибо без них держава в один день развалится на части.

Я расспрашиваю Фарнака об уголовных преступлениях — воровстве, убийствах, уличных грабежах. Он отвечает, что таковых в Вавилоне не существует, ибо человек, укравший грушу, лишается правой руки, а хулящему своего господина урезают язык.

На третий день своего пребывания в городе я велю казначею показать мне монетный двор. В его сокровищнице хранится ошеломляющая сумма в двадцать тысяч талантов, главным образом в золотых и серебряных слитках. Лишь четыре или пять тысяч собраны в дариках и статерах. И это хранилище не заперто на замок и не имеет никакой стражи, кроме сидящих в каморке перед входом двух юных писцов и архивариуса, такого древнего, что он не смог бы отстоять это место даже от нашествия москитов. Я вижу, что это Восток. С одной стороны, достояние державы постоянно расхищается правительственными чиновниками, назначенными для того, чтобы оберегать и приумножать его, с другой — вы можете оставить всю государственную казну посреди Улицы шествий, и ни один человек не возьмет ни монетки.

Мне рассказывают, что двести лет назад, когда Вавилонию завоевал Кир Великий, он разделил всю плодородную землю провинции на семнадцать тысяч участков, которые роздал своим победоносным солдатам и командирам. Эти пожалования подразделялись на наделы лучников, всадников и колесничих. Держатель имени платил ежегодную подать, зависящую от категории. Кроме того, с каждого надела лучника в царское войско направлялся пехотинец в доспехах, с оружием и со слугой, с каждого надела всадника — верховой со своим конем и в сопровождении конюха,

а с надела колесничего — возникий с колесницей, упряжкой и оруженосцем. Поскольку многие из держателей наделов постоянно находились или в армии, или при дворе и не имели возможности вести хозяйство на своих землях, участки передавались в ведение управляющим из местных чиновников. Те заключали с владельцами договор, по которому должны были обеспечивать рачительное использование земли, а полученный доход, за вычетом царских податей и причитающегося им вознаграждения, перечислять землевладельцам. Эти управляющие, оказавшиеся фактическими хозяевами земли, составили *kanesis*, «сообщество» или «семью» заговорщиков, деятельность которых была направлена на подрыв власти и влияния персидской знати и, соответственно, расширение собственных возможностей. Евнухи, служившие царю, были посвящены в эти интриги и всячески способствовали их успеху, ибо сами были заинтересованы в ущемлении знати и укреплении собственного положения. В результате царские казначеи и сборщики налогов действовали в сговоре с мошенниками, обиравшими царских воинов, подрывавшими военную мощь державы и, стало быть, интриговавшими против самого царя. Однако, забирая себе львиную долю доходов, они тем не менее вынуждены были отдавать некую толику и в казну, и землевладельцам. Разумеется, все эти средства выколачивались из несчастных крестьян.

И вот теперь над этими землями воцарился я. Мне тоже предстоит поделить окрестности Вавилона на царские наделы и раздать их моим соотечественникам. А что еще могу я сделать? Война зовет меня дальше и дальше. Естественно, мне хочется, чтобы в моих владениях воцарились справедливость и всеобщее благоденствие. Но как этого добиться? В конечном счете, у меня нет иного выбора, кроме как оставить дела точно в таком же состоянии, в каком они пребывают сейчас, в ведении тех же самых чиновников. Я вынужден поступить так, как поступал до меня каждый завоеватель.

Я заберу деньги и пойду дальше.

И все же я не стал бы утверждать, что продажность составляет единственную суть здешней жизни. Я провожу памятную ночь в беседе с царицей-матерью Сизигамбис, ставшей для меня своего рода наставницей.

— На Востоке человека оценивают не как личность, по его заслугам, но исключительно по его положению, месту у кормила власти. Он не может самостоятельно «преуспеть» или «продвинуться». Наше общество, Александр, совершенно не похоже на твою армию, где доблесть уравнивает всех, позволяя бедняку обогатиться, а человеку незнатному достичь видного положения. У нас же ни один человек не существует вне подчинения другому.

Сизигамбис подробно рассказывает мне о сложнейшем механизме власти, том путаном лабиринте, в котором одна часть общества навязывает свою волю другой, но тем самым и сама ввергает себя в зависимость от чьей-то тиранической воли.

— Взаимная кабала представляет собой сеть, простирающуюся сверху вниз и из стороны в сторону, паутину, опутывающую всех и каждого. По нашим понятиям, человек не может и не должен иметь собственной воли, единственное допустимое желание — это желание угодить своему господину. Спроси любого, а чего именно хочет он сам для себя, и человек затруднится ответить. Само это понятие находится за пределами его понимания.

Это Восток. Справа видишь богатство, поражающее воображение, слева — нищету, которая не поддается описанию. Тяготы, выпадающие на долю крестьян, столь велики и нескончаемы, что любого из этих людей можно считать почти святым. Они держатся с достоинством, которому могли бы позавидовать и цари Запада, но это достоинство камня, столетиями противостоящего выветриванию, а не человека, спустившегося с небес.

Я говорю царице матери, что хотел бы видеть ее сына, царя Дария, здесь, с нами.

— Зачем? — спрашивает она.

— Чтобы понять, как он управлял этим новым для меня миром. И попытаться выведать тайны его сердца.

Персидская царица со вздохом опускает глаза.

— Господин, из всех людей владыка Востока наименее свободен. Его роль состоит в том, чтобы быть живым воплощением всего великого и благородного, что есть в мире. Величие его сана наполняет жизни его подданных надеждой и смыслом. Однако сам он поработчен своим высоким положением. Мой сын Дарий не захотел бы рассказывать тебе о своей жизни, Александр, но спросил бы с завистью о твоей.

Что же до денег, то дело обстоит следующим образом. Поскольку все богатство стекается наверх, к царю, люди придумывают множество махинаций, позволяющих укрывать доходы от всевидящих очей сборщиков налогов.

Вовсю процветают такие элементы черного рынка, как заменяющий куплю-продажу прямой обмен, но главное, в более крупных масштабах, ачаема, «поручительство». Появляются и условные заменители денег, причем в одном городском квартале эту роль могут выполнять черепки, а в соседнем — свинцовые грузила. Так или иначе, устойчивость такого «платежного средства» гарантирует уличный «казначей», который либо сам входит в одно из управляющих городом тайных обществ, либо действует под его протекцией.

Возьмем, например, сукновала, владельца мастерской и лавки, где изготавливают и продают войлочные изделия. В счет налогов он отдает часть своего товара, но ему ведь еще нужно платить жалованье работникам. Чем? Не монетами, которые он, можно сказать, в глаза не видит. Работники получают расписки, обеспеченность которых гарантирует ачаемист — уличный казначей. Кто защищает его и обеспечивает его

деятельность? Тайный синдикат, который находится под покровительством царских казначеев. Эта система хозяйствования сложна, как само мироздание, и постигнуть ее почти столь же трудно, как проникнуть в помыслы Бога. Завоеватели и властители сменяют друг друга, не затронув и не поколебав ее. Я уверен, что на широких просторах Вавилона, с его четырьмя миллионами душ, три четверти никогда не слышали ни моего имени, ни имени властвовавшего над краем долгие годы Дария. Однако следует признать, что данная система куда более пагубна не для завоевателя, а для населения. Да, при практическом отсутствии денежного оборота люди сводят к минимуму свои налоги, но какой ценой? Сама идея «поручительств», призванная освободить человека от тирании сборщиков податей, извращается, оборачиваясь другой формой порабощения. Каждый оказывается пленником своего квартала, живет только его жизнью и не может иметь каких-либо интересов и стремлений за его пределами. Это одна из причин, по которым столь великий город может быть захвачен с такой легкостью, будто его стены возведены из паутины.

Не следует забывать и о том месте, которое отводится в жизни Востока плотским утехам.

В обществе, в котором дух человека сокрушен с рождения, где надежда отсутствует, страдание притупляет, где душу питает отчаяние и каждый является рабом, отдельный человек стремится к получению сиюминутного удовольствия, когда и где это возможно. При этом далеко не все довольствуются простыми, непритязательными радостями: в большинстве случаев пристрастия вавилонян отличаются извращенностью и жестокостью. Нигде в мире все мыслимые пороки не расцветают столь пышным цветом, как в Вавилоне, нигде более сам воздух не отравлен духом соблазна так, как здесь. Здесь доступно все: дурманящие вещества и изысканные благовония, возбуждающие желания притирания и масла, питье, пробуждающее похоть, равно как яды и це-

лебные бальзамы. Девочек и мальчиков с малолетства обучают искусству утоления страсти, а всевозможные предметы, служащие удовлетворению извращенного вожделения, позволяющие добиваться покорности, причинять боль или облегчать ее, продаются на каждом углу. Среди ассирийцев и вавилонян есть великие поэты чувственности, и я могу понять их, ибо лишь в этой сфере они свободны. Великолепнейшие на Востоке строения — это не храмы и не дворцы, а серали.

Но невзирая на всеобщую порабощенность и бьющую в глаза нищету многих и многих, Вавилон представляет собой целый мир, живой, трепетный и многоцветный. Женщины красивы, темноглазые дети проказливы. Торговля каким-то непостижимым образом процветает. Барки и ладьи курсируют по Евфрату, доставляя товары и пассажиров куда им угодно с удивительной легкостью и быстротой. Веселые цвета набережных, хрипая суматоха многолюдного базара, запахи различных сортов жарящегося на вертелах мяса и свежеспеченного хлеба прямо-таки кружат голову. Великий город раскинулся под палящим солнцем, изнемогая от зноя и исходя каплями пота от обостренной чувственности. Его невозможно не полюбить.

Вот в чем мое затруднение: я вдруг понял, что начинаю испытывать расположение к этим азиатам. Сердце мое рывается, когда я вижу их такими несчастными и несвободными.

Вскоре после того, как мы вступаем в Вавилон, Буцефал заболевает. Рана, полученная при Гавгамелах, то ли из-за жары, то ли из-за какой-то заразы воспаляется, и заражение начинает распространяться со страшной скоростью. Мой конь немолод (ему почти восемнадцать лет), и коновалы предупреждают меня, что он может не пережить эту ночь. Я устремляюсь к нему и сообщаю всем, кто за ним ухаживает, что в случае его смерти они, не пройдет и часа, последуют за ним. В конюшню созываются все лекари ар-

мии, не только коновалы, но и врачи, пользующие людей. Каждому, кто сможет спасти Буцефала, эллину или варвару, обещано отсыпать столько золота, сколько весит сам конь.

Глашатаи доводят это до сведения всего Вавилона, откуда весть разносится по окрестностям. Мир конников тесен, и через несколько часов ко мне прибывает гонец от Тиграна, героя Исса и Гавгамел, имеющего конюшни в шестистах стадиях вверх по течению Тигра, в деревушке под названием Багдад. На службе у Тиграна состоит Фрадат, один из знаменитейших коновалов державы. Гонец сообщает, что лекарь уже в пути, а на тот случай, если Буцефала придется переправить в имение, где есть все необходимое для выживания, в Вавилон послана баржа. Подобное великодушие и сострадание со стороны недавнего врага, сражавшегося со мной не на жизнь, а на смерть, поражает меня до глубины души.

Путь вверх по реке занимает два дня. Буцефал не может стоять, его вес необходимо поддерживать подведенными под брюхо ремнями. Я ласково разговариваю со своим конем и поглаживаю его уши, как делал это в детстве, когда Буцефал был моим самым большим другом.

Персы — тонкие знатоки и ценители лошадей, а в имении Тиграна находится славнейшая в Персии школа наездников, коневодов и коновалов. Едва баржа касается причала, как поглазеть на Буцефала вываливает целая толпа народу: лекари, ученики, конюхи, мастера выездки и им подобные. Мой конь прославлен повсюду, и настоящие ценители рады возможности взглянуть на него даже в столь прискорбном состоянии. Буцефал похож на меня: он равнодушен к славе, и внимание его окрыляет. Стоит мне заглянуть ему в глаза, и впервые за долгое время я позволяю себе вздохнуть с облегчением. Он выздоровеет.

В усадьбе Тиграна мы гостим пятнадцать дней. Это настоящее кавалерийское учебное заведение, где обучают всех,

кому предстоит иметь дело с боевыми скакунами. Территория со множеством конюшен, амбаров, скаковых дорожек и арен для выездки содержится в безупречном порядке, однако повсюду витает дух поражения. Две стены ристалища увешаны уздечками товарищей, павших в бою, многие помещения забиты ранеными и увечными. Все исполнены страха и деморализованы.

Я немедленно даю обещание сохранить школу. Меня очаровывает красота персидских юношей, служащих Тиграну, так что я, отозвав в сторонку Гефестиона, говорю:

— Вот чем персы отвечают нам.

Тиграну настойчиво предлагается перейти ко мне на службу. Я хочу, чтобы он собрал собственный полк и вел дальнейшую кампанию на моей стороне. Но благородный воин отказывается выступить против своего царя и родича: он заявляет, что я, как победитель, могу забрать его жизнь, но не вправе посягать на его верность. Это утверждает меня во мнении, что в Персидской державе найдутся честные и благородные люди, которым можно будет доверить управление.

А знаешь, Итан, как Фрадат вылечил Буцефала? С помощью небес. Этот лекарь, как и все лекари Персии, является знатоком магии и астрологии.

— Звезды, о царь, рождаются и умирают, как и люди, — говорит он мне, — ни одна звезда не появляется на небесах в одиночестве. У каждой есть пара, ее близнец. Такие звезды светят в небе по отдельности, но, когда одна из них вспыхивает или тускнеет, это неизбежно затрагивает другую. Точно так же, Александр, обстоит дело с тобой и твоим конем. Буцефал страдает, потому что болит твое сердце. Это великое чудо, но он — это ты, и он не сможет обрести покоя, пока неспокойна твоя душа.

При этих словах я разрыдался как ребенок. Смысл сказанного лекарем был понят мною сразу, и мы — я, он, Тигран и Гефестион — проговорили об этом всю ночь.

Я признался, что более всего на Востоке меня огорчает жалкое положение людей и покорность, с которой они его терпят.

— Кто же безумен? Я, потому что мне тяжело видеть их горести, или они? Неужели свобода и целеустремленность есть лишь пузырьки на поверхности безбрежного и вечного моря страданий?

Трудно пересказать, в сколь удрученное состояние повергали меня мои невеселые размышления.

— Неужели Восток и Запад невозможно объединить? — спрашиваю я. — Неужели мы, пришельцы из Европы, не можем почерпнуть мудрость от Азии, а она — воспринять у нас свободу?

— В минуты растерянности, — говорит Тигран, — я часто находил ответы на самые сложные вопросы у детей и лошадей. Может быть, Александр, дети помогут найти ответ и на твой вопрос.

Я спрашиваю, что он имеет в виду.

— Для нынешнего поколения объединение невозможно. Люди Востока и Запада слишком разные, и им уже поздно менять устоявшиеся привычки и усвоенные с детства взгляды. Но со следующим поколением...

Я прошу его продолжать.

— Александр, жени своих людей на наших женщинах. Возьми и себе супругу из персиянок. Пусть дочери Персии станут для новых хозяев страны не наложницами и шлюхами, но женами. Это позволит осуществить твою мечту. Отпрыски таких браков составят совершенно новый народ, который не сможет отказаться от наследия своих предков, как отцов, так и матерей, не отказавшись от себя самого. А пока, — утверждает Тигран, — тебе лучше не преследовать Дария, как охотник преследует добычу, но предложить ему примирение и согласие. Восстановить его на троне и сделать его своим другом и союзником. Не разрушай благо-

родные обычаи, Александр, но включи знать и простых бойцов в состав своей армии, а для управления страной отбери среди обоих народов, персов и македонцев, тех, чья мудрость и справедливость позволят им справиться с этим наилучшим образом.

Тигран обещает, что, едва первое поколение потомков смешанных браков подрастет, он сформирует из них великолепный отряд.

— Я почту за честь способствовать рождению этого нового мира, — заверяет герой, — и клянусь, что смогу призвать под твоё знамя многих благородных сынов Востока, ибо подобное видение грядущего развеет их отчаяние.

На четырнадцатый день из Вавилона приезжает Парменион. Каким-то образом он узнал о моем разговоре с Тиграном и теперь, отведя в сторону, увещевает по-отцовски. Неужто я не в ладах с разумом? Македонская армия не потерпит, чтобы я относился к персам как к равным.

— Покинь это место, склоняющее тебя к безрассудству, Александр, покинь немедленно. Каждый лишний час, проведенный тобою здесь, причиняет боль тем, кого ты любишь. Вспомни: это те самые жители Востока, относительно которых твой мудрый наставник Аристотель говорил: «Относись к эллинам как предводитель, но к варварам как господин». А спартанский царь Агесилай, хорошо знавший здешний люд, высказывался так: «Из них получают хорошие рабы, но плохие свободные люди». Александр, выбрось из головы безумную мысль о смешении народов! Эти знатные персы, сколь бы ловко они ни сидели на коне, неспособны к самоуправлению. Они рождены для жизни придворных: это единственное, что они знают, и все, что будут знать.

Как относятся македонцы к персам? Они презирают их. В их глазах эти щеголи в шароварах, обвешанные золотом, стоят меньше, чем женщины. С другой стороны, и сами персы ведут себя вызывающе. По возвращении в город мне

приходится издать и довести до каждого сотника и даже десятника указ, запрещающий беспричинно избивать местных жителей, а также подвергать их публичному унижению. Люди, которых мы победили, не собаки. Но если этот вопрос хоть как-то решается, то праздность и избыток денег начинают разлагать армию в других отношениях.

На двадцать седьмой день я председательствую на играх в честь павших. Пройдя мимо ворот Мардука, я вижу, что улица менял за ними запружена солдатами, среди которых и мой давний знакомый, десятник Дерюжная Торба, нахватавший охапку всякого добра при Иссе. Он и его товарищи стоят в очереди перед столом уличного казначея.

— Что ты там делаешь, Дерюжная Торба? — окликаю я его, подъехав.

— Стою в очереди, о царь.

— Сам вижу, что стоишь. Но что это за очередь?

— Так ведь в этой проклятой стране везде приходится мучиться в очередях. Стоять в очереди, чтобы похавать, чтобы отлить, чтобы тебе заплатили.

Теперь я понимаю, что он хочет взять у здешнего заправила взаймы.

— Неужели у тебя нет денег, десятник? — спрашиваю я, памятуя о том, что свою долю добычи стоимостью в трехгодичное жалованье он получил всего двадцать дней назад.

— Все спустил, — признается малый и указывает на дельца. — И не я один. Многие из нас уже по уши в долгу перед этим мошенником.

Я приказываю десятнику и его товарищам в тот же вечер явиться ко мне в военное казначейство. В назначенный час возле казначейства, как бы случайно прогуливаясь, собирается чуть ли не вся армия.

Как я уже говорил, в македонской пехоте самое маленькое подразделение состоит из восьми солдат. Эти ребята постоянно держатся вместе, по очереди дежурят, исполняют

роль «носильщиков», перенося сариссы товарищей, вместе сражаются. Отдыхают и развлекаются они тоже вместе.

— Вижу, вы и деньги спустили все разом, — замечаю я.

— Ага, — признается Дерюжная Торба.

По его словам выходит, что, получив шальные деньжищи, его товарищи решили «расширить свой горизонт».

— Ну-ка выкладывай, каким это манером?

— Вообще-то мы хотели посмотреть город. Поэтому нам понадобился переводчик. Ты можешь это понять. И знаток местных достопримечательностей, чтобы мог показать нам все самое интересное. Мы нашли обоих в одном лице, причем за умеренную плату. Но ведь не могли же мы ходить по городу оборванцами, как-никак победители. В походе все поизносились, так что новая одежонка да и обувь были нам нужны позарез, иначе неловко перед местными красотками. Толмач и проводник подыскал нам портного и мастера по изготовлению сандалий. Мы, конечно, понимали, что чужака всякий попытается обмишулить, но зять нашего проводника, очень кстати, оказался менялой, и мы позвали его с собой, чтоб нас не дурили. А он каким-то манером завел нас в «веселый квартал». К шлюхам, стало быть. Славные там девчушки, просто им малость не повезло. Мы, ясное дело, по доброте душевной решили им помочь, дать им заработать. Ну и попить с ними, провести время как следует. А шлюшки-то там не какие попадя, они тебе и на флейте сыграют, и танцевать горазды. С такими зазорно сидеть в солдафонском обличье.

Как я понял, в веселом квартале наших солдат обслужили как вельмож: умастили благовониями, завили им волосы, словно архонтам, выкупали, сделали массаж. Потом закатили пир с лучшими блюдами и винами, причем каждого солдата обслуживал отдельный слуга. Ну а для ночлега им предложили особняк на реке, который они сняли вместе со служками, домоправительницей, привратником и сторо-

жем. Кроме того, наши ребята прикинули, что таскаться по городу в этакую жару пешком не больно приятно, а поскольку гуляли они широко и смекнули, что абы где просто так возницу не поймаешь, то наняли на целый день крытую повозку с возчиком и конюхом (должен же кто-то позаботиться о лошадках, покормить их, почистить и все такое).

— Ну да, — неохотно сознается он под конец, — нас провели как младенцев. Обобрали. Мы ведь еще и землю купили, причем с домашним скотом.

— Что, никаких скаковых коней?

— Всего-то двух. Но вот другое: трое наших парней женились.

— Только не говори мне, что вы берете взаймы, чтобы поддержать их семьи.

Я не сержусь на своих братьев и соотечественников, но плохо представляю себе, что в сложившихся обстоятельствах могу для них сделать. Дать им еще денег? Но это, во-первых, несправедливо, ведь они уже получили причитающееся, а во-вторых, бессмысленно. Сколько ни дай, эти молодцы промотают все до медяка. Жизнь в Вавилоне предлагает много соблазнов, но, главное, расхолаживает людей. Те, кто не спустил всю добычу, начинают поговаривать о том, чтобы вернуться в края, где все подешевле, в Сирию или Египет, а то и домой, где, по тамошним меркам, они будут считаться состоятельными людьми. В конце концов я издаю указ о том, что все деньги, потраченные на городские увеселения и выманенные у солдат местными мошенниками, будут возмещены им, драхма в драхму, но только столы армейских казначеев будут установлены на дороге, в четырехстах стадиях восточнее города. Иными словами, друзья мои, поход продолжается.

Армия соглашается с таким решением: по подразделениям гуляют слухи о том, что в Персеполе и Сузах сокровищ накоплено еще больше.

Покидая Вавилон, я оставляю Мазея на том же самом посту наместника, который он занимал при Дарии. Прежнюю должность сохраняет и его казначей Багофан, но теперь он будет работать под надзором македонского чиновника. Так же как и Фарнак с Адрагатом. Гарнизон города составлен из ветеранов, наемников и тех, чьи воинские навыки не подходят для будущей кампании, в которой мне потребуются быстрые, мобильные подразделения.

Можно сказать, что наше завоевание пробудило город к новой жизни. Та часть сокровищ Дария, которая была роздана мною солдатам и потрачена ими в Вавилоне, влила свежую струю, превратив застойный пруд городского хозяйства в изобильную реку. Все эти богатства долгое время лежали под спудом, не видя дневного света, а теперь наполняют страну, подогревая деловую активность. Вавилон не знал столь веселых времен, когда кошельки развязывались столь охотно. Неудивительно, что, когда на тридцать четвертый день армия Македонии собирается и выступает в путь, многие солдаты испытывают облегчение, а многие местные жители — сожаление. Захватчики уходят, но вместе с ними уходит и нечто великое и неповторимое. Два миллиона горожан выстраиваются вдоль Царского тракта и, охрипнув от криков, провожают марширующие колонны.

К сожалению, нашему уходу предшествует очередная ссора между мною и моими военачальниками. На тридцать третий день мы совершаем поминальный обряд, и я приказываю захоронить пепел сожженных тел персидских командиров в том же кургане, что и пепел македонцев. Возмущению армии нет предела. В последний вечер нашего пребывания в городе я устраиваю для своих командиров пир в большом пиршественном зале Дария, том самом, где на полу из малахита и мрамора выложена мозаичная карта державы. Но то, что доступ ко мне теперь преграждается евнухами и старые боевые товарищи, прошедшие со

мною два континента, больше не могут запросто ко мне подойти, воспринимается ими как оскорбление. Черный Клит и раньше бесился при виде того, как я разговариваю с Тиграном, Мазеем или любым другим персом, но в тот вечер, напившись пальмового вина, он уже не может сдерживаться.

— Александр! — кричит он, выйдя на середину зала. — Неужто теперь ты предпочитаешь нам варваров? Клянусь черным дыханием ада, я не потерплю, чтобы эти щеголи в шароварах беседовали с тобой, тогда как мне придется ждать или испрашивать их дозволения!

Я направляюсь вперед и протягиваю руку.

— Клит, друг мой. Не твоя ли десница спасла мне жизнь при Гранике? Разве могу я забыть об этом?

Он уклоняется от моих объятий и обводит зал взглядом в поисках поддержки. Я знаю, что многие на его стороне, хотя, боясь моего гнева, не рискуют высказываться открыто.

— Это Восток, Александр. Здесьние жители всегда были и будут рабами. Ты хочешь понять их? Да самый тупой десятник давно уразумел, как тут все устроено. Воровство и взятки — вот основа здесьней жизни. Любой обладающий хоть какой-то толикой власти обирает нижестоящего и платит тому, кто выше его. Сокровища стекаются на самый верх, к царю, но, пока эта река течет, каждый стоящий рядом окунает в нее руку. Так было, есть и будет: ты ничего не сможешь изменить. Клянусь Зевсом, я предпочел бы быть собакой, чем одним из здесьних бесправных поденщиков или земледельцев. Но ты пытаешься превратить разряженных лизоблюдов в свободных людей и дни напролет проводишь, запершись с облаченными в пурпурные мантии льстецами, тогда как любящие тебя и проливавшие за тебя свою кровь остаются в небрежении. Мы солдаты, Александр, а не придворные. Позволь же нам солдатами и остаться!

Я не сержусь. Я не поддаюсь гневу, но в то же время осознаю, что в этот момент, пожалуй, сталкиваюсь с самой серьезной угрозой для осуществления моих замыслов с того момента, как мы покинули Европу.

Взгляд, брошенный мною на Гефестиона, Теламона и Кра-тера, дает понять, что они думают о том же самом.

— Солдаты ли вы? — восклицаю я. — Или мне померещилось, что по пути к Гавгамелам многих охватил столь безумный страх, что они жались ко мне, как потерявшиеся во тьме детишки? А теперь, насладившись плодами победы, вы начинаете дерзить! Скажи, Клит, — обращаюсь я к своему обвинителю, стоящему в самом центре зала, на том самом месте, где мозаикой выложен знак Вавилона, — ты покори́л этот город или он тебя?

Клита мои слова смущают, ибо он знает, что и мне, как и всей армии, известно о его связи с дворцовой блудницей, ублажая которую мой полководец за считанные дни спустил целое состояние.

— Вот что скажу я тебе, мой безрассудный друг. По моему разумению, распущенность и блуд лишили тебя рассудка. Да и не тебя одного. Всех вас! Ибо вы, называющие себя солдатами, забыли, что главные солдатские доблести — это дисциплина и повиновение. Не я ли ваш царь? Будете ли вы повиноваться мне, или же неожиданно свалившееся богатство, обретенное, кстати, благодаря мне, управляет вами, толкая вас к бесчинству и своеволию? Неужели вы усомнились во мне? Неужели я потерял ваше доверие?

В зале воцаряется мертвая тишина. Мои шаги гулко отдаются под сводами, когда я направляюсь к восточному концу мозаичной карты — к Греции и Македонии.

— Менее четырех лет назад, когда мы покинули родину, кто из вас мог предположить, что мы найдем так далеко?

Я пересекаю Геллеспонт, указываю на Трою и северную часть Эгейского побережья.

— Однако мы победили здесь, при Гранике. И здесь, и здесь, и здесь.

Я шагаю по побережью мимо Милета и Галикарнаса к Иссу.

— Здесь вы чуть не повернули назад.

Еще шаг, и подо мной Тир и Газа.

— Здесь вы тоже хотели остановиться.

Я делаю еще шаг.

— Вот Египет, вот Сирия. И здесь вы советовали мне не идти дальше. Разве я говорю неправду? Скажите! Пусть выйдет вперед тот, кто осмелится опровергнуть мои слова!

Все затаили дыхание. Никто не шелохнулся.

Я сдвигаю Клита с мозаичного круга, обозначающего Вавилон.

— Теперь мы стоим здесь, куда не мечтали попасть даже в самых дерзких мечтах. Но мы не намерены остановиться на достигнутом, а собираемся идти дальше. Сюда, в Сузы! Сюда, в Персеполь! Сюда, в Экбатаны! Разве не такова должна быть цель тех, кто называет себя солдатами? Но если так, то ответьте, кто поведет вас?

Я выпрямляюсь.

— Назовите его! Назовите человека, которому вы верите, и я отойду в сторону. Если вы считаете меня недостойным, пусть другой полководец ведет вас от победы к победе.

Я обвожу взглядом лица присутствующих. Глаза потуплены. Никто не решается встретиться со мной взглядом.

— Намерены ли вы подчиняться мне? Смею ли я назвать себя вашим царем? Ибо мне кажется, что сейчас самое подходящее время сообщить вам о том, что я не собираюсь задерживаться здесь, пройдя лишь половину этой карты.

Я шагаю через Персию и Мидию. К Парфии, Бактрии, Арии. К Иранскому нагорью и пустыням Афганистана.

— Будете ли вы покорять эти земли со мной, братья? Или, удовлетворившись обретенным богатством, останови-

тесь на полпути, чтобы предаться обжорству, пьянству и блуду?

— Нет! Никогда! — восклицают командиры.

Я смягчаю тон: имея дело с хорошими, смелыми и честными людьми, не стоит давить на них слишком сильно.

— Друзья мои, я признаю, что, возможно, слишком уж рьяно склонял вас к новизне, испытывая тем ваше терпение. Но позвольте, во имя всех тех благ, каковые до сих пор приносило вам мое руководство, попросить вас оставаться со мной. Доверьтесь мне, как делали это всегда. Ибо когда мы выйдем за пределы Персии, в земли, в которые, как известно, не вступал ни один эллин...

Я пересекаю Афганистан и приближаюсь к Гиндукушу, за которым лежит Индия.

— ...нам понадобятся все надежные солдаты, какие только есть. И настройтесь, друзья мои, на еще более дальний путь. Ибо в тех землях, которые будут покорены, я наберу новые войска, и они будут сражаться под моим командованием бок о бок с вами. Так должно быть. Да и как оно может быть иначе?

В первый раз я чувствую, что люди поворачиваются ко мне. Они поняли или начинают понимать. А те, кто не понял, просто доверяют моей прозорливости.

— Задумайтесь о том, друзья мои, сможем ли мы изменить мир, не изменившись сами? Нам предстоит создать совершенно новый мир. Кто последует за мной? Кто верит мне? Пусть тот, кто любит меня, пожмет мне сейчас руку и поклянется в своей верности, ибо робкие, слабые сердцем и сомневающиеся не смогут сопутствовать мне в осуществлении моих планов.

Я пересекаю Индию и шагаю дальше, пока не оказываюсь на самом краю зала, в сумраке, которого не достигает свет множества свечей. Возле побережья Океана, что на Краю Земли.

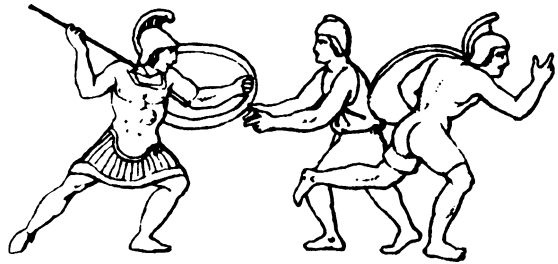

— Объявите же свое решение, братья, и соблюдайте данный обет отныне и вовеки. Тот, кто идет со мной, должен будет идти до конца.

Все как один встают из-за столов.

— Александр! — восклицают мои командиры, и эхо вторит им под сводами огромного зала.

ЧУДОВИЩА ГЛУБИН

Путь до Суз занимает у нас двадцать дней. В здешней сокровищнице Дария хранится пятьдесят тысяч талантов, или двенадцать сотен тонн золота и серебра, так много, что мы не в состоянии увезти все это с собой. Спустя еще сорок дней боев и форсированных переходов наша армия оказывается в пределах броска от Персеполя. Теперь мы находимся не в одной из провинций, а в самой Персии, в сердце державы. Дарий бежал на север, в Экбатаны, но его сатрап Ариобарзан предпринимает попытку самостоятельно вывезти казну. Мы пресекаем ее, преодолев за два дня и ночь восемьсот стадиев. В царской сокровищнице Персеполя хранится 120 000 талантов золота. Доставка только части этой казны в Экбатаны требует пяти тысяч верблюдов и десяти тысяч пар ослов. Обоз тянется на сто семьдесят стадиев. Это богатство столь ошеломляющего масштаба, что никто и не помышляет его разворовать. Люди сидят вокруг походных костров, примостившись на серебряных слитках, и садятся на лошадей, перешагивая через мешки с золотом.

С Гавгамел прошло девять месяцев. Армию почти не узнать. Наши подкрепления, пятнадцать тысяч конницы и пехоты, наконец-то догнали нас, но половина из них уже совращена излишествами, которые они видят вокруг. Кажется, что в Персеполе нам навстречу вышла половина мира. Явились актеры и акробаты из Афин, искусные повара из Милета и парикмахеры из Галикарнаса, седельщики и портные из Сирии и Египта. Помимо них нас осаждают толпы танцоров и фокусников, звездочетов и предсказателей, флейтисток и жриц любви. Птолемей замечает, что количество отирающегося возле армии сброда уже превысило численность кавалерии. Каждый день прибывают свежие караваны. Войско превратилось невесть во что. Создается впечатление, что каждый ветеран держит в лагере не только жену или любовницу, но и половину их родственников. Мой отец запрещал иметь при подразделениях повозки, а в моей армии подводами обзавелись полусотенные и даже десятники. Филипп разрешал держать одного слугу на десять человек; в моем корпусе слуг больше, чем солдат. Мы возим за собой гору имущества. Лошадей, принадлежащих одному Филоту, хватило бы на целый отряд в армии моего отца, а его личной обуви достаточно для крупного соединения. В Персеполе он находит человека с точно такими же волосами, как у него; он нанимает этого малого только для того, чтобы отращивать свежие локоны (солдаты прозвали его «волосаяная грядка»), из которых парикмахер Филота (да, он возит с собой и парикмахера) делает вставки, маскирующие его редющую шевелюру.

При всем том, что неподобающие солдату излишества вызывают у меня отвращение, общая распущенность затронула и меня. Еще в Дамаске я взял в постель вдову Мемнона Барсину. Сделано это было по предложению Пармениона, чтобы держаться подальше от гарема Дария, но его план принес и неожиданные плоды. С одной стороны, я стал забо-

титься не только об армии, но и о женщине, а с другой — сам стал зависеть от некоторых ее услуг. Барсина защищает меня. Если бы не она, всякого рода просители и жалобщики не оставили бы мне и минуты времени. Барсина закрывает мою дверь и не пускает никого, давая мне возможность работать, и не разрешает мне чересчур напиваться (есть у меня такая слабость).

На ее день рождения я устраиваю пир, на котором публике предлагается представление. Акробаты, вооруженные мечами (настоящими, остроту лезвий которых они демонстрируют, жонглируя плодами айвы и рассекая их в воздухе), исполняют пантомиму завоевания Персии. Это должно польстить македонцам, но, когда оно завершается, Тигран, успевший стать моим другом, заявляет, что оскорблен увиденным, и обвиняет Барсину в бесстыдном низкопоклонстве.

И тут, ко всеобщему удивлению, встает Парменион.

— На что ты жалуешься, перс? — вопрошает он Тиграна. — Ведь в этой войне победили не мы, а вы!

Никогда прежде я не слышал, чтобы Парменион говорил столь возбужденно и с такой горечью. В огромной палате воцаряется тишина. Парменион обращается ко мне.

— Да, мы потерпели поражение! — заявляет он. — Мы побили этих персов на поле, но они перехитрили нас во дворцах. Посмотри, во что мы одеты, что мы едим, что за свиты нас окружают. Ты не уничтожил Дария, Александр, а превратился в него сам. Что же до этой женщины, опутавшей тебя, словно паучиха, то признаю, что, указав тебе на нее, я поступил как недальновидный глупец.

Некоторые из гостей пытаются заглушить его, опасаясь моего гнева.

— Ну а теперь, — говорю я ему, — тебе остается только сказать, что мой отец никогда бы не повел себя таким образом.

— Да, он бы себя так не повел.

— Я не мой отец!

— Конечно, — отвечает Парменион, — это мы все ясно видим.

В другое время подобная дерзость заставила бы мою руку потянуться к мечу. Но сегодня я чувствую лишь отчаяние.

Гефестион возвышает голос в мою защиту.

— Действительно, — соглашается он, — Александр не Филипп. Ибо Филипп никогда не ставил перед собой столь грандиозных задач и даже не догадывался об их существовании! Будь во главе нас Филипп, мы так бы и торчали в Египте, предаваясь праздности и порокам...

— А чем мы занимаемся сейчас? — вопрошает Парменион.

— ...вместо того, чтобы переделать окружающий мир в нечто смелое и новое!

Парменион смеется Гефестиону в лицо. Старому полководцу за семьдесят. Он уже отдал походу одного сына, Гектора, и потеряет другого, Никанора, спустя всего два месяца после нашего выступления. Он помнит меня ребенком, а мой отец был другом его юности, с которым они вместе мечтали... о чем? Не об этом, это уж точно.

Он обращается к Гефестиону:

— А тебе, валяющемуся в царской постели, лучше бы помолчать. Мне зазорно находиться с тобой рядом!

Он имеет в виду, что от Гефестиона зависит, кто из полководцев получит ко мне доступ, однако мой друг приходит в ярость.

— Что ты хочешь этим сказать, сын шлюхи?

На защиту отца устремляется Филот. Он взбешен и готов броситься в драку, но стража, по указке Локона, хватает его.

— Что за шум и гам? — с деланным удивлением говорит Локон. — Или у нас тут собрались философы, спорящие о сущности бытия?

Смех помогает несколько разрядить обстановку. Слуги устремляются к своим господам с влажными салфетками

и наполненными вином кубками. Когда шум утихает, Гефестион поднимается на ноги. Никогда в жизни не испытывал я большую гордость за него, чем в тот час, при виде того, как он, являя образец терпения, отвечает на враждебные выпады дружелюбием и великодушием.

— Братья,— говорит он,— когда люди совместными усилиями стремятся, преодолевая невзгоды, к великой цели, они с готовностью подавляют порывы собственного тщеславия. Во всяком случае до тех пор, пока эта цель не достигнута. Но когда намеченное осуществилось, каждый желает получить свою долю добычи. Сейчас для нас настало самое опасное время, ибо все мы неожиданно для себя превратились в богачей и вельмож. Каждый считает, что его вклад в общее дело больше, чем у товарищей, и негодует, видя, как другие получают то, что он считает по праву принадлежащим ему. Что случилось со всеми нами, друзья? Клянусь Зевсом, когда мы проливали кровь и умирали на поле боя, нам приходилось только мечтать о возможности пировать, развалившись на подушках, как мы делаем это сейчас. Однако теперь, пребывая в безопасности и довольстве, мы деремся, словно амбарные коты. Неужели мы отвергли прежние добродетели и утратили свои достоинства? Думаю, пока это не так. Однако теперь перед нами открылись широчайшие горизонты, неведомые прежде никому, кроме царей Персии, и мы должны соответствовать высоте, на которую вознеслись. Мы взошли на вершину столь великую и недоступную, что у иных из нас не хватает дыхания. Ее грандиозность подавляет нас, даже когда мы считаем ее своей.

Гефестион призывает богов помочь нам и призывает нас, его товарищей, не отступаться и вместе стремиться к общей цели.

— Друзья, давайте здесь и сейчас вновь подтвердим нашу верность друг другу и нашему царю и поклянемся связующими нас священными узами сохранить эту верность пе-

ред лицом удачи, так же как хранили мы ее, преодолевая невзгоды, и навсегда остаться отрядом друзей и братьев. Готовы ли вы, мои товарищи, принести эту клятву вместе со мной? Это необходимо, ибо ныне мы уподобились пловцам, дрейфующим в море успеха, которых, если они не возьмутся за руки, волны разнесут в стороны. А в глубинах этого моря нас подстерегают опасные чудовища, готовые вырвать любого из братских объятий и увлечь на дно.

Призыв Гефестиона находит отклик в сердцах товарищей, и кризис удается преодолеть. К середине лета мы добираемся до Экбатан, откуда Дарий всего за несколько дней до нашего прибытия бежал на восток. Под конец с ним осталось тридцать тысяч пехоты, включая четыре тысячи уцелевших при Гавгамелах греков Патрона, и пять тысяч лучников и пращников, а также тридцать три сотни конников из Бактрии, возглавляемых Бессом и Набарзаном. Третью Азии все еще остается под властью царя, а людей и коней на этих землях вполне достаточно для того, чтобы собрать и выставить против нас войско, не меньшее, чем любое из тех, с которыми мы уже сталкивались. Но меня пугает не это.

С Дарием все кончено. Я боюсь того, что его собственные приближенные обратятся против него раньше, чем я успею догнать его и спасти ему жизнь.

В Экбатанах меня ждет письмо, оставленное царем. Его слуга, которого я сохранил в своей свите, подтверждает, что продиктованный текст заверен подлинной царской печатью.

Александру от Дария, привет.

Я пишу тебе, как человек человеку, опустив все царские титулы и обращения.

Знай, что я буду вечно благодарен тебе за доброту и заботу по отношению к моей матери и моей семье. Если этим поступком ты хотел показать, что твои человеоче-

ские достоинства не уступают достоинствам победоносного полководца, тебе это удалось. Я восхищаюсь тобой. А теперь, друг мой, если позволишь так обратиться к тебе (ибо мне кажется, что наше долгое противоборство, равно как и бремя царского сана, позволяет нам понять друг друга), я позволю себе обратиться к тебе с просьбой. Не обращай меня в пленника. Когда судьба снова сведет нас на поле боя, дай мне с честью сложить голову. Не надо оказывать мне милостей, сохраняя жизнь или возвращая трон, который в таком случае стал бы для меня седалищем позора. А еще прошу тебя воспитать моего сына, как своего собственного. Твоему же великодушному попечению вверяю я и всех своих близких, ибо ведаю, что ты отнесешься к ним как к родным.

Прямота и благородство Дария трогают мое сердце. Несмотря на его пожелание, я больше чем когда-либо хочу сохранить ему жизнь, ибо чту его не только как царя, но и как человека. По моему приказу из «друзей», копейщиков, агриан, наемной конницы и тех фалангистов, которые не остаются охранять колонну с сокровищами, формируется быстрый отряд, устремляющийся на восток с поражающей воображение скоростью. И вот мы в Гиркании, в краю, лежащем между Парфянской пустыней и Каспийским морем.

Погода здесь неустойчивая, и местность являет нам множество знамений. Над нашей колонной вьются орлы и вороны. Каждый день после полудня разражается гроза. Небеса рассекают огромные огненные стрелы, хлещут проливные дожди. След бегущего врага, ясный и отчетливый поутру, к вечеру полностью смывается водяными потоками. Мы чувствуем, что это знаменует собой конец державы.

На шестой день от Патрона, греческого командира, который, надо отдать ему должное, остался верным Дарию, прибывает посланец. Патрон сообщает, что царские вельможи готовятся предать царя, и просит меня не щадить усилий ради

спасения бывшего властителя. Своего гонца вождь наемников предлагает нам в проводники. Сам он, по его словам, останется с Дарием, чтобы защищать того от его собственных сатрапов, однако без нашей помощи ему долго не продержаться.

Выжимая из коней все, что возможно, мы на одиннадцатый день добираемся до города Раги, что в дневном переходе от Каспийских ворот. Пехотинцы больше не в состоянии выдерживать такой темп, даже кавалерийские кони валятся с ног. Дезертиры от Дария прибывают теперь к нам сотнями, говорят, что остальные просто разбегаются по домам.

Мне приходится дать отряду пятидневный отдых, после чего погоня возобновляется. За Каспийскими воротами возле деревни под названием Ашана мы подбираем Дариева толмача, брошенного своими из-за болезни. От него становится известно, что Дарий обезоружен и взят под стражу Бессом и Набарзаном. Бесс, командовавший правым крылом персидского войска при Гавгамелах, является сатрапом Бактрии, той самой страны, куда теперь устремляются дезертиры. Вся оставшаяся у царя кавалерия подчиняется ему, а следовательно, он если не номинально, то фактически изначально являлся хозяином положения.

Я беру с собой лишь «друзей» и копейщиков, а из пехоты только самых молодых и крепких парней: прочие остаются позади, под началом Кратера. С нами оружие и двухдневный паек. Стремительный ночной бросок к следующему полудню приводит нас к деревушке под названием Тири, где мы находим двух воинов Патрона, оставленных на попечении местных жителей из-за полученных ран. Они сообщают, что эллины, не имея сил оборонить царя и опасаясь за собственные жизни, ушли в горы. Дарий остался один, без защитников.

Намного ли они нас опережают?

На шестьсот стадиев.

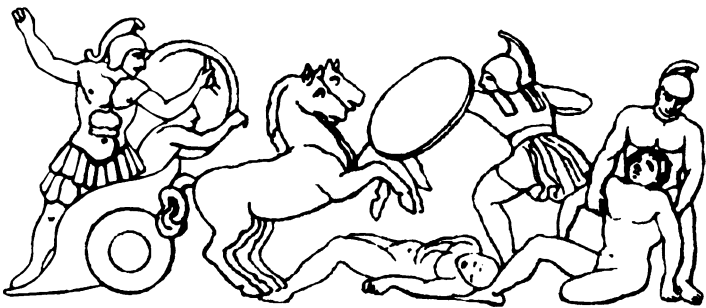

На преодоление сорока из них у нас уходят весь день и ночь. Двигаться приходится по ухабистой, безводной пустыне, а кони наши измотаны до предела. Однако нам удастся снова найти след, а потом и брошенный боевой штандарт Дария, золотого орла с распростертыми крыльями.

Вечерней прохлады наш отряд дожидается, отдыхая в деревушке, настолько бедной, что у нее даже нет названия. Когда мы разводим костры и готовим скудный ужин, из жалкой мазанки выбираются скрывавшиеся там сын Мазея Антибел и вавилонский аристократ Багистан. От них мы узнаем о том, что Дарий еще жив и находится в двухстах пятидесяти стадиях впереди, его везут на закрытой повозке, под стражей.

Я сокращаю отряд еще больше, сажаю самых молодых и легких на последних коней, которые еще в состоянии скакать, и к середине утра в пятидесяти стадиях перед нами мы видим предателей. Они тоже видят нас: их колонна рассыпается, и все пускаются наутек кто куда.

КОНЕЦ ЦАРЕЙ

Тело Дария мы находим в канаве в трех фарлонгах от главной дороги. Живот царя был пронзен насквозь несколько раз, из чего видно, что он был связан или его держали за руки. Раны смертельные, но не из тех, что убивают мгновенно: перед смертью Дарий претерпел страшные муки. Теламон склоняется над телом, чтобы расправить скомканный плащ и укрыть им поруганный труп бывшего владыки.

— Те, кто убил его, — замечает аркадец, — по крайней мере, соблюли приличия и напали спереди.

— Да, — добавляет Гефестион, — но добить его, чтобы избавить от страданий, им не хватило духу.

Столь гнусное предательство пробуждает во мне приступ безумной ярости. Я снимаю свой плащ и накрываю им тело. Да, игра «Убить царя» велась мною долго и упорно, но я отдал бы все, чтобы она закончилась по-другому. Царской тиары Дария нет, и это наводит на мысль о том, что цареубийца вознамерился сам претендовать на высшую власть. Рядом с дорогой разбросаны обломки повозки.

— Они держали его в цепях. — Гефестион указывает на оковы, прикрепленные к обломку рамы. — Должно быть, во время подъема на холм ось колесницы сломалась, и Бесс решил пересадить Дария на лошадь. Но тут царь отказался выполнить какое-то требование узурпатора и был убит.

— Отказался-то от чего? — спрашивает Теламон. — Отдать тиару?

— Нет, к тому времени изменники наверняка уже забрали ее. Может быть, он просто не захотел ехать дальше.

— Хватит глазеть да судачить, это недостойно.

Я приказываю обмыть и запеленать тело, дабы передать его царице-матери для погребения в Персеполе, в царской усыпальнице.

— Несите его на носилках завернутым в мой плащ, — говорю я, прочитав вопрос в глазах десятника. — Несите так, как если бы это были мои собственные останки.

В Гекатомпиле я снова присоединяюсь к армии, однако оказываюсь во власти меланхолии, какой никогда прежде не испытывал. Передо мной встает непростая задача: по иному сформулировать для армии цель похода. Теперь, когда Дарий мертв, многие сочтут, что задача выполнена, и захотят вернуться домой. Разумеется, остается еще погоня за Бессом, который наверняка подкрепит свои притязания на трон формированием на востоке новой армии. Но что потом? Как удержать войско от распада?

Но мое отчаяние сильнее, чем простая озабоченность. Я ищу уединения и прошу оставить меня всех, кроме Гефестиона, Кратера и Теламона.

В своих покоях, в обществе ближайших друзей, я все же чувствую себя так плохо, что не могу не только говорить, но даже пить вино. В глазах моих дорогих товарищей угадывается тревога, они опасаются за состояние моего ума. Каждый по очереди пытается как-то объяснить мое удрученное состояние, как будто определение и озвучивание оно способно избавить меня от его хватки.

— Смерть царя ужасна, это все равно что конец мира, — говорит Кратер.

— Однако, — добавляет Теламон, — это показывает, что и царь всего лишь человек. Он истекает кровью, как простой смертный, и умирает так же, как любой из нас.

— Но тот, кто сам является царем, — подхватывает Гефестион, — не может не увидеть в уходе из жизни своего собрата указание на неизбежность собственного конца.

Нет. Не в этом дело.

Друг мой между тем продолжает:

— Для человека столь благородного склада, как ты, Александр, зло может видеться не столько в самом факте смерти Дария, сколько в том, как он ее встретил. Беглецом, закованным в цепи и преданным собственными вельможами.

По его словам, случись нам захватить Дария живым, поддерживать порядок и управлять державой было бы гораздо легче: он мог бы взять на себя исполнение ритуалов и обязанностей, которые не годятся для македонцев. Сохранение Дария в качестве номинального владыки способствовало бы улучшению обстановки и в стране, и в армии.

— Мы потеряли нашего врага, — замечает Кратер. — Его поимка провозглашалась целью наших усилий, но этой цели более не существует, а заменить ее нам нечем.

Воцаряется молчание.

— Успех, — говорит Теламон, — есть самое тяжкое бремя из всех возможных. Теперь мы победители. Все наши мечты сбылись.

— Это тоже своего рода смерть, — соглашается Гефестион. — Может быть, самая суровая из всех.

Ночь приходит и уходит.

— Простите, друзья, — говорю я, нарушив наконец молчание. — Идите отдыхать. Со мной все в порядке.

Требуются минуты, чтобы убедить их, и еще минуты, чтобы выпроводить за дверь. Распахнув створы, я мельком

замечаю тысячи обеспокоенных моим состоянием людей, собравшихся вокруг здания. И хватаю Гефестиона за руку.

— Это из-за него,— срывается с моих уст.— Несомненно.

— Я не понимаю.

— Из-за Дария. Мне хотелось поговорить с ним. Услышать его мнение. Видишь ли, он единственный человек, который занимал ту вершину, на которой теперь должен стоять я.

Мой товарищ внимательно вглядывается в мои глаза. Все ли со мной в порядке?

— Я хотел слишком многого,— сознаюсь я.— Хотел, чтобы он стал моим другом.

Глава 30

СВИТА

Проходит год. Наша армия продолжает свое всепобеждающее шествие. Как и в результате предыдущих кампаний, под моей властью оказываются огромные территории. Но все это уже не овеяно прежним духом славы. Славы и справедливости.

Это чувство месяцами донимает меня, когда я остаюсь в своем шатре в окружении юношей из свиты. Со смертью Дария цель нашего похода была достигнута. Мы разграбили столицу Персии и сровняли царский дворец, символ преступлений, совершенных персами против Эллады и Македонии, с землей. С этим покончено. Царь мертв.

Теперь наши войска преследуют Бесса, присвоившего царскую тиару и провозгласившего себя владыкой Азии. По вступлении в афганские пределы я с почетом отпустил домой половину наших ветеранов. Несравненная фессалийская конница, все восемь отрядов, с богатыми дарами отбыли в свою Фессалию. Семь тысяч солдат македонской пехоты, получив заслуженное, отправились на родину. Союзники из

полисов Эллады, равно как многие из наемников, тоже получили возможность вернуться, а вместе с этим — больше сокровищ, чем они могли унести. Из ветеранов со мной остались добровольцы, которым повысили жалованье, ядро же наших сил теперь составили греческие и македонские подразделения, недавно прибывшие из Европы или эллинских полисов Малой Азии. Осенью, после смерти Дария, к нам присоединились три тысячи всадников и пехотинцев из Ливии, зимой мы нанимаем еще одну тысячу сирийских всадников и восемь тысяч пехотинцев. Из Эллады и Македонии прибывают ревностные добровольцы. А почему бы и нет, если в моем распоряжении находятся все деньги мира? В Задракарте, в Гиркании, к армии присоединяется отряд воинов, обученных Тиграном, первое наше боевое подразделение, состоящее исключительно из персов. Теперь у нас есть египетские копейщики, бактрийские, парфянские и гирканские наездники. Знатные персы являются ко мне и приносят обеты верности из ненависти к презренному узурпатору Бессу. Вождь греческих наемников Патрон, ранее служивший Дарию, приводит ко мне пятнадцать сотен закаленных бойцов, которые встречают самый радушный прием. В армии появляются новые командиры и новые подразделения, формируемые из уроженцев здешних мест. Преследуя Бесса по горам и пустыням, без них не обойтись.

Повседневное управление державой осуществляют чиновники, девять десятых которых персы. А кому еще можно поручить руководство огромной, пестрой и совершенно чуждой пониманию эллинов и македонцев страной? В иерархии управления находится место Артабазу, отцу Барсины (с которым я впервые познакомился мальчиком в Пелле, когда он с Мемноном нашел убежище при дворе моего отца), и благородным Автофрадатам, братьям, до конца хранившим верность Дарию и явившимся ко мне после его гибели. Оба получают в управление провинции. В свою свиту, представляющую собой нечто вроде школы юных командиров, я за-

числяю юношей из персидской знати, включая Кофена, сына Артабаза, двух сыновей Тиграна и троих сыновей Мазея. В конечном счете получается, что из сорока девяти юношей свиты одиннадцать являются персами, а еще семь — египтянами, сирийцами или мидийцами. Я не настолько слеп, чтобы не предвидеть недовольство, которое это вызовет, но, признаюсь, переоцениваю свою способность его сдерживать.

Суть проблемы в следующем: численность свиты оговорена обычаем, и, принимая в нее азиата, я тем самым отказываю в приеме македонцу. Это вызывает недовольство и на родине, где родовитые семьи воспринимают подобный отказ как оскорбление, и в лагере, где начинаются разговоры о том, что я отдаю предпочтение чужакам в ущерб соотечественникам. Кроме того, свитские юноши обзаводятся любовниками. Это обычное дело. Пареньки тринадцати-четырнадцати лет, прибывающие из Македонии, охотно дают соблазнить себя высокопоставленным командирам, которые лет на десять—пятнадцать их старше. По большому счету главное здесь не плотское вождение, а своего рода политика. Политика — это все. Юноши прибывают из дома, будучи знакомыми с командирами, которым предстоит стать их менторами, семьи же не только не возражают против подобных связей, но всячески их приветствуют. Такие узы скрепляют межродовые союзы, а юноши приобретают покровителей, способствующих их продвижению. Так, например, Клит, состоя в свите, был любовником Филиппа, что в немалой степени способствовало его назначению командиром царского подразделения «друзей». Теперь он делает своим подопечным паренька по имени Ангелид. Можно сказать, что каждый из юношей свиты предоставляет своему покровителю место в моем шатре.

Пока в свите состояли одни македонцы, все шло прекрасно, но при появлении иноземцев казавшаяся такой устойчивой колесница опрокидывается. Македонские командиры

не хотят брать под свое крыло азиатов, да и те, в свою очередь, боятся македонцев. Но что еще хуже, так это взаимная ревность. Стоит мне оказать внимание сыну Тиграна, как Клит и прочие соотечественники начинают видеть в этом ущемление их собственных подопечных.

Все это усугубляется и деньгами. Одно дело добиваться успеха и совсем другое — добиваться успеха небывалого, такого, какого добились мы. Это моя вина. Мне не удалось предложить армии перспективу достаточно впечатляющую, равную той, что была утрачена со смертью Дария. Кроме того, добиваясь сближения персов и македонцев, я в глазах последних зашел слишком далеко, приняв и усвоив многое из обычаев недавнего врага.

Чтобы компенсировать это, я осыпаю соотечественников щедрыми дарами. Доблесть Арета, явленная при Гавгамелах, вознаграждается пятью сотнями талантов, сокровища Агамемнона меркнут в сравнении с богатством, дарованным мною Мениду. Назначив Пармениона правителем Экбатан, я дарю ему кровать из золота. Домой, матери, я шлю триремы с ладаном и сердоликом, корицей и кассией. С обратной почтой она меня укоряет.

Александрю от Олимпии, привет.

Мой сын, твоя щедрость превратила некогда примерных командиров в мелких царьков. Пусть ты одаряешь друзей, руководствуясь добрыми намерениями, но это может повлечь за собой отнюдь не добрые последствия. Ты развращаешь их, ибо теперь каждый сотник мнит себя архонтом, а их родичи дома напускают на себя важный вид, претендуя на большее. Каждый военачальник, которому ты так благоволишь, преувеличивает свою роль в твоих победах и не только считает себя незаменимым, но и всякий раз, когда ты оказываешь честь кому-нибудь другому, мнит себя недооцененным и обойденным. Они дуются, даже не пытаясь скрыть недовольство, а оставшиеся дома жены

и родичи подогревают его своими подстрекательскими письмами. Чем больше ты даешь им, сын мой, тем больше ты подстегиваешь их амбиции. Птолемей хочет воцариться в Египте, Селевк жаждет Вавилона. Но как могут позволять себе такие желания карлики, обязанные всем, что имеют, исключительно тебе?

Из того же письма:

Когда вы голодали, твои командиры были друг другу настоящими товарищами, а теперь каждый завидует другому и воспринимает чужой успех как личное оскорбление. Они более не товарищи, но соперники. Давая так много денег, ты делаешь их независимыми от себя. Давай им землю, сын мой, женщин или лошадей. Давай им в управление провинции, но не золото. Золото коварно: оно делает хороших людей дерзкими, а плохих и вовсе неуправляемыми.

Теперь у меня есть враги и в собственном шатре. Те, в чьи обязанности входит оберегать меня, превращаются в заговорщиков, чьи интересы расходятся с моими. И речь не о мальчишках из свиты, а о высших командирах, в которых пробуждается дух взаимной зависти и ревности. Каждый из них, зарвавшись, мечтает возвыситься над прочими и боится, как бы его не опередили.

Я знаю твое сердце, сын мой. Оно слишком доброе. Любовь, которую ты питаешь к своим товарищам, ослепляет тебя, и ты не видишь их вероломства. Успех заставил каждого ревниво относиться к своему положению, и каждый боится, как бы другим не досталось больше, чем ему. Хочешь ты того или нет, но твой шатер более не палатка командира, а царский двор, а при дворе царя окружают не воины, а льстецы и лизоблюды.

Однажды ночью (дело был в афганских землях) один из юношей свиты в сильном волнении врывается ко мне в купальню и сообщает, что против моей жизни составлен заговор. Его товарищ несколько дней назад сообщил об этом Филоту, в расчете на то, что Филот немедленно уведомит меня. Но Филот этого не сделал.

Я созываю на совет македонцев. Филота приводят связанного. Его отец Парменион находится в шести тысячах стадиев к западу, командует сокровищницей в Экбатанах. Я предлагаю Филоту высказаться в свою защиту. Он говорит, что не воспринял известие о заговоре всерьез и не захотел беспокоить меня по таким пустякам.

— Негодяй! — ревет Кратер. — Как ты смеешь прикидываться тупицей перед лицом царя?

Допрашиваются четырнадцать юношей, у девяти из которых есть покровители, командиры «друзей» или царских телохранителей. Все юноши происходят из знатных семей. И все бесстыдно лгут.

— Надо подвергнуть их пыткам, как поступают во время войны с врагами, — предлагает Птолемей.

Всю ночь я совещаюсь со своими высшими военачальниками — Гефестионом и Кратером, Птолемеем, Пердиккой, Коэном, Селевком, Эвменом, Теламоном и Локоном, после чего решаю пытки к юношам не применять.

— Тогда отправь их домой, — предлагает Пердикка. Он полагает, что позор будет для них наихудшей казнью.

Гнусная измена повергает меня в отчаяние. Клянусь Зевсом, я начинаю жалеть о том, что мы победили в этой войне. Лучше пасть пронзенным копьем, чем дожить до того дня, когда те, кого я любил, начинают составлять заговоры и умышлять против моей жизни.

Более же всего меня страшит то, что вскрылась вина Филота.

— Как ты поступишь с Парменионом? — тут же спрашивает меня Гефестион.

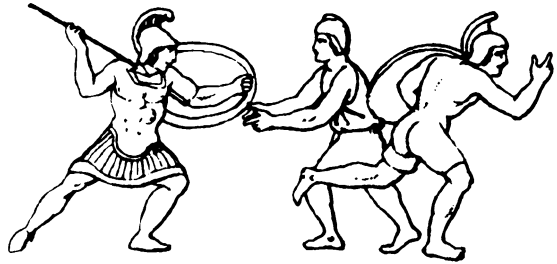
Я не могу казнить сына и оставить в живых отца. Поступить так не может ни один царь.

А у Пармениона есть власть. Я сделал его наместником Мидии; теперь он командует Экбатанами, в его распоряжении двадцать тысяч солдат, многие из которых почитают его, и царская казна, 180 000 талантов.

Я приказываю подвергнуть Филота пытке, и он, едва затрещали кости, выдает сообщников. В заговоре замешаны семь человек. Совет решает дело менее чем за двадцать минут. Все будут казнены.

Но что мне делать с Парменионом?

АГОНИЯ ПРАВЛЕНИЯ

Весь день и ночь после пыток Филота я совещаюсь со своими полководцами, моими генералами в своей ставке во Фраде. Гефестион верен, как солнце. Кратер принадлежит более мне, чем самому себе. Теламон чтит свой собственный кодекс, но этот кодекс не допускает измены. Пердикка любит царя; Коэн, Птолемей и Селевк — своего главнокомандующего. Клит горяч и своеволен, но он не станет плести интриги, а выскажет наболевшее в глаза. Кроме них, Эвмена и Певкесты, я не доверяю никому.

— Никто не говорит правду царю.— Час поздний, и я произношу свою речь, будучи пьян.— И чем более велик царь, тем меньше откровенности. Кто осмелится заговорить со мной без обвиняков? А ведь прямодушные всегда считалось сильной стороной македонцев. Мы грубы, но правдивы. Никто не боялся предстать перед Филиппом и высказать все, что у него на уме, да и вы, друзья, служа мне, прежде поступали так же. Но этого больше нет. Что говорят обо мне солдаты? Можете не отвечать,

я и так все знаю: «Александр изменился, завоевания испортили его. Это не тот человек, которого мы любили». Почему? Потому что я веду их от победы к победе? Потому что отдал в их руки целый мир? Потому что осыпаю их сокровищами?

Я сам чувствую, что говорю слишком высокопарно. И вижу это в глазах моих товарищей. Птолемей, самый энергичный из моих военачальников, берет слово.

— Александр, позволь мне обозначить опасность так, как я ее вижу?

— Пожалуйста.

До этого я метался из угла в угол. Теперь сажусь.

— А вы, братья, — обращается Птолемей к своим товарищам полководцам, — призовите меня к ответу, если сочтете мои мысли неверными, но поддержите меня, если увидите в них правду.

Он поворачивается ко мне.

— Друг мой, теперь каждый из нас тебя боится.

Эти слова поражают меня как гром.

— Это правда, Александр. Поверь. Каждый командир чувствует то же самое.

Я обвожу взглядом лица моих товарищей.

— Но как же это, друзья? Почему?

— Мы боимся тебя — и друг друга. Ибо ныне очевидно, что ты, бывший некогда нашим товарищем и другом, вознесся на недосыгаемую высоту. Как братья, мы мечтали низвергнуть владыку Азии, но лишь возвели на престол нового. Теперь им стал ты.

— Но это не так, Птолемей. Я остался тем, кем и был.

— Увы, нет. Да ты и не мог бы, при всем желании.

Он обводит жестом палату, в которой мы собрались, прежде принадлежавшую Дарию.

— Клянусь богами, взгляни, где ты находишься. Колонны из кедра, свод из слоновой кости.

— Но под ним по-прежнему мы.

— Нет, Александр.

Он мешкает, и я вижу, что, дабы продолжить, ему требуется вся его смелость.

— Я говорю откровенно, рискуя вызвать твой гнев. А что, если ты воспримешь мои слова превратно? Завтра ты отберешь у меня мои войска и передашь их Селевку...

— Неужели ты считаешь, что я способен на такое непостоянство?

В комнате воцаряется молчание.

Филот.

Мои полководцы вспоминают о нашем бывшем товарище, закованном в цепи и ожидающем казни. И не только о нем. О его родственниках и друзьях по всей армии: об Аминте Андромене и его братьях — Симмии, Аттале, Полеоне; о моем собственном телохранителе Деметрии; о тридцати сотниках, сотне полусотенных. Должен ли я отнять у них жизни? И жизнь отца Филота, Пармениона?

Слово берет Пердикка, самый суровый из моих военачальников, не считая Кратера.

— Александр, мы беседуем здесь как братья. Никого не виним. Мы пытаемся найти решение. Когда высказывался Птолемей, я завидовал его смелости.

Он делает паузу, но потом продолжает:

— Люди говорят, будто ты считаешь себя богом.

Я хочу возразить, но Пердикка тут же меня останавливает.

— Я отмечаю это, как и все мы. Но, Александр, кем бы ни мыслил себя ты сам, во всем этом есть момент, чреватый куда более серьезной опасностью. Если уж совсем начистоту, так ты ведь и впрямь стал богом. Ты совершил то, во что никто не верил и о чем никто даже не мечтал.

Он указывает на полководцев, своих товарищей.

— Каждому из нас есть чем гордиться, каждый не лишен дарований, и каждый считает, что достоин величия. Однако все мы сходимся на том, что достигнутое тобою было бы не по плечу никому другому. Ни твоему отцу, ни кому-то из

нас, ни всем нам, вместе взятым. Ни одному человеку или группе людей из когда-либо живших. Ты единственный, кто мог совершить это.

Он встречается со мной взглядом.

— Мы боимся тебя, Александр. Мы любим тебя, но боимся и уже не знаем, как нам с тобой держаться.

— Пердикка,— говорю я,— ты разрываешь мне сердце.

— Но это еще не самое большое горе. Беда в том, что страх подталкивает к заговорам. С этим ничего нельзя поделать. Любой из нас думает о том, что будут делать другие, когда явятся за его головой, и мы спрашиваем друг друга: а не нанести ли упреждающий удар?

Слезы туманят мой взор.

— Я предпочел бы умереть, но не слышать этих слов.

— Эти слова правдивы,— говорит Кратер.— Мы в аду.

Как-то раз, в детстве, я вбежал в кабинет отца, когда он был занят написанием письма. Его слуги погнались было за мной, но Филипп махнул рукой и подозвал меня к себе.

Закончив писать, отец вручил свиток мне и велел прочесть. Послание было обращено к некоему союзнику, и доставить его должен был один из знатных приближенных Филиппа. Приписка под прощальными словами гласила: «Человека, вручившего тебе это письмо, надлежит убить».

Когда я прочел послание и вник в его суть, Филипп, к тому времени вставший и начавший переодеваться к вечернему пиршеству, дал мне понять, что на пиру собирается встретиться с обреченным на смерть человеком, а также с его отцом и братом. Я в испуге спросил, как же он будет держать себя с этими людьми.

— Шутить, смеяться и пить с ними вино,— заявил Филипп.— Пусть он считает, что мы лучшие друзья.

В этот момент случайно вошел Парменион, тоже собиравшийся на пир. Он вызывал мое восхищение тем, что презирал пышные наряды и даже на самые торжественные приемы и великие празднества одевался по-военному про-

сто. Отец обнял его, и я почувствовал, что эти двое любят и уважают друг друга. Потом Парменион увидел в моей руке письмо и, видимо, будучи осведомлен о его содержании, понял, что Филипп познакомил с ним и меня.

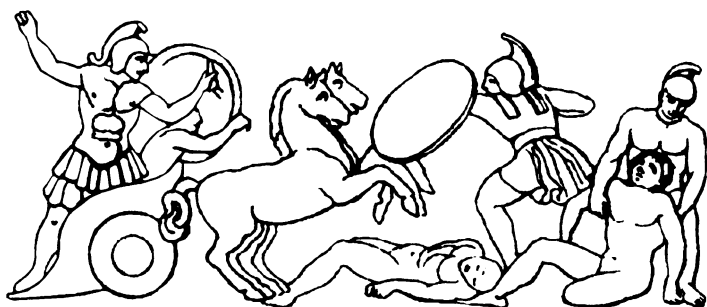
— Александр, — тихо промолвил он, стоя передо мной, и больше не добавил ни слова. Я его понял.

Десять лет спустя, когда Филипп был убит, я, унаследовав трон, послал такое же письмо Пармениону, велел ему взять под стражу и казнить за соучастие в заговоре его зятя Аттала. Он так и сделал.

Прошло еще десять лет. На сей раз я напишу Пармениону об измене Филота и отправлю к нему гонцов на беговых верблюдах. Когда он станет читать депешу, его друзья по моему приказу лишат его жизни.

— Быть царем, — говорила мне Сизигамбис, — значит ступать босыми ногами по лезвию бритвы.

ДИКИЕ ЗЕМЛИ

В Афганистане говорят на дари. На дари и еще пяти тысячах других наречий. У каждого племени свой язык, совершенно непонятный даже для ближайших соседей. Впрочем, ты, Итан, прекрасно это знаешь. Речь идет о стране, где я сражался с твоим отцом и откуда взял в жены твою сестру.

Почему мы оказались в Афганистане? Потому что через него пролегает путь в Индию и к побережью Океана. И потому, что я не могу повести армию через Гиндукуш, в Пенджаб, оставив в тылу непокоренных вождей воинственных народов.

Изучи поденные записки, что велись в этот период, и ты увидишь, что на протяжении трех лет армия с боями пробивалась через Арию, Парфию, Дрангиану, Бактрию, Арахозию и Согдиану, но при этом практически ни разу не встретила с неприятелем в правильном сражении, на поле боя, лицом к лицу. Здешняя война — это бесконечные осады и операции против неуловимых местных бойцов, называ-

ющих себя «воинами-волками». Это не армия Бесса, который к тому времени уже сдался нам, а степные кочевники или горные племена. Первые, начиная военные действия, собирали по тридцать тысяч бойцов, вторые же, когда кланы объявляли всеобщее ополчение, могли выставить и втрое больше. Своим предводителем эти дикари провозгласили знатного перса Спитамена, прозванного Старым Волком за проседь в бороде и несравненное умение уходить от погони, скрываясь в горах.

Бороться с партизанами обычными средствами невозможно, тут приходится применять особые методы. Предвидя подобные затруднения, я еще после Гавгамел провел реорганизацию армии, сделав ее более легкой и более мобильной. Сарисса была укорочена примерно на три локтя. У каждого солдата осталось двадцать фунтов походного снаряжения. Шлемы стали открытыми, от панцирей пехота отказалась полностью. Что же до кавалерии, то я удвоил количество «друзей», причислив к ним царских копейщиков, пеонийцев и лучших всадников из персов и иных азиатов. Мне нужны подразделения, способные совершать быстрые и дальние рейды по любой местности, находить пропитание по пути и самостоятельно действовать во враждебном окружении.

В соответствии с обстоятельствами пришлось менять и тактику. Имея дело с цивилизованным противником, полководец намечает стратегические цели (крепости, житницы, мосты, дороги и так далее), захват или уничтожение которых вынуждает врага сдаться. Но использовать подобные методы против диких племен бесполезно, да и невозможно. У них нет собственности, которой они опасались бы лишиться, да и жизни собственных сородичей значат для них очень мало. Им нечего терять.

В этом смысле они подобны диким зверям, войну с ними можно сравнить с охотой на опасных хищников, и жалость

по отношению к ним уместна не более, чем по отношению к кабанам и шакалам. Воины из племен Афганистана оказались самыми свирепыми бойцами, с которыми мне вообще приходилось сталкиваться, а их вождь, Старый Волк, — единственным противником, которого я когда-либо боялся.

Воины-волки — фаталисты, они верят в судьбу и готовы умереть, отстаивая свою свободу. Разговаривать с ними бесполезно, им внятен лишь язык свирепой жестокости. Чтобы взять над ними верх, необходимо превзойти их в свирепости, наводя еще больший ужас, чем они сами. При этом следует иметь в виду, что, будучи дикарями, они не считают за человека никого, кто не принадлежит к их клану и не связан с ними кровными узами: в их глазах он или зверь, или демон. Угроз они не боятся, на лесть не падки, а главная их черта — воинская гордыня. Подчинение для них хуже смерти. Они тщеславны, алчны, коварны, злобны, нечестны, малодушны, отважны, расточительны, упрямы и продажны. Они способны терпеть лишения превыше человеческих возможностей и могут вынести такие страдания плоти и духа, которые сломили бы каменную глыбу.

Называя войну с ними охотой, я имею в виду преследование, не прекращающееся до тех пор, пока последний враг не загнан в угол и не убит. Такие операции лучше всего проводить в зимнюю пору, когда снег выгоняет дикарей с гор. После реорганизации наши войска становятся пригодными для подобных действий. Мы поднимаемся в предгорья и, зная, что извести волков можно, лишь разрушив их логовища, не оставляем от вражеских деревень камня на камне. И ни единой живой души. Население подлежит поголовному уничтожению. Изгнание ничего не даст, дикари дождутся ухода войск и вернутся на прежнее место. О договорах и соглашениях можно забыть: подобной ерунде племена не придают ни малейшего значения. У них есть представление о чести и верности слову, но оно распростра-

няется только на соплеменников. Обмануть чужака в их глазах не позор, а доблесть. Каждая их клятва — это притворство, каждое обещание — это обман. Я сотню раз присутствовал на переговорах с племенами, но если кто-то из них и произнес там хоть слово правды, я никогда этого не слышал.

И все же, несмотря на коварство и двуличность этих людей, ими невозможно не восхищаться. В каком-то смысле я даже полюбил их. Они напомнили мне о горных племенах нашей родины. Их женщины горды и красивы, их дети смыслены и бесстрашны, они умеют искренне смеяться и быть счастливыми.

Приручить их до конца мне так и не удалось, и я решил вопрос иначе: породнился с ними. Твоя сестра, царевна Роксана, стала моей женой, а твой отец, Оксиарт, получил такой выкуп за невесту, какого ты не можешь себе представить. Мой отец наверняка одобрил бы эту сделку, которая вполне себя оправдала.

Что касается Спитамена, то в конечном счете я одерживаю над ним победу не с помощью оружия, но силой золота. Вольным всадникам Афганистана — парфянам, арийцам, бактрийцам, дрангианцам, арахозийцам, согдийцам, даанам и массагетам — все равно, за кого воевать. После двадцати с лишним месяцев безуспешных попыток затравить Старого Волка меня осенило, и я пустил в ход наличные. Поразительно, как быстро злейшие враги могут превратиться в лучших друзей. В считанные дни мы умиротворили огромную территорию. Я просто купил эту страну. Но не могу не признать, что, будь у Спитамена мощна потолще, мне бы его не одолеть. Взять его воинской силой я не смог, и дело решил только подкуп.

Драться за деньги афганские дикари готовы, но работать не желают ни за какую плату, считая наемный труд занятием унижительным и недостойным воина. Предложить

кому-либо сделать что-то за деньги значит нанести ему тяжкое оскорбление. Знаешь, как мы решали эту проблему?

Скажем, когда нам требовалось перевезти в Кабул сто кувшинов с вином, мы обращались к местному вождю с просьбой о *ghinnouse*, то есть об «услуге». Подходишь к нему и говоришь, что будешь весьма признателен, если он любезно согласится с ближайшим своим караваном, отправляющимся в Кабул, отвезти туда заодно и наш груз. Вождь соглашается, ибо, поскольку о плате никто и не заикался, никакого оскорбления не нанесено. Другое дело, что мы берем на себя «расходы по доставке».

Породнившись с твоей семьей, я поручил своим людям проложить к горным владениям твоего отца дорогу, дабы он всегда мог рассчитывать на поддержку армии, как материальную, так и военную. Работы велись все лето, а следующей весной, по возвращении из похода, я увидел, что дорога полностью разрушена. И сделали это, как выяснилось, не мятежники, а соплеменники твоего отца, с его ведома. Мне оставалось лишь покачать головой. Горные кланы предпочитают оставаться в изоляции, ибо это помогает им сохранить свободу.

Эту необычную войну, в которой все делалось шиворот-навыворот, мы вели почти три года. Обычай и правила, считавшиеся основой военного дела, приходилось отбрасывать, меняя на нечто прямо противоположное. Например, требование не дробить силы всегда считалось аксиомой, здесь же мне пришлось разделить три четверти армии на самостоятельные единицы, с собственной кавалерией, тяжелой и легкой пехотой, лучниками, метателями дротиков, механиками и осадным обозом. Мы проводили «облавы». Две или три колонны вступали на определенную территорию, двигаясь параллельно и поддерживая между собой связь с помощью быстрых гонцов. Всем командирам ставилась задача при

встрече с противником гнать его к соседней колонне. Только таким способом, зажав со всех сторон, противника удавалось вынудить к схватке лицом к лицу, но Старый Волк ухитрялся ускользать и из подобных тисков.

Другим способом достижения цели в такого рода войне является поголовное истребление. Увы, если ты хочешь победить, приходится учиться и этому. В подобных действиях нет благородства, и Теламон не без основания говорил о них, как о «бойне». Многие из наших товарищей так и не смогли к этому приспособиться. Я богато одаривал их и с честью отпускал в отставку, ибо ничего постыдного в такой, как называл это Кратер, «деликатности» не видел. Грязную работу выполняли другие, те, кому хватало на это духа.

Война против такого противника требует не только новых подходов, но и новых солдат и новых полководцев. Правда, иные ветераны оказываются способны не только приноровиться к новым условиям, но и проявлять самостоятельность и инициативу. Одним из них был Кратер, другим — Коэн.

Эти двое, наряду с Пердиккой, всегда являлись самыми жестокими и одновременно самыми изобретательными из моих военачальников, так что эта война без правил лишь позволила им как следует развернуться. Я со своими собственными силами предпочитал действовать во взаимодействии с ними, ибо уж их-то можно было послать в горы, не опасаясь, что они попадут в засаду и их попросту перережут. Птолемей и Пердикка тоже оказались готовыми к «волчьей войне». Первый проявил себя великолепным мастером осады, а второй — энергичным предводителем летучих отрядов легкой конницы и пехоты.

А вот Гефестион для этой кампании оказался непригодным: убивать женщин и детей он не мог. Я отнесся к его

позиции с уважением, однако не мог направить полководца с такими взглядами на войну со столь грозным противником, как Старый Волк. Слишком велик был риск того, что, пытаясь проявлять благородство, он погибнет сам и погубит вверенный ему отряд. Поэтому я перевел его в ставку и сделал своим заместителем, то есть вторым по рангу человеком в армии. Другие военачальники восприняли это как оскорбление, да и сам Гефестион принял назначение без удовольствия, ибо оно еще более отдалило его от многих заслуженных полководцев. Гефестиона обвиняли в том, что своим возвышением он обязан не военным заслугам, а лишь дружбе со мной, а все мои попытки заступиться за него лишь подливали масла в огонь. Гефестион и сам стал обижаться на меня, в результате чего между мною и человеком, которого я более всех любил и в понимании которого более всего нуждался, возникло горькое отчуждение.

В Афганистане вскрылся раскол между новыми людьми и старым корпусом. Правда, многих ветеранов, пришедших в армию еще при моем отце, с нами уже не было: Антипатр и Антигон Одноглазый командовали гарнизонами в глубоком тылу, Парменион был убит, Филот казнен, Никанор, Мелеагр, Аминта сложили голову, десятки пали в боях, многие ушли в отставку или получили в управление города и провинции. Одного из немногих оставшихся, Клита Черного, я решил назначить наместником Бактрии. Он, однако, счел это назначение унижительным, назвал его ссылкой в «собачью дыру» и взбесился настолько, что даже отказался пожать мне руку.

Как-то раз в Афганистане мне пришлось сформировать подразделение, которое было названо «недовольные». Его, как я уже говорил, составили в первую очередь ветераны старого корпуса, хорошие солдаты, многие из которых были старше меня лет на двадцать, помнившие Пармениона,

любившие его и задетые тем, как я обошелся с заслуженным полководцем. Будучи разбросанными по различным подразделениям, они сеяли заразу недовольства, и объединение их в один отряд стало своего рода карантинной мерой. Да и присматривать за ними стало полегче.

Разумеется, это было лишь временной мерой, откладываящей окончательное решение вопроса, необходимость которого назревала уже давно.

Теперь большая часть командного состава армии представлена новыми людьми, молодыми (зачастую моложе меня) командирами, служившими только под моим началом и обязанными своим продвижением исключительно мне. Но Афганистан породил разброд даже среди них. «Волчья война» приучила их к самостоятельности и, соответственно, отучила от повиновения и дисциплины. Расхрабрившись и возомнив о себе невесть что, мои полководцы начинают тяготиться стычками с дикарями, мечтая о землях, подобных Вавилону и Египту, где есть деньги, слава и власть. Более того, чем более самостоятельно действовали отдельные отряды, тем в большей степени солдаты и младшие командиры начинали чувствовать себя не моими, а их людьми, ибо и продвижение, и награды они получали не из рук царя, а непосредственно от полководца. Дошло до того, что воины стали называть себя солдатами Коэна или Пердикки, а не Александра. Каждая победа, одержанная такими формированиями, приносит славу им, а не армии в целом, а каждый очередной акт жестокости в еще большей степени обращает их в варваров.

Почувствовав, какое воздействие оказывает на армию эта «бойня», я пытаюсь закончить ее поскорее и призываю военачальников действовать энергичнее, чтобы поскорее умиротворить страну и двинуться дальше. Это порождает еще большую жестокость, но мало ускоряет дело: вместо намеченного года мы задерживаемся здесь на три. Нашими стара-

ниями территории, равные по площади Македонии, совершенно обезлюдели, там не осталось никого, кроме собак и ворон. Вот что писал я матери из Мараканды:

Мой даймон на такой войне чувствует себя как дома, а я нет. Мой гений не испытывает угрызений совести по поводу сожженных деревень и истребления населения целых провинций. Для меня эти акции лишены благородства и граничат с преступлением. Они ненавистны мне.

В Афганистане мой даймон начинает говорить со мной. Он выступает заодно с «воинами-волками», против которых мы сражаемся. Как и они, даймон не знает жалости. Как и они, он не испытывает страха смерти. Ты спрашивал, Итан, можно ли соотнести даймона с душой. Нет, это не душа. Душа должна властвовать над ним, но случается, что даймон берет верх. В такие моменты человек превращается в чудовище.

В Мараканде мое копье сражает насмерть Черного Клита. Я убил его в приступе пьяной ярости. То был самый постыдный поступок в моей жизни. Более преступный, чем Фивы, более жестокий, чем Тир, гораздо более гнусный, чем казнь Филота (заслужившего смерть изменой), и устранение Пармениона (продиктованное государственной необходимостью и связанное с предательством его сына).

Тот вечер начался, как и любой другой в описываемое время, с вина, похвальбы и споров, становившихся все более ожесточенными с каждой новой опустошенной чашей. Коэн только что вернулся из похода в горы с победой, честь которой с ним по праву разделили поддерживавшие его отряды Пердикки и Птолемея. Похвалы этим новым людям льются так же обильно, как и вино.

И тут Черный Клит встает на защиту «старых вояк».

У Клита был любовник, юноша из свиты по имени Ангелид. Страсть полководца к этому юноше не знала границ, но паренек, смысленный и честолюбивый, понял, что звезда Клита на закате (о том свидетельствовало мое намерение назначить его наместником Бактрии), и, горько пожалев о столь неудачном выборе покровителя, стал тайком подыскивать другого. Клит прознал об этом и обозлился не только на любовника, но и на весь мир.

Кто лучше, новые люди или старый корпус?

Когда Птолемей и Пердикка стали защищать первых, Клит обратился ко мне как к арбитру. Я воздал хвалу и тем и другим, дав таким образом понять, что желаю закрыть эту тему.

Но Клит не уgomонился, а принялся самым вызывающим образом поносить последними словами не только новых людей, но и всех тех, кто сражался под моим началом, не послужив перед тем под командованием Филиппа. Когда Любовный Локон велел ему или уняться, или уйти, Клит в ярости швырнул в него чашу с вином.

— И как ты поступишь со мной, если я этого не сделаю? Так же, как с Филиппом?

Из трех телохранителей, схвативших после убийства моего отца убийцу и прикончивших его на месте, двое, Любовный Локон и Пердикка, были моими друзьями. Многим такое стремление поскорее заткнуть рот человеку, который мог бы выдать сообщников, показалось подозрительным, и эту парочку заподозрили в причастности к заговору. А заодно, учитывая нашу близость, и меня.

Такие перешептывания я слышал тысячу раз и всегда ограничивался тем, что с горестным вздохом отмахивался. Но в тот вечер меня прорвало. Вскочив со своего места, я вырвал у церемониального стража, свитского юноши Медона, копьё и не своим голосом закричал:

— Негодяй! Как ты смеешь называть меня отцеубийцей?

Гефестион попытался остановить меня, Птолемей и Коэн схватили меня за руки. Помещение наполнилось громкими криками. Трое юношей, в их числе и Ангелид, удерживали Клита.

И тут, не в силах больше сдерживаться, ветеран дает волю затаенной обиде. Он обвиняет меня в высокомерии, неблагодарности, тщеславии, чванстве и себялюбии. Сестра Клита Эллиника была моей кормилицей. Теперь Клит призывает в свидетели эту достойную женщину, вскормившую меня своим молоком, а равно и свою правую руку, спасшую мне жизнь при Гранике.

— А теперь, Александр, ни я, ни память Филиппа ничего для тебя не значим. Ты рядишься в персидский пурпур и отдаешь приказы об истреблении отважных людей, без которых ты был бы никем, разве что мелким, захоластным царьком.

Локон с Пердиккой выволокли Клита из зала, в то время как я, дрожа от ярости, изо всех сил пытался совладать с собой.

Но тут раздались крики: Клит снова ворвался в палату. В центре помещения находилась бронзовая жаровня, к которой он и направился, как оратор к трибуне. Но открыть рот не успел.

Обеими руками, ударом снизу вверх, я вогнал острое все еще остававшегося у меня Медонова копья Клиту под панцирь, прямо в живот, а потом вырвал его и нацелил второй удар в сердце. Мы столкнулись вплотную, как два горных барана. Я физически ощутил, как мое острие пронзает его тело и, сокрушив позвонки, с отвратительным звуком рвущейся плоти выходит из спины. Клит еще жив. Он несколько раз ударяет меня по шее рукоятью своего меча, но тут я наваливаюсь на него всем весом, сломав уже перебитый копьем хребет. В тот миг я не ощутил ни торжества, ни сожаления.

«Этот человек больше не будет поносить меня!» — тако-
ва была единственная моя мысль.

Толкуют, будто в тот момент я был охвачен таким раская-
нием, что пытался обратить свое оружие против себя. Нет.
Это пришло позже. Скорее, я мгновенно протрезвел и ощу-
тил невыносимый стыд. Такой сильный, что едва не лишил-
ся рассудка. Позднее мне рассказывали, что я заключил
тело Клита в объятия и, взывая к небесам, умолял о его
воскрешении. Я кричал, призывая врачей — это запомни-
лось и мне, — и друзьям с трудом удалось вырвать мертвое
тело из моих рук. Ужас, написанный на их лицах, лишь
удвоил мое отчаяние.

Пять дней спустя приходит весть о том, что Спитамен
во главе девяти тысячного конного войска переправился
через величайшую реку Согдианы Яксарт и теперь буйст-
вует у нас под носом. Оплакивать Клита и заниматься само-
бичеванием некогда. Я собираю пять летучих отрядов и,
возглавив один лично, поручаю командование остальными
Кратеру, Коэну, Пердикке и Гефестиону, чья гордость будет
уязвлена, если его снова оставят в тылу.

Старый Волк уже приспособился к нашей тактике пре-
следования параллельными колоннами, научился проскаль-
зывать между ними и взял за обычай увлекать нас в погоню
и изматывать, пользуясь своим знанием местности. Чем
больше мы устаем, тем чаще он наносит удары: ночью со-
вершает налеты на лагеря, днем устраивает засады на пути
прохождения колонн. В открытом бою бактрийские лоша-
дки не соперницы нашим мидийским и парфянским скаку-
нам, но они отличаются невероятной выносливостью. Всадни-
ки Старого Волка часами удирают от нас по пересеченной
местности, а когда наши кони начинают валиться с ног от
усталости, поворачивают и нападают. Используя эту такти-
ку, Спитамен к востоку от Кирополя вырезал македонскую

пает кого-то по плечу. Слов его с такого расстояния не слышать, но это очевидная похвала.

В кои-то веки Кратер хвалит Гефестиона.

Мы огибаем почерневшее кольцо повозок. Оставшиеся там погибли не от огня, а от удушья, дым прикончил их прежде, чем до них добралось пламя. Однако то, что огонь пожирал уже мертвые тела, не делает вид превратившихся в головешки младенцев и обугленных скелетов их матерей менее удручающим зрелищем.

Я приближаюсь к кругу, в центре которого Гефестион. Как и Кратер, он еще не видит меня. Но я вижу его. На его лице написана такая горечь, что я отдал бы все, лишь бы этого не видеть.

Заметив меня, он берет себя в руки. Ни в тот вечер, ни в следующий Гефестион не заговаривает о произошедшей резне, но спустя два дня, на стоянке по пути в Мараканду, у него происходит стычка с Кратером.

Всегда, с того самого дня, как армия выступила из Македонии, считалось, что этот поход преследует самые высокие цели. Теперь же Гефестион называет войну, которую мы ведем, гнусной и «нечестивой».

Кратер откликается незамедлительно и резко.

— На войне не бывает ни правых, ни виноватых, а есть лишь победители и побежденные. У тебя не хватает духу признать эту простую истину, потому что ты не солдат и никогда им не станешь.

— Если солдат — это такой человек, как ты, то я впрямь предпочту быть кем-нибудь другим.

Я приказываю им обоим остановиться, но взаимная неприязнь, копившаяся десять лет, прорывается наружу. Сдержать ее не может ни тот, ни другой.

— На войне законно и оправданно все, что способствует достижению победы, — заявляет Кратер.

— Все? Включая избиение женщин и детей?

— Такую меру возмездия, — объявляет Кратер, — враг навлекает на себя сам.

— Как удобно для тебя!

— Навлекает на себя, говорю я, отказываясь подчиниться нашей воле и не желая смириться с неизбежным. Можно сказать, что такие избиения совершаются рукой противника, а не нашей.

Гефестион лишь улыбается, его губы болезненно кривятся.

— Нет, друг мой, — говорит он спустя момент, обращаясь не к одному Кратеру, но и ко мне, и ко всем присутствующим, и к себе самому. — Это наши руки вонзают мечи в их грудь, и наши руки запятнаны невинной кровью, от которой их уже никогда не отмыть.

Мы возвращаемся в Мараканду на девятый день. Я предаю земле тело Клита. Погребение скромное: пышные воинские почести все восприняли бы как издевательство. Мы все — и я, и армия — достигли самой низшей точки упадка.

Мое отчуждение от Гефестиона, хотя и более мучительное, чем когда-либо, дошло до такого состояния, что мы, по крайней мере, можем разговаривать с полной откровенностью. Когда, снова оставшись со мной наедине, он называет эту кампанию «отвратительной», я цитирую великого Перикла из Афин, который, высказываясь о приобретениях своего города, сказал: «...может быть, присвоив это, мы поступили неправильно, но теперь, когда приобретенное стало нашим, возвращать его было бы опасно и неприемлемо».

— Ага! — восклицает мой товарищ. — Значит, ты, по крайней мере, в состоянии признать, что эта нынешняя «бойня», которую мы ведем, может быть гнусной и несправедливой.

Я улыбаюсь: он ловко обернул мой довод в свою пользу.

— Может быть, мы и гнусны, но сие зло порождено самим всемогущим Зевсом. Это он вложил жажду завоева-

колонну, включавшую шестьдесят «друзей» под командованием моего отважного Андромаха, который держал левое крыло при Гавгамелах, восемь сотен наемной конницы и пятнадцать сотен нанятой пехоты. Уцелело лишь триста пятьдесят человек: остальных перебили, а трупы, ограбленные и истерзанные, бросили на съедение волкам.

Можешь представить себе, в какое бешенство пришли мои люди, получив эту весть. В ярости они клянутся истребить врагов поголовно, и я, разделяя их гнев, вовсе не собираюсь призывать солдат к сдержанности.

Всеми пятью колоннами мы преследуем Спитамена до Яксарта. У Небдары есть брод, через который Старый Волк ускользал много раз. Это удастся ему и теперь: оседлав противоположный берег, он всеми силами препятствует нашей переправе. Даже женщины из его лагеря, взобравшись на повозки, осыпают нас стрелами. А когда мы, подтянувшись, предпринимаем решительный штурм, разбойники бегут в Скифию, чтобы затеряться на родных просторах.

Я снова разбиваю отряд на пять колонн, и мы прочесываем степь. Даже у этих диких саков и массагетов есть деревни. Даже у них есть убежища, где они зимуют. На протяжении шести дней мы движемся на север через пустоши, по следам копыт и повозок. Моя колонна левая, далее, слева направо, движутся по порядку колонны Коэна, Гефестиона, Кратера и Пердикки.

К полудню седьмого дня примчавшийся галопом от Коэна гонец докладывает, что идущая в центре колонна Гефестиона напала на широкий след — противник заново собирает силы. Не дожидаясь подмоги, Гефестион устремился за врагом один. За день мы преодолеваем пятьсот стадиев, устремляясь туда, где был найден след. За сто стадиев до цели мы видим дым, за тридцать настагаем пеших солдат Коэна, сообщающих, что его конница, как и конница Кратера, ускакала вперед, чтобы поддержать Гефестиона в завязанной им

схватке. Скифы Спитамена не выдерживают напора и на своих низкорослых лошадках уносятся на север, исчезая во мраке.

— Что это за дым?

— Лагерь Волка.

Моя колонна вступает в сумрак. Теламон и Любовный Локон едут рядом со мной. Оказывается, что это не просто лагерь, а несколько деревушек, растянувшихся на пять стадий под меловыми утесами, вдоль широкого песчаного русла пересохшей реки. Все палатки, хижины, шалаши и повозки сожжены. Земля под нанесенным ветром снегом черна от золы.

— Прекрасное место,— замечает Теламон.— И дерево на растопку есть, и вода, и утесы от ветра прикрывают. Скорее всего, скифы зимуют здесь каждый год.

Подъехав поближе, мы видим тела врагов, взрослых мужчин и юношей, защищавших лагерь. Всех их не перечесть, но ясно, что счет идет на сотни. В центре находится наспех воздвигнутое заграждение из примерно полусотни перевернутых повозок: за ним пытались укрыться женщины и дети. Чтобы восстановить картину случившегося, особого воображения не требуется.

Гефестион, прибыв на место первым и зная, что остальные македонские командиры по прибытии будут придирчиво оценивать его действия, предпринял против врага самые суровые меры из всех возможных. Мы видим, где враг сомкнул кольцо своих повозок и где люди Гефестиона набрали хворосту, чтобы развести огонь. Остальное довершил ветер. Видим мы и тела женщин и детей, которые выбежали из-за повозок, пытаясь спастись от пламени, но встретили смерть от наших копий и дротиков.

Колонна Кратера, справа от Гефестионовой, должно быть, прибыла незадолго до нашей. Сам Кратер, спешившись, стоит в толпе македонских воинов и явно одобрительно хло-

ний в наши сердца, и не только в твое или мое, но и в сердце каждого солдата как нашей армии, так и всех армий мира. Поэтому, Гефестион, со своими претензиями обращайся к Нему (я указываю на бронзовое изваяние Зевса Гефестиона), а не ко мне.

В ту ночь я принимаю решение. Этой резне следует положить конец, пока она не уничтожила нас окончательно. Я реорганизирую войско, и мы двинемся в Индию.

Нам нужна другая, достойная война.

Нам нужна война, которая будет вестись с честью.

Книга девятая
ЛЮБОВЬ
К СВОЕМУ ВРАГУ

НАГИЕ МУДРЕЦЫ

Против второго натиска муссона лагерь не устоял. Палатки снесены, крепления сорваны, дорожки превратились в полосы грязи. Мы расположились на возвышенности, и почва подсохнет быстро, однако настроение людей кажется испорченным, не говоря уж о времени и силах, которые придется потратить на починку лагерного оснащения. Индийская жара изнуряет людей не меньше, чем зной пустынь, но к этому добавляется еще и постоянная сырость, из-за которой у солдат начинают гнить ноги, а конские копыта набухают и размягчаются. Дождь теплый, как моча, но стоять, тем паче идти под ним невозможно, ибо вода низвергается с небес потоками, наводящими на мысль не о ливне, а о водопаде. Лишь волы и слоны выносят это с восточным терпением.

У реки стоят две деревни, которые фактически слились с нашим лагерем, составив один небольшой город. Местные жители, включая женщин и детей, видят в армии источник заработка: они обстирывают и обшивают солдат, а почитаемые здесь молочные коровы снабжают войско молоком и сыром.

Вполне сжились с нами и гимнософисты, «нагие мудрецы» Индии. На рассвете мы видим, как они спускаются к реке и, бормоча что-то нараспев, совершают омовения. В сумерках они возвращаются и пускают плыть по течению крохотные зажженные светильники, каждый из которых представляет собой не более чем широкий лист с укрепленным на нем промасленным фитильком. Это завораживающее зрелище. Десятки этих людей, выжженных на солнце до черноты и тощих, как стебли тростника, обитают в лагере. Среди них есть представители всех возрастов, и древние старцы, и зрелые мужи, и совсем еще юноши. Кратер назвал их появление «заразой», и я опасался, что наши воины будут обходиться с ними презрительно и грубо, как это имело место в отношении вавилонян, но вышло наоборот. Македонцы воспринимают их как философов и относятся к ним с уважительным интересом, а те, со своей стороны, проявляют по отношению к грубоватым солдатам понимание, дружелюбие и благожелательное терпение.

В этот вечер, когда я со своими командирами обедаю на выходящей на реку тиковой террасе, разговор заходит о случившемся днем происшествии. При прохождении моего отряда через участок лагеря, граничащий с деревушкой Оксила, один из юношей моей свиты, смысленный малый по имени Агафон, двигавшийся впереди, чтобы расчищать мне дорогу, наткнулся на кучку гревшихся на солнце гимнософистов, отказавшихся покидать облюбованное ими место. Началась перебранка, и некоторые из местных жителей уже взялись за дубинки, будучи полны решимости не позволить пришельцам обижать «святых». Мгновенно собралась толпа, так что, когда я подъехал, все спорили до хрипоты. Суть вопроса сводилась к следующему: кто более достоин права на проход — Александр или гимнософисты? Остановившись, я услышал, как Агафон возбужденно дискутирует со старейшим из мудрецов.

— Смотри, — заявил паренек, указывая на меня. — Этот человек завоевал весь мир! А что выдающегося совершил ты?

— А я, — не задумываясь, ответил философ, — победил в себе потребность завоевывать мир.

Я восхищенно рассмеялся, приказал своим людям не тревожить мудрецов и обойти их сторонкой, а сам спросил старого философа, что я могу для него сделать, предложив высказать любую просьбу.

— Дай мне то, что держишь в руке, — отозвался он, и чудесная, спелая груша, находившаяся в этот момент у меня в руке, тут же перешла к нему. Он же немедленно вручил ее ближайшему босоногому мальчишке.

На следующий день я провожу смотр армии. Периодические проверки необходимы для поддержания дисциплины и противодействия всякого рода разложению. Ясное дело, что, латая амуницию и начищая доспехи, солдаты ворчат, но когда приведенная в порядок армия выстраивается на поле, ее блеск и великолепие окрыляют их, наполняя сердца гордостью и отвагой. Радует это зрелище и меня. На родине смотр такого рода занял бы не менее трех часов, но держать так долго людей в полной выкладке на такой жаре нельзя, и я стараюсь уложиться часа в два. Кроме того, отрядам позволено стоять «вольно».

Армия, выстроившаяся передо мной, совсем не та, что покинула Европу восемь лет назад, и даже не та, что покинула Афганистан в прошлом сезоне. Левое крыло уже не украшает блистательная конница Фессалии, распущенная по домам в Экбатанах. Ее место заняли вольные всадники: афганцы, скифы и бактрийцы. Эти племена, возглавляемые своими вождями, невозможно обучить европейской тактике, но сам их вид, татуированные лица и конские попоны из леопардовых шкур придают нашему войску своего рода дикое величие. «Преемники» — конное формирование Тиграна, присоединившееся к нам в Задракарте, обучено на македонский манер, хотя целиком состоит из персов. Наемный кавалерийский отряд Андромаха еще существует, но его командир пал на реке Политимет, в бою со Спитаменом.

Мои лучники теперь не македонцы, а мидийцы и индийцы, а копейщиками мне служат парфяне и массагеты. Единственные подразделения, не претерпевшие изменений, это фракийские метатели дротиков Ситалка (хотя сам Ситалк остался в Мидии, командование принял его сын Садок) и копьеметатели Агриании. Смена личного состава происходит каждую весну, как цветение гиацинтов: в армии есть сыновья и даже внуки солдат первого призыва, которые служат достойно, не хуже своих отцов.

Сердцевиной боевого порядка остается фаланга (теперь она формируется не из шести, а из семи отрядов), но даже она не состоит целиком из македонцев, в иных отрядах число моих соотечественников уже меньше половины. Много новых командиров — Альцет, Антиген, Белый Клиг, Таврон, Горгий, Пейтон, Кассандр, Неарх и другие. В Зариаспе, в Афганистане, к нам прибыло подкрепление из Эллады и Македонии, 21 600 человек. Эти и другие подразделения, включая греческих наемников Патрона и шесть тысяч царских сирийских копейщиков под командованием Асклепидора, составляют основной корпус моей легкой пехоты. У меня есть конные лучники дааны, которые прежде воевали у Старого Волка, и шесть тысяч царских таксиланцев, пеших стрелков. «Наемники-ветераны» Клеандра по-прежнему со мной, хотя сам Клеандр остался в Экбатанах. После гибели Черного Клиты я взял царское подразделение «друзей» на себя, и теперь оно вместе с антимиотийцами, амфиполитанцами и боттиейцами именуется агема «друзей». Кавалерия «друзей» получает новое устройство, а общая ее численность увеличивается с восемнадцати сотен до более чем четырех тысяч, включая многочисленных персов, мидийцев, лидийцев, сирийцев и каппадокийцев.

Едина ли эта армия? Увы, нет. Македонцы, составляющие теперь лишь две пятых общей численности войска, чувствуют себя ущемленными и отнюдь не жалуют азиатов, особенно персов, неспособных, по их словам, даже правильно

произнести мое имя. Для новых подданных я Искандер. То, что меня это очаровывает, приводит в ярость моих соотечественников, и чем старше человек, тем сильнее его недовольство. В настоящее время мои люди обучают обращению с сариссой двенадцать тысяч юношей в Египте и сорок тысяч персов. Македонцам, как бы ни жаловались они на скудность жалованья и трудности продвижения по службе, ненавистна мысль о том, что их заменят иностранцы.

Теперь я подхожу к «недовольным». На смотрю они стоят между царскими телохранителями и отрядом фалангистов Пердикки. Не могу не признать, что выглядят они безупречно. Как жаль, что мне пришлось втиснуть их между безукоризненно надежными подразделениями, чтобы сдержать их если не любовью, то железом.

Чтобы повысить боевой дух, я сформировал новые отряды, получившие свои знаки отличия. Например, на основе царских телохранителей создан укрупненный отряд, в состав которого вошли ветераны фаланги, отличившиеся в кампании против Спитамена. Заклепки их щитов и нагрудников сделаны из чистого серебра и стоят полугодового жалованья, хотя разговоры о том, что люди выдирают их и продают на вес, лживы.

Новые подразделения. Местные командиры. Все это ставит перед командующим задачу «прокорма чудовища», то есть утоления вечной, неизбывной тяги к признанию, чести и новизне. При этом войска не должны расслабляться: по вечерам мои командиры обдумывают планы ложных высадок с реки и других проверок, которые должны держать в напряжении часовых.

Фессал, знаменитый актер, прибывший из Афин, очарован армейской жизнью. Он находит все увиденное очень похожим на театр.

— Александр, совершая обманные маневры, не позволяющие противнику разгадать твои истинные намерения, ты

поступаешь так же, как драматург. Например, в начале пьесы он изображает ужасный кризис в жизни царя, заставляя нас поверить в то, что мы имеем дело с историей о честолюбии, алчности или попорченной чести. Зритель ждет развития этой темы и, только когда представление достигает кульминации, неожиданно осознает, что все это было лишь маскировкой, тогда как в действительности пьеса посвящена тому, как человек собственноручно определяет свою судьбу. И когда в финале все прозревают истину, то по силе эмоционального воздействия это сопоставимо с одной из твоих неудержимых кавалерийских атак. Драматург мог оживить пьесу, вставив в нее знамения, предсказания оракулов, чудеса, прямое вмешательство высших сил, и все же мы, зрители, прозрев, начинаем понимать, что только собственный выбор главного героя сделал его тем, кто он есть, и определил его конец. Это трагедия, ибо кто из нас способен подняться над собой? Суть трагедии как раз в том, что человек есть узник собственной природы, но слеп к этому. Он не осознает своей неволи и не в состоянии преступить ее пределы. Будь у него такие внутренние силы, это уже не была бы трагедия. Сила трагедии в том, что она правдиво отражает сознание и царя, и простого человека и отображает жизнь. Мы собственными руками неосознанно готовим свою гибель. Все мы, кроме, возможно, этих гимнософистов. Они, похоже, сознательно стремятся к разрушению, полагая, будто в сердце небытия обретут процветание.

Собравшиеся смеются и аплодируют. Все, кроме Гефестиона, который привязался к этим индийским мудрецам и расстроен оттого, что к ним отнеслись с высокомерной снисходительностью.

Он выступает в их защиту.

— Они не варвары, Фессал. Они чужды рабского начала, свойственного вавилонянам, и в отличие от египтян не являются идолопоклонниками. Их древняя философия отли-

чается глубиной и утонченностью. Это философия воинов. В своих попытках ознакомиться с ней я лишь слегка коснулся ее поверхности, но даже это произвело на меня сильное впечатление. Вопреки твоему утверждению, мой друг, я заявляю, что эти аскеты действительно поднялись над собой, ибо очевидно, что они не родились в том состоянии, в каком мы видим их ныне, но пришли к нему в результате долгих трудов и немалых усилий.

В ответ слышатся смех и невежественные шутки, но Гефестион выслушивает их добродушно, без обиды. Мне радостно видеть, что он воспрял духом; теперь, когда армия ушла из Афганистана, я вижу это в его глазах, в глазах многих товарищей, да и в своих собственных. Теламон взирает на него с таким же удовольствием, как и я.

— К чему стремятся эти йоги, добровольно обрекая себя на бедность и отрекаясь от житейских благ? — продолжает Гефестион. — По моему разумению, они стремятся к слиянию своей личности с Божественной Сущностью, то есть желают увидеть мир таким, каким видит его Бог, и действовать по отношению к нему так, как действует Он. И побуждает их к этому не высокомерие, но смирение. Не смейтесь, друзья мои. Подумайте об аналогии, которую только что привел наш друг Фессал, об аналогии с автором пьес. Для собственной пьесы драматург есть Бог, ибо это творение его воображения. И хотя представление об этих персонажах ограничено его замыслом и возможностями, драматург может и должен «видеть все поле». И он испытывает сочувствие ко всем своим героям, иначе ему не удалось бы сделать их образы живыми и убедительными. Вот так взирает на нас и наш мир Всемогущий. Полагаю, это и есть то состояние, к которому стремятся гимнософисты. Не черствое безразличие, но благожелательное бесстрашие. Йог стремится любить злых, так же как и справедливых, признавая в каждом братскую душу и видя в нем спутника в путешествии по стезе жизни.

На сей раз смешков меньше: многие одобрительно постукивают по столу костяшками пальцев. Птолемей просит высказаться Теламона, заметив, что он видел, как наемник увлеченно беседовал с несколькими из этих аскетов.

— По правде, — говорит он, — наш аркадец больше похож на этих нищенствующих философов, нежели на кого-либо из нас. Ибо хотя он принимает плату за свои ратные труды и без устали повторяет, что стезя наемника достойна и почтенна, он ведет скромную жизнь и почти все полученное тут же раздает.

Птолемей призывает Теламона произнести речь.

— На какую тему?

— О Кодексе наемника.

Все смеются: такого рода разглагольствования мы слышали часто. Когда Теламон отказывается, вместо него поднимается Любовный Локон. Приняв позу, безупречно копирующую аркадца, он пародирует речи наемника столь точно, что вызывает общий восторг. Его осыпают монетами, а слова тонут во взрывах хохота.

— Я не служу деньгам; я заставляю деньги служить мне. В конце похода меня не волнует ни похвала, ни осуждение. Мне нужны деньги. Я хочу, чтобы мне платили. Таким образом, война для меня — это всего лишь работа. Не я ее затеял, не мне ее заканчивать. У меня и у моего командующего разные цели. Я служу только ради службы, сражаясь только ради сражений, совершаю утомительные пешие переходы лишь ради самих этих переходов.

Когда смех утихает, призывы товарищей вынуждают Теламона выйти вперед.

— И впрямь, друзья, — признает он, — я беседовал с этими йогами, интересуясь их учением. Как оказалось, по их представлениям, все люди делятся на три типа: человек невежественный, *tamas*, человек действия, *rajas*, человек мудрый, *sattwa*. Мы, собравшиеся за этим столом, люди действия.

Таковы наши характеры и наши стремления. Но хотя я и прожил всю жизнь (а если принять доктрину Пифагора о переселении душ, то и предыдущие жизни) в таком качестве, мне всегда хотелось стать человеком мудрости. Вот почему я сражаюсь и вот почему избрал ратное призвание. Жизнь есть борьба, не правда ли? А раз так, то что может подготовить к ней лучше, чем военная служба? Разве вы не заметили, друзья мои, что эти мудрецы обладают достоинствами непревзойденных солдат? Они привычны к боли, равнодушны к невзгодам, и каждый, заняв на рассвете свой пост, не покинет его, невзирая на жажду, жару, голод, холод или усталость. Он рад любой погоде, не нуждается в понуканиях и черпает силы из недр собственного сердца. Хотел бы ты, Александр, иметь армию с такой волей к битве? Мы бы сумели переправиться через эту реку быстрее, чем на счет триста.

— Ты хочешь сказать, Теламон,— спрашиваю я,— что твоя солдатская служба есть подготовка к соответствующей твоему истинному призванию стезе мудреца?

Собравшихся это забавляет, но я говорю вполне серьезно. Теламон отвечает, что мечтал бы обладать стойкостью и упорством гимнософистов.

— Мне, друг мой, далеко до этих людей, и я гожусь им только в ученики. Причем учиться придется не одну жизнь.

Заодно наемник заявляет, что нужными качествами в немалой степени обладаю и я.

— Надо отдать тебе должное, Александр, ты тоже не привязан к удобствам и не страшишься за свою жизнь. Тебя не интересуют земли, которые ты завоевал, а сокровища привлекают лишь постольку, поскольку могут служить для продолжения твоих походов. Но есть одно, к чему ты действительно привязан и что пагубно для твоей души.

— И что это, друг мой?

— Твои победы. Ты гордишься ими, а гордыня — это слабость.

Теламон указывает на террасу, лагерь, армию.

— Хорошо, если бы ты мог уйти отсюда сейчас, сегодня ночью. Встать и уйти! Не взять ничего! Способен ли ты на такое?

Все смеются.

— А ты думаешь, что я бы не смог?

— Ты не сможешь отказаться от своих побед и великого имени, как не сможешь и покинуть своих товарищей, которых ты любишь и которые, в свою очередь, любят тебя и полагаются на тебя. Кто настоящий владыка? Ты властвуешь над державой или она над тобой?

Смех звучит еще громче.

— Ты знаешь, Теламон, что ты единственный, от кого я могу это стерпеть. Никому другому такое не сошло бы с рук!

— Но, мой дорогой друг,— очень серьезно отвечает аркадец,— ты должен иметь в себе силы, чтобы встать и уйти. Быть солдатом — это далеко не все. Кодекс воина не дает ответов на все вопросы. Я это понял. Я прожил много жизней. Я устал. Я готов отбросить все это, как изношенный плащ.

Все встречают его слова добродушным смехом и шутками.

— Не покидай нас! — восклицает Птолемей.

Остальные вторят ему, отпуская реплики в том же роде. Теламон обращается ко мне.

— Александр, в детстве я учил тебя не поддаваться страху и гневу. Ты охотно учился. Ты победил лишения, голод, холод и усталость. Но властвовать над своими победами ты так и не научился. Они властвуют над тобой. Ты их раб.

Я чувствую, как подступает гнев. Теламон видит это, но продолжает:

— Замечание йога о том, что он «победил желание завоевать мир», как нельзя более уместно. Мудрец имел в виду,

что он укротил своего даймона. Ибо что есть даймон, если не стремление к превосходству, которое присутствует не только во всех людях, но и во всех животных и даже растениях, обращая жизнь в непрерывную взаимную агрессию?

Этот удар попадает в цель.

— Даймон имеет нечеловеческую природу, — заявляет Теламон. — Этой сущности чуждо понятие о каких-либо ограничениях, и, неподконтрольная ничему, она пожирает все, включая самое себя. Следует ли отсюда, что это зло? Но является ли злом стремление желудка стать дубом? Или тяга молодежи лосося к морю? В природе желание доминировать удерживается в естественных пределах, ибо возможности животных ограничены, и только в человеке это стремление выходит за разумные рамки. Что же говорить, друг мой, — он озабоченно смотрит на меня, — о таком человеке, как ты, чьи исключительные дарования позволяют с легкостью одолевать все преграды на пути осуществления твоих желаний? Нам всем известны случаи, когда люди кончали жизнь самоубийством, — завершает Теламон свою речь, — осознав, что могут убить своего даймона, лишь убив себя.

Веселье в зале сменилось напряженностью: все держатся скованно, опасаясь вспышки гнева с моей стороны. Я же, напротив, воспринимаю слова Теламона доброжелательно. Мне хочется услышать больше, ибо им затронуты вопросы, поиски ответов на которые занимают меня днями и ночами. Мой наставник читает это на моем лице.

— Хотя ты, Александр, и посмеиваешься надо мной из-за моего желания стать когда-нибудь мудрецом, ты и сам не чужд подобному стремлению, проявлявшемуся у тебя с детских лет. Как раз поэтому я и обратил на тебя внимание, когда ты мальчонкой таскался за мной по пятам, словно тень, не отставая ни на шаг.

Это воспоминание разряжает обстановку: все облегченно смеются. Но Теламон серьезен.

— Кроме того, я заявляю, что именно благодаря этому ты превосходишь своего отца. Заметь, я не говорю «превосходишь как военачальник», хотя так оно и есть. И не говорю, что ты отважнее как солдат, хотя так оно и есть. Главное твое преимущество перед отцом не в этом, а в наличии нравственной цели. Ты всегда внутренне стремился стать человеком мудрости, тогда как Филипп вполне довольствовался возможностью сражаться да барахтаться в постели с любовницами и любовниками. Когда тебе не удается то, на что ты, как сам осознаешь, способен, ты испытываешь страдания. Твой отец понимал это. Он понимал, что, даже будучи ребенком, ты превосходил его. Вот почему Филипп не только любил тебя, но и боялся. И вот почему, Александр, тебя, так же как меня и Гефестиона, тянет к этим индийским мудрецам. В их исканиях ты угадываешь нечто если не совпадающее с твоей сутью, то созвучное ей.

Глава 34

«Я СТАЛ НЕНАВИДЕТЬ ВОЙНУ»

В пенджабской армии, как называется теперь наше войско, ныне имеется ряд индийских формирований, включая царскую конную стражу Таксилы, лучников и пехоту под командованием раджи Сасигупты и отрядов других союзных царьков. У этих воинов есть древний обычай вплоть до начала боевых действий лично посещать вражеский стан (в котором в этой стране, где так распространены межплеменные браки, у них много родственников, наставников и товарищей) и по-братски общаться с представителями противника. Ночью многие наши индийские союзники переправляются на лодках за реку, к позициям Пора, а немало солдат Пора каждый вечер наведываются к нашим.

Македонцам этого не понять. Когда они в первый раз замечают высаживающихся на нашем берегу вражеских бойцов, их тут же захватывают в плен и тащат (порой не слишком деликатно) к своим командирам для допроса.

Воины Пора недоумевают, наши индийские союзники негодуют. Они обращаются ко мне, и я, прослышав об этом обычае, приказываю немедленно отпустить пленных, вернуть им оружие и более не препятствовать таким встречам. Благородные традиции заслуживают уважения: все прибывшие к нам командиры Пора приглашаются за мой стол и отбывают назад с богатыми дарами.

Но такой подход чреват и нежелательными последствиями: знакомясь с воинами противника, македонцы проникаются к ним такой симпатией, что у них пропадает желание сражаться. Нельзя не восхититься этими стройными бойцами, дружелюбно прогуливающимися по нашему лагерю со своими зонтами и луками из рога и слоновой кости. Беседуя, они непринужденно, словно журавли или цапли, стоят на одной ноге, прижав стопу другой к внутренней стороне бедра. Их черные волосы собраны в узлы, яркие красные или оранжевые штаны подвязаны над коленями. В ушах у них золотые серьги, а с лиц почти не сходят ослепительные улыбки. Настроить себя против врага легче, если ты видишь в нем разбойника или варвара, но кшатрии Пора явно не относятся ни к тем, ни к другим. Не говоря уж о том, что ни они, ни их царь никогда не делали македонцам ничего дурного.

Готовясь к нападению, я посылал за реку многочисленных разведчиков, и все они в один голос докладывали, что на том берегу раскинулась изобильная и прекрасно управляемая страна, хозяйство которой основано не на рабстве, а на свободном труде владельцев самостоятельных наделов, своим положением похожих на вольных держателей участков из нашей родной Македонии. Разведчики утверждают, что местные жители преданы своему царю и чтут его не из страха, а из великой любви. Земля в этом царстве ухоженная и плодородная, жены работающие и верные, детишки смысленные и веселые. По всему выходит, что македон-

цам предстоит принести войну в земной рай, и их это вовсе не радует.

Кроме того, наступает сезон дождей. Река злорадно играет с нами, как с несмышленишками. С гор нежданно-негаданно сбегают стремительные потоки, результат дождей и гроз, отбушевавших слишком далеко, чтобы мы могли что-то увидеть, услышать и предусмотреть. В считанные минуты все, что мы неделями не покладая рук возводили на берегу, сплетено ли это из тростника, сложено ли из бревен или возведено из камня, оказывается смытым в реку. Любое суденышко, застигнутое на реке бурным потоком, сносится вниз по течению с такой быстротой, что спасатели теряют его из виду, даже если галопом скачут по берегу в ту же сторону.

Солдаты пока не ропщут, но их лица выдают недовольство. Я продолжаю готовиться к наступлению. Девятнадцать сотен лодок и плотов строятся на месте или в разобранном виде доставляются с Инда и собираются заново. Под прикрытием предмуссонных ливней я перебрасываю их к намеченным для переправы точкам, выше и ниже по течению.

Армия готовится к форсированию водной преграды и обучается действиям против боевых слонов. Для конских копыт шьют чехлы вроде сапог, облегчающие передвижение по болотистой местности. Чтобы приободрить войско, я посылаю в тыл за деньгами и оружием. Два конвоя, из Амбхи и Регала, находятся в пути, но из-за размывших речные броды дождей до нас еще не добрались. Мысленно наметив дату наступления и сохраняя ее в секрете, я из-за названных задержек вынужден был переносить ее дважды, а теперь уже и трижды. Между тем бездействие деморализует любую армию; оно чревато брожением и подталкивает к мятежу.

Однажды вечером у моей палатки появляется депутация недовольных командиров. Гефестион просит их прийти по-

позже, под тем предлогом, что должен подготовить меня к встрече с ними, дабы их просьба не навлекла на них мой гнев. Потом, прогуливаясь вдоль реки с ним и Кратером, мы обсуждаем их приход.

— У этих негодяев яйца распухли, вот и чешутся, — бросает Кратер в своей обычной бесцеремонной манере. — Клянись богами, они вечно заводят одну и ту же песню.

И он, чтобы придать своему утверждению весомость, громкоподобно выпускает газы.

— Так-то оно так, — говорю я. — Но депутация — это что-то новое.

— Вышвырни эту депутацию, вот и все.

— Но это не какие-то молокососы, а серьезные, заслуженные командиры.

Я называю несколько уважаемых имен.

Кратер указывает на реку.

— Если они такие серьезные, пусть серьезно подумают, как лучше ее форсировать.

По возвращении в лагерь мы допоздна занимаемся делами, и лишь спустя несколько часов после полуночи в моем шатре не остается никого, кроме Гефестиона и зевающих дежурных из свиты.

Я спрашиваю его, почему он в этот вечер почти не подавал голоса.

— Правда? Я и не заметил.

Это не срабатывает; мы слишком хорошо и долго знаем друг друга.

— Ну давай, говори.

Он бросает взгляд на мальчишек дежурных.

Я делаю им знак:

— Оставьте нас.

После их ухода Гефестион садится. Я вижу, что он выпил бы вина, но не позволяет себе этого.

— Я, — говорит наконец мой ближайший друг, — возненавидел войну.

На этом мне следовало бы его остановить. Зачем выслушивать остальное?

— Ты спросил меня, я ответил, — говорит он. — Продолжать?

Я хватаюсь за опорный шест шатра и сжимаю его, чтобы унять дрожь в руке.

— Дело не в усталости, — поясняет Гефестион, — и не в желании вернуться домой. Все дело в самой войне.

Он поднимает глаза и встречается со мной взглядом.

— Сейчас ты чувствуешь гнев, — замечает Гефестион. — Твой даймон овладевает тобой.

— Нет, — возражаю я.

Но на самом деле он прав.

— Говори, — настаиваю я, — я хочу услышать все.

— Раньше я осуждал кампанию, проводившуюся в Афганистане, но не только не возражал против великого похода далее на восток, но и приветствовал эту идею со страстью, равной, если не превышающей, твою собственную. Но теперь все видится мне иначе. То, что мы делаем, Александр, нельзя назвать иначе как преступлением. В конечном счете, это та же «бойня». Как бы ни воспевали войну поэты, какие бы гимны ни слагались в ее честь, по существу, она не более благородна, чем грабеж и разбой. Только совершается этот разбой не отдельными людьми, а одними народами по отношению к другим. Ремесло солдата состоит в том, чтобы убивать людей. Мы можем называть их врагами, но они такие же люди, как и мы. Они любят своих жен и детей не меньше нас, не уступают нам в отваге и благородстве и служат своей отчизне с ничуть не меньшей преданностью. Что касается тех, кого я убил своей рукой или кого убили по моим приказам, то, будь у меня возможность воскресить их, всех до единого, я поступил бы так, чем бы это ни обернулось и для меня самого, и для нашего похода. Прости...

Он хочет прекратить этот разговор, но я требую продолжения.

— До Персеполя, Александр, я был всецело на твоей стороне, ибо считал, что преступления, совершенные персами на земле Эллады, вопиют об отмщении. Но вот отмщение свершилось. Мы убили персидского царя. Мы сожгли столицу Персии и сами стали властителями всех ее земель. Что же теперь?

Жестом он указывает на восток, за реку.

— Теперь мы вознамерились обрушиться на этих достойных, счастливых земледельцев. Зачем? Что худого они нам сделали? По какому праву мы развязываем против них войну? В погоне за славой? Но подлинной славы, славы освободителей, наша армия лишилась давным-давно. Или нам стоит вспомнить слова Ахилла и заявить, что мы стремимся превзойти всех в «добродетелях войны»? Чушь! Любая добродетель, доведенная до крайности, становится пороком. Зачем нам завоевания? Чтобы обращать свободных людей в невольников? Но поверь, каждый из них с радостью променяет богатство, даруемое тобой, господином, на бедность, которую он сможет назвать своей собственной. Раньше мы вели войну, у которой имелись причина и оправдание. Теперь ничего подобного нет.

Он встает, расстроено ероша пятерней волосы.

— Кто может выстоять против тебя, Александр? Ты стал дубом, по сравнению с которым все деревья в лесу кажутся травинками. Армия бурлит от отчуждения и недовольства, но ты одним словом способен принудить ее к повиновению. Кто может сказать тебе «нет»? Я не смогу. Они тоже.

Мой товарищ смотрит на меня.

— Сначала я держал рот на замке, потому что боялся потерять твою любовь. То есть мне казалось, что я боюсь именно этого, хотя такое поведение отдает тщеславием и эгоизмом. Но потом стало ясно, что боюсь я совсем другого. Того, что ты потеряешь себя! Что твой дэимон пожрет тебя заживо! Он уже пожирает нашу армию! Я люблю Александра, но страшусь «Александра». Который из них ты?

Гефестион смотрит на меня с отчаянием.

— Мы переправимся через реку ради тебя. Мы добудем тебе твою победу. Что потом?

Он умолкает. Его обвинения не содержат ничего нового в сравнении с тем, что я сам говорил себе десять тысяч раз. Но произнести это вслух, мне в лицо...

— Ты самый смелый человек из всех, кого я знаю, Гефестион.

— Лишь самый отчаявшийся.

Он прячет лицо и плачет.

На его плаще застежка, золотой лев Македонии. Он мой заместитель, второй по рангу человек в армии.

— Если меня убьют в этом бою,— спрашиваю я,— ты отведешь армию домой?

— Тебе следует заменить меня,— говорит Гефестион вместо прямого ответа.

Я лишь улыбаюсь.

— На кого?

Следующий день можно было бы назвать «днем слоновьего дерьма». Наш прыткий десятник Дерюжная Торба, ходивший за реку в разведку, приволок в лагерь высохшую слоновью лепешку, этакий блин цвета мастики, в полтора локтя высотой и с купальную лохань в округности. Мы все видели помет рабочих слонов, но боевой, судя по отходам, является настоящим гигантом. Неудивительно, что эта находка вызывает в лагере возбуждение. Каждый считает необходимым взглянуть на лепешку, и все наперебой гадают, какого размера должен быть зверь, способный ее уронить.

— Клянусь богами,— заявляет Дерюжная Торба,— если такое страшилище на тебя наступит, то раздавит, как гнилую луковицу.

Наши солдаты знают о существовании боевых слонов (при Гавгамелах пятнадцать этих так и не вступивших в бой животных оказались в наших руках вместе с погонщиками), но вот сталкиваться с грозными великанами в сражении им еще не приходилось. Теперь подобная перспек-

тива выглядит весьма близкой, и люди пугаются. Не утешают и последние данные разведки. Пор, в распоряжении которого имелось пятьдесят чудовищ, призвал подвластных ему восточных раджей, которые привели втрое больше слонов, не говоря уж о многих тысячах лучников, пехотинцев и колесничих. Двести слонов выстроились с заполненными пехотой интервалами в тридцать локтей, образовав фронт почти в десять стадиев шириной и в три ряда в глубину. Запах и рев слонов пугает коней: наши люди опасаются, что кавалерия не сможет не только произвести атаку на поле, но даже, когда эти звери на виду, выйти из реки. Людям, казалось бы привычных к опасности, страшит возможность пасть не от меча или копья, а оказаться растоптанным, пронзенным бивнями или поднятым хоботом в воздух и брошенным на землю с силой, способной вышибить мозги и переломать все кости.

Я инспектирую пехоту. Выясняется, что число неспособных занять место в строю из-за «случайных» травм возросло втрое. По всему лагерю люди собираются кучками и о чем-то толкуют. Вид у них подавленный. Стоит мне встретиться с кем-то взглядом, как он пристыженно отводит глаза. Кратер с Пердиккой пытаются воздействовать на людей личным примером, Птолемей уговаривает меня начинать наступление. Мне хотелось бы подождать (деньги и снаряжение, за которыми было послано, скоро придут), но настроение в лагере вынуждает меня к незамедлительным действиям. Я созываю командиров.

— Македонцы и союзники, вы не та сила, которой были когда-то. Раньше, ведя вас в бой, я чувствовал ваше рвение и безудержную отвагу. Теперь, идя вперед, мне приходится оглядываться, всякий раз боясь, что вас вообще не окажется на виду. Но и когда вы на виду, это не радует. Посмотрите на себя. Вы угрюмы, ворчливы и — давайте уж, как учил мой отец, называть вещи своими именами — при виде кучки слоньего дерьма обделались сами.

Я обращаюсь к командирам снаружи, под насыпью, в расчете на то, что все войско соберется и услышит мою речь.

— Я созвал вас сюда, чтобы раз и навсегда покончить с неопределенностью: либо мне удастся убедить вас идти вперед, либо вы убедите меня повернуть назад. Есть ли у вас претензии ко мне, братья? Разве ваши труды не были удостоены справедливого вознаграждения? Если, по вашему мнению, это так, то мне, пожалуй, нечего вам сказать. Но если признать, что в результате помянутых трудов в ваших руках теперь вся Европа и Азия, а именно: Эллада и острова Эгейского моря, Иллирия, Фракия, Фригия, Иония, Кария, Киликия, Финикия, Египет, Сирия, Армения, Каппадокия, Пафлагония, Вавилония, Сузиана и вся Персидская держава, не говоря уже о Парфии, Бактрии, Арии, Согдиане, Гиркании, Арахозии, Тапурии и половине Индии, — тогда в чем суть ваших жалоб? Подвел ли я вас, сменив великодушие на скарედность? Но среди вас нет ни одного, кого бы я не сделал богатым. Разве я оставляю себе самую лучшую добычу? Вот моя кровать. Две доски и подстилка. Я ем вдвое, а сплю втрое меньше любого простого солдата. А что касается ран, пусть любой из вас разденется и покажет свои раны, а я, в свою очередь, покажу свои. Спереди, откуда воин получает удары, делающие ему честь, на моем теле не осталось места, не покрытого шрамами. Нет ни одного вида оружия, отметины от которого я не получил бы, служа вам, сражаясь ради вашей славы и вашего обогащения!

Я расхаживаю по сооруженной нами насыпи, словно актер по сцене. И все взоры, как в театре, обращены ко мне.

— Друзья мои, по моему глубокому убеждению, человек, воодушевленный благородным стремлением к подвигам, не признает никаких запретов и ограничений. Однако если вам все же не терпится узнать, как же далеко намерен я зайти, отвечу, что являющееся моей целью побережье Океана лежит во многих лигах от того места, где мы пребываем ныне. И пусть каждый знает, что остановлюсь я только там. И ни-

как не раньше. Конечно, друзья мои, вы устали. А вы думаете, я не устал? Но лишения и опасности — это плата за подвиги и славу. Что может быть лучше, чем прожить жизнь с честью и умереть, прославив свое имя в веках? Мы составляем армию, равной которой не было никогда. Минуют столетия, другие армии будут вести другие войны, но кто сможет сравниться с нами в наших подвигах? Оглянитесь по сторонам, братья. Посмотрите в глаза своих товарищей. Вы самая могучая боевая сила в истории! Завоевания всех тех, кто был до вас, и тех, кто придет потом, меркнут перед испытаниями, которые вы преодолели, врагами, которых вы победили, победами, которые вы одержали. Неужели после всего этого вы поддадитесь нелепым страхам и поверите, будто за этой рекой нас встретит враг слишком сильный, чтобы его можно было победить? Но то же самое я слышал еще перед выступлением из Македонии, теми же словами меня пытались уговорить остановиться у Евфрата, уверяли, будто нашими силами невозможно овладеть Вавилоном, Персеполем, Кабулом. Всякий раз я отвечал, что для нас нет ничего невозможного, и всякий раз оказывался прав. Может быть, мы добились слишком многого? Возможно, наша беда именно в этом, и коварство небес состоит в том, чтобы, истомив нас победами, свести на нет наш порыв, когда до величайшей цели остается всего один рывок. Братья, не поддавайтесь на эту уловку. Следуйте за мной! Дайте мне возможность завершить поход, как было задумано. Побережье Океана не может быть слишком уж далеко. Когда мы будем стоять на Краю Земли — а мы будем там, — тогда, клянусь небом, я не только удовлетворю все ваши пожелания, но дам вам больше, чем вы могли вообразить в самых дерзких мечтах. Я отошлю вас домой или поведу туда сам, тогда как те, кто останется, будут завидовать тем, кто уходит.

Я умолкаю. Никто не отвечает. Все боятся моего гнева.

— Говорите, друзья. Не бойтесь меня. Ваше молчание разрывает мне сердце.

Тишина длится целую вечность. Никто не отрывает глаз от земли.

Наконец вперед выступает Коэн. Мое сердце охватывает печаль. Коэн, бесстрашный перед лицом врага, теперь должен пустить в ход эту непревзойденную доблесть, только чтобы обратиться ко мне.

Мой старый друг говорит:

— Видя, что ты, Александр, желаешь не принуждать македонцев как деспот, но убедить их или позволить им убедить себя, я буду говорить не от имени моих братьев полководцев, которых ты одарил такими почестями и сокровищами, что мы последуем за тобой повсюду, но от имени простых солдат, чьи голоса не звучат на советах, но на чьи плечи ложатся основные тяготы и лишения.

Коэн говорит: уже после Персеполя многие сочли, что армия зашла слишком далеко, а за прошедшее с той поры время мы ушли в три раза дальше, подчинили себе столько же людей и присоединили территорию, вдвое превосходящую даже территорию Персидской державы. Мы сразились еще в двадцати четырех битвах и провели еще девять осад. Что стало за это время с армией?

— Уж конечно, Александр, ты прекрасно знаешь, как много македонцев и эллинов выступило с тобой из Европы и как мало осталось их на сегодняшний день. Многих, истощившихся от непомерного напряжения, ты, одарив, отпустил домой, заслужив их благодарность. Другие получили землю и жен в завоеванных странах, и это тоже было правильным решением, ибо ты понял, что у них уже не лежит душа к этому походу. А сколько погибло на поле боя, умерло от ран и болезней, стало беспомощными калеками? Мы проделали путь в сто десять тысяч стадиев, и каждый локоть этого пути давался нам в упорных сражениях. Лишь немногие из уцелевших обладают ныне телесным здоровьем, а их дух истощен еще более. Каждому солдату очень хочется увидеть мать и отца, если они еще живы, и жену с детьми,

выросшими в его отсутствие. Он стремится увидеть свою родную землю. Что в этом плохого? Разве он не заслужил этого? Разве не о достойном возвращении мечтал он с самого начала и разве не к этому поощрял его ты сам своей щедростью, позволившей ему превратиться из бедняка в зажиточного человека? Что касается меня, то после Граника ты предоставил мне, вместе с другими недавно женившимися людьми, отпуск, позволив по своей великой доброте провести зиму дома с моей супругой. Это было восемь лет тому назад. У меня есть сын, которого я никогда не видел. Неужели, Александр, мне суждено сгинуть на твоей службе, так и не увидев лица моего ребенка?

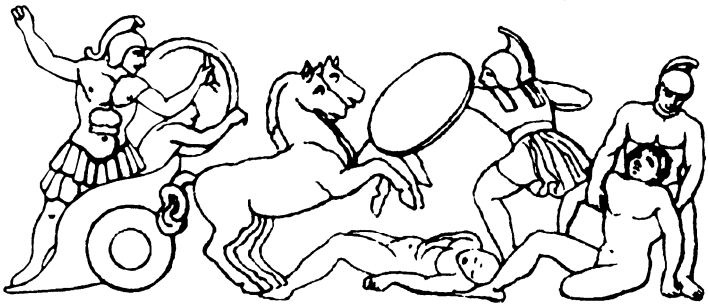
Коэн настойчиво убеждает меня в необходимости вернуть армию домой и вернуться самому. Увидеться с матерью, устроить дела в Элладе, а потом, если я пожелаю, собрать новую армию и организовать второй поход.

— Подумай о том, Александр, с каким несравненным пылом и рвением последуют за тобой молодые бойцы, увидев, что их старшие товарищи воротились домой со славой и щедрыми наградами и никто из них уже не будет прозябать в бедности.

Мой старый друг умолкает. Солдаты тысячами поддерживают его одобрительным гулом. Иные проливают слезы, умоляя меня прислушаться к его совету.

Мне снова не удается заставить их понять меня, и это наполняет мое сердце таким гневом, что я боюсь, как бы оно не разорвалось. Говорить больше не о чем: мне остается лишь распустить собравшихся и, сжигаемому яростью, вернуться в свой шатер.

СЕРЕБРЯНЫЕ ЩИТЫ

В ту ночь никто не сомкнул глаз. Клянусь богами, я задам жару всем этим нытикам. В полночь по моему приказу весь отряд «недовольных» разоружают и берут под стражу. По лагерю ползут слухи о том, что их предадут казни. Косвенно они подтверждаются следующим приказом: на рассвете выстроить армию с полной выкладкой, как это по обычаю делается, когда, в назидание прочим, казнят совершивших военные преступления.

«Недовольные» строятся отдельно: босые, с непокрытыми головами, в одних туниках.

Курьеры, прибывшие с наступлением ночи, докладывают, что обозы с деньгами и снаряжением находятся на расстоянии всего лишь нескольких стадиев. Я посылаю к колонне командиров с секретными приказами. Это возбуждает самые невероятные слухи.

В центре лагеря расчищается квадратная площадка, на которой устанавливают три сотни столбов, какие используют при казнях. «Недовольных» должны будут под стражей перевести туда.

Все мои приказы не передаются, как обычно, по цепочке, а оглашаются в лагере глашатаями, получившими их непосредственно от меня. Пусть мои высшие военачальники тоже попотеют от страха. Я не допускаю к себе Гефестиона, Кратера и Теламона. Разрешено остаться лишь Аристандеру старшему, вместе с которым мы совершаем жертвоприношение Страху. Жертвенные животные, одно за другим, истекают кровью. Знамена неблагоприятные, и я приказываю выбросить выпотрошенные трупы позади святилища. Пусть армия строит догадки и по этому поводу!

Обозы прибывают при свете факелов, за три часа до рассвета. Я велю поставить повозки квадратом, рядом с центральной площадью, и охрану их поручаю не македонцам, чьи языки без костей, а царским таксиллианцам раджи Амбхи.

С наступлением рассвета я продолжаю приносить жертвы, но теперь призываю к себе Гефестиона, Пердикку, Птолемея, Коэна и Селевка.

Лагерь объявляется закрытой территорией, покидать его и проникать снаружи строжайше запрещается. Каждый задержанный будет казнен как дезертир или шпион.

Теламон направляется мною к «недовольным» с вопросом: им предлагается или отвергнуть своих нынешних молодых командиров, Матиаса и Ворону, и выбрать других, или подтвердить их полномочия, ибо слова представителей отряда будут восприниматься мною как общее волеизъявление.

Восходит жаркое индийское солнце. На моих глазах вперед выводят «недовольных». Каждый из них герой. Я узнаю Эрикса, первым взобравшегося по приставной лестнице на высокую стену Аорна, Филона, всю ночь прикрывавшего своим щитом Белого Клита, когда они попали в засаду, устроенную дикими афганцами, Амомфарета, прозванного Полумесяц из-за страшного шрама на животе, следа от удара мечом. Этот малый прославился еще и тем, что пожертвовал накопленную за три года добычу пострадавшим

от наводнения жителям безвестной деревеньки на берегу Окса. Очевидно, все они считают, что этот рассвет будет последним в их жизни, но никто не хнычет и даже не просит у Теламона известить родных о его гибели.

Я ошибся.

В том, что между мною и этими солдатами возникло отчуждение, виноват я.

Армия, невыспавшаяся и переволнованная, производит построение. Уже припекает. «Недовольные» стоят по стойке «смирно» внутри расчищенного квадрата, под присмотром вооруженной стражи. Матиас и Ворона остаются их командирами. Перед людьми высятся триста столбов, на каждый из которых я приказал накинуть покрывало, большущий мешок, закрывающий столб с верха до основания. Эти обвисшие тряпки напоминают саваны. Солдаты, сбитые с толку, растерянные и напуганные, не сводят глаз со зловещих столбов.

Облаченный в багровый плащ конных «друзей», я выступаю вперед.

— Македонцы и союзники, когда я распустил вас прошлым вечером, все во мне пылало от гнева. Вы почувствовали это, я знаю. Всю ночь в ваших палатках вы совещались между собой. Так, как и должно быть, ибо вы не рабы, скованные волей тирана, но свободные люди. Я тоже лежал, не смыкая глаз. Всю ночь напролет в моей голове звучали слова, произнесенные от имени всех вас нашим славным товарищем Коэном. Я выслушал их и усиленно размышлял над ними.

Я выпрямляюсь. В лагере настолько тихо, что слышно, как в реке, на два стадия ниже по течению, прачки полощут белье.

— Братья, поступайте, как хотите. Но знайте: я пойду дальше.

С моего помоста виден противоположный берег. Я делаю жест в направлении позиций Пора и вражеских укреплений.

— Принуждать следовать за мной никого не будут. Сейчас все вы увидите, что это не просто слова.

Я делаю знак армейскому казначею, и по его команде вперед выступает начальник прибывшего поздно ночью денежного обоза. Его люди в соответствии с моими инструкциями выкатывают и деловито рассредоточивают перед союзными и иностранными формированиями армии около двух десятков повозок. Каждая занимает место перед отдельным отрядом, и возницы сгружают мешки с казной. Золото занимает мало места, так что времени на разгрузку уходит немного.

— Вот ваша плата, союзники и друзья. Здесь наградные: в одинарном размере для пехоты, в двойном для конницы, в тройном для командиров. Это все, что вы должны были получить после окончания похода и полной победы. Давайте! Забирайте свои деньги!

В считанные мгновения речь переводят на пару десятков местных языков. Приглушенный гомон перерастает в ропот, ропот — в негодующие крики. Иноземцы, каждый на своем наречии, выкрикивают одно: «Нет! Нет! Подачки нам не нужны!» Они не коснутся денег, которых не заслужили.

— Берите! — повторяю я, направляясь к ним. — Берите и скажите, что переправились через эту реку с Александром и уничтожили его врагов. А тем, кто усомнится в вашей отваге, предъявите как доказательство эти деньги.

Возмущенные возгласы перерастают в рев, уязвленная гордость повергает воинов в бешенство. Парфяне, бактрийцы, дикие племена Скифии — саки, дааны и массагеты — вновь и вновь выражают упорное несогласие. Индийцы раджей Амбхи и Сисигупты молчат, но всем своим видом дают понять, что мое предложение для них неприемлемо. Наемники из Фракии и Эллады, сирийцы, лидийцы, египтяне и мидийцы придерживаются того же мнения. Что же до Тиграна и персов, то они не достаивают золото и взглядом.

Я подаю знак, призывая к тишине, а когда командиры восстанавливают порядок, обращаюсь к македонцам.

Армейский казначей выкатывает вперед новые повозки. Мои соотечественники уже терзаются стыдом, но миновала ли опасность нового возмущения? Нет, я еще заставлю их покорчиться на дыбе позора.

— Македонцы, вы высказали свои претензии, и я выслушал их. Вот. Это то, чего вы хотели.

Возницы сбрасывают с повозок еще больше мешков с золотом. Мешки тяжелые; многие при падении рвутся, и монеты рассыпаются по земле. Перед каждым отрядом вырастают холмики сокровищ.

— Вот ваши свидетельства об увольнении со службы. — Юноши из моей свиты демонстрируют свитки. — Вы свободны. Заберите их! Я вас больше не держу!

Ни один человек не двигается с места. Каждого пригвоздил к месту стыд.

— Что держит вас, македонцы? Я отпускаю вас с честью. Нагнитесь! Забирайте свое вознаграждение и отправляйтесь домой.

Юноши из моей свиты по моему поручению обходят ряды, протягивая людям свидетельства об отставке. Все как один убирают руки за спину.

— Я организую для вас обоз, братья. Собирайтесь, грузите свои пожитки и отправляйтесь домой. Только там, дома, не забудьте рассказать женам и детям, как вы бросили своего царя на краю земли, в окружении врагов. Упомяните и о том, что союзники, даже не знающие его языка, остались верными Александру, тогда как вы, его родственники и соотечественники, забрали свои сокровища и отправились на родину. Расскажите им об этом, и вы, я уверен, прославитесь на всю страну. Что уставились? Вы получили все, что хотели! Проваливайте, чтоб глаза мои вас не видели! Уходите!

Мои соотечественники стоят как статуи. Всех удерживает не только стыд, но и беспокойство. Все ждут, как решится участь «недовольных». Будут ли их казнить? Отведут ли их сейчас к столбам, чтобы свершить расправу?

Теперь моя речь обращена к «недовольным». Я перечисляю их былые заслуги, называю Эрикаса, и Филона, и Амомфарета и заявляю, что отчуждение между нами возникло по моей вине.

— Да, братья, я слишком рьяно побуждал вас идти все дальше и дальше, ибо, осознавая ваше величие, ждал от вас чудес, хотя, возможно, не в должной мере поощрял ваши успехи и разделял ваши невзгоды. Я подвел вас, друзья. Но и вы подвели меня. Вы разрушили мою веру в себя и в наших соотечественников. Вы поставили свое недовольство выше верности армии. Вы дулись и лелеяли свои обиды, что пристало капризным фаворитам, а не солдатам. Такие проступки, совершаемые во время войны, это не заблуждения, а военные преступления, карающиеся по всей строгости. Но, предоставив нашим союзникам и соотечественникам свободу выбора, я считаю себя не вправе отказать в том же и вам.

По моему приказу покрывала на столбах приподнимаются, и все видят, что к каждому прислонен недавно изготовленный, никогда не отражавший ударов, ослепительно сверкающий в лучах восходящего солнца щит. Я объявляю, что каждый из щитов обит не бронзой, а чистым серебром и на каждый пошла одна шестая таланта драгоценного металла.

— Вот вам награды, из-за которых вы так стервенели. Серебро на каждом щите стоит жалованья за три года.

Я делаю страже знак удалиться. Отряд «недовольных» остается на месте, пораженный немотой. Вся армия затаила дыхание. Пока солдаты оступело таращатся, я приказываю полностью сорвать покрывала со столбов. Рядом со щитами сложены триста новых мечей и сарисс, новая обувь, тунки, шлемы, плащи: триста комплектов полного боевого снаряжения.

Армия взрывается криками. На восстановление порядка уходит столько времени, сколько необходимо, чтобы досчитать до ста.

— Это снаряжение предназначено для вас! — обращаюсь я к «недовольным». — Но я не принуждаю вас брать его. Если вы предпочтете, чтобы стоимость серебра на каждом щите была возмещена вам звонкой монетой, я с почестями отпущу вас домой.

«Недовольные» поворачиваются к Матиасу и Вороне. Молодые командиры вытягиваются в струнку.

— Но не спешите. Прежде чем примете решение, выслушайте то, что я вам сейчас скажу.

Размашистым шагом я иду вдоль строя.

— Там, где бой будет самым яростным, туда я и пошлю вас. Туда, где задача будет самой опасной, первыми пойдете вы. Там, где риск будет самым большим, вы займете место в первых рядах. За рекой нас дожидаются боевые слоны Пора, в атаку на них предстоит идти вам. Вы победите их! Хватит отлынивать и прохлаждаться, вам дается последняя возможность возродить свою честь и славу. Выбирайте, братья, но выбирайте сейчас!

Матиас и Ворона первыми делают шаг вперед. По одному, по двое, потом уже скопом, триста ветеранов выходят вперед и берут свои щиты. Люди сбрасывают свои опозоренные туники и облачаются в новые, знаменующие искупление и воссоединение. Войско восторженно ревет.

За рекой Пор не может не слышать этого. В считанные минуты каждый его солдат будет поднят по тревоге, вся армия приведена в полную готовность.

Я выхожу перед строем.

— Братья, я намерен перейти эту реку! Кто пересечет ее вместе со мной?

БИТВА У ГИДАСПА

Эту битву мне нет нужды описывать в подробностях. Ты был там, Итан. Ты сражался, ты победил. Я не вижу необходимости пересказывать тебе то, что ты видел собственными глазами.

Вместо этого я буду говорить о роли этого сражения. О том, какое значение имело оно и для меня, и для армии.

Оно было тем единственным, что нам тогда требовалось: битвой героического масштаба с достойным и доблестным противником, отважно защищавшим свои позиции. В конце концов поле осталось за нами, но, что в данном случае было даже важнее, нам удалось сохранить жизнь и самому Пору, и сколь можно большому количеству его кшатриев. Одолев упорного и мужественного противника, мы не опустились до расправы и мародерства, но смогли проявить великодушие и одержали победу не только над неприятелем, но и над тем разбродом и шатанием, который в последнее время был бичом нашей армии.

Сама же победа была блестящей, возможно, величайшей из одержанных под моим командованием. Я утверждаю это, ибо она потребовала совершенно новой стратегии и тактики, нетрадиционного подхода к организации наступления и изумительной слаженности и координации со стороны рассредоточенных соединений — трех обособленных корпусов, отделенных друг от друга аж ста пятьюдесятью стадиями, и действовавших на фронте протяженностью в двести пятьдесят стадиев по обоим берегам могучей реки. В этом сражении (которое, по правде говоря, представляло собой сложную комбинацию, сочетавшую удар с воды с сухопутной операцией) перед нашей армией встала самая сложная за всю ее боевую историю задача по согласованной, выверенной по времени передислокации в труднейших условиях огромного воинского контингента. На семистах ладьях и одиннадцати сотнях плотов надлежало переправить сорок семь тысяч солдат и семьдесят пять сотен лошадей (большую часть пришлось переправлять ночью, во время муссона), со всем вооружением и боевым снаряжением, включая полевые баллисты и катапульты. Это потребовало величайшей гибкости и способности к импровизации со стороны находившихся в отрыве один от другого командиров, многие из которых говорили на разных языках. Наступление велось с форсированием естественных и искусственных преград, на беспрецедентно широком фронте, против неприятеля, сражавшегося не только ради победы, но и защищавшего свою родину и свободу. Одни лишь затраты физической энергии были таковы, что все предыдущие операции меркнут по сравнению с этим грандиозным свершением.

Все начинается с броска в сто восемьдесят стадиев вверх по течению, по вязкой грязи, совершенного во время продолжавшейся всю ночь грозы, сопровождавшейся подобным потоку ливнем. Конечно, непогода скрыла нас от противника, но зато превратила русло реки, и без того вспухшее пос-

ле ранних дождей, в завывающий бурный поток. Затем следует переправа через этот поток, причем ширина его составляет почти десять стадиев, и последнюю треть многим приходится преодолевать вплавь. И все это имеет место до сражения, даже до построения в боевой порядок, осуществленного уже на том берегу. Потом следует марш на сближение протяженностью сто пятьдесят стадиев и происходящее на заболоченной местности столкновение с противником, чей фронт растянулся на двадцать стадиев, а силы составляют восемнадцать тысяч конницы, сто тысяч пехоты и две сотни боевых слонов. Последних доселе ни одна армия Запада даже не видела, не говоря уж о том, чтобы вступить с ними в бой и победить. И это только физические трудности. Душевных сил было затрачено не меньше, если не больше. Ибо по мере того, как разворачивалось сражение, оно преподносило нам множество неожиданностей. Обстановка чуть ли не ежеминутно резко и непредсказуемо менялась, причем помимо действий противника на это влияли и наши собственные, неизбежные при осуществлении операции такого размаха и такой сложности ошибки. Наиболее драматичный просчет допустил я сам, направив на противоположный берег, предназначавшийся для захвата плацдарма, семитысячный передовой отряд, который оказался перед промытым стремительным потоком речным рукавом, преодолеть который можно было только вплавь.

По ходу дела нам приходилось отбрасывать один план за другим и придумывать новые, когда вопрос о жизни и смерти решали мгновения. Подчеркну, что принимать мгновенные, самостоятельные решения приходилось не только мне и высшим военачальникам, но и десяткам командиров подразделений. Из-за всей этой неразберихи, больших расстояний и продолжительности боя они потеряли связь как с командованием, так и друг с другом. Сражение длилось с вечера одного дня, когда первые колонны выступили к на-

ходившейся в ста восьмидесяти стадиях от лагеря переправе, до заката следующего, когда бой завершился на противоположном берегу. Сутки люди и кони были вынуждены обходиться без сна и еды, разве что некоторым счастливым удавалось перехватить что-нибудь на бегу.

Это испытание солдаты и командиры выдержали блистательно. Атака конных лучников Даана на левое крыло противника, поддержанная фланговым ударом «друзей», оказалась столь яростной и кровопролитной, что превзошла даже столкновение с Дарием при Гавгамелах. Гефестион получил три раны, пробиваясь со своими людьми сквозь ряды неприятельской конницы, имевшей пятикратное численное превосходство. Пердикка, Птолемей, Пифон и Антиген, возглавлявшие пехоту с сариссами, и Таврон, командовавший стрелками из Мидии и Индии, выступившие против сплошной стены поддержанных пехотой неприятельских боевых слонов, хотя и понесли страшные потери, прорвали вражеский строй и, атакуя огромных животных, привели их в ярость и бешенство, заставив метаться по полю, топча своих же бойцов. Воцарился хаос, и, когда на противника обрушилось крыло Коэна, вражий хребет был сломлен.

Наши иностранные формирования показали себя великолепно. Скифские конные лучники отбросили неприятельских колесничих, возглавлявшихся сыном Пора, персидская конница Тиграна прорвала правый флаг индийцев, таксиланские царские всадники раджи Амбхи потеснили пенджабских копейщиков, а метатели дротиков из Фракии, действуя совместно с конными саками и массагетами, произвели сокрушительную контратаку. Ну а наступавшие в центре «серебряные щиты» Матиаса и Вороны, вместе с их братьями из царских телохранителей (первоначальных «серебряных щитов») Неоптолема и Селевка, были просто непобедимы.

Что же до меня, то и на переправе, и даже в самый разгар схватки мне приходилось думать не только о ходе боя,

но и о своем коне. Когда Буцефал, которому уже миновал двадцать один год, переплывал поток со мной на спине, у него чуть не разорвалось сердце, однако моя попытка пересечь на Корону не увенчалась успехом: он мне просто этого не позволил. То же самое случилось и после возобновления битвы. При попытке передать его на попечение Эвагора Буцефал одарил меня столь гневным взглядом, что мне пришлось оставить это намерение. Он не давал мне сойти с него до тех пор, пока львиный стяг Македонии не восторжествовал над всем полем битвы.

Какая еще армия смогла бы совершить то, что совершила наша? И это при том, что еще в предшествующее сражению утро большая часть войска не просто не хотела идти в бой, но была близка к тому, чтобы взбунтоваться и обратить в ничто все наши усилия.

Думаю, этой победой я имею право гордиться более, чем какой-либо другой, и, насколько могу судить, мои полководцы и друзья придерживаются на сей счет того же мнения. В отличие от многих других случаев от меня не требовалось никакого вмешательства для предотвращения излишних кровопролитных эксцессов: уважение к противнику само по себе держало воинов в узде.

Сам Пор явил в бою великое умение и отвагу. Бился он на спине своего боевого слона, который и сам показал себя героем. Индийский владыка получил множество ран, причем столь тяжких, что, когда по окончании битвы он спустился со слона, сил, чтобы взобраться туда снова, у него уже не нашлось. Говорят, мудрое животное усадило его на себя хоботом.

Когда я послал раджу Амбхи к Пору с требованием признать свое поражение, он, хотя и знал, что сражение им проиграно, отказался капитулировать перед человеком, которого считал своим врагом. Сдался он лишь после того, как я направил к нему его друга Беоса, предложившего

самые почетные и достойные условия и для него, и для его людей.

— Как должно тебя принимать? — спросил я Пора, когда его доставили ко мне.

— Как царя, — ответил он, и мы обращались с ним со всем почтением, подобающим царю.

Одержанная победа предоставила мне приятную возможность проявить великодушие. Благородный противник заслуживает благородного обхождения. Условия, на которых мы с Пором договорились о мире, более походили не на капитуляцию побежденного перед победителем, а на договор о союзе, скрепленный щедрыми дружескими дарами. Все пленные были освобождены в тот же день, без выкупа и каких-либо условий, получив назад оружие. Во дни, последовавшие за примирением, мы с моим новым другом с удовольствием соперничали в дружелюбии и щедрости.

Павшие с обеих сторон были погребены с почестями в общем кургане, а оставшиеся в живых, оплакав павших, в память о них обменялись обетами, поклявшись никогда впредь не поднимать оружие друг против друга.

Наконец, и это самое главное, войско вновь обрело «*dynamis*», жажду битвы. Долгая, утомительная и губительная для морального состояния борьба с разбойниками и головорезами завершилась. Даром, который преподнес Пор македонской армии, стала она сама, ее возрожденная гордость и заново пробужденный боевой дух.

Время шло к закату, битва завершилась. Начался дождь. Не такой потоп, как в прошлый день, но очистительный дождь, придавший небесам молочный оттенок. Верхом на Короне я вернулся к побережью напротив нашего лагеря. Целители и лекари из формирований Кратера и Мелеагра, находившиеся в резерве на той стороне Гидаспа, теперь переправились сюда, ибо раненым в схватке требовалась неотложная помощь. Прямо посреди лукового поля был устроен полевой лазарет, куда на всех имевшихся в наличии по-

возках и телегах свозили раненых, как македонцев, так и индийцев. Присмотревшись, я различил там двух наших целителей, Марсия из Кротона и Луку с Родоса. На моих глазах к ним подбежал мальчик, видимо с каким-то посланием. Неожиданно оба врача вскочили, выбежали из-под навеса и со всей быстротой, на какую были способны, помчались прямо по раскисшему полю по направлению к проходившей у береговой насыпи размокшей дороге.

Я проследил за ними взглядом, увидел толпу солдат, в отчаянии сгрудившихся над чьим-то телом. Было очевидно, что кто-то расстался с жизнью. Причем кто-то видный и уважаемый.

Каждый волосок на моем теле встал дыбом. Гефестион? Нет, я ведь его видел: он ранен, но его жизни ничто не угрожает. Кто же? Кратер? Птолемей? Пердикка?

Я перешел на рысь, потом на галоп. Индийцы выращивают на насыпных грядках овощи, и сейчас копыта Короны топтали их, разбрызгивая ошметки и сок. Когда я оказался примерно в тридцати локтях от группы воинов, некоторые из них узнали меня и вскочили, побледневшие и напряженные. И тут в их числе я увидел своего конюха Эвагора.

Теперь стало ясно, что они хлопотали не над человеком.

Я спешил и направился вперед сквозь ряды солдат, которые расступались передо мной, снимая шлемы и подшлемники. Буцефал лежал на правом боку, и я сразу увидел, что его великое сердце больше не бьется. В своем воображении я тысячу раз рисовал себе этот скорбный миг, неизбежность которого полностью осознавал, однако это никоим образом не смогло подготовить меня к ужасной действительности. Ощущение было такое, будто кто-то с титанической силой ударил меня в солнечное сплетение. При этом я чувствовал не столько скорбь по Буцефалу, ибо верил, что его вольный дух пребывает в блаженстве, сколько сострадание и жалость к себе, оставшемуся в одиночестве. И ко всему нашему народу, лишившемуся сего светоча доблести и вели-

чия духа. Я пошатнулся, упал на одно колено и удержался в этом положении, лишь схватившись за руку Эвагора.

Один из солдат держал голову Буцефала на коленях. При моем приближении он заметно растерялся, не зная, вставать ли ему, как подобает при виде царя, или оставаться на месте.

— Положи его голову сюда, — молвил я, тронув бойца рукой за плечо, однако снять и расстелить плащ так и не смог: у меня совершенно не было сил. Эвагору пришлось мне помочь.

Было очевидно, что воины сделали все возможное, чтобы спасти Буцефала, однако они были бессильны. Годы и переутомление вынесли ему свой безжалостный приговор.

— Узнай имена этих благородных людей, — приказал я Эвагору после того, как немного собрался с силами.

Они оказались всадниками-одриссами из отряда Менида, возглавлявшегося, во время его отсутствия, Филиппом, сыном Аминты.

Лекарям Марсию и Луке я приказал вернуться к их обязанностям. Раненые солдаты, как я понял, тоже одриссы, нуждались во врачебной помощи. Они не уходили. Как и у македонцев, у этих сынов Фракии имелся обычай убивать коня на могиле его всадника и хоронить обоих в общей могиле, чтобы они оставались неразлучными и в ином мире. Здесь, на луковом поле, под непрекращающимся дождем, они предложили мне заполнить могилу Буцефала телами их коней. И их собственными.

— Нет, друзья мои, — был мой ответ. — Но каждую предложенную вами каплю крови я верну вам отлитой из золота. А сейчас я с благодарностью прошу вас вернуться в свои подразделения.

А вот панегирик, который был произнесен мною над могилой Буцефала два дня спустя.

— Когда я впервые увидел этого коня, он был четырехлетком, едва познакомившимся с удилами. На конской яр-

марке в Пелле его демонстрировали среди других великолепных скакунов. Буцефал затмевал всех, как солнце затмевает звезды, но покупателя на него не было, ибо он яростно лягался, не позволяя никому сесть на него верхом. Мой отец отказался от приобретения, заявив, что этого коня невозможно объездить. Мне в ту пору было тринадцать, и я, как это свойственно мальчишкам, тем паче царского рода, был весьма высокого мнения о своем предназначении. С первого взгляда я понял, что тот, кого признает сей скакун, будет достоин власти над миром. А еще я понял, что смирить столь высокий дух возможно, только разбив свое сердце. Ни один наставник не дал мне столько, сколько этот конь. Ни одна военная кампания не пополнила мои познания в большей степени, чем общение с этим животным. Тысячи дней и ночей, будучи юношей и став мужчиной, я неустанно трудился, стараясь поднять себя до тех высот, на коих обитала его душа. Он требовал меня всего, но, приняв этот дар, воздал за него сторицей, дав мне гораздо больше. Наша армия стоит здесь благодаря Буцефалу. Это он прорвал строй «священного отряда» при Херонее, чего не смог бы никакой другой конь. При Иссе и Гавгамелах кони «друзей» мчались в атаку, следуя не за мной, а за Буцефалом. Да, он мог быть неистов, да, он мог быть неукротим. Но нельзя подходить к столь высокому духу с обыденными, привычными мерками. Почему Зевс являет Земле чудеса и посылает тех, кто одарен превыше мыслимых возможностей? Не потому ли, почему, по воле Его, комета перечеркивает небеса в своем ужасающем величии? Ему угодно показать, что может существовать нечто несравненно большее, чем дано видеть нам в повседневности.

Заканчивая панегирик, я возгласил:

— На этом месте будет заложен город с именем Буцефалия. И да благословят небеса всех, кто обретет жилище в его стенах.

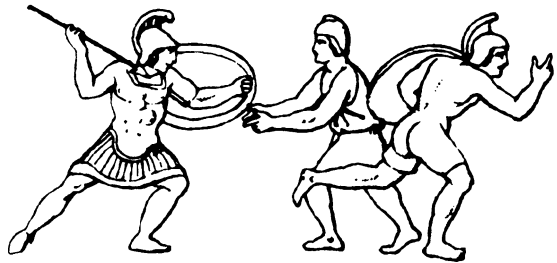

Взявшись за лопаты, мы насыпали над могилой моего незабвенного друга земляной курган.

— Друзья мои, многие из вас пытались утешить меня в моем горе, напоминая о долгой жизни, выпавшей Буцефалу, о его любви ко мне, о его смелости и славе, о том даже, что его место среди звезд. Вы указывали мне на то, что передо мной лежит весь необъятный мир и, обыскав все его уголки, я могу найти для себя любого коня и вырастить из него нового Буцефала. Увы, я в это не верю. Нигде под небесами нет и не может быть ему равного. Он был, но более его нет. Воистину, когда настанет и мой час, надежда на встречу с ним в иной жизни сделает для меня расставание с миром менее горестным.

И тут над равниною прокатился громовой раскат. Небо осветилось всполохами молний. Люди и я вместе с ними застыли, пораженные мощью и величием этого знамения.

— Македоняне и союзники, я знаю, что подверг вас тяжким испытаниям. Требования, предъявлявшиеся мною к вам, непременно сломили бы любого другого и были посильны лишь для вас, с вашей безмерной стойкостью. Вы всегда верили мне, братья, так поверьте же еще раз. Победа сделала нас прежними! Мы снова обрели себя. Все остальное не имеет значения. Так идем же вперед, с верой в свое предназначение. Вперед, и никакая сила в мире не сможет нас остановить!

То были последние слова, сказанные мне Александром для записи. В следующий вечер, когда я предстал перед ним, он поблагодарил меня за столь долгое пребывание в роли его исповедника (что, как заявил царь, сослужило добрую службу) и велел мне возвращаться к моим постоянным воинским обязанностям.

Что я и сделал.

После тридцатидневного отдыха армия продолжила продвижение на восток. Форсировав Акесин, еще один могучий поток, а за ним Гидраот, она присоединила к владениям Пора обширные земли его недругов. Но тут юго-западный муссон принес дожди. Семьдесят дней подряд армия, словно в душной парилке, хлюпала по превратившейся в сплошное болото земле, под непрекращающимися ни днем ни ночью, подобными неистовым водопадам ливнями. Боевой дух неуклонно падал. Хуже того, когда местных жителей спрашивали о расстоянии до Восточного Океана (находившегося, по утверждению Александра, «недале-

ко» и провозглашенного им конечной целью похода), из их ответов следовало, что, дабы добраться туда, надобно преодолеть тысячи стадиев, причем путь пролегает через широкие реки, подпирающие небеса горы, безжизненные пустыни и страны, обороняемые неисчислимыми и могучими воинствами. Если этот Океан вообще существует. И это после того, как, по подсчетам участников похода, армия за последние восемь лет оставила позади сто двенадцать тысяч стадиев.

Наконец на реке Гифасис к нему явилась делегация военачальников и «друзей», которые от имени всей армии стали молить его о милосердии. Они утверждали, что силы, стойкость и выносливость македонцев исчерпаны. Дальше на восток войско идти не может.

Александр с негодованием отверг их просьбу и в ярости вернулся в свой шатер. Прежде подобное неудовольствие мигом привело бы армию к покорности, но теперь люди были решительно настроены настоять на своем. Когда царь уразумел, что никакие слова и действия не заставят солдат отступить от их намерений, он устроил публичные жертвоприношения. Было явлено множество знамений, недвусмысленно указующих на то, что высшие силы едины с его воинами. Боги и солдаты желают одного и того же.

Царь во всеуслышание объявил, что во исполнение воли небес его армия поворачивает назад.

Он, никогда не терпевший поражения ни от вражеских армий, ни от неодолимых стихий природы, вынужден был уступить, снизойдя к слабости своих соотечественников. Узнав о его решении, они тысячами собрались у царского шатра, рыдая от счастья. Люди благословляли и восхваляли его, предвкушая путь домой и лелея счастливую надежду увидеть наконец своих жен и детей, престарелых отцов и матерей и любимую родину, с которой они так долго были разлучены.

Но и повернув на запад, Александр продолжил политику завоеваний, подчинив множество стран и народов, значительнейшими из которых были оксидраки, маллы, брахманы, агалассы, сидраки, такие царства, как Мусикан, Портикан и Самбус. Кроме того, он проложил неведомые дотоле пути к Арабскому океану и Персидскому морю.

В Сузах он устроил пышную, торжественную церемонию бракосочетания девяноста девяти виднейших командиров «друзей» с дочерьми представителей персидской знати. Сам он взял в жены старшую дочь Дария Статиру, предназначив Гефестиону ее младшую сестру Дрипетис. Ему очень хотелось, чтобы сыновья, его собственный и его ближайшего друга, были двоюродными братьями. Он щедро одарил «друзей», дал за всеми невестами богатое приданое и обещал золотую чашу каждому македонскому солдату, который возьмет себе жену на Востоке. Таких (по спискам на выдачу награды) набралось около десяти тысяч.

В Экбатанах спустя два года после того, как армия повернула назад, Гефестион неожиданно подхватил лихорадку и умер. Казалось, что сама земля не сможет выдержать силы обуявшего Александра горя. Дабы почтить усопшего друга, он повелел возвести монумент в сто двадцать локтей высоты, стоимостью в десять тысяч талантов, приказал в знак траура остричь гривы всем лошадям и мулам и даже обрушить венцы сторожевых башен, дабы и они выглядели скорбящими.

Я служил командиром «агемы» «друзей», так что по долгу службы находился при его особе от шести до двенадцати часов в сутки. Могу заявить и прошу мне поверить, что хотя внешне Александр выглядел столь же бодрым и деятельным, как всегда, но смерть Гефестиона сделала его другим человеком.

Впервые он начал заговаривать о своей возможной смерти, высказывая мрачные предчувствия относительно бу-

дущих настроений и предсказывая неизбежную борьбу за раздел его наследия. У Роксаны в ту пору родился младенец, и царь тревожился за его судьбу, как, впрочем, и за мою. Он опасался, что после его ухода честолюбцы и властолюбцы найдут способ дискредитировать нас, лишит всех прав, а то и убить, дабы мы самим своим существованием не смогли препятствовать осуществлению их замыслов.

По возвращении в Вавилон Александр посвятил свое внимание подготовке новых кампаний: следующий поход намечался в Аравию. Однако поздней весной одиннадцатого года с начала вторжения в Азию он неожиданно занемог. Состояние его, несмотря на все усилия врачей, стало стремительно ухудшаться.

Солдаты, возбуждаемые слухами о том, что царь умер, и не желая внимать увещеваниям командиров, уверявших, что он еще жив, собрались взволнованной толпой у дворца, требуя доступа к его особе. В конце концов разрешение было получено. Один за другим товарищи по оружию проходили мимо царского ложа. Говорить Александр уже не мог, однако он узнавал каждого из ветеранов и благословлял его взглядом. А в тот же вечер его дух навсегда покинул земную юдоль.

Это случилось пятнадцатого таргелиона по афинскому календарю, или двадцать восьмого десиуса по македонскому, в год сто четырнадцатой олимпиады.

Александр было тридцать два года и восемь месяцев.

Мне не под силу передать в полной мере картину уныния и скорби, охвативших всех при известии о его кончине. Скажу лишь, что горестно оплакивали его как персы, так и македонцы. Первые лишились милосердного и щедрого властелина, вторые — несравненного и блистательного вождя.

Масштаб сверхчеловеческой личности и невероятных свершений Александра был таков, что стоило ему поки-

нуть этот мир, как хроника его деяний, не пробыв и часа достоянием истории, перешла в область легенд и героических преданий. А порой и просто волшебных сказок. С его уходом в центре мира образовалась осязаемая пустота, но в то же время он и из могилы продолжал оказывать на ход событий столь сильное влияние, что, даже когда его полководцы принялись делить между собой созданную им империю, они смогли достичь соглашения и не пролить моря крови лишь потому, что чувствовали на себе его взор. Их встречи и переговоры проходили в его шатре, перед его пустым тронем, на котором покоились его царская корона и скипетр. Люди боялись задеть даже тень Александра, полагая, что воля того, кто превзошел всех в мире, способна преодолеть все и гнев его настигнет их даже из подземного мира.

И теперь, возможно, будет не столь уж неуместным для очевидца поведать обо всем голосом своего сердца.

Право оценивать Александра как царя я оставляю будущим историкам: моя задача в том, чтобы рассказать о человеке. Многие ставили ему в вину порок самовозвышения (будто они смогли бы избежать этого, оказавшись на его месте), но я всегда знал его как человека исключительного благородства и великодушия. Ко мне, зеленому юнцу, он относился как к товарищу и солдату, открывая свое сердце без тени высокомерия и фальши.

Никто не придавал меньшее значение масштабу своих свершений, нежели он, всегда заявлявший, что хочет быть всего лишь солдатом. Кем и являлся. Он был неподвластен ни жаре, ни холоду, ни голоду, ни усталости, ни, что еще важнее, алчности и скарденности. Снова и снова я лицезрел примеры того, что о товарищах он заботился куда больше, чем о себе. Домом ему служила лагерная палатка, постелью — собственный плащ. Он и одевался как солдат, практично и просто, презирая всякого рода роскошества и пышность. Зима и лето были для него одинаковы, ад в его

представлении являлся местом, где люди обречены на безделье. Он обретал себя перед лицом невзгод, взыскуя не покоя и неги, но трудностей и опасностей. Не было до него человека, внушавшего такую любовь соратникам и такой ужас врагам. Он был прекрасным оратором, но для того, чтобы воспламенить сердца своих боевых товарищей, вовсе не нуждался в словах: ему стоило лишь явиться пред ними. Один лишь вид их царя делал робких солдат смелыми, а смелых превращал в легендарных героев. То, что он совершил, не сводится к тринадцати годам непрекращавшихся военных кампаний. Кто в мире одержал столько побед и завоевал столько земель? Кто сможет повторить его деяния в будущем?

То, что Александр сказал своему любимому Буцефалу, вполне применимо и к нему самому: он принадлежит не кому бы то ни было, включая самого себя, но небесам.

Почему Зевс являет Земле чудеса и посылает тех, кто одарен превыше мыслимых возможностей? Не потому ли, почему, по воле Его, комета перечеркивает небеса в своем ужасающем величии? Ему угодно показать, что может существовать нечто несравненно большее, чем дано видеть нам в повседневности.

Однако я должен добавить, что Александр во всем был человеком, возможно, даже слишком человеком, ибо его свершения, причем не только благие, были полны страсти и благородного воодушевления и никогда не диктовались холодным, бессердечным расчетом. Мир, в котором он обитал, был населен не его современниками, а героями легенд, в нем жили Ахилл и Гектор, Геракл и Гомер. Парадоксально, но хотя ни один другой человек не повлиял на свою эпоху столь сильно, как сделал это Александр, сам он принадлежал не ей, а веку полубогов и великих, благородных героев. Тому воспетому поэтами веку, которого, возможно, в

действительности никогда и не было, но который существовал в его воображении.

Мне неведом ни один человек, знавший его лично и после его смерти сказавший о нем хоть одно дурное слово. Ошибки и преступления реального человека полностью затмило ослепительное сияние его призрака, и по прошествии времени мы думаем о нем со все большим благоговением и трепетом, словно с расстояния нам становится виднее, кого мы лишились.

Ну а закончу я этот документ рассказом об одном случае, приключившемся в Индии. На реке Гифасис, когда его армия отказалась идти дальше, он воздвиг три величественных алтаря, дабы навеки обозначить, как далеко простерлась его десница. Я, в числе многих придворных и военачальников, присутствовал при освящении этих монументов. День был ясный и ветреный, какие обычно и стоят в этой стране в перерывах между подобными водопадам неистовыми ливнями. По завершении церемонии, когда все уже собрались вернуться в воинский стан, Теламон, наемник, предстал перед царем. Между ним и Александром долгие годы существовало полное взаимопонимание, и во всей армии лишь ему могло быть позволено попросить отставки в любое время, когда ему заблагорассудится. Что он сейчас и сделал.

Александр поначалу выслушал эту просьбу с удивлением и неверием, ибо и представить себе не мог, что вдруг разлучится со старым другом и соратником в столь многих кампаниях. Прежде всего ему пришло в голову, что наемник недоволен своим положением, и он спросил: чего ему недостает? Чего он хочет? Сокровищ? Женщин? Почестей и чинов?

Аркадец с улыбкой отвечал, что все это ему опостылело. Все, к чему он стремился прежде, есть лишь пусть блистательная, но видимость, нечто вроде сосуда, скрыва-

ющего подлинную суть. Важно же не что снаружи, а что внутри.

Пораженный этими словами, Александр спросил наемника, куда тот собирается отправиться и чем заняться.

Теламон указал на восток, в сторону большой дороги, по которой во множестве брели индийские паломники.

— Вот что меня интересует,— сказал он и добавил, что хотел бы стать их учеником.

— А о чем ты желаешь узнать? — осведомился Александр.

— О том, что делать, если человек перерос в себе воина. Александр улыбнулся и протянул ему правую руку.

Теламон ударил ладонью по ладони и сказал:

— Идем со мной.

Я стоял слева от Александра, почти вплотную, и мне показалось, будто на какой-то миг царь и вправду задумался над этим предложением. Затем он рассмеялся. Разумеется, ни о каком паломничестве не могло быть и речи: его ждали новые цели, новые проблемы и новые заботы. Конюхи подвели лошадей. Что-то побудило меня остаться близ Теламона. Когда Александр уже собрался сесть в седло, его слуха неожиданно коснулась нежная, печальная мелодия. Царь повернулся на звук, в сторону временного лагеря царских копейщиков, и увидел, что этот меланхолический мотив выдувает ветер, блуждая между древками составленных вертикально кавалерийских сарисс.

— Сариссы поют, Теламон,— сказал Александр.— Скажи мне, неужели ты позабудешь их песню?

Царь и наемник обменялись прощальными взглядами. Затем один из юношей свиты помог ему взобраться на спину Короны.

Со временем, конечно, я кое-что подзабыл, но вот песнь сарисс задержалась в моей памяти. Помнится также: Теламон собрался было что-то ответить, но тут Александр

обернулся и, словно мелодия подсказала ему слова, продекларировал:

*Грустен сариссы напев, как печальная
песня свирели.*

*Он призывает меня голосом мягким и нежным
Брань позабыть и мирному делу предаться,
Но все, что ведомо мне, это одна лишь война.*

В это мгновение порыв ветра приподнял край Александрова плаща. Я заметил, как его бедро сжало бок Короны. Потом он натянул поводья и в окружении свиты поскакал в лагерь.

Благодарности

Свою глубочайшую благодарность автор выражает в первую очередь, разумеется, античным авторам: Арриану, Курцию, Диодору, Юстину, Плутарху, Полибию и другим, но в то же время он в высшей степени признателен многим современным исследователям, чьи концепции, воззрения и оценки деятельности Александра, не говоря уж о реконструкции походов и битв, были использованы в этой книге самым беззастенчивым образом. Назову имена: А. Б. Босуорт, П. А. Брант, Питер Конолли, А. М. Дивайн, Теодор Додж, Дональд Инглз, Робин Лэйн Фокс, Дж. Ф. С. Фуллер, Питер Грин, Дж. Т. Гриффит, Джордж Гротт, Дж. Р. Гамильтон, Н. Дж. Л. Хэммонд, Виктор Дэвид Хэнсон, Б. Х. Лиддел Харт, Вальдемар Хекель, Д. Дж. Хогарт, Е. У. Марсден, Р. Д. Милнс, сэр Аурел Стейн, Джон Уорри, Бенджамин Виллер и Ульрих Вилькен. Сознаюсь также, что кое-что было позаимствовано мною из воспоминаний и высказываний Цезаря, Вегеция, Наполеона, маршала Сакса и Фридриха Великого. Особенно много я почерпнул у барона де Марбота, весьма просветив-

шего меня в отношении особенностей ведения кавалерийского боя. Мне весьма приятно поблагодарить переводчиков и редакторов «Классической библиотеки», чьи примечания и комментарии ко всем текстам серии, а паче того превосходнейшие приложения бесценны для всякого исследователя, а подготовка текстов безупречна. Особо поклонюсь своему, не побоюсь сказать, выдающемуся издателю Биллу Томасу, предложившему саму идею, а также редактору Кэти Хэлл, вносившей по ходу дела в рукопись неисчислимые и неоценимые поправки. Большое спасибо моему фактическому соавтору Принтеру Боулеру и, конечно же, Джейн Краай, которая первая прислала мне статью о битве при Гавгамелах и сказала: «Это может вас заинтересовать». В вопросах, касающихся Востока, мне очень помогли ценные указания Эрики Поузли, а со всем, что касается кавалерийских коней, включая ветеринарные аспекты, я смог справиться лишь благодаря мудрым наставлениям доктора Линды Риджиг и доктора Брэда Дигерта. Стивен Уайт проявил энергию и настойчивость в поддержке и продвижении моего проекта, ну а доктора Хип Кантзиос я с полным основанием могу назвать своим гуру во всем, имеющим отношение к Элладе и эллинам.

Эпиграф воспроизведен с разрешения правообладателей серии «Классическая библиотека» и представляет собой заимствование из 5 и 6-й частей труда Ксенофонта «Киропедия» (издания «Классической библиотеки», т. 51 и 52) в переводе Уолтера Миллера (Кембридж, Масс.: Гарвард Университи Прес., 1914 г.).

Хронология (до Р. Х.)

- Около 547 г. Завоевание Киrom Великим Ассирии и Вавилона. Создание Персидской империи.
- 490 г. Армия Дария вторгается в Грецию. Марафонская битва.
- 480/479 г. Ксеркс вторгается в Грецию. Битвы при Фермопилах, Саламине, Платее.
- 356 г. У Филиппа и Олимпиады рождается сын Александр.
- 338 г. Битва при Херонее. Филипп Македонский побеждает противостоящий ему эллинский союз.
- 336 г. Убийство Филиппа. Александр в возрасте двадцати лет становится царем.
- 334 г. Армия Александра переправляется в Азию. Битва при Гранике.
- 333 г. Битва при Иссе. Александр побеждает Дария Третьего.
- 332 г. Осада Тира и Газы. Александр овладевает Египтом.
- 331 г. Битва при Гавгамелах.
- 331/330 г. Александр захватывает Вавилон, Сузы, Персеполь и Экбатаны. Смерть Дария.
- 330–327 г. Александр проводит кампанию на территории Афганистана.
- 326 г. Александр переваливает через Гиндукуш и вторгается в Индию. Битва при Гидаспе.
- 326 г. Воины Александра отказываются идти дальше.
- 323 г. Александр возвращается в Вавилон.
- 323 г. Александр в возрасте тридцати двух лет умирает.

СОДЕРЖАНИЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА	5
К ЧИТАТЕЛЮ	8
Книга первая. ЖАЖДА БИТВЫ	15
Глава 1. Воин	17
Глава 2. Моя родина	23
Глава 3. Индия	30
Глава 4. Теламон	41
Книга вторая. ЛЮБОВЬ К СЛАВЕ	45
Глава 5. Косой строй	47
Глава 6. Кратер	66
Глава 7. Зубы Дракона	73
Глава 8. «Священный отряд»	94
Книга третья. САМОВЛАСТИЕ	99
Глава 9. Мой даймон	101
Глава 10. Гефестион	119
Книга четвертая. ПОЗОР ПОРАЖЕНИЯ	129
Глава 11. Битва при Гранике	131
Книга пятая. ПРЕЗРЕНИЕ К СМЕРТИ	167
Глава 12. Тяжкие труды	169
Глава 13. Убить царя	180
Глава 14. Столпы Иона	192
Глава 15. Счетовод	199
Глава 16. Сражение при Иссе	213

Книга шестая. ТЕРПЕНИЕ	233
Глава 17. Море и шторм	235
Глава 18. Трофеи войны	247
Глава 19. Максимум войны	251
Книга седьмая. ИНСТИНКТ УБИЙСТВА	261
Глава 20. Военные советы	263
Глава 21. Поход в Месопотамию	274
Глава 22. Быстрый, как стрела	285
Глава 23. Материал сердца	297
Глава 24. «Верблюжий горб»	306
Глава 25. Ромбы на крыле	310
Глава 26. Большой клин	335
Книга восьмая. ЛЮБОВЬ К ТОВАРИЩАМ	349
Глава 27. Воздушные змеи	351
Глава 28. Чудовища глубин	381
Глава 29. Конец царей	390
Глава 30. Свита	394
Глава 31. Агония правления	401
Глава 32. Дикая земля	406
Книга девятая. ЛЮБОВЬ К СВОЕМУ ВРАГУ	423
Глава 33. Нагие мудрецы	425
Глава 34. «Я стал ненавидеть войну»	437
Глава 35. Серебряные щиты	449
Глава 36. Битва у Гидаспа	456
Эпilog. ИТАН	466
БЛАГОДАРНОСТИ	475
ХРОНОЛОГИЯ (ДО Р. Х.)	477

Литературно-художественное издание

Стивен Прессфилд
АЛЕКСАНДР ВЕЛИКИЙ
ДОРОГА СЛАВЫ

Ответственный редактор *В. Иванов*
Редактор *Н. Жуланова*
Технический редактор *О. Шубик*
Корректоры *В. Дроздова, Е. Озерова*
Компьютерная верстка *А. Шубик*
Оформление переплета *А. Сауков*
Иллюстрация на переплете *Д. Джанколо*
OCR - Давид Титиевский, август 2017 г., Хайфа

ООО «Издательский дом «Домино».
191028, Санкт-Петербург, Моховая ул., д. 32.
Тел./факс (812) 329-55-33. E-mail: dominospb@hotmail.ru

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо», 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1. многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.

Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина»,
ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс: (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.

Подписано в печать 09.12.2005. Формат 60x90¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура «Школьная». Печать тип. Усл. печ. л. 30.0.
Тираж 11 000 (5000 ИР + 6000 ИРН) экз. Заказ 3002.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат»
170024 г. Тверь, пр-т Ленина, 5. Телефон: (0822) 44-42-15
Интернет Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

Он властвовал над народами, которые не только не понимали языка, на котором говорил он, но, будучи объединены, не понимали языков друг друга. Страх, внушаемый им, был столь силен и распространялся на столь необятных просторах, что никто не дерзал противиться его всеподавляющей воле, и одно его имя повергало в ужас. При этом он умел внушить столь сильное желание угодить себе, что все подданные подчинялись с готовностью и были рады следовать его повелениям.

ISBN 5-699-14615-6

9 785699 146154 >

79.00